

**ИСТОРИЯ
И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ**

SARATOV STATE UNIVERSITY

Institute of History and the International Relations

SEC «Regional cultural-historical heritage
and cross-cultural contacts»

HISTORY AND HISTORICAL MEMORY

The interuniversity collection of proceedings

Editor A.V. Gladishev

ISSUE 4

Saratov
2011

САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Институт истории и международных отношений

НОЦ «Региональное культурно-историческое наследие
и кросс-культурные связи»

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией А.В. Гладышева

ВЫПУСК 4

Саратов
2011

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43
И90

История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред.
И90 А.В. Гладышева. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011. – Вып. 4. – 280 с.
ISSN 2218-5488

В четвертом выпуске межвузовского сборника научных трудов рассматриваются различные аспекты исследования исторической памяти на материале современной отечественной и зарубежной истории. В тематических разделах публикуются работы, охватывающие проблемы конструирования исторической памяти, механизмов властного контроля, категорий времени в университетской культуре, сохранения и использования культурного наследия, а также биографики. Публикуются письма П.Г. Любомирова к С.Ф. Платонову.

Для специалистов-историков, политологов, философов, социологов, студентов и аспирантов, всех интересующихся актуальными проблемами исторической памяти.

Редакционная коллегия:

Д-р ист. наук, проф. *Т.А. Булыгина*, д-р ист. наук,
проф. *Е.А. Вишленкова*, д-р ист. наук, проф. *А.В. Гладышев*
(отв. редактор), канд. ист. наук, доц. *Д.Е. Луконин* (зам. отв.
редактора), канд. ист. наук, доц. *В.А. Соломонов* (отв. секретарь),
д-р полит. наук, проф. *Н.И. Шестов*, канд. ист. наук,
доц. *А.В. Баранов*, канд. ист. наук, доц. *В.В. Хасин*

Рецензенты

Доктор исторических наук, профессор *В.Н. Данилов*
Доктор исторических наук, профессор *А.Н. Донин*

УДК 94(100)[15/19](082)
ББК 63.3(0)5я43

ISSN 2218-5488

© Саратовский государственный
университет, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

История, власть и массовое сознание

- Гошко Т.Д.* (Львов, Украина). Правовая локация городов Украины XIV–XVI веков: локационные привилегии 9
- Вишленкова Е.А.* (Москва, Россия). Медико-биологические объяснения социальных проблем России (вторая треть XIX века) 37
- Абдрашитов Э.Е.* (Казань, Россия), *Крючков И.В.* (Ставрополь, Россия). Положение россиян в Германии в августе 1914 г. (по материалам отечественной публицистики) 66
- Мусаев В.И.* (С.-Петербург, Россия). «Русский вопрос» в странах Балтии в 1990 – 2000-х гг. и российско-прибалтийские отношения 87

От политики забвения к политике памяти

- Боленко К.Г.* (Москва, Россия). Литература по истории России в библиотеке Н.Б. Юсупова (1751–1831): Вторая половина XVIII века 107
- Ильина К.А.* (Казань, Россия). Профессора и бюрократические коммуникации в Российской империи первой трети XIX века 133
- Федотова М.С.* (С.-Петербург, Россия). Севастопольский некрополь: миф о войне 1853–1856 гг. и культ погибших героев 159

Биографика

- Лебедева А.А.* (Саратов, Россия). Яркая страница истории славянского национального возрождения (Антонин Бочек и его труды по истории Моравии) 179
- Малютина Т.П.* (Воронеж, Россия). Участие в Кирилло-Мефодиевском обществе и саратовская ссылка Н.И. Костомарова 186
- Усанов Д.А.* (Саратов, Россия). Братья С.И. и Н.И. Вавиловы, С.Л. и М.Л. Франки – саратовские пересечения судеб 208

Публикации

- Гусакова З.Е.* (Саратов, Россия). «...Я решительно не знаю, за что попал в тюрьму» (саратовский автограф А.А. Корнилова)..... 214
- Соломонов В.А.* (Саратов, Россия). «Чувствую себя очень неопытным в делах литературных...» (Письма П.Г. Любомирова С.Ф. Платонову 1912–1929 гг.) 221

Обзоры и рецензии

<i>Аврус А.И.</i> (Саратов, Россия). Между желанием и результатом – огромная дистанция (о книге К.А. Урмаевой об историческом образовании)	260
--	-----

Юбилеи

80 лет профессору Н.А. Троицкому	267
--	-----

Сведения об авторах	274
---------------------------	-----

Список аббревиатур и сокращений	276
---------------------------------------	-----

CONTENTS

History, the power and mass consciousness

- Hoshko T.D.* (Lvov, Ukraine). Legal location of ukrainian cities in XIV–XVI centuries: locating charter 9
- Vishlenkova E.A.* (Moscow, Russia). Medical-biological renditions of the social problems in the Russian empire (the second third of the XIXth c.) 37
- Abdrashitov E.E.* (Kazan, Russia), *Kryuchkov I.V.* (Stavropol, Russia). Russian social and political journalism about the position of russians in Germany in august, 1914 66
- Musaeov V.I.* (St. Petersburg, Russia). The «russian question» in the Baltic countries in the 1990s and 2000s and the Russian-Baltic relation 87

From the oblivion policy to the memory policy

- Bolenko K.G.* (Moscow, Russia). Collection of historical literature in the private library of N.B. Youssoupoff, 1751–1831: the second half of the XVIII-th century 107
- Ilyina K.A.* (Kazan, Russia). Professors and bureaucratic communications in the Russian empire first third of the XIX-th century 133
- Fedotova M.S.* (St. Petersburg, Russia). Sevastopol necropolis: the myth of the war (1853-1856) and the cult of the fallen heroes 159

Biographical researches

- Lebedeva A.A.* (Saratov, Russia). The outstanding chapter in history of slavonic national revival (Antonin Boček and his Moravia history researches) 179
- Malutina T.P.* (Voronezh, Russia). N.I. Kostomarov in the secret cyril-methodian society and Saratov exile 186
- Usanov D.A.* (Saratov, Russia). Brothers S.I. Vavilov and N.I. Vavilov, S.L. Frank and M.L. Frank – Saratov intersection of fates 208

Publications

- Gusakova Z.E.* (Saratov, Russia). I really do not know why i got into prison» (Saratov autograph by A.A. Kornilov) 214
- Solomonov V.A.* (Saratov, Russia). «I feel myself very inexperienced in matters of literature...» (Letters P.G. Lyubomirova to S.F. Platonov, 1912–1929) 221

Reviews

- Avrus A.I.* (Saratov, Russia). Between desire and outcome – great distance (about the book of K.A. Ushmaeva about the historical education) 260

Юбилеи

- 80-th anniversary of professor N.A. Troitsky 267

Data on authors 274

The list of abbreviations and reductions 276

ИСТОРИЯ, ВЛАСТЬ И МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

УДК 94(477-15) | 13/15 |

ПРАВОВАЯ ЛОКАЦИЯ ГОРОДОВ УКРАИНЫ XIV–XVI ВЕКОВ: ЛОКАЦИОННЫЕ ПРИВИЛЕГИИ

Т.Д. Гошко

Украинский католический университет,
кафедра классических, византийских и средневековых студий
E-mail: hoshko@ucu.edu.ua

В статье доказывається, що локаційні привілеї українських міст мають евристичну цінність і достатньо інформативні. Вони містять дані про заснування і строки проведення ярмарків і торгів, про органи самоуправління, про етнічні обмеження і про права євреїв, про джерела доходів і земельні пожалування містам, про кількість їх «вольних років». Іноді в них сказано про міську печатку, про герб і мову міської документації. Привілеї королівських міст були більш формалізовані і менш інформативні, ніж привілеї міст приватновласницьких. Для міст Центральної і Лівобережної України на пізніх етапах проникнення магдебурзького права на ці території видавалися розширені локаційні грамоти.

Ключевые слова: локационные привилегии, Магдебургское право, городское самоуправление, частновладельческие и королевские города, войт, лава, городской совет, ярмарки и торги, печать, герб города, евреи.

LEGAL LOCATION OF UKRAINIAN CITIES IN XIV–XVI CENTRIES: LOCATING CHARTER

T.D. Hoshko

The article argues that location privileges (charters) of the Ukrainian cities are quite informative and have heuristic value. They contain information on the establishment and timing of fairs and markets, of self-governing institutions, the ethnic restrictions and on the rights of the Jews, the sources of income and land grants to cities, the number of their "free years". Sometimes they say about the city seal, about the coat-of-arms and the language of city records. Royal town charters were more formalized and less informative than those of privately owned towns. In the late stages of penetration of Magdeburg Law to Central and Left-Bank Ukraine, the cities were given extended location charters.

Key words: locating charter, Magdeburg Law, self-governing institution, privately owned and royal cities, vogt, lava court, town council, fairs and markets, seal, coat-of-arms, Jews.

Украинские города во многом были похожи на города других регионов Центрально-Восточной Европы, прежде всего Польши, но все же имели свои особенности. А поэтому далеко не все постулаты польской историографии применимы для украинских исторических реалий. Одним из таких, не всегда оправданных, обобщений является тезис о малой информативности локационных привилегий городов на немецком праве. Чтобы убедиться в обратном, достаточно проанализировать отдельные локационные привилегии украинских городов. Кроме освобождения от юрисдикции владельца, вида городского права и правового образца самоуправления, в локационных привилегиях оговариваются многие другие аспекты жизни города.

Важным элементом локационного документа было разрешение на проведение в городе ярмарок и торгов (локальных мест розничной торговли, которые функционировали 1-2 раза в неделю)¹. Н. Ковальский даже считал этот момент обязательным для всех локационных и магдебургских грамот украинских городов. Но это далеко не так, хотя надо признать, что упоминания о ярмарках и торгах встречаются часто. Можно поспорить и с утверждением Н. Ковальского о том, что ярмарки даровались «преимущественно по две в год, и только в Базилее разрешалось проводить даже четыре ярмарки»². Источники этого не подтверждают. Количество ярмарок было различно. Иногда четко определялось время их проведения, как, например, в уже упомянутой грамоте Каневу: в городе устанавливались три годовые ярмарки: на Спаса, на Филипповы запусы, на Св. Николая, торги же должны были проходить по обычаю в любой день недели, и на них получали

---

¹ Вопрос о проведении ярмарок и торгов настолько важен для истории городов и социально-экономического развития страны, что ему посвящаются не только отдельные исследования, но и конференции. Так 10 мая 1994 г. в ИИ ПАН в Варшаве была проведена общепольская сессия «Sieć jarmarków w Polsce XIII-XVIII w. Wymiana towarowo-pieniężna, operacje kredytowo-pieniężne, funkcje kulturalne», организованная Комиссией истории городов ИИ ПАН. С докладами выступили известные польские историки-урбанисты Генрик Самсонович, Мария Богуцкая, Андрей Выробиш, Ришард Щигел и др. (См.: Karpiński A., Opaliński E. Sieć jarmarków w Polsce XIII-XVIII w. Warszawa, 10.V.1994 r. // *Kwartalnik Historyczny*. 1994 (R. CI). Nr 3. S. 116-118.

² Ковальский Н. Локационные и магдебургские грамоты городам Украины в составе коронных книг записей «Литовской метрики» второй половины XVII – первой половины XVIII века // *Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории*. Днепропетровск, 1983. С. 10-11.

право торговать все заинтересованные в том лица³. В городе Липовое Городище, принадлежащем Остафию Баковецкому, привилегией Сигизмунда III от 5 марта 1625 г. устанавливалось две годовые ярмарки – на православный праздник Св. Петра и на собор Св. Иоанна Крестителя, а также пятничный торг каждую неделю»⁴. В Жолкве привилегией Сигизмунда III от 22 февраля 1603 г. устанавливалось четыре годовых ярмарки: в мае на праздник Св. Станислава (8 мая), на Св. Петра и Павла (29 июня), на Св. Лаврентия (10 августа), на Св. Мартина (11 ноября), а также городу даровалось право проводить два торга в неделю – во вторник и субботу⁵.

Иногда в привилегиях указывалась и длительность учреждаемых в городе ярмарок. Например, в Перемышле, в соответствии с грамотой Владислава Ягайла, должна была проходить восьмидневная годовая ярмарка начиная от дня Св. апостолов Петра и Павла⁶. Локационной грамотой Луцку устанавливалась в ярмарка, которая длилась две недели. Опираясь на данные Литовской метрики, С. Абросимова считает, что это была самая длительная ярмарка в сравнении с другими украинскими городами⁷. Но такая практика не была уникальной в границах Великого княжества Литовского (ВКЛ). Так, в локационной грамоте Полоцку, пожалованной 4 октября 1498 г. литовским великим князем Александром, в городе учреждались три годовые ярмарки, каждая из которых должна была длиться две недели⁸. Более того, грамота Полоцку устанавливала монополию

---

³ Prawo majdeburskie miasta Kaniowa, iarmarki, targi, młyn wójtowski temusz miastu // Пам'ятки історії Східної Європи. Джерела XV–XVII ст. Т. V: Руська (Волинська) метрика. Книга за 1652–1673 pp. / Підг. до друку П. Кулаковський. Острог; Варшава; Москва, 1999. С. 243.

⁴ Привілей Жигимонта III на магдебурґію містечку Липовому городищу. Р. 1625, березня 5-го // Корпус магдебурзьких грамот українським містам: два проекти видань 20-х – 40-х років XX століття / Авт.-упоряд. В. Андрейцев, В. Ульяновський, В. Короткий. К., 2000. С. 57.

⁵ Barącz S. Pamiątki miasta Żółkwi. Lwów, 1852. S. 12. По данным И. Крипякевича, торги в Жовкве сначала проходили в среду и субботу, а позже – во вторник и пятницу (Крипякевич І. З історії міста Жовкви // Записки Чину Св. Василя Великого. Львів, 1935. Т. VI. Вип. 1–2. С. 54).

⁶ Hauser L. Monografia miasta Przemyśla. Przemyśl, 1991. S. 108 (текст локационной грамоты Перемышля от 1 окт. 1389 г.).

⁷ Абросимова С. Документы Литовской Метрики как источник по истории городов Украины первой половины XVI в. // Литовская Метрика: Исследования 1988 г. Вильнюс, 1992. С. 91.

⁸ АЗР. СПб., 1846. Т. 1 (1340–1506). С. 180.

городской ярмарки на торговлю в регионе, ее порядок и перечень товаров, которые можно было продавать.

Иногда же в грамотах не было такой ясности. Н. Ковальский упоминал о случаях, когда датировка в локационных, магдебургских или даже в специальных грамотах на ярмарки и торги отсутствовала, а соответствующие места в тексте должны были заполняться, как правило, владельцами или локаторами городов (в таком виде эти привилегии и были записаны в метрические книги). Историк нашел в книгах Литовской метрики 11 таких случаев в магдебургских привилегиях, шесть в локационных грамотах, и два в специальных привилегиях на ярмарки и торги⁹.

Четко не прописан порядок проведения ярмарок в грамоте для Острога¹⁰, что могло быть связано с тем, что, как считает А. Заяц, самоуправление в городе существовало уже до юридического его закрепления грамотой Стефана Батория, и, возможно, как раз поэтому грамота содержит так мало конкретной информации¹¹. Но хотя локационная грамота не упоминает о наличии таких торгов и ярмарок, их существование еще до получения Острогом локационной грамоты можно установить по другим документам. В частности, согласно королевской грамоте для Острога 1527 г. в городе проходило два торгового дня в неделю: в пятницу и в воскресенье¹². Также в Остроге функционировали три годовых ярмарки: на день Св. Онуфрия (12 июня), на Покров (1 октября) и на праздник Св. Николая (6 декабря)¹³.

Не всегда можно так четко установить время проведения ярмарок и торгов в городе. Дело в том, что большинство локационных грамот украинским городам сохранились в копиях, преимущественно в Литовской и Коронной метриках, а в копии зачастую делали пропуски вместо конкретных дат. Именно так случилось с локаци-

---

⁹ Ковальский Н. Локационные и магдебургские грамоты... С. 10-11.

¹⁰ Привілей польського короля Стефана Баторія київському воєводі, маршалку Волинської землі князю Костянтинові Острозькому про надання його місту Острогу магдебурзького права. 1585 р., червня 7, Краків // Острозька давнина: Дослідження і матеріали / Відп. ред. І. Мицько. Львів, 1995. С. 112-113.

¹¹ Заяць А. Економічний розвиток Острога в XVI - першій половині XVII ст. // Там же. С. 32.

¹² Archiwum Lubartowiczów-Sanguszków w Sławucie. Lwów, 1890. T. 3. S. 300.

¹³ Там же. С. 164. Для развития Острога большое значение имело подтверждение 20 ноября 1576 г. его привилегий на торговлю и пошлины. Аналогичные грамоты на украинских землях в составе ВКЛ имели только Луцк и Киев (см.: Мицько І. Острозька слов'яно-греко-латинська академія. К., 1990. С. 19-20).

онной грамотой городу Александрову во владениях Вишневецких¹⁴. Иногда, правда, этот пробел можно восполнить на основании других документов: в копии локационной грамоты Переяславу, дарованной Стефаном Баторием 1585 года, которая сохранилась в Коронной метрике, не указаны даты городских ярмарок и торгов¹⁵, но их можно восстановить по грамоте Сигизмунда III, выданной Переяславу 6 декабря 1620 г. для подтверждения ранее дарованного магдебургского права (три годовых ярмарки – на день Св. Семена, на четвертое воскресенье после Пасхи, на Крещение (Богоявление), и два еженедельных торга – в понедельник и в пятницу)¹⁶.

По мнению Ф. Кирька, ярмарки были *de facto* единственным, что отличало город от села и свидетельствовало об успешной его локации¹⁷. Следует, однако, заметить, что хотя ярмарки и торги были важной частью жизни города-магдебургии, поскольку приносили немалые доходы для городской казны, и именно поэтому города и их владельцы (если речь идет о частновладельческих городах) так старались получить право на их проведение¹⁸, но все же они не были отличительной чертой свободных городов. К примеру, 29 февраля 1505 г. король Александр даровал Федьку Янушевичу право на проведение ярмарок и торгов в любой удобный для него день в его владениях Жабже и Колодяж. Примечательно, что эти поселения не только не

---

¹⁴ Привілей на магдебургію місту Лубням (Олександрову) року 1592 жовтня 20 короля Жигимонта Третього // Корпус магдебурзьких грамот українським містам... С. 48.

¹⁵ Привілей місту Переяславлі на магдебурзьке право від короля Стефана Баторія року 1585 // Там же. С. 46.

¹⁶ Привілей місту Переяславлі на магдебургію року 1620 грудня 6 від короля Жигимонта III-го // Там же. С. 52. Перевод этой привилегии опубликован в «Актах Юго-Западной России» среди документов, переданных переяславскими депутатами московскому правительству в 1654 г. в качестве доказательства прав и привилегий города и для их подтверждения московским царем (Акты ЮЗР. СПб., 1878. Т. X. С. 518–524). Одновременно с данной привилегией были переданы две привилегии Владислава IV от 7 марта 1633 г., одна – подтверждающая привилегию Сигизмунда III, другая – об освобождении переяславских мещан от некоторых повинностей, и привилегия Владислава IV от 12 марта 1637 г. о создании в Переяславе цехов (Там же. С. 524–533).

¹⁷ Kiryk F. Z badań nad urbanizacją Lubelszczyzny w dobie Jagiellońskiej // Rocznik Naukowo-Dydaktyczny. Prace Historyczne. Z. 43. Kraków, 1972. S. 118–119.

¹⁸ Экономическое значение торгов и ярмарок для развития города неоднократно освещалось в литературе. См., напр.: *Бойко І. Органи влади і право в Галичині у складі Польського Королівства (1349–1569 рр.)*. Львів, 2009. С. 312–313.

были привилегированными, но вообще не были городами (в грамоте Колодяж назван селом)¹⁹.

В предисловии к первому тому пятой части «Архива Юго-Западной России (Акты о городах)» В. Антонович писал: «Так, в числе 19 грамот, помещенных в этом томе, учреждающих новые города в течение времени с конца XVII по конец XVIII столетия, только три наделяют города Магдебургским правом, которое еще в первой четверти XVII в. считалось неотъемлемой принадлежностью всякого города, остальные 16 жалуют только право на учреждение ярмарок, присовокупляя иногда право торговли горячими напитками, и в силу этих двух льгот причисляют данные имения к числу городских поселений»²⁰. И хотя в отдельных случаях локационные привилегии не упоминают ярмарки и торги, но можно установить, что таковые были дарованы городу другими документами, и права города на них были защищены королевской властью²¹. Период проведения ярмарок зависел от календаря полевых работ. Польский исследователь А. Выробиш утверждает, что в Польше летом проходило 30–50% всех ярмарок, а зимой 10–15%²². Практически это подтверждают и исследования Р. Щигела, который на основании изучения привилегий городам Малопольши и Галицкой Руси показал, что там в период от июля до сентября проходило в три раза больше ярмарок, чем в остальное время года²³.

Часто в локационных грамотах указывался порядок избрания или назначения войта, а также размер и источники его доходов. Этот пункт включен уже в первую известную на украинских землях грамоту на магдебургское право – в грамоту для города Сянока, дарованную 20 января 1339 г. последним галицко-волынским князем Юрием Тройденевичем²⁴. Сяноцкому войту Вартку и его наследни-

---

¹⁹ ВР ЛННБ. Ф. 5 (Оссолінських). Спр. 2092. Арк. 1.

²⁰ Антонович В. Предисловие // Архив ЮЗР. Ч. V. Т. 1. К., 1869. С. 80.

²¹ Привилей короля польского Жигимонта Третього м. Чернігову на магдебурґію року 1623 квітня 4 // Корпус магдебурзьких грамот українським містам... С. 54–55; Універсал королевича Владислава про заборону чинити торги десь інде окрім м. Чернігова, бо такі недозволені торги руйнують добробут міста. Року 1624 березня? // Там же. С. 55.

²² Karpiński A., Opaliński E. Sieć jarmarków w Polsce XIII–XVIII w. Warszawa, 10.V.1994 r. S. 117.

²³ Ibid. S. 117–118.

²⁴ Ф. Кирык утверждает, что этот документ был дан на последней стадии локации города и определяет в первую очередь права наследственного войта. В связи с тем, что в данном документе сказано о 15-годичном освобождении сяноц-

кам должен был принадлежать третий денарий от всех судов и городских платежей, каждый шестой лан²⁵ в границах города и на полмили в его окрестностях, доходы от мельницы, бани и т. д.²⁶ Шесть ланов было даровано и войту Дрогобыча грамотой Владислава-Ягайла от 1422 года²⁷. Войт Перемышля и его наследники в соот-

---

ких осадников от податей, а в Польше действовала практика предоставления городам 20-ти свободных лет, Ф. Кирьк отодвигает дату локации Сянока на пять лет, то есть до 1334 г. (*Kiryk F. Wstęp / Przywilej lokacyjny miasta Sanoka z 1339 roku / Opr. F. Kiryk. Przemyśl, 1992. S. 3–4*). Это гипотетическое предположение не подкреплено источниками. В литературе принято считать грамоту 1339 г. для Сянока первой известной локационной грамотой для украинских городов. Правда, в историко-правовой литературе вопрос о том, какой город на украинских землях первым получил магдебургское право, остается дискуссионным. М. Владимирский-Буданов таким городом считает именно Сянок (*Владимирский-Буданов М. Німецьке право в Польщі і Литві // Розвідки про міста і міщанство в Україні-Руси в XV–XVIII в. Львів, 1903. Ч. 1. С. 179*); правда, украинский историк права Андрей Яковлив таким городом называет Новый Сонч, который будто бы получил локационную грамоту еще в 1294 г. (*Jakowliw A. Das Deutsche Recht in der Ukraine. Berlin, 1942. S. 10*), но этот документ не сохранился. Мнение А. Яковлива поддерживает Я. Падох (*Падох Я. Міські суди в Україні після 1648 р. Мюнхен, 1948. С. 10*).

²⁵ Лан – единица измерения земли, имеющая различную величину; самым распространенным был франконский лан, который равнялся 43 моргам (приблизительно 24,2 га), хелминский лан имел 30 моргов (приблизительно 16,8 га). С начала XIV в. (с 1315 г.) именно франконский лан стал использоваться при локации городов. (См.: Каталог пергаментних документів Центрального державного історичного архіву УРСР у Львові 1233–1799 рр. / Упор. О. Купчинський, Е. Ружицький. К., 1972. С. 660; *Berdecka A. Lokacje miast małopolskich za Władysława Łocietka (1306–1333). Problematyka i stan badań // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. R. XXXI. Warszawa, 1983. Nr 3. S. 336*). Подробное описание франконского лана см.: *Stamm E. Miary powierzchni w dawnej Polsce. Kraków, 1936. S. 21–37*.

²⁶ *Przywilej lokacyjny miasta Sanoka z 1339 roku / Opr. F. Kiryk. Przemyśl, 1992. S. 13–14*.

²⁷ *Плюцанский М. Королевский вольный город Дрогобыч по части истории, топографии и статистики. Львов, 1867. С. 6*. Дрогобыч – один из немногих украинских городов, о самоуправлении которого написано довольно много: *Księga radziecka miasta Drogobycza 1542–1563 / Z papierów pośmiertnych ś. p. Stefana Sochaniewucza, wydała Helena Polaczkówna // Zabytki Dziejowe. Wydanie Tow. Nauk. we Lwowie. Lwów, 1936. T. IV. Z. 1*; *Исаевич Я. Чисельність, соціальна структура і національний склад населення Дрогобыча у XVI–XVIII ст. // Дрогобыцький краєзнавчий збірник. Дрогобыч, 2006. № X. С. 241–251*; *Исаевич Я. Город Дрогобыч в XVI–XVIII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Львов, 1961. См. также: Тимошенко Л. Ярослав Исаевич – историк Дрогобыча // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. Львів, 1998. Т. 5. С. 607–611*;

ветствии с грамотой Владислава-Ягайла от 1 октября 1389 г. должны были получать не только третью часть от судебных выплат в городе, но и шестую часть от натуральных городских податей королю (кроме кур и сыров); он также получил во владение четыре свободных лана²⁸. Характерно, что доходы войта описаны так подробно, несмотря на то, что его должность существовала в Перемышле еще до 1389 г.²⁹, и соответственно, по мнению многих историков, эта грамота Владислава-Ягайла была не локационной а релокационной (как и грамоты Казимира III от 1356 г. для Львова и от 1366 г. для Сянока (последняя во многих своих клаузулах повторяет львовскую привилегию)³⁰.

Очень похожими были материальные блага, дарованные войту Рогатина. Правда они детально описывались не в локационной грамоте, которой владелец земли Волчко Преслужич на месте села Филиповичи основал город Рогатин и пожаловал ему магдебургское право (14 августа 1415 г.)³¹, а в следующей грамоте от 27 мая 1419 г., по которой войтовство было продано Волчком Преслужичем в наследственное владение некоему Петру Липницкому³² «за 300 коп полгрошей, или русской львовской монетой»³³. В грамоте указыва-

---

Нариси з історії Дрогобича (від найдавніших часів до початку ХХІ ст.) / Під ред. Л. Тимошенка. Дрогобич, 2009 и др.

²⁸ Hauser L. Monografia miasta Przemyśla... S. 107.

²⁹ AGZ. Lwów, 1875. T. V. S. 23–25.

³⁰ Капраль М. Привілеї міста Львова XIV–XVIII ст. (Історико-джерелознавчий огляд) // Привілеї міста Львова (XIV–XVIII ст.) / Упор. М. Капраль. Львів, 1998. С. 16; AGZ. Т. III. Lwów, 1872. S. 34–36. Див. також.: Гошко Т. Нариси з історії магдебурзького права в Україні XIV – поч. XVII ст. Львів, 2002. С. 68.

³¹ Царьова Н. Привілей Волчка Преслужича на надання магдебурзького права новозаснованому місту Рогатину // Рогатинська земля: історія та сучасність. Матеріали першої наукової конференції. Рогатин, 24–25 березня, 1995. Львів; Рогатин, 1995. С. 91–94.

³² Там же. С. 94–99.

³³ Копа грошей – на українських землях XIV–XVIII вв. единица счета монет. Использовалась при счете пражских грошей, 60 шт. которых равнялось пражской гривне серебра (253,0 г). Со временем это понятие стало только счетным. Литовская копа равнялась 60 литовским грошам или 600 пенязям (денариям). (См.: Довідник з історії України / За ред. І. Підкови, Р. Шуста. К., 2001. С. 349; Нумізматичний словник / Авт.-упоряд. В. Зварич. Львів, 1972. С. 77). Львовский полугрош печатали на львовском монетном дворе в 1353–1408 г. Он равнялся половине пражского гроша – монеты весом 3,4 грамма 916–950 пробы серебра, но со временем проба уменьшилась на 40% (Шуст Р. Нумізматика: історія грошового обігу та монетної справи в Україні. К., 2007. С. 79; Нумізматичний словник / Авт.-упоряд. В. Зварич. Львів, 1972. С. 33–34; Гошиш Г. Основи

лось: «Также даем войту третий денарий со всего присужденного за все наказания, большие и малые, а шестой денарий с чинша³⁴ с распаханых ланов и для очищения шестую мерку или трунок (?) овса, шестого петуха, шестую овцу и шестой сыр названому войту назначаем и дарим»³⁵. Но кроме этого рогатинский войт получил еще некоторые, и притом немалые, блага: «Также назначаем и дарим указанному войту одну свободную баню для строительства со всеми чиншами и доходами с этой бани, и один дом в городе напротив русской церкви <...> этому войту назначаем <...> Также отдаем войту один остров, с лугами для сеножатей, на половину с плебаном³⁶. А войт может охотиться с псами, с охотничьими сетями и силками для птиц, предназначенными для этого, но только в границах лугов, без каких-либо убытков для посевов и урожая»³⁷. Вместе с земельными пожалованиями войт Рогатына получил половину мельницы со всеми помолами любого зерна около королевского пруда на реке Липа (другую половину Волчко Преслужич оставил за собой). На той же реке и на реке Бабинский Поток войт мог строить любые другие мельницы, но половину доходов от помолов должен был получить владелец. Кроме этого войту жаловалась четвертая часть от доходов, включая рыбную ловлю, от всех прудов в городских границах, за исключением большого пруда владельца, и пруда, пожалованного русскому священнику. «Войт может делать и строить колеса, называемые стампами, для ручной мельницы и другие орудия для механических (мельниц), чтобы, например, камень для кузнецов и другие орудия для дубильщиков, ткачей и им подобных для своей пользы (употреб-

---

нумізматики. Черкаси, 2006. С. 63–64; Крижанівський А. Львівський монетний двір у період «угорського» підпорядкування Галичини (1370–1386 рр.) // Україна в Центрально-Східній Європі. К., 2002. Вип. 2. С. 111).

³⁴ Чинши (старославянск. киньсь; пол. czynsz; от. нем. Zins – оброк; первоисточник лат. census – оброчная перепись собственности) – в средневековой Европе – регулярный оброк натурой или деньгами, который платили государству или сеньору разные категории независимого населения, не имеющие собственности за право бессрочного пользования землей. На украинских землях оброк платили с XIV в. Неоплата чинша вела к потере земли.

³⁵ Царьова Н. Привілей Волчка Преслужича на надання магдебурзького права новозаснованому місту Рогатину... С. 96.

³⁶ Плебан – католический приходской священник.

³⁷ Царьова Н. Привілей Волчка Преслужича на надання магдебурзького права новозаснованому місту Рогатину... С. 97.

лять)»³⁸. Но взамен за такие льготы войт, как предписывает грамота, должен был «заботиться об улучшении войтовства и людей не отпугивать, но оберегать и собирать в соответствии со своей доброй волей». Кроме того, войт и его наследники должны были исполнять воинскую повинность – нести службу с одним копьём и с двумя лучниками, которые хорошо ездят верхом, быть готовым к любому походу и проявлять повиновение³⁹.

Соответственно войт и отвечал за преступления по особым правилам. По нормам магдебургского права, опротестовать действия войта можно было только перед вышестоящей инстанцией. Для частновладельческих городов это был непосредственный владелец, а в королевских городах ситуация была сложнее. Здесь неправомерные действия войта мог рассматривать бургграфский суд (общий суд рады и лавы), но зачастую он был необъективен, тогда апелляция подавалась в королевский (придворный) суд, а с начала XVI в. – в суд асессорский. Судебной инстанцией для дел, в которых фигурировал войт, был и Высший суд немецкого права в Краковском замке⁴⁰. Но в некоторых городах локационными привилегиями устанавливался особый порядок его ответственности. В частности, в привилегии Бельску от 1495 г. оговаривалось, что суд над войтом и его последователями не мог вершить ни один княжеский чиновник, но только сам князь. Такой же порядок суда устанавливался и в отношении войта г. Мельника. А войт Лосиц мог быть вызван только в суд, имевший специальное предписание и королевский знак⁴¹.

В целом материальное вознаграждение, которое получали войты по локационным привилегиям, как и правовые преференции, было различным, оно зависело и от размера и развития города, и от

---

³⁸ Царьова Н. Привілей Волчка Преслужича на надання магдебурзького права новозаснованому місту Рогатину... С. 95–96.

³⁹ Там же. С. 97–98.

⁴⁰ См.: Гошко Т. Нариси з історії магдебурзького права... С. 139–194; Зашикільняк Л., Крикун М. Історія Польщі. Львів, 2002. С. 83; Czołowski A. Pogląd na organizację i działalność dawnych władz miasta Lwowa do r. 1848. Lwów, 1896; Góralski Z. Urzędy i godności w dawnej Polsce. Warszawa, 1998. S. 227, 240–241; Bardach J. Historia państwa i prawa Polski. Warszawa, 1965. T. 1. S. 474–486; Woźniakowa M. Sąd asesorski koronny (1537–1795), jego organizacja, funkcjonowanie i rola w dziejach prawa chełmińskiego i magdeburskiego w Polsce. Warszawa, 1990; Łysiak L. Sąd wyższy prawa niemieckiego na zamku krakowskim a inne sądy wyższe z terenu Małopolski // Sobótka. 1993. № 2–3. S. 113–122 и др.

⁴¹ Jarmolik W. Rozwój niemieckiego prawa miejskiego na Podlasiu do Unii Lubelskiej 1569 roku // PH. 1982. T. LXXIII, z. 1–2. S. 38.

личных заслуг войта перед государством или владельцем, и от многих других субъективных и объективных факторов⁴². Как и во всех других аспектах функционирования магдебургского права в Центрально-Восточной Европе, так и в положении войта в отдельных городах не было единого стандарта.

Часто в литературе на основании существования должности войта в городе делают вывод о существовании в нем магдебургского права. Действительно, войт был важной составной частью этого права, но для полноценного функционирования городского самоуправления необходимы были и другие его части: лава, в составе не только войта но и лавников, и рада в составе райцев и бурмистров. Именно на основании того, что в документах нет четкого упоминания о различных органах самоуправления в Житомире, кроме войта, Н. Билоус ставит под сомнение возможность функционирования в городе норм магдебургского права⁴³, и говорит лишь о наличии элементов городского самоуправления и начале формирования отдельной юрисдикции горожан в первой половине XVII века⁴⁴. Более того, А. Заяц, исследуя локационные процессы на Волыни в XVI в. – первой половине XVII вв., фиксирует около 30 случаев, когда в документах упомянут войт города, но нет упоминаний о других органах самоуправления. Это билевский войт Антон Янович (1587–1600 гг.), дорогостайский войт Ян Вересковский (1585–1590), жорновский войт Семен Сичкович (1562–1574), колбинский войт Матис (1570–1574), янушпольский войт Ян Тишецкий (1576–1584) и

---

⁴² О том, насколько синекурной была должность войта, см.: Заяць А. Інститут войтівства в містах Волині XVI – першої половини XVII ст. // Центральна і Східна Європа в XV–XVIII століттях: питання соціально-економічної та політичної історії / За ред. Л. Зашкільняка, М. Крикуна. Львів, 1998. С. 106–112. О вознаграждении для войтов городов Подляшья см.: Jarmolik W. Rozwój niemieckiego prawa miejskiego na Podlasiu do Unii Lubelskiej 1569 roku... S. 36–37. Комплексно інститут войтовства еще в 20-х гг. XX в. изучал белорусский исследователь Василь Дружчыц: Дружчыц В. Войты і іх ўлада ў беларускіх гаспадарскіх местах з майдэборскім правам // Зап. АГН. Мінск, 1928. Кн. 3: Працы клясы гістарыі... Т. II. С. 241–298.

⁴³ Примечательно, что факт существования городского самоуправления в Житомире настолько утвердился в литературе и в общественном сознании, что в сентябре 1994 г. в Житомире была проведена всеукраинская конференция, посвященная 550-летию введения магдебургского права в городе (см.: Житомир в історії Волині і України. Тези всеукр. наук. краєзн. конференції 7–10 вересня 1994 р. Житомир, 1994).

⁴⁴ Билоус Н. Розвиток самоврядування в Житомирі в XV – першій половині XVII ст. // КС. 2001. № 3. С. 83.

др.⁴⁵. Чаще так бывало в частновладельческих городах, но иногда и в королевских городах воит фиксируется в источниках еще до получения привилегии на магдебургское право. Это относится не только к украинским, но и к другим городам ВКЛ. Так, в Дрогощине должность воита учреждена привилегией 1429 г., а магдебургское право – 1498 г., в Бельске воит появился в 1430 г., а магдебургское право – в 1495 г., в Высоком – воит в 1494 г., а самоуправление в 1503 году⁴⁶.

Однако информация о воите была необязательной для локационной грамоты. К примеру, в упомянутой грамоте для Острога не указаны доходы воита. Но это легко объяснить тем фактом, что эта локационная привилегия по существу не вводила самоуправление в Остроге, а только легитимизировала его, и воит в городе был задолго до 1585 г. – впервые он упоминается под 1575 г. (шляхтич Павло Мальшевич-Новоселицкий, исполнял функции воита до 1593 года)⁴⁷. Этот факт, как и множество других, еще раз подчеркивает то, что магдебургское право, как экономически выгодная форма организации городов, вводилось по местной инициативе, хотя и по хорошо известному западному образцу.

Обращает на себя внимание тот факт, что в некоторых привилегиях оговаривалось, что воитом в городе может быть только католик, но уже райцами и лавниками можно избирать как католиков, так и православных (например, магдебургия Мглина в этом вопросе ориентировалась на образец Смоленска)⁴⁸. Но вопрос об этнической принадлежности членов городских магистрат-

---

⁴⁵ Заяць А. Війтівська влада у приватних містах Волині XVI – першої половини XVII ст. // СОЦІУМ: Альм. соц. іст. К., 2008. Вип. 8. С. 58–59.

⁴⁶ *Jarmolik W. Rozwój niemieckiego prawa miejskiego na Podlasiu do Unii Lubelskiej 1569 roku.* S. 33. Интересно, что иногда между получением воитовства и магдебургского права город переживал период самоуправления на хелминском (кульмском) праве (Бельск управлялся по хелминскому правом с 1440 по 1495 г., Мельник с 1440 по 1502 г., Нарев с 1514 по 1529 г. и т. д.). К сожалению, причины перевода городов с хелминского на магдебургское право не нашли своего анализа в историографии. Не объясняет этот факт и Влодзимеж Ярмолик, который упоминает о ряде таких случаев (См.: *Ibid.* S. 23–45).

⁴⁷ Заяць А. Економічний розвиток Острога в XVI – першій половині XVII ст... С. 32.

⁴⁸ Привілей Жигимонта III місту Мглину на магдебургію року 1626 березня 26 // Корпус магдебурзьких грамот українським містам... С. 61; Привілей на магдебурзьке право місту Стародубу від короля Жигимонта III. Р. 1625. Травня 27 // Там же. С. 58 и др.

тов – отдельная большая, далеко не однозначная проблема, требующая специального исследования.

В полиэтническом и многоконфессиональном государстве, а таким была и Польская Корона, и ВКЛ, и Речь Посполитая, невозможно было игнорировать вопросы веры. Они тем или иным способом отражались в локационных привилегиях некоторых городов. К примеру, широкую веротерпимость, что соответствовало духу Варшавской конфедерации, провозгласил основатель Олешич Иероним Синявский, разрешая людям любой веры поселяться в городе, и запрещаая их преследование в будущем: «А если который из наших потомков, пренебрегая набожностью таких людей, хотел бы их выгнать, то должен будет вернуть им все средства за строительство домов..., возделывание огородов, садов, лугов, пашен – под закладом вины до двух тысяч в королевскую казну»⁴⁹. Подобные случаи были не единичны. Но были и религиозные ограничения. Основатель Магерова Ян Магера в своей привилегии городу от 1591 г. заявлял: «Хотим, чтобы там вечно почитали Бога на основании веры римско-католической, не допускали поселения ни одного отступника, осужденного апостольской столицей, а если бы кто-то из мещан-католиков отступил от римской церкви, тот должен быть из города изгнан, а его имущество по нашей воле должно быть отобрано или сожено». Правда, далее в грамоте указано, что представители греческой и армянской религии могут поселяться в городе, но не могут претендовать на должность бурмистра⁵⁰. Привилегией 1580 г. для Замостья Ян Замойский позволил поселяться в городе только римокатоликам, но уже в привилегии 1585 г. сделал уступку, разрешив селиться в городе армянам⁵¹.

На особом положении в городах были евреи. Особая организация их жизни и недопущение к городскому самоуправлению оговаривались в нормах магдебургского права, подробно описанных Б. Гроицким⁵². Но эти положения нечасто встречаются в локационных привилегиях. Не совсем обычным для магдебургских привилегий украинских городов был прописанный в грамоте для Канева запрет отдавать в аренду евреям или любым другим людям, кроме самих горожан Канева, городские мельницу, водку

---

⁴⁹ ВР ЛННБ. Архів І. Крип'якевича. Папка № 120. Арк. 15.

⁵⁰ Там же. Арк. 15, 15 зв.

⁵¹ Там же. Арк. 15.

⁵² *Groicki B. Porządek sądów i spraw miejskich prawa majdeburskiego w Koronie Polskiej.* Warszawa, 1953. S. 59–61.

(имеется ввиду право пропинации) и перевоз (т. е. самые доходные статьи городского хозяйства). Если и допускалась такая аренда, то только при условии проплаты арендатором тысячи злотых в городскую казну еще до заключения соответствующего договора⁵³.

Это были серьезные протекционные меры, поскольку доходы от аренды городского имущества составляли существенную часть городской казны (в грамоте упоминается мельница войта, однако другие источники его доходов не названы. Не обусловлены тут и городские земельные владения, что характерно было для локационных грамот других городов).

Указание на то, что евреи не могут пользоваться благами городского права, встречаются и при локации других городов⁵⁴. Так, в уже упомянутой привилегии Магерову от 1591 г. указывалось: «Евреев, как род плюгавый и хитрый, и имени христианскому самой верой неблагосклонный и коварный, изымаю и приказываю, чтобы горожане их домов не арендовали и не продавали, а мои (Яна Магера. – Т. Г.) наследники ни под каким предлогом их в город не пропускали»⁵⁵. Но ситуация с еврейским населением городов была не такой однозначной. К примеру, И. Крипякевич упоминает о привилегии Тарногороду, выданной Сигизмундом Августом в 1569 г., где указывается: «Желая уберечь христиан от общества неверных евреев <...>, запрещаем им поселяться и иметь недвижимость в городе и в его округе». Но уже Стефан Баторий в 1580 г. издал грамоту, которой ликвидировал это ограничение: «Желая заселить <...> основанный город, разрешаем евреям, однако без нарушения городских привилегий, поселяться, приобретать дома, строить, вести торговлю, шинковать вино, пиво и всякие напитки, продавать, продовольствие для своих надобностей покупать, и то все честным способом с обязанностью нести тяготы и оплачивать чинши, пошлины, подати, как евреи других королевских городов несут; приказываем горожанам, чтобы евреям, которые хотят прибыть в город и там поселиться, не должны под любым поводом препятствовать». А в привилегии Сигизмунда Августа для Плазова от 1614 г. евреям

---

⁵³ Prawo majdeburskie miasta Kaniowa, iarmarki, targi, młyn wójtowski temusz miastu // Пам'ятки історії Східної Європи. Джерела XV–XVII ст. Т. V: Руська (Волинська) метрика. Книга за 1652–1673 pp. ... С. 243–244.

⁵⁴ Oblata przywileiu na prawo majdeburskie i iarmarki miasteczku Rachwałowce diediczne[mu] urod. Pawła Tetery // Там же. С. 390.

⁵⁵ ВР ЛННБ. Архів І. Крип'якевича. Папка № 120. Арк. 15 зв.

разрешалось жить, торговать и иметь собрания в городе исключительно с ведома магистрата, да и то на короткое время⁵⁶.

Одним из элементов городских локационных привилегий была регламентация порядка избрания местных властей: войта, лавников, райцев и бурмистров. Выше уже упоминалась грамота Сигизмунда III от 1622 г. частновладельческому городу Лысянка в Киевском воеводстве, где присутствует этот момент⁵⁷. Подобные элементы встречаются и в грамотах других городов. Примечательно, что для многих городов Центральной и Левобережной Украины было характерно присутствие в магистрате представителей не только католического вероисповедания, но и православного, что иногда регламентировалось уже в первой грамоте городу на магдебургию⁵⁸. Но это могло быть оговорено в последующих грамотах, которые подтверждали городское самоуправление. Например, в грамоте 1523 г. Сигизмунда I Старого для Любачева, при упоминании организации городского совета указывалось, что он должен был состоять из четырёх райцев, в т. ч. одного русина, а лава должна была насчитывать семь лавников, один из которых тоже должен быть русином⁵⁹. Межконфессиональными были магистраты не только украинских городов, но и белорусских. Так в Дрогичине, согласно локационной привилегии 1498 г., горожане вместе с войтем избирали для управления городом 16 райцев – восемь католиков и столько же православных, а они уже избирали по одному бурмистру от каждого вероисповедания⁶⁰.

В некоторых привилегиях просто указывалось число городских урядников, без детализации их конфессиональной принадлежности, как в грамоте Яна Казимира от 30 января 1668 г. для городка Оздзютычи, в котором предусматривалось наличие 6 райцев вместе с войтом и 6 присяжных (лавников)⁶¹. По локационной привилегии

---

⁵⁶ ВР ЛННБ. Архів І. Крип'якевича. Папка № 120. Арк. 16.

⁵⁷ Архив ЮЗР. Ч. V. Т. 1. С. 135–138.

⁵⁸ Привілей на магдебургію місту Стародубу від короля Жигимонта III-го року 1620 15 лютого // Корпус магдебурзьких грамот українським містам... С. 49; Привілей на магдебурзьке право місту Стародубу від короля Жигимонта III... Р. 1625. Травня 27 // Там же. С. 58; Привілей Жигимонта III місту Мглину на магдебургію року 1626 березня 26 // Там же. С. 61.

⁵⁹ *Przywilej lokacyjny miasta Lubaczowa z 1376 r.* Przemyśl, 1991. S. 5.

⁶⁰ *Jarmolik W. Rozwój niemieckiego prawa miejskiego na Podlasiu do Unii Lubelskiej 1569 roku...* S. 38.

⁶¹ *Nadanie prawa majdeburskie[go], herbu, targów, iarmarków miasteczku Ozdziutycze nazwanemu, w wdztwie wołyń[skim] leżące[mu]* // Пам'ятки історії

Бельска 1495 г., горожане могли избирать 2 райцев и войта, а он назначал еще 3 райцев. Локационная привилегия Суража от 1501 г. позволяла горожанам вместе с войтом города избирать 3 райцев, а потом поспольство вместе с представителями городского совета должно было избрать бурмистра. Но были и другие схемы. Так, в Мельнике войт и поспольство избирали 4 райцев, но бурмистра назначал староста. А в Книжине бурмистром мог быть его горожанин, хорошо знающий нормы немецкого права, но только тот, кого избирал староста из четырех кандидатов, предложенных ему горожанами⁶².

В чем то похожей была ситуация во Львове, где было три бурмистра (проконсула), которые по очереди исполняли свои обязанности. Этот период назывался каденцией данного проконсула (в конце года каждый проконсул отчитывался перед советом города за использование средств). На церемонии избрания райцев, бурмистр (*proconsul senior*) от совета представлял старосте трех членов (из числа шести *consules residentes*), чтобы староста избрал одного из них королевским бурмистром (*proconsul regius*). Именно его каденция была первой в году. Из двух оставшихся кандидатов поспольство избирало своего бурмистра (*proconsul communitatis*), а третий становился бурмистром от городского совета (*proconsul dominorum consulum*)⁶³. Но все это не было прописано в привилегии 1356 г. Таким образом, по одному лишь локационному документу невозможно точно определить, ни количество членов городских органов самоуправления, ни их конфессиональную и этническую принадлежность. Эти показатели были различными на разных этапах развития города. Для выводов по этим вопросам необходимо комплексное исследование разных видов источников по истории отдельных городов. Но это никоим образом не уменьшает значение локационной грамоты для изучения городского самоуправления.

Часто в локационных привилегиях указывали источники доходов не только войта, но и всего города. Так, в привилегии для Острога отмечалось: «К тому допускаемъ в мѣстѣ Острозкомъ ратушъ збудовати, крамы, вагу, пострыгалню, ятки всакиѣ, лазню посполитую

Східної Європи. Джерела XV–XVII ст. Т. V: Руська (Волинська) метрика за 1652–1673 рр. ... С. 412.

⁶² *Jarmolik W.* Rozwój niemieckiego prawa miejskiego na Podlasiu do Unii Lubelskiej 1569 roku ... S. 38–39.

⁶³ *Зубрицький Д.* Хроніка міста Львова / Перек. І. Сварника. Львів, 2002. С. 17; подр. см.: *Гошко Т.* Нариси з історії магдебурзького права ... С. 156.

меть, гандли вести, и корчмы волные держати питемь вшелакимъ, и речами ку живности в домехъ гостиных потребными шинковат и ремесла цеховые порадком инших таковых местъ спорядивши во всемъ са справовати до которого то места Острозского за волностью зъ стародавна звыклою, и теперь ѿ насъ наданою, на Армарки и торги тамошние, купцом и всимъ людемъ обывателемъ панствъ наших, и чужоземцовъ волно с товары всакими приездчаючи торговати, продавати и куповати...»⁶⁴. Похожее место есть и в привилегии городу Гоголеву, которым владел на правах наследования подкоморий киевский и староста овруцкий Стефан Немирич: «...К тому допускаемо в месте Гоголеве ратушь збудувати, крамы, вагу, постригальню, ятки всякие, лазню посполитую; и што колвекъ до порядковъ и обходовъ, и пожиткови местскому належаних мети; и ремеслацеховые порядком иншихъ таковых местъ спорядивши, во всем справовати...»⁶⁵. И такие же пассажи есть во многих привилегиях. Именно эту часть локационных привилегий А. Заяц рассматривает как «будущую программу строительства города»⁶⁶. К. Каминская подчеркивает, что эта программа, начертанная локационным документом, могла и не быть реализованной⁶⁷ (так называемые неудавшиеся локации).

Выдавая локационные грамоты, особенно для городов, возникших на «сыром корню», владельцы приказывали локаторам заселить эти города людьми вольными и исправными, купцами и ремесленниками (иногда такие установки встречаются уже в самих привилегиях, как, например, в грамоте Сигизмунда III старосте Андрею Вишневецкому от 1 мая 1589 г. на локацию Чигирина⁶⁸). Но исполнить это было не так уж просто. И для того, чтобы привлечь новых поселенцев в города, и создать благоприятный экономический климат, города освобождались от различных податей. Таким образом, важной чертой локационных привилегий было указание количества

---

⁶⁴ Привілей польського короля Стефана Баторія кийівському воєводі, маршалкові Волинської землі князю Констянтиніві Острозькому про надання його місту Острогу магдебурзького права. 1585, червня 7. Краків // Острозька давнина... С. 112.

⁶⁵ Привілей Жигімонта III місту Гоголіву на магдебургію. Р. 1625. Лютого 26. // Корпус магдебурзьких грамот українським містам... С. 56.

⁶⁶ Заяць А. Заснування міст на Волині у XVI – першій половині XVII століття (Джерелознавчий аспект) // До джерел: Зб. наук. праць на пошану Олега Купчинського з нагоди його 70-річчя. Київ; Львів, 2004. Т. II. С. 182.

⁶⁷ Kamińska K. Lokacje miast na prawe magdeburskim na ziemiach polskich do 1370 r. / (Studium historycznoprawne). Toruń, 1990. S. 121–122.

⁶⁸ Архив ЮЗР. Ч. V. Т. 1. С. 85.

«вольных лет», то есть времени, на протяжении которого город освобождался от различных оплат в пользу владельца. Диапазон такой «воли» был довольно значительным: для городов Волини он составлял от четырех лет для Озерян до 30 лет для Стохова⁶⁹. Такое же освобождение от податей на 30 лет получил созданный на «сыром корню» во владениях Константина Острожского на основании грамоты Стефана Батория в 1585 г. город Переяслав⁷⁰. Это самое большое количество «вольных лет», которое получали украинские города. Чаще все же количество «вольных» лет было гораздо меньше. По мнению И. Крипякевича, наиболее приемлемым был срок 15–20 лет. На 15 лет освобождался Томашев, Уланов, Прокопов, и др. На 20 лет волю получили Николаев, Шаргород, Плазов, Салинцы и др.⁷¹ Но были и меньшие сроки. К примеру, жители городка Владимира во владениях князей Четвертинских освобождались от чиншей и других государственных податей на 12 лет⁷², как и жители Журавно грамотой 1563 г.⁷³, а в Рогатине «всех жителей, горожан этого города от всех чиншей, поборов и податей, кормовых работ, дорожной повинности и какого-либо рода и имени обязанностей не раньше, чем пройдут десять лет, считая от даты выставления этой грамоты, освобождаем и этой же грамотой отпускаем <...>. А горожан и жителей города, которые владеют наделами, полностью освобождаем от обязанности сдачи овса, цыплят, сыра и яиц, должны платить лишь чинш с наделов в соответствии с правами». Вдобавок горожанам разрешалась рубка дерева в окрестных лесах⁷⁴. Бельск в 1495 г. получил пять «вольных лет», Нарев в 1529 – 10, Семовитычи – пять и т. д.⁷⁵. Системы тут не было, но Влодзимеж Ярмолик считает, что длительность освобождения города от податей зависела от уровня его развития – существовало ли поселение до локации, имело оно характер города или

---

⁶⁹ Заяць А. Заснування міст на Волині у XVI – першій половині XVII століття (Джерелознавчий аспект)... С. 180.

⁷⁰ Кобилецький М. Магдебурзьке право в Україні (XIV – перша половина XIX ст.). Історико-правове дослідження. Львів, 2008. С. 148.

⁷¹ ВР ЛННБ. Архів І. Крип'якевича. Папка № 120. Арк. 13.

⁷² Słoboda, prawo majdeburskie i iarmarki miasteczka Włodzimierca dziedzicznego urodz.xcia Czetwertyńskiego // Пам'ятки історії Східної Європи. Джерела XV–XVII ст. Т. V: Руська (Волинська) метрика за 1652–1673 рр. ... С.405.

⁷³ ВР ЛННБ. Архів І. Крип'якевича. Папка № 120. Арк. 13.

⁷⁴ Царьова Н. Привілей Волчка Преслужича на надання магдебурзького права новозаснованому місту Рогатину... С. 92–93.

⁷⁵ Jarmolik W. Rozwój niemieckiego prawa miejskiego na Podlasiu do Unii Lubelskiej 1569 roku... S. 40.

деревни, или же было основано на «сыром корне»⁷⁶. Освобождение от податей могло быть полным или частичным. Иногда привилегии экономического характера и освобождение от повинностей и податей даровались городу не только в локационной грамоте, а поэтапно⁷⁷.

Сначала не часто, но все же встречается в локационных документах упоминание или даже описание городской печати и герба города. Андрей Гречило утверждает, что именно в начале XIV в., когда начало распространяться магдебургское право, на украинских землях появились городские знаки. Приблизительно в это же время или чуть раньше, появляются городские знаки не только в Польше⁷⁸, но и в чешских, словацких и венгерских землях⁷⁹. Но далеко не всегда это явление находило отображение в локационных документах. К примеру, почти идентичную структуру и формулировки имеют локационные грамоты для Луцка (31 июля 1497 г.)⁸⁰, Дрогичина⁸¹ и Полоцка (4 октября 1498 г.)⁸², Минска (14 марта 1499 г.)⁸³. И хотя здесь нет указания на пожалование городам герба или печати, но есть упоминание о функционировании определенного городского знака еще до локации на магдебургском праве, как, например, в грамоте Полоцку: «а тамъ же теж будуть мѣти капницу, и весь воскъ столпный тамъ же печатью ихъ мають назнаменовати, и зъ того ужитки къ посполитому доброму

---

⁷⁶ Jarmolik W. Rozwój niemieckiego prawa miejskiego na Podlasiu do Unii Lubelskiej 1569 roku... S. 40.

⁷⁷ Там же. С. 41. В историографии поднимался вопрос и о поэтапности введения магдебургского права в городах (см.: Russocki S. Etapy lokacji miejskich na Mazowszu w XIV-XV w. // PH. T. LIV. Z. 2. 1964. S. 189-185; Kiryk F. Lokacje miejskie nieudane, translacje miast i miasta zanikłe w Małopolsce do połowy XVII stulecia // КНKM. R. XXVIII. 1980. № S. 373; Bogucka M., Samsonowicz H. Dzieje miast i mieszczaństwa w Polsce przedrozbiorowej. Wrocław, 1986. S. 52-53, 55, 58, 62-63, 77-84; Szczygiel R. Rola przywilejów lokacyjnych w procesie lokacji miast w XV-XVII w. na przykładzie Uchań // Rocznik Lubelski. 1985-1986. T. XXVII/XXVIII. S. 51-59; Szczygiel R. Etapy lokacji miast nadbużańskich w XIV-XV wieku. Jedna czy dwie lokacje Chełma na prawie niemieckim? // Ojczyzna bliysza i dalsza. Kraków; 1993. S. 125-130 и др.). Но это отдельная большая проблема.

⁷⁸ Жерелик Р. Історія герба міста Вроцлава // Четверта наукова геральдична конференція (Львів, 10-12 листопада 1994 року): Зб. тез та повідомлень. Львів, 1994. С. 35.

⁷⁹ Гречило А. Українська міська геральдика. Київ; Львів, 1998. С. 24.

⁸⁰ Архив ЮЗР. Ч. V. Т. I. С. 12-15.

⁸¹ Гречило А. Українська міська геральдика... С. 29.

⁸² АЗР. СПб, 1846. Т. 1 (1340-1506). С. 179-182.

⁸³ Там же. С. 187-189.

ховати...»⁸⁴. Практически слово в слово эта фраза повторяется в грамоте Минску⁸⁵. Городская печать упоминается и в привилегии от 4 июня 1497 г. литовского великого князя Александра киевским мещанам об освобождении их от пошлины: «ино у которыхъ мѣщанъ Кіевскихъ зъ ратуша Кіевского будетъ листъ подъ ихъ печатью мѣсткою, тымъ мѣщаномъ не надобѣ мыта давати нигдѣ»⁸⁶. При этом грамоту на магдебургское право Киев получил позднее⁸⁷. Но большинство локационных и магдебургских привилегий не упоминает о печати и гербе города. Значительно больше информации содержат сфрагистические источники. Тот факт, что в локационных привилегиях в большинстве случаев нет описания герба и печати, А. Гречило объясняет тем, что выбор городских знаков происходил на месте, и только в отдельных случаях обозначался в документе⁸⁸. О том, насколько этот момент мог зависеть от мнения на местах, в частности, от мнения локатора, свидетельствует тот факт, что зачастую в королевских локационных привилегиях, особенно для частновладельческих городов, вместо описания городской печати был пропуск, который должен был заполнить сам владелец. Такой пропуск есть в грамотах Сигизмунда III Александрову (Лубнам) от 20 октября 1592 г.⁸⁹ и от 16 марта 1595 г.⁹⁰ во владениях Вишневецких, в грамоте от 19 февраля 1600 г. для города Кошера во владениях Григория Кошерского

---

⁸⁴ АЗР. СПб, 1846. Т. 1 (1340–1506). С. 180.

⁸⁵ Там же. С. 188.

⁸⁶ Там же. С. 173.

⁸⁷ В литературе вопрос о начале киевской магдебургии остается дискуссионным (см.: Русина О. До проблеми початків київської магдебургії // Самоврядування в Києві: історія та сучасність: Матеріали міжнар. конференції, присв. 500-річчю надання Києву магдебурзького права. Київ, 26–27 листопада 1999. К., 2000. С. 88–101; Круглова Т. Магдебургское право в Киеве: поиск точки отсчета. К., 1999). В одном из последних исследований по истории магдебургского права в Киеве Наталья Билоус утверждает, что первую привилегию на магдебургское право Киев мог получить в октябре – декабре 1498 г. (см.: Билоус Н. Київ наприкінці XV – у першій половині XVII століття. Міська влада і самоврядування. К., 2008. С. 49).

⁸⁸ Гречило А. Українська міська геральдика... С. 24.

⁸⁹ Привілей на магдебургію місту Лубням (Олександрову) року 1592 жовтня 20 короля Жигимонта Третього // Корпус магдебурзьких грамот українським містам... С. 49.

⁹⁰ Николайчик Ф. Материалы по истории землевладения князей Вишневецких в Левобережной Украине // ЧИОНЛ. 1900. Вып. 3, отд. 3. С. 108.

и во многих других случаях⁹¹. А в привилегии для городков Андреева (Новый Вишневец) и Поповцев от 23 августа 1568 г. о порядке описания городской печати есть чёткое указание: «...а что ся дотычет печатей местских <...> то вжо князь Андрей Вишневецкий, яко оных дедич постановити мает»⁹².

Правда, иногда в локационных грамотах встречается достаточно конкретная информация о городской печати. Так, в локационной грамоте Рогатину, выданной 14 августа 1415 г. его владельцем Волчком Преслужичем, указано: «за истинниую печать этому городу даем половину оленьего рога с буквой R на воске черного цвета»⁹³. В привилегии для города Козельца, выданной Яном Казимиром 29 декабря 1663 г., детально описаны две печати: одна большая городская для всего магистрата и бурмистра, у которого она должна была храниться постоянно, а вторая, меньшая, для войта, который и отвечал за ее сохранение. Также там указано, как должна выглядеть городская хоругвь – козлик с рожками и с крестом, изображенный на белом поле⁹⁴. В некоторых грамотах четко описан герб города⁹⁵.

---

⁹¹ Гречило А. Українська міська геральдика... С. 44.

⁹² Заяць А. Надання печаток містам Волині у XVI – першій половині XVII ст. (за локаційно-магдебурзькими привілеями) // Четверта наукова геральдична конференція (Львів, 10–12 листопада 1994 року): Зб. тез. повідомлень та доповідей. Львів, 1994. С. 41.

⁹³ Царьова Н. Привілей Волчка Преслужича на надання магдебурзького права новозаснованому місту Рогатину... С. 93; Biesiadecki F. Herb królewskiego miasta Rohatyna. Lwów, 1935. S. 3.

⁹⁴ Nadanie prawa majdeburskiego miastu Kozielcu służącego // Пам'ятки історії Східної Європи. Джерела XV–XVII ст. Т. V: Руська (Волинська) метрика за 1652–1673 рр... С. 358.

⁹⁵ Привілей на магдебурзьке право місту Стародубу від короля Жигімонта III Р. 1625 травня 27 // Корпус магдебурзьких грамот українським містам... С. 59; Привілей Жигімонта III місту Мглину на магдебургію року 1626 березня 26 // Там же. С. 61 и т. д. Герб города описывался и в локационных привилегиях для некоторых белорусских городов, в частности, в грамоте на магдебургию, выданной Владиславом IV Вазой 20.III.1633 г. городу Кричеву, на что обращает внимание белорусский историк В. Галубович. Но, по его мнению, такие случаи были редкостью. (См.: Галубович В. Кнігі запісаў Метрыкі Вялікага княства Літоўскага за час правлення Уладзіслава IV Вазы як крыніца па гісторыі гарадоў Беларусі // Гісторыяграфія і крыніцы па гісторыі гарадоў і працесаў урбанізацыі ў Беларусі: Зб. наук. артыкулаў / Под ред. В. Даніловіч, І. Крэнь і др. Гродна, 2009. С. 137).

Со временем ситуация изменяется, и если на ранних стадиях проникновения в Украину магдебургского права в локационных грамотах редко описывали печать, герб или хоругвь города, то уже в XVI в. с новой волной колонизации появляются новые привилегии на магдебургию, в которых часто, особенно на востоке Украины, фиксируется описание городского герба и печати, и даже приводятся их цветные изображения, которые позже становятся традиционными⁹⁶, как, например, в королевской грамоте 1588 г. Шаргороду, где описание городского герба в самой грамоте подтверждено его цветным изображением, которое позднее встречается на городской печати⁹⁷.

Чаще всего инициаторами таких привилегий были частные владельцы или представители королевской администрации, и реже – сами горожане или представители городской верхушки. И все же процент упоминания о городской печати в локационных привилегиях городов невелик. В частности, по данным А. Зайца, изучавшего локационные процессы на Волыни в XVI – первой половине XVII вв., там появилось 187 новых городов, правда, локационные магдебургские привилегии сохранились только для 59 и лишь в шести из них есть информация о городской печати⁹⁸. Но даже этот факт не может опровергнуть то, что локационные привилегии могут быть важным источником для сфрагистических и геральдических исследований.

Иногда в локационных привилегиях регламентируется язык городской документации, как, например, в грамоте для Мглина: «...а декреты городские Мглинские и всякие дела этого же Уряда сначала польским, а потом латинским, и никаким другим языком, как того требует право магдебургское⁹⁹, должны писать-

---

⁹⁶ Гречило А. Українська міська геральдика... С. 41–43.

⁹⁷ Archiwum Jana Zamojskiego, kanclerza i hetmana wielkiego koronnego. Kraków, 1948. T. IV. S. 424.

⁹⁸ Заяць А. Надання печаток містам Волині у XVI – першій половині XVII ст. (за локаційно-магдебурзькими привілеями)... С. 41.

⁹⁹ По нормам магдебургского права в трактовке Б. Гроицкого, городские суды, кроме гостинного, должны вестись «на понятном всем языке, как то в Германии на немецком, у Поляков на польском для посполитого человека, и не стыдиться своего языка...» (Groicki B. Porządek sądów i spraw miejskich prawa majdeburskiego w Koronie Polskiej. Warszawa, 1953. S. 65). Очевидно, этот пассаж введен Гроицким как прогрессивный момент в духе Реформации, в противовес немецкому языку, который использовался в судах немецкого права. Но на рус-

ся»¹⁰⁰. В грамоте Стародубу от 27 мая 1625 г. предписывалось на протяжении двенадцати лет записи в городских книгах вести польски или по-латыни, поскольку «именно этого требует право магдебургское», а за непослушание город мог утратить свои привилегии¹⁰¹. Но такие требования были редки. Чаще употребление в городской документации того или иного языка происходило «по умолчанию».

Объем привилегий, дарованных городу, был различным, и часто грамоты содержали уникальные данные о них. Иногда дарованные магдебургские привилегии были довольно нестандартными. Так, уникальные права получил Ярославль (частный город во владениях князей Острожских в волинском воеводстве) – организацию специальных ярмарочных судов. Подобные права в пределах Короны были только в Люблине¹⁰².

Традиционным элементом локационных привилегий было земельное пожалование городам. Эти моменты иногда вызывали споры в литературе. Пример тому локационная привилегия Львову. Этой грамотой 1356 г. Казимир III даровал городу 70 франконских ланов¹⁰³ «в лесах и виноградниках, лугах и пастбищах, в соответствии к чему их могут отсчитывать и отмерять»¹⁰⁴. При этом от 60 ланов надо было платить чинш на день Св. Мартина в размере 24 русских грошей от лана; а остальные 10 ланов после корчевания должны были стать пастбищами без какой-либо денежной оплаты. Более того, в соответствии с этой привилегией, никто не должен был строить шинков на расстоянии одной мили от города, чтобы не создавать ему конкуренции¹⁰⁵.

ских землях в многонациональных городах он приобрел совершенно другое значение.

¹⁰⁰ Привілей Жигімонта III Мглину на магдебургію року 1626 березня 26 // Корпус магдебурзьких грамот українським містам... С. 61.

¹⁰¹ Привілей на магдебурзьке право місту Стародубу від короля Жигімонта III. Р. 1625 травня 27 // Корпус магдебурзьких грамот українським містам... С. 58–59.

¹⁰² Proksa M. Przywilej Anny ze Stemberku, księżnej Ostrogskiej, wojewodziny wołyńskiej, dla Jarosława z 1 sierpnia 1630. Przemyśl, 1995. S. 11.

¹⁰³ Франконський лан – 25 га, в отличие от фламандского – 16 га, стал использоваться при локации городов в начале 14 в. (как утверждает А. Бердецкая, приблизительно з 1315 г. (см.: Berdecka A. Lokacje miast małopolskich za Władysława Łocietka (1306–1333). Problematyka i stan badań // КНKM. Warszawa, 1983. R. XXXI, Nr 3. S. 336).

¹⁰⁴ Привілеї міста Львова (XIV–XVIII ст.)... С. 29.

¹⁰⁵ Там же. С. 29–30.

Вскоре земельные владения города были расширены привилегией Казимира III от 27 июля 1368 г. до 100 франконских ланов: «...Дарим и позволяем в полное и всякое использование этим (львовским. – Т. Г.) горожанам, жителям и их настоящим и законным потомкам, которые родились и родятся, 100 франконских ланов на немецком магдебургском праве со всеми выгодами, лугами, пастбищами, болотами, лесами, дубравами, кустарниками, пахотной землей и целиной, мельницами, прудами, рыбными местами, водами, проточными речками, которые в границах и размерах этих 100 ланов могут находиться, для корчевания, заложения, обработки, улучшения, добродетельного использования, начав от «чела» стен упомянутого города, от горы, что называется горой Стефана, и так вниз по обоим берегам речки Полтвы и оттуда от окружности упомянутого города Львова вплоть до мельницы приходского костела святой Девы Марии включительно, который расположен внизу упомянутого города. Кроме того, мельница упомянутого костела святой Марии, которая от давних времен и навечно к этому костелу присоединена, вместе с одним ланом, также принадлежащим этому костелу, к упомянутым 100 ланам присоединяем. И мельницу пана Григория Штехера, львовского горожанина, в размерах вышеупомянутых 100 ланов или мансов также хотим оставить. И чтобы подати и повинности горожан вышеупомянутого города более легкими и удобными по возможности сделать, даем и отдаем с полным правом продажи, обмена и для благотворительного использования 10 свободных ланов из вышеупомянутых 100 ланов без уплаты чинша на вечные времена. А с нашего и наших наследников согласия и доброй воли специально и ясно распоряжаемся, чтобы все русины, принадлежащие к нашему львовскому замку, которые живут в болотистых местах в границах и размерах 89 ланов, пасли своих коней и скот вместе с горожанами и жителями вышеупомянутого города, в соответствии с общим желанием»¹⁰⁶. Эта привилегия была полностью подтверждена Владиславом Ягайлом 29 сентября 1389 года¹⁰⁷.

Эти пожалования вызвали споры в литературе. Дело в том, что 9 декабря 1372 г. Владислав Опольский дал Львову привилегию¹⁰⁸,

---

¹⁰⁶ AGZ. Lwów, 1872. Т. III. S. 44–45; Привілеї міста Львова (XIV–XVIII ст.)... С. 35–36.

¹⁰⁷ AGZ. Lwów, 1872. Т. III. S. 82; Привілеї міста Львова (XIV–XVIII ст.)... С. 53–54.

¹⁰⁸ AGZ. Lwów, 1872. Т. III. S. 47–48; Привілеї міста Львова (XIV–XVIII ст.)... С. 37–39.

аналогичную привилегии 1368 г., но в ней даже не упоминалось о более раннем земельном пожаловании городу. На этом основании Денис Зубрицкий считал привилегию 1372 г. первым расширением городских владений, а грамоту 1368 г. – фальсификатом¹⁰⁹. Но эту точку зрения, как и в случае с привилегией 1356 г., оспаривал Иван Вагилевич, аргументируя свою позицию тем, что Владислав Опольский, как неполноправный правитель («*prorex*»), не имел юридического права выдавать подтверждение королевских привилегий, поэтому, в грамоте 1372 г. нет упоминания о грамоте 1368 г., но практически дословно повторено ее содержание¹¹⁰. Кроме всего прочего, в литературе возник вопрос о том, включало ли пожалование Владислава Опольского 1372 г. ранее дарованные Львову Казимиром III 70 ланов, или пожалование автоматически увеличивало городские владения до 170 франконских ланов. Этот вопрос на основе детального социотопографического исследования, используя не только письменные источники, но и картографические и фискальные, разрешила Марьяна Долинская, окончательно установив, что привилегия 1372 г. даровала Львову те же 100 ланов, что и привилегия 1368 года¹¹¹. Важно подчеркнуть, что привилегия 1389 г. включает содержание привилегии 1368 г., что может быть непрямым доказательством подлинности последней.

Такое же подробное описание земельных пожалований городу встречается в привилегиях другим городам, в частности, в грамоте Владислава Ягайла, выданной 1 октября 1389 г. во Львове для Перемышля, которому король даровал вместе с магдебургским правом 100 франконских ланов по образцу Львова, а кроме этого 4 свободных лана для местного войта Михала и его потомков¹¹². Такие же 100 франконских ланов вместе с магдебургским правом получил Ярослав привилегией Владислава Опольского от 1375 года¹¹³. Вместе с тем, тот же Владислав Опольский при локации Любачева даровал

---

¹⁰⁹ Зубрицкий Д. Хроніка міста Львова... С. 36, 443–446.

¹¹⁰ AGZ. Т. III. S. 40–45.

¹¹¹ Долинська М. Історична топографія Львова XIV–XIX ст. Львів, 2006. С. 142–145. Вопрос количества львовских ланов рассмотрен М. Долинської и в отдельной статье. См.: Долинська М. Неопублікований список «головного інвентаря ста ланів 1608 р. для міста Львова» // НЗЛНУФ. Львів, 2005. Вип. 7. С. 89–105.

¹¹² Hauser L. Monografia miasta Przemyśla... S. 107.

¹¹³ Przywilej lokacyjny miasta Jarosławia / Opr. J. Krochmal. Przemyśl, 1991. S. 17; Grądkowski W., Strenczak Z. Lokacja Jarosławia na prawie magdeburskim. Jarosław, 1975.

ему всего лишь 80 франконских ланов¹¹⁴. А Рогатин в соответствии с уже упомянутой грамотой Волчка Преслужича от 27 мая 1419 г. с магдебургским правом получил 120 ланов и отдельные земельные пожалования для войта и его наследников¹¹⁵.

Часто земельные пожалования городу, которые он получал вместе с немецким правом, определялись по-иному. Особенно это характерно было для городов ВКЛ. Так в привилегии Витовта от 1408 г. для Ковна детально описывалась локация земель, дарованных городу и горожанам, с четким указанием ориентиров на местности, причем освобожденные после рубки леса земли должны были превратиться в сеножати и пашню, для использования их на надобности города¹¹⁶.

Подобное детальное описание пространственной локации городских владений дает почву для глубоких историко-топографических и социотопографических исследований, которые весьма активно начали развиваться в Украине в последние годы.

То, насколько традиционными для всей Центрально-Восточной Европы, были основные пункты локационных привилегий украинских городов, можно продемонстрировать на примере не только городов польских, но и на примере литовского городка Ионишкиса, которому 4 июля 1616 г. Сигизмунд Ваза выдал привилегию на магдебургское право, где не только указал на правовой образец для него («только магдебургским примером других наших городов правом магдебургским привелигорованных, а особенно ближайшего города нашего Ковно, должны судитися»), но и очерчивает порядок назначения войта, его имения, частично функции, порядок избрания и деятельности совета и бургомистра, торги и ярмарки, печать¹¹⁷. Подобные расширенные варианты магдебургских привилегий получали и некоторые украинские города¹¹⁸.

---

¹¹⁴ Pzrywilej lokacyjny miasta Lubaczowa z 1376 r. Przemyśl, 1991. S. 10.

¹¹⁵ См. перевод привилегии: *Царьова Н.* Привілей Волчка Преслужича на надання магдебурзького права новозаснованому місту Рогатину... С. 94–99.

¹¹⁶ *Kiaupa Z.* Pirmosios Kauno miesto privilegijos // Lietuvos miestu istorijos šaltiniai / *Sudary Z.* Kiaupa, E. Rimša. Vilnius, 1992. K. 2. P. 31.

¹¹⁷ Lietuvos magdeburginių miestų privilegijos ir aktai. Joniškis. Jurbarkas / *Sudari A.* Tyla. Vilnius, 1991. T. 1. S. 16–18.

¹¹⁸ Привілей на магдебурзьке право місту Стародубу від короля Жигимонта III. Р. 1625 травня 27 // Корпус магдебурзьких грамот українським містам... С. 57–60; Привілей Жигимонта III місту Мглину на магдебургію року 1626 березня 26 // Там же. С. 60–62; Nadanie prawa magdeburskie[go], herbu, targów, iarmarków miasteczku Ozdziutycze nazwanemu, w wdzwie wolyń[skim]

Отдельные города Украины получили магдебургское право в ограниченном объеме – неполное городское право. Как правило, это ограничение сводилось к вмешательству в дела города его владельца, к его участию в назначении или избрании городских властей. Чаще всего это касалось частновладельческих городов и обуславливалось в их локационных грамотах. Апелляция от этих городов в первую очередь поступала в суд владельца¹¹⁹.

Иногда отдельным пунктом в грамоте оговаривались правила подачи апелляции от города непосредственно к королю: «А если бы в любом суде войтовском, бурмистерском или лавническом, какая-то сторона считала себя обиженной, тогда каждому обиженному от любых декретов к нам или нашим суксесорам королевским или князей литовских апелляцию позволяем. Только от таких дел, которые бы 50 злотых не превышали, от суда войтовского, бурмистерского и лавнического апелляции идти не должны»¹²⁰.

По существу, вариации объема городских привилегий, которые описывались в локационных грамотах городам – неограниченны.

В целом можно сказать, что королевские привилегии для городов были более заформализованы и менее информативны, чем привилегии городов частновладельческих. Более того, расширенные локационные грамоты, детализировавшие различные аспекты жизни города и его самоуправления, выдавались, как правило, для городов Центральной и Левобережной Украины и на более поздних этапах проникновения магдебургского права на украинские земли. Очевидно, это было связано с тем, что локация этих городов происходила уже без участия западных колонистов, которые хорошо знали нормы немецкого городского права и могли его использовать на практике, создавая юридический прецедент. И поэтому тезис о малоинформативности локационных привилегий

---

leżące[mi] // Пам'ятки історії Східної Європи. Джерела XV–XVII ст. Т. V: Руська (Волинська) Метрика. Книга за 1652–1673 рр... С. 410–413 и др.

¹¹⁹ Привілей місту Переяславлі на магдебурзьке право від короля Стефана Баторія року 1585 // Корпус магдебурзьких грамот українським містам... С. 46; Привілей на магдебургію місту Лубням (Олександрову) року 1592 жовтня 20 короля Жигімонта Третього // Там же. С. 48; Привілей Жигімонта III на магдебургію містечку Липовому Городищу Р. 1625 березня 5-го // Там же. С. 57 и др.

¹²⁰ Привілей на магдебурзьке право місту Стародубу від короля Жигімонта III. Р. 1625 травня 27 // Корпус магдебурзьких грамот українським містам... С. 58; Привілей Жигімонта III місту Мглину на магдебургію року 1626 березня 26 // Там же. С. 61 и др.

городов в отношении русских (украинских и белорусских) территорий не состоятелен.

Говоря о локационных грамотах и локационном процессе, стоит также упомянуть о различии локации и релокации, о «фундационном мифе», о поэтапности введения немецкого права в городах Центрально-Восточной Европы, но все это – отдельные большие темы, требующие специального исследования.

УДК 94(47)(082.2)

**МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЪЯСНЕНИЯ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РОССИИ
(вторая треть XIX века)¹**

Е.А. Вишленкова

Национальный исследовательский университет –
Высшая школа экономики,
Институт гуманитарных историко-теоретических
исследований им. А.В. Полетаева
E-mail: evishlenkova@mail.ru

В данной статье исследуется медико-биологический дискурс описания социальных проблем Российской империи. На основе архивных документов и научных публикаций Елена Вишленкова выявляет основные единицы и категории этого дискурса. Подчеркивается роль университетов в формировании профессионального языка и мировоззрения российских врачей.

Ключевые слова: Российская империя, медико-топографические описания, социальные проблемы, университеты, демография, статистика.

**MEDICAL-BIOLOGICAL RENDITIONS
OF THE SOCIAL PROBLEMS IN THE RUSSIAN EMPIRE
(the second third of the XIXth c.)**

E.A. Vishlenkova

In given article the author explores medical-biological discourse of depiction of the social problems in the Russian empire. On the base of the archival documents and research publications Elena Vishlenkova reveals the main notions and units of the discourse. She points out the role of the universities in the formation of the professional language and point of view of the Russian doctors.

Key words: Russian empire, medical-topographical depictions, social problems, universities, demography, statistics.

В 1830–1840 гг. редкий выпускник и преподаватель медицинского факультета не был писателем. Профессора, адъюнкты, губернские, уездные, городские, фабричные, армейские лекари отслеживали суточные температуры, анализировали данные о

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Фонда Герды Хенкель «Ubi Universitas, ibi Europa» (AZ 02/SR/08).

заболевших, родившихся и умерших, писали заметки о местном климате и ландшафте, исследовали качество питьевой воды, рассуждали об особенностях питания, религиозных диетах, способах лечения и болезнях своих пациентов, а также о проблемах местного населения вообще. Такого рода тексты есть в архиве Московского университета², опубликованы на страницах «Журнала министерства внутренних дел»³, «Военно-медицинского

---

² ЦИАМ Ф. 418. Оп. 346. Д. 60 «Медико-топографическое описание г. Углича, составленное Никанором Беттенгером» 1838; Д. 61 «Медико-топографическое описание г. Витебска, составленное лекарем Вертельсом» 1838; Оп. 348. Д. 86 «Медико-топографическое описание Переяславля, составленное титулярным советником Бером» 1841; Оп. 349. Д. 5 «Историческое, статистическое, медико-топографическое описание юго-восточной части Западной Сибири, составленное Андреем Потжардом» 1841; Оп. 350. Д. 17 «Медико-топографическое описание Гжатска, составленное лекарем Иваном Скворцовым» 1841; Оп. 350. Д. 93 «Медико-топографическое описание Вятской губернии, составленное Константином Доброхотовым» 1843; Оп. 352. Д. 29 «О рассмотрении «Медико-топографическое описание г. Звенигородска», написанное лекарем Орловым» 1845; Оп. 352. Д. 48 «О рассмотрении сочинения «Топографическое и медико-статистическое описание Мариупольского округа», написанное мариупольским городовым врачом и штатным медиком Мариупольских духовных училищ, лекарем Калери Г. для получения звания штаб-лекаря» 1845.

³ Медико-топографические замечания о Бессарабской области // Журнал МВД. 1833. № 11. С. 177; Медико-топографические сведения о Петербурге // Там же. 1834. № 2. С. 153; Медико-топографические сведения о городе Одессе // Там же. 1834. № 3. С. 408; Медико-топографические сведения о Казанской губернии // Там же. 1834. Ч. 14, № 10. С. 26; Медико-топографические сведения о с. Тучкове (Измаильского Градоначальства) // Там же. 1835. № 11. С. 457; Краткий исторический и медико-топографический очерк Кубанской кордонной линии Черноморского Казачьего войска // Там же. 1836. Ч. 20, № 4. С. 1; Медико-статистические сведения по городу Санкт-Петербургу и Санкт-петербургской губернии за 1836 год // Там же. 1837. Ч. 24, № 4. С. 149; *Заблюцкий*. Обозрение Гальшинского ханства в медико-топографическом и статистическом отношении за 1836 год // Там же. 1837. Ч. 26, № 11. С. 371; *Здоровый город в Курляндии* // Там же. 1838. Ч. 27, № 1. С. 3; *Синицын*. Медико-топографические сведения о Нижнем Новгороде // Там же. 1838. № 3. С. 462; *Леопольдов*. Жизненные удобства и неудобства Саратовского Заволжья // Там же. 1838. № 3. С. 72; *Гринберг*. Медико-топографическое описание Херсонской губернии // Там же. 1838. Ч. 29, № 8. С. 296; *Уклонский А.* Краткие медико-топографические замечания о Вилюйском округе Якутской области // Там же. 1841. Ч. 39. С. 80; *Иениш*. Медико-топографическое описание города Одессы // Там же. 1844. Ч. 6. С. 83, 169.

журнала»⁴ и народно-медицинской газеты «Друг здравия»⁵. Кроме того, их можно найти в провинциальной прессе⁶ и в каталогах университетских библиотек⁷.

---

⁴ О положении Кубанской земли, о воде, об атмосфере здешнего климата, о причинах произрастающих повальных болезни в сем краю, о предохранении от оных и лечении, сочинение старшего лекаря Дмитриевского военного госпиталя надворного советника Прохоровича // Военно-медицинский журнал. 1826. Ч. VIII. №. 2–3. С. 225–242; Медико-топографическое описание Черниговского, Гродненского и Сосницкого поветов // Там же. 1827. Ч. IX, № 2. С. 232–282; Медико-топографическое описание Закавказского края, Бессарабии и Булгарии штаб-лекаря Р.С. Четыркина // Там же. 1832. Ч. XXI, № 1; Медико-топографическое известие о городе Одессе медика-хирурга П. Шаркова // Там же. 1834. Ч. XXIII, № 1; О характере болезней в Грузии и об употреблении средств простонародных, сочинение доктора Рейнгардта // Там же. 1834. Ч. XXIV, № 1. С. 102–122; Медико-топографическое описание княжеств Молдавии и Валахии Добронравова // Там же. 1834 Ч. XXIV, № 2; Медико-топографические замечания о городе Брест-Литовском Чернобаева // 1835. Там же. Ч. XXV, № 1; Топография г. Тучкова и крепости Измаила Лебедева // Там же. 1835. Ч. XXVI, № 2; Медико-топографические замечания об Имеретии, Мингрелии и Гурии, извлеченные из рукописного сочинения И. Голицинского, штаб-лекаря Потийского госпитального отделения // Там же. 1837. Ч. XXIX, № 1. С. 62–91; Медико-топографический взгляд на места, русскими войсками занятые в Абхазии, сочинение штаб-лекаря Баженова // Там же. 1838. Ч. XXXI, № 1. С. 3–27; Медико-топографическое описание Эриванского уезда, сочинение штаб-лекаря А. Бардовского // Там же. 1847. Ч. L, № 1.

⁵ Медико-топографические сведения о Санкт-Петербурге // Друг здравия. 1833. № 52. С. 409–410; № 57–58. С. 442–444.

⁶ О состоянии здоровья жителей Казани // Казанские Известия. 1812. № 5, 9, 14, 19, 23; *Лентовский А.Е.* Медико-топографическое описание г. Казани // Казанский Вестник. 1831. Ч. XXIX, кн. II. С. 185–195; *Фукс К.Ф.* Замечания о холере, свирепствовавшей в городе Казани в течение сентября и октября месяцев 1830 г., сделанные доктором и профессором Фуком // Казанский Вестник. 1831. Кн. III, Апрель. С. 218–255.

⁷ *Гунн О.В., фон.* Топографическое описание города Риги, с присовокуплением врачебных наблюдений, сочиненное в 1798 г. и Его Императорскому Величеству посвященное / Пер. с нем. СПб., 1804; *Лангель Р.* Краткое медико-физическое и топографическое обозрение города Казани и губернии оной. Казань, 1809; *Гунн О.В., фон.* Дополнение к медико-топографическому описанию Лифляндии, с присовокуплением табелей о состоянии оспы и чертежей крестьянских изб и бань. СПб., 1814; *Attenhofer L.* Medizinische Topographie der Haupt -und Residenzstadt St. Petersburg. Zurich, 1817; Медико-топографическое описание Санктпетербурга, главнаго и столичнаго города Российской империи. Сочинение Генриха Людвига фон Аттенгофера, доктора медицины, в российско-императорской службе надворнаго советника и

Для нас они и их авторы интересны не в качестве свидетелей и свидетелей развития медицины, а как средства и субъекты, стремившиеся объяснить (а значит, и организовать) социальное пространство империи. Реконструкция истории врачебной профессии в России первой половины XIX в. убедила нас в том, что западное образование наделяло их в глазах правительственных чиновников привлекательным статусом носителей передового знания. И поскольку врачебный язык описывал отечественные реалии как общеевропейские или общечеловеческие (и тем самым нивелировал возведенные цивилизационным дискурсом культурные границы), то у политических элит появилось искушение пользоваться им как языком рационального государства. Кроме того, восприятие чиновниками медицинского дискурса было облегчено тем, что в отличие от многих стран Запада этос российского врача был весьма тесно увязан с государственными интересами⁸.

О когнитивной и политической роли медицины историки заговорили после появления трудов М. Фуко⁹. Они стимулировали изучение не только культурной и социальной истории медицины, но и феномена «медикализации»¹⁰. Обретшие новое видение

многих ученых обществ члена / Пер. с нем. СПб., 1820; *Добронравов С.Ф.* Медико-топографическое описание княжеств Молдавии и Валахии, составленное бывшим главным доктором всех военно-временных госпиталей в княжествах Молдавии и Валахии и крепости Силистрии, с присовокуплением статистической таблицы г. Бухареста 1831-го года, С. Добронравовым. М., 1835; *Vitt X.* О свойствах климата Валахии и Молдавии и так называемой Валахской язве, которая свирепствовала во Второй Армии в продолжение последней Турецкой войны. СПб., 1842; *Фуко К.Ф.* Казанские татары в статистическом и этнографическом отношениях. Казань, 1844.

⁸ *Вишленкова Е.А.* «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя российского государства (первая половина XIX века) // *Ab Imperio.* 2011. № 2. С. 47–82.

⁹ *Фуко М.* Рождение клиники. М., 1998 [пер. с фр.: *Foucault M.* *Naissance de la Clinique: une archeologie du regard medical.* P., 1963].

¹⁰ *Медикализация* – политический процесс, в котором социальный контроль реализуется посредством медицинского языка, врачебного наблюдения, сотрудничества с выпускниками медицинских кафедр и с помощью медицинских технологий. Данный аналитический термин используется для описания политического процесса, в котором социальный контроль реализуется посредством медицинского языка, врачебного наблюдения (осмотры населения), посредством сотрудничества с университетски подготовленными медиками (обеспечение властей информацией) и посредством медицин-

проблемы исследователи показали, как западные врачи, биологи, антропологи и политики «открывали», называли, считали социальные проблемы и во врачебном же языке находили способы их решения. В последующем данную научную линию значительно обогатили наблюдения З. Баумана о роли экспертного знания и «ученого-переводчика»¹¹, а также исследования профессиональных групп, их солидарности и экспертных функций¹².

К сожалению, все эти исследовательские тренды слабо затронули домодерную Россию. И по сей день медицинские описания Российской империи встроены в «большой эпос» – историю отечественной медицины. Логика его построения базируется на линейном прогрессе науки, а темпоральность нарратива задается последовательностью изложения биографий «замечательных» врачей. В такой исследовательской оптике массово издаваемые в 1830–1840 гг. врачебные тексты видятся в качестве свидетельства оппозиционных настроений «передовых» врачей, вопреки власти заботившихся об общественном здравии и поднимавших социальные проблемы.

В контраст этому подходу в данной статье главное внимание сосредоточено на специфике знания об империи, которое профессора-медики и их воспитанники поставляли властям в расчете совместными усилиями создать государство разума и справедливости¹³. В данной исследовательской оптике сотрудничавшие с властями университетские люди предстают как агенты модернизации и самоцивилизации империи.

ских технологий (использование в не медицинской сфере приемов терапии, операции, фармакологического лечения и прочего профессионального инструментария). См., напр.: *Conrad P. Medicalization and Social Control // Annual Review of Sociology. 1992. Vol. 18. P. 209–232; Conrad P., Schneider J. Deviance and Medicalization: From Badness to Sickness. St Louis, 1980. P. 245–252; Turner B.S. Medical Power and Social Knowledge. Newbury Park, Calif., 1987.*

¹¹ *Bauman Z. Life in Fragments: Essays on Postmodern Morality. London, 1995. P. 106.*

¹² *Russia's missing middle class: the professions in Russian History / Ed. By H. Balzer. NY-L, Sharpe, 1996; О профессиональном дискурсе см: McClelland Ch.E. The German experience of professionalization: modern learned professions and their organizations from the early 19th century to the Hitler era. Cambridge etc., 1991; German Professions, 1800–1950 / Ed. by G. Cocks, K.H. Jarausch. N.-Y.; Oxford, 1990.*

¹³ *Вишленкова Е.А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя российского государства (первая половина XIX века) // Ab Imperio. 2011, № 2. С. 47–82.*

Университетское производство врачей

Посвященные в азы западной медицины естествоиспытатели XVIII в. повсеместно сталкивались в Российской империи с «домашними» (как они их называли) способами излечения. Некоторые из натуралистов предпочитали их не замечать, а те, что писали об увиденном, трактовали их как суеверия, предрассудки или шарлатанство¹⁴. Столкновение с не западными формами лечения и объяснениями болезней порождало либо негодование от «дикости», «отсталости» и «варварства» обитателей, либо высокомерную улыбку и исследовательское любопытство¹⁵. Воспринятая позиция культурного доминирования побуждала вестернизированных писателей отрицать (разоблачать, умиляться или высмеивать) «народную науку»¹⁶. И всё бы представлялось смешным и наивным, но ученых путешественников поражала вера местных жителей в знания и чудодейственные способности их лекарей, с одной стороны, и недоверие, которое они демонстрировали «настоящим» врачам, с другой¹⁷.

Столкнувшись в Арзамасе с целой группой почитаемых здесь знахарей и с игнорированием штаб-лекаря, И. Лепехин уверял соотечественников и власти о недопустимости в цивилизованной (то есть претендующей на принадлежность к Европе) стране людей «незаконно ко врачеванию рожденных». В данном определении отразилась разница в отечественной и западной легитимации врачевателя. В Европе Нового времени право лечить удостоверялось университетским дипломом или членством в

---

¹⁴ Лепехин И.И. Дневные записки путешествия доктора и академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. СПб., 1795. Ч. 1. С. 16–17. О применении этих ярлыков по отношению к знахарям см: Renner A. Medical Charlatans in Eighteenth-Century Russia. Paper for the workshop 'Medicine in Early Modern Russia' at DHI Moscow.

¹⁵ Самуила Георга Гмелина, доктора медицинской науки, Императорской АН, Лондонского, Гарлемского и Вольного Экономического обществ члена Путешествие по России для исследования трех царств естества, переведено с нем. Ч. 1. (Путешествие из СПб до Черкаска, гл. города Донских казаков в 1768 и 1769 г.). СПб., 1771. С. 17.

¹⁶ Европейские академии того времени объединяли этим понятием всех мистиков, чародеев, хиромантов и прочих владельцев сакрального знания, свободных от научного контроля (Ферроне В. Наука // Мир Просвещения: Исторический словарь / Ред. В. Ферроне, Д. Роша. М., 2003. С. 348).

¹⁷ Лепехин И.И. Указ. соч. С. 72.

профессиональной корпорации. При отсутствии таковой в России образованные врачи получали признание от государства.

А. Реннер соотносит формирование в России профессионального слоя обученных врачей к первым десятилетиям после смерти Петра I¹⁸. Тогда каждый практикующий лекарь мог сдать экзамен в медицинской коллегии и получить лицензию, но фактически только университетский выпускник был в состоянии ответить на предложенные вопросы. Поэтому местные знахари и знахарки обходились без официальных документов, да и не нуждались в них. Получившие же официальное разрешение на медицинскую практику врачи становились частью отечественной элиты (не в социальном, а скорее в культурном смысле)¹⁹.

Несмотря на то, что общая численность врачей в Российской империи в начале века составляла внушительную цифру (в 1809 г. в «Российском медицинском списке» числилось 2508 лекарей²⁰), вплоть до середины XIX в. правительству не удавалось обеспечить ими не то что весь государственный аппарат, но даже военные ведомства. По официальным данным к 1810 г. дефицит лекарей только в армии составлял 609 человек²¹, а еще не хватало флотских и гражданских врачей. Рекрутирование иностранцев было сопряжено с большими расходами и множеством проблем. Занимавшийся этим в 1808–1810 гг. генерал С.К. Вяземский сообщал, что, потратив огромные средства, правительству удалось выписать из-за границы 220 человек, из которых только 145 смогли приступить к службе. Но и они, как опасался главнокомандующий, «не зная языка, свойства и обычаев Русского народа, на долгое время остаются мало полезными»²². В исходящих от правительственных ведомств документах постоянно акцентировалась связь между профессиональной компетенцией врача и его знанием языка и культурных традиций потенциальных пациентов. Отсутствие таких знаний делало врача бесполезным в глазах рос-

---

¹⁸ Renner A. Progress through Power? Medical Practitioners in Eighteenth-century Russia as an Imperial Elite // Acta Slavica Iaponica. Tomus 27, 2009. P. 31.

¹⁹ Ibid. P. 32.

²⁰ Медицина // Большая медицинская энциклопедия. 3-е изд.: В: 30 т. М., 1980. Т. 14: Медицина-Меланоз. С. 218.

²¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 99. Д. 38 «Выписка из журнала Комитета Министров» 1812. Л. 3об.

²² Там же. Л. 4.

сийской власти, неспособным избавить российских подданных от телесных недугов.

Намерение запустить собственное производство обученных врачей и поставить под контроль деятельность местночтимых лекарей отразилось в университетском уставе 1804 года. Отныне право лечить имел лишь тот, кто обзавелся письменным удостоверением российского «ученого сословия». Этот же документ вводил претендента в иерархию бюрократических чинов. «Желающие удостоены быть звания Лекаря и аптекаря, также и повивальных бабок, – предписывал университетский устав, – могут требовать экзамена от Медицинского Отделения, и по достоинству Университета получают право производить вольную практику. Лекарь и аптекарь, выдержавшие предписанное для кандидатов испытание, считаются в 12 классе, а повивальные бабки получают свидетельство с позволением учить в деревнях своему искусству и право заступить должность уездной повивальной бабки»²³. Таким образом, «рассадники» западной учености получили рычаги формирования врачебной корпорации.

Её границы были заданы определенным типом знания. В самом общем виде отличие насаждаемой медицины от традиционных для России форм исцеления состояло в рационализации и категоризации эмпирических наблюдений и в клинической форме лечения заболевания. То и другое требовало от врачебного «цеха» постоянного обмена опытом, налаженной системы профессиональных коммуникаций, использования унифицированного языка описания данных, заключения корпоративных соглашений относительно «открытий». В этом смысле «западная медицина» была мировоззренческой, системной и профессиональной²⁴. Она формировала у «последователей Гиппократов» представление о человеке как целостности, его связях с природой и себе подобными, порождая в их головах специфическое видение мира. В соединении с клиническим опытом ежедневных и еженочных наблюдений над больными и лечения «образцовых» болезней такое мировоззрение порождало потребность в генера-

---

²³ Устав Императорского Московского университета // Сборник постановлений по Министерству Народного Просвещения. СПб., 1875. Т. 1. Стб. 316.

²⁴ *Vynum W. Science and the Practice of Medicine in the Nineteenth Century.* Cambridge, 1994.

лизации собранных данных и гипотез, что осуществлялось посредством научных процедур.

Наиболее приспособленная к этим потребностям система обучения оформилась в Европе в середине XVIII в. – в университетах Австрии (Венский университет), Германии (университеты Тюбингена, Геттингена и Халле) и Голландии (Лейденский университет). Благодаря ей, «немцы» фактически подчинили себе европейский рынок медицинских услуг. Во второй половине столетия врачебные факультеты данных университетов обеспечивали своими выпускниками большую часть Центральной и Восточной Европы. Данная тенденция не исключает перерывов в клиническом обучении студентов названных университетов, а также различий в видении немецкими профессорами сути медицины – как «искусства» и «как опыта». Наконец, «немецкая» врачебная экспансия не пресекла научных прорывов французских физиологов.

Абстрагируясь от важных деталей, успех новой системы был основан на сочетании теории и практики: постижении инструментария, логики и выводов естественных наук и опыта их клинического применения для избавления от недугов. Согласно ее требованиям, желающий вступить в профессиональную корпорацию неопит должен был, во-первых, освоить совокупность дисциплин, составляющих «философский» уровень обучения и, во-вторых, продемонстрировать владение обретенными знаниями и навыками «у постели больного». Состав компонентов и объем теоретических познаний, а также интенсивность и длительность клинического обучения варьировались в зависимости от университета и рассматриваемого временного среза.

Уже во второй половине XVIII в. Россия оказалась в орбите немецкого медицинского влияния. То, что подобно своим западным соседям российские элиты доверялись «немецким» врачам более, нежели другим свидетельствуют наймы этого времени. В них «польские врачеватели» уступили место немецким конкурентам. А прусские, австрийские и голландские университеты избирались правительственными чиновниками как места обучения русских лекарей из госпитальных школ²⁵. В результате таких

---

²⁵ Речь в память профессору Ф.Г. Политковскому // Медико-физический журнал. 1821. Ч. 2. С. 180.

предпочтений в начале XIX в. врач и аптекарь в России имели неизменное прилагательное «немец»²⁶.

Такая ориентация отразилась и на уставе, потребовавшем от медицинских факультетов подготовки не просто ученых врачей, а готовых к практике специалистов. На протяжении всей первой половины XIX в. незыблемым требованием к ним было знание немецкого языка²⁷. Впрочем, как явствует из материалов делопроизводства, воспроизвести «немецкую» систему обучения оказалось едва ли не самым сложным делом для российского «ученого сословия». В условиях отсутствия физических и химических лабораторий, клиник, ботанических садов, минералогических кабинетов, амбулаторий, анатомических театров, медицинских инструментов, а также студентов с хорошим знанием латыни, прибывшие в Казань и Харьков профессора, признавали собственное бессилие породить себе подобных из местной культурной среды. Неоднократно деятельность провинциальных врачебных отделений прерывалась из-за отсутствия слушателей, трупов для расчленения, медицинского оборудования и отъезда единственного лектора²⁸.

В конце 1820-х гг. клиническую систему обучения смогли наладить только Петербургская медико-хирургическая академия и Московский университет (вскоре слившийся с московским отделением медико-хирургической академии²⁹). Следование ей по-

---

²⁶ О карьерах немецких врачей в России см: *Fischer M. Russische Karrieren Leibarzte im 19. Jahrhundert* (Riha O. (hrb) *Relationes*. Band 4). Aachen, 2010.

²⁷ Дополнительный штат императорского Московского университета // *Медико-статистические известия*. 1846. Июнь – июль. С. 56.

²⁸ В 1802 г. кураторы Московского университета лично уговаривали записавшихся в университет юношей учиться медицине и добились согласия только от четверых (РГИА. Ф. 733. Оп. 95. Д. 117 «Отчет университета» 1802. Л. 1). В 1808 г. в Харькове прекратилось преподавание медицины из-за отсутствия слушателей (Там же. Оп. 49. Д. 138 «Дело о присвоении проф. И.М. Шумлянскому звания заслуженного профессора и об увольнении его» 1811–1817. Л. 1об.). Накануне войны с Наполеоном правительство приняло экстренные меры – профессора-медики получили приоритетное право отбора слушателей (Там же. Д. 170). В 1828 г. из Казани в министерство поступило сообщение, что «как число Кадавров (т. е. трупов. – Е. В.) доставляемых в Зимнее время для Анатомических Демонстраций весьма недостаточно, чрез то Анатомические и Хирургические лекции нередко бывают прекращаемы...» (Там же. Оп. 40. Д. 305 «Отчет по Казанскому университету за 1828 год» 1829. Л. 8).

²⁹ В 1808 г. была учреждена Петербургская медико-хирургическая академия, а на следующий год – ее московское отделение. Обе состояли из трех

требовало основания целого спектра врачебных дисциплин («теоретической медицины», включавшей физиологию, патологию, терапию, гигиену и диететику) и организации медицинской практики, состоявшей из «клиники», хирургии, судебной медицины и казуистики. Последовательный протагонист этой системы московский профессор М.Я. Мудров настаивал: «Каждому молодому врачу для приобретения надлежащей способности в распознавании и лечении болезней, для снискания навыка располагать своим искусством, необходимо нужно приобрести врачебное око. Оно приобретается долговременным упражнением в наблюдении больных при самых постелях. В сем отношении таковой способ умения называется клиническим»³⁰.

Так же как в Лейдене, Геттингене, Тюбингене, Галле и Вене, назначение университетской клиники в России состояло не в том, чтобы вылечить как можно больше людей или ликвидировать вспышку заболевания, а в том, чтобы сформировать у будущего лекаря «врачебное око» и «врачебный язык». Поэтому в учебную больницу брали не всех подряд, а «одержимых только тяжкими и для образования воспитанников Врачебного Отделения в Медицинской практике поучительными болезнями»³¹. Пристально наблюдая и опрашивая больного, консультируясь с коллегами и выписывая рецепт аптекарю, студент должен был освоить специфическую лексику, в которой симптомы, знаки и само лечение облекались в ауру научных фактов, а обращение с пациентом усугубляло режим доминирования и подчинения.

По уставу 1835 г. студенты медицинских факультетов три года слушали лекции по естественнонаучным дисциплинам и «врачебным наукам», а потом переходили в клинику. Судя по сохранившимся учебным программам, лектора транслировали студентам западные концепции мира и человеческого тела. Так, в 1845 г. Московский университет сообщал в министерство, что «Проф[ессор]

отделений: медицинского, ветеринарного и фармацевтического. Большинство казеннокоштных студентов медицинских академий были выпускниками духовных семинарий (Сведения о Московском отделении Императорской медико-хирургической академии // Журнал МВД. 1834. Ч. XIV. № 10. С. 161–171).

³⁰ Цит. по: *Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н.* Медицинский факультет Московского университета в реформах просвещения первой трети XIX века. М., 1998. С. 179.

³¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Д. 305 «Отчет по Казанскому университету за 1828 год» 1829. Л. 8–8об

Севрук: а) студентам 1 и 2-го курсов, преподавал на латинском языке, физиологическую анатомию по 6 часов в неделю, следуя сочинению Розенмиллера по изданию 1840 г. и заимствуя материалы для таковых лекций из сочинений: Белля, Клоке, Меккеля, Гильтебрандта, Вебера, Берресса, Ланибека, Краузе, Тейля, Брока, Каруса, Фейгеля, Арнольда Бераца, Зиммеринга, Бокка, Свена, Шассенияка, Кена и Вильсона»³². Благодаря многолетнему чтению таких книг и их заучиванию к переводному экзамену российские юноши усваивали западное представление о сущности болезней и причинах здоровья-нездоровья. После этого два года они применяли эти теории в практике лечения больных в университетских клиниках, городских и окружных больницах и госпиталях³³.

Не сразу и далеко не всегда таких, как хотели, но в 1830–1840 гг. российские власти стали получать от отечественных университетов обученных медиков. Одна только Московская медико-хирургическая академия с 1809 г. по 1832 г. выпустила 831-го лекаря и кандидата медицины, обеспечив ими армейские госпитали³⁴. В 1840 г. ученые медицинские степени в Московском университете получили 69 человек, в Дерпте – 99, в Казани – 16, в Харькове – 78, в Московской медико-хирургической академии – 131 и в Виленской академии – 41. Таким образом, за один только год империя получила 431 обученного на лекаря, ветеринара, аптекаря или повивальную бабку медика. На следующий год число таких воспитанников возросло до 527³⁵. Врачебный «цех» стал самым массовым из профессиональных сообществ России. В 1846 году в нем числилось более восьми тысяч человек, треть из которых служили по военному ведомству³⁶.

То, что уже в начале 1820-х гг. отечественные выпускники почти полностью выместили армейских врачей иностранного происхождения, косвенно свидетельствует заявление редакции «Военно-медицинского журнала» о том, что «русские военные врачи не знают иностранных языков» и не в состоянии читать за-

---

³² ОПИ ГИМ. Ф. 404. Д. 22 «Отчет о состоянии Московского университета за 1845 год». Л. 31об.

³³ Цит. по: *Сточик А.М., Пальцев М.А., Затравкин С.Н.* Указ. соч. С. 297.

³⁴ Сведения о Московском отделении Императорской медико-хирургической академии // Журнал МВД. 1834. Ч. XIV. № 10. С. 163.

³⁵ Ведомость о числе лиц, произведенных в ученые медицинские степени за 1840 и 1841 годы // Медико-статистические известия. 1842. Октябрь. С. 60.

³⁶ См.: *Ханыков Я.В.* История медицинской полиции в России. СПб., 1851.

рубежные медицинские издания³⁷. А в 1830 гг. отсутствие во врачебной корпорации иностранцев воспринималось как показатель высокого уровня развития отечественной медицины³⁸.

О благе государственного служения

«Ни в каком государстве нет таких преимуществ и выгод для врачей, как в России», – с благодарностью писал от имени всей корпорации К.И. Грум-Гржимайло³⁹. И эти слова повторяли многие врачи, имея в виду государственное содержание студентов, чины и возможность роста в них, монаршие знаки отличия, денежные вспомоществования и пенсии за долговременную и беспорочную службу⁴⁰. У военных врачей были еще и дополнительные привилегии⁴¹.

Вольнопрактикующие врачи мечтали о таких условиях. В отечественном варианте интенсивность и доходность частной практики зависела не от плотности или заболеваемости населения, а исключительно от местных элит, степени их европеизированности и финансовой состоятельности. Ученые медики признавались властям, что простолюдины игнорируют их знания или отказываются платить за оказанную медицинскую помощь⁴². Да, и представители дворянства зачастую вели себя не лучшим образом. Бывали случаи, когда помещики запросто выгоняли лекарей из своих имений. Но у штатского врача была защита от произвола. Правительство неизменно вставало на защиту своих

---

³⁷ Предупреждение // Военно-медицинский журнал, издаваемый медицинским департаментом военного министерства. 1823. Ч. 1, № 1. С. VI.

³⁸ Взгляд на состояние медицины в России // Друг здоровья. 1833. № 3. С. 18.

³⁹ Там же. С. 17.

⁴⁰ Речь, произнесенная 9 июля 1832 года, при выпуске лекарей из Императорской медико-хирургической академии, той же академии профессором и ученым секретарем А. Чаруковским // Друг здоровья. 1833. № 8. С. 57.

⁴¹ Напр., с 1843 г. они через каждые пять лет получали добавку к жалованию в четверть оклада (Положение о чинах военно-медицинского ведомства // Медико-статистические известия. 1843. Июль. С. 25–26).

⁴² Примером тому: ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 346. Д. 60 «Медико-топографическое описание г. Углича, составленное Никанором Беттенгером» 1838. Л. 26; Годичный отчет Общества русских врачей, читанный секретарем онаго доктором Е. Смельским 12-го сентября текущего года // Журнал МВД. 1838. Ч. XXIX. № 9. С. 330.

медицинских чиновников⁴³. А вот у частного врача такого тыла не было.

Напоминая читателям о не завидной участи вольнопрактикующих коллег, тот же Грум опубликовал письмо некоего М. Нечаева, который вынужден «сим способом, как известно, многотрудным, сопряженным с большими невыгодами, снискать пропитание для своего семейства»⁴⁴. «Вы следуете за европейской медициной, – жаловался тот, – а мы бедняки, провинциалы врачи доселе остаемся в горести и тоске; мы лишены средств обогащать себя познаниями, необходимого для хотя скудного насущного хлеба»⁴⁵. Не имеющие штатной должности врачи были беззащитны перед любым произволом, нуждались финансово, ощущали себя на периферии корпоративной общности и вряд ли могли принимать участие в отстаивании ее особых интересов. Это кардинально отличало выпускников российских университетов от британских коллег, которые были мало зависимы от государства благодаря хорошим доходам от частной практики и высокому социальному статусу⁴⁶. Вследствие этого заинтересованность российских врачей в развитии превентивной медицины и медицинской полиции была выше, чем у западных последователей Гиппократа, клянущихся служить больным (а не государству)⁴⁷. Об этом говорят многочисленные публикации и выступления профессо-

---

⁴³ Циркулярное предписание г. Министра внутренних дел гг. Гражданским Губернаторам // Медикостатистические известия. 1842. Октябрь. С. 57.

⁴⁴ Письмо издателя // Друг здоровья. 1833. № 46. С. 347.

⁴⁵ Письмо М. Нечаева // Там же. № 41. С. 324.

⁴⁶ О состоянии британской врачебной корпорации в это время см: *Peterson J. The Medical Profession in Mid-Victorian London. Berkeley, 1978; Waddington I. The Medical Profession in Industrial Revolution. L., 1984; Digby A. Making a Medical Living: Doctors and Patients in the English Market for Medicine, 1720–1911. Cambridge, 1994.*

⁴⁷ О государственном служении русских врачей писали А. Ренер и А. Куксхаузен. Специфика их положения в империи становится еще более очевидной при сопоставлении со статусом врача в немецких государствах: *Weindling P. Bourgeois values, doctors, and the state: the professionalization of medicine in Germany 1848–1933 // The German Bourgeoisie. Essays on the social history of the German middle class from the late 18th to the early 19th century / Ed. By D. Blackbourn, R.J. Evans. London; N.Y, Routledge, 1991. P. 198–223.*

ров, в которых развивались идеи основателя медицинской полиции И.П. Франка⁴⁸.

Интерес отечественных врачей к медицинской полиции дал о себе знать уже в XVIII веке. Так, в опубликованной в Геттингене диссертации «Государственная власть – самый лучший врач» И.Л. Данилевский призывал правительство озаботиться распространением через школы санитарного просвещения, приступить к осушению болот, очищению городских водоемов и воздуха⁴⁹. Медленный прирост населения в России диссертант объявил последствием религиозных предрассудков, длительности армейской службы, частых войн и связанными с ними венерических заболеваний. Вероятно, в условиях довольно слабого роста городского населения и преимущественно сельскохозяйственного развития Российской империи эти пожелания еще не были общей потребностью. Тем не менее, труды Франка и его российских последователей способствовали институционализации медицинской полиции. Она стала частью курса лекций по судебной медицине в Московском университете⁵⁰.

Не только профессора, но и их воспитанники говорили о своей благодарности государству и главное – доказывали это делом. Особенно отчетливо это проявлялось в ситуациях конфликта интересов власти и обывателей, например, во время рекрутских наборов. В рекрутском присутствии врач оценивал здоровье новобранцев и делал заключение о их (не)способности нести воинскую повинность. Примечательно, что довольно часто медики видели в болезнях рекрутов «уклонение» и симуляцию, о чем писали в рекрутский комитет и Медицинский совет МВД. Так, например, поступил казанский врач, посчитавший струпья на коже головы у молодых татар следствием самовредительства. Согласно его заявлению, потенциальные рекруты намазывали голо-

---

⁴⁸ И.П. Франк издал многотомный труд «Система совершенной медицинской полиции», в котором медицина предстала частью социальной политики государства.

⁴⁹ Медицина // Большая медицинская энциклопедия... С.221–222.

⁵⁰ Одним из первых медицинскую полицию стал читать профессор Ф.Ф. Керестури. В 1795 г. он же выступил на торжественном собрании университета с речью «О медицинской полиции и ее использовании в России». Тогда же его коллега, профессор И.Ю. Вельцин призвал власти объявить заботу о здоровье граждан государственной задачей (См.: *Вельцин И.Ю.* Начертание врачебного устройства или О средствах, зависящих от правительства к сохранению народного здоровья. СПб., 1795).

ву смесью извести и сметаны и носили её под тубетейкой три дня⁵¹. Подобные сообщения служили основанием для расширения списка физических недугов, допускающих забор юношей в армию. Получая объяснения врачей, МВД публиковало распоряжения о признании годными «запаршивевших мужчин» или что «рубцы и знаки от ран и язв, приросшие к костям, хрящам и сухожилиям, если не препятствуют свободному действию члена и ношению амуниции, и притом не находятся на членосоединениях, не должны освобождать представляемых людей от приема в рекруты»⁵².

Другой иллюстрацией служебной этики является стремление университетских выпускников сделать роды и кормление младенцев медицинскими событиями. С XVIII в. они настаивали на необходимости государственного вмешательства в эту «семейную» сферу. О связи грудного кормления, чистого содержания и закаливания младенцев с государственным благополучием и «медленным умножением народа» писали еще Н.М. Амбодик-Максимович и С.Г. Зыбелин. Но, несмотря на их труды и выступления, ситуация, видимо, не менялась, и их ученики писали об этом как о неразрешенной проблеме. «Грубое и невежественное обращение бабки с новорожденным, – предупреждал чиновников А. Чаруковский, – леность, беспечность и ветреность няньки, излишняя нежность и заботливость матери, нездоровая кормилица и тысяча предрассудков, выдуманных для подорвания именно младенческого здоровья» сокращают народонаселение страны⁵³. С цифрами на руках его опасения повторяли губернские врачи, которые доказывали, что детская смертность порождена отнюдь не условиями российского климата. Женщины в Казанской губернии, – сообщал один из них, – рожают по восемь-десять детей, но из-за «дурного содержания, кормления и простуживания детей» выживают только двое-трое⁵⁴. Тем самым врачи освободили проблему умножения населения от географического детерми-

---

⁵¹ Медико-топографические сведения о Казанской губернии // Журнал МВД. 1834. № 10. С. 33

⁵² Правительственные распоряжения // Медико-статистические известия. 1842. Апрель. С. 21.

⁵³ Отрывок из народной медицины. Соч. док. А. Чаруковского // Журнал МВД. 1837. Ч. XXV. С. 512.

⁵⁴ Медико-топографические сведения о Казанской губернии // Там же. 1834. № 10. С. 36.

низма и поместили ее в сферу медицинской полиции. Подталкивая власти к вторжению в традиционно семейные отношения, они настаивали на том, чтобы выбор кормилицы осуществлялся экспертами, то есть медико-полицейскими ведомствами⁵⁵.

Выступлениями, публикациями, обращениями во власть воспитанники медицинских кафедр убеждали современников, что с грудным молоком всасываются либо полезные вещества и высокие нравственные ценности, либо физические и нравственные болезни. «Из опыта известно, – заверял один из них, – что нравственность кормилицы имеет большое влияние на здоровье ребенка <...>. От гнева, злобы, зависти непостижимым образом меняются благотворные свойства молока»⁵⁶. Впоследствии провозглашенная врачами биологическая зависимость станет одним из тропов национального сознания («впитавший русский дух с молоком матери»).

Подобно философам-утопистам на Западе и отечественным литераторам пост-декабристского поколения университетские медики мечтали о просвещенном государстве и были готовы бескорыстно трудиться над его возведением. И если литераторы уповали в этом деле на народный дух и национальную идею, то врачи верили в потенциал науки. Со ссылками на труды английского социалиста Р. Оуэна, профессор уверяли слушателей в том, что «коренное улучшение цивилизации может быть достигнуто в будущем только посредством науки о влиянии окружающих условий на человеческую природу и о способах управления этими условиями»⁵⁷. Видимо, им был созвучен его призыв к правительствам «рационального строя» «установить точно, что представляет собой человеческая природа» и править в соответствии с ее законами. Правда, британский утопист считал, что врачи как представители «свободной профессии» не могут быть сообщниками правительств в этом деле, так как их финансовое благополучие зависит от заболеваемости населения. Выход из конфликта интересов мыслитель видел в создании альтернативной медицины – государственной и общественной.

---

⁵⁵ Годичный отчет Общества русских врачей, читанный секретарем онаго доктором Е. Смельским 12-го сентября текущего года // Там же. 1838. Ч. XXIX. № 9. С. 363. В 1845 г. оно было переименовано в Физико-медицинское общество.

⁵⁶ Выбор кормилицы // Друг здоровья. 1833. № 4. С. 26.

⁵⁷ Медицина // Большая медицинская энциклопедия... С. 139.

И даже если под этими понятиями Оуэн подразумевал нечто иное, у его российских почитателей была возможность представить себя представителями провозглашенной им медицинской организации и назвать её «истинной» и «русской». Миссию своего «сословия» профессор Н.Я. Дьяков видел не столько в верно-подданническом исполнении служебного долга, сколько в том, чтобы «давать советы правительству как надлежит пещись о всеобщем здравии и благосостоянии народов в пользу государства». Врачебная полицейская наука, указывал он, «есть советодательница правительству государств, служащая к поддержанию государственного блаженства и всенародного здравия, к предохранению от пагубных болезней, снабжающая государство от жителей...»⁵⁸. В этой цитате очевидна озабоченность врача опасностями, которым подвергаются «здоровое государство» и «народное здравие» со стороны «больных подданных».

Врачи предлагали правительству вместе заботиться о народонаселении империи. Профессора часто говорили с университетских кафедр о необходимости его увеличения. Тот же Дьяков уверял чиновников, что «каждое государство старается о размножении своего народа, ибо то только государство может по справедливости почесться самым счастливым, сильнейшим и богачейшим, которое может похвалиться большим числом цветущих здоровьем горожан. Таким образом, славными мирными постановлениями щадится человечество, берегаются люди и сохраняется размножившееся число их»⁵⁹. Во всех такого рода заявлениях речь шла о разработке совместных рациональных действий, которые приведут к демографическому росту и, как следствие, к росту благосостояния.

И хотя в России знали о популярной на Западе экономической теории нищеты как результата демографического всплеска, она не вызывала интереса. Со времен М.В. Ломоносова ученые и государственные мужи говорили и писали о необходимости «размножения и сохранения русского народа». В правление Николая I за это ратовали уже не только профессора, но и просвещенные бюрократы. Вступив в эту политическую дискуссию, основатель российской статистики и учитель цесаревича К.И. Арсеньев утверждал, что прирост населения есть «мера мудрости Правительства и свидетельство благоденствия или упадка державы и

---

⁵⁸ Медицина // Большая медицинская энциклопедия... С. 233.

⁵⁹ Там же.

народа»⁶⁰. Кто-кто, а он-то знал о симпатии монарха идеям Р. Оуэна и В. Петти.

Приняв данное положение за основу официальной идеологии, власти неожиданно для себя оказались перед лицом не радужной картины. Таблицы «движения народонаселения», составленные в 1819 г. на основании метрических книг Синода и отчетов министерства полиции, показали, что из «тысячи новорожденных мальчиков достигают шестилетнего возраста около 555, менее половины достигают десятого года»⁶¹. Реакция на полученные сведения в политических кругах была возмущенной⁶². Власти заявили об искажениях цифр и желании получить более «надежные» данные. В связи с этим в 1834 г. было подписано «Положение о создании губернских и областных статистических комитетов», которым поручалось представить в Петербург новый цифровой материал⁶³. Но результат вновь не удовлетворил правительство, от лица которого МВД сообщило, что поступающие в комитеты из губернских присутствий сведения не регулярны, в них масса неточных и повторяющихся данных, затрудняющих их обработку и сравнение⁶⁴. Разочарование в способности административной сети дать необходимые сведения и одновременно с этим растущая в них потребность власти стимулировали развитие статистики в университетах⁶⁵.

В 1840-е гг. журналы военного и гражданского ведомств стали публиковать данные, присланные из регионов университетскими выпускниками⁶⁶. Изготовленные ими таблицы позволили поли-

---

⁶⁰ Арсеньев К.И. Исследования о численном отношении полов в народонаселении России // Журнал МВД. Ч. 5. С. 5

⁶¹ Медицина // Большая медицинская энциклопедия... С. 231.

⁶² См.: Литвак Б.Г. О достоверности сведений губернаторских отчетов XIX в. // Источниковедение отечественной истории. М., 1977. С. 125-144; *Он же*. Губернаторский годовой отчет. Проблема достоверности сведений губернаторских отчетов // Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации. М., 1979. С. 161-186.

⁶³ Комарова Н.И. Научно-историческая деятельность статистических комитетов // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 85.

⁶⁴ Теория Статистики, основанная на началах Джюйя // Журнал МВД. 1837. Ч. XXV. С. 190.

⁶⁵ Национальный архив Республики Татарстан (далее НАРТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 4951 «Об отправлении профессора Горлова в ученое путешествие по восточной части» (11 февраля 1839 – 22 ноября 1848). Л. 38.

⁶⁶ Пример тому: Медико-статистические сведения по С.-Петербургу и С.-Петербургской губернии за 1836 год // Журнал МВД. Ч. XXIV. 1837.

тикам «с цифрами на руках» опровергать утверждения западных критиков о низкой витальности империи, о её неблагоприятном для проживания людей климате⁶⁷, о неразвитости в ней медицинской полиции. «Простое сличение таблиц под № II и № IV, – заверял один из министерских аналитиков И. Линк, – показывало уже, что отечество наше не подходит под правила, столь блистательно оправданные трудами многих известных Политико-Арифметиков»⁶⁸. Подкрепляя «оптимистичные цифры» рассказами, губернские врачи сообщали, что в местах их службы «...нередко встречаются люди 90 и 100 лет и народонаселение, особливо Русского поколения, весьма быстро умножается»⁶⁹, а климат большей части империи здоровый⁷⁰.

Сплочению интересов и артикуляции совместных целей государства и врачей содействовали рост городов и частые эпидемии. Концентрация рабочего люда обострила санитарные проблемы, которые раньше не имели государственного значения (проблема питьевой воды, канализации и очистки улиц от мусора). В университетских городах врачи прилагали огромные усилия, чтобы убедить местных администраторов в оправданности трат на это⁷¹. А вот во время всероссийских эпидемий инициатива сотрудничества с врачами исходила уже от чиновников. Так, в ходе холерной трагедии 1830–1831 гг. правительство созвало профессоров и обретших богатый медицинский опыт университетских выпускников в специальный комитет⁷². В него, в частности,

---

С. 149–160; *Гаевский С.Ф.* Статистические сведения о С.-Петербурге. СПб., 1836.

⁶⁷ [Линк И.] Сочинение доктора Каспера о вероятном долголетии человека и мнение его о законах смертности в России // Журнал МВД. 1837. Ч. XXIII. № 3. С. 500–514. Имелась в виду книга: *Die wahrscheinliche Lebensdauer des Menschen in den verschiedenen burgerlichen und geselligen Verhaltnissen nach Ihren Bedingungen und Hemmnissen untersucht vom Dr. I.L. Csper.* Berlin, 1835.

⁶⁸ [Линк И.] О законах движения народонаселения в России // Журнал МВД. 1836. Ч. XX. № 4. С. 268.

⁶⁹ Медико-топографические сведения о Казанской губернии // Там же. 1834. № 10. С. 26.

⁷⁰ Медико-топографическое описание Черниговского, Гродненского и Сосницкого поветов // Военно-медицинский журнал. Ч. IX. № 2. 1827. С. 58.

⁷¹ *Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Культура повседневности провинциального города. Казань и казанцы в XIX–XX веках. Казань, 2008. С. 87–88.

⁷² По высочайшему повелению о назначении в состав медицинского при центральной комиссии двух профессоров Мудрова и Эвениуса для пре-

вошли профессора М.Я. Мудров, И.Е. Дядьковский, Ф.И. Иноземцев, Н.И. Пирогов, Н.И. Еллинский и И.Д. Книгин. Объединенными усилиями они разработали инструкцию по подавлению холеры, которую чиновники МВД распространили среди всех врачей империи и добивались её выполнения.

В 1841 г. медицинский совет МВД был реформирован⁷³. Новый Совет должен был ежегодно представлять правительству аналитические обзоры «всего медицинского устройства в Государстве»⁷⁴. В этой связи МВД потребовало, чтобы «все врачи без исключения, как служащие, так и вольнопрактикующие во всех Губерниях и областях, непременно представляли в С.-Петербурге – Физикату, в Москве – Медицинской конторе, а в Губерниях и Обл.ах – Врачебным управам, ежемесячно ведомости»⁷⁵. За отсутствие таковых ведомостей врачи карались «по закону»⁷⁶. Вероятно, идея заставить университетских выпускников делать аналитические описания мест своей службы возникла у чиновников в связи с тем, что во время холерной эпидемии (не только в России, но и во многих пострадавших от нее странах восточной и центральной Европы, а также в Англии⁷⁷) медики установили зависимость размаха бедствия от климатических и санитарных условий местности⁷⁸.

кращения в России болезни холеры, 1830 // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 1. Т. 1. Ед. хр. 3962. Л. 1-1об.

⁷³ Указ Правительствующего Сената // Медико-статистические известия. 1842. Январь. С. 8.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же. Сентябрь. С. 52.

⁷⁶ Правительственные распоряжения // Медикостатистические известия. 1842. Сентябрь. С. 52.

⁷⁷ Холера поразила тогда 36 губерний России, Балканские страны, Польшу, Австрию, Пруссию, Германию, Францию, Бельгию, Голландию и Британию (Пространства в Европе, в коих свирепствовала восточная холера // Друг здравия. 1833. № 26. С. 205–206).

⁷⁸ До этого холера считалась простудным заболеванием. В России её лечили разогреванием в бане, настойкой перца на водке, процеженной кипяченой водой с золой и солью. И поскольку эти средства не помогали во время эпидемии, родилось подозрение в существовании местных разновидностей заболевания: [Губер И.С.] Дневник пастора Губера // Русская старина. 1878. № 8. С. 582.

Профессора Казанского университета утверждали, что холера питалась грязью и распространялась через питьевую воду: Фукс К.Ф. Замечания о холере, свирепствовавшей в городе Казани в течение сентября и октября ме-

Впрочем, избранные в Совет профессора медицины могли добиваться этого от учеников и коллег и по иным соображениям. Согласно популярной тогда теории английского врача Вильяма Петти, «благо страны нужно искать в производительной силе самого человека», а последняя зависит от болезней и смертности. Один из основоположников политической экономии полагал, что научно осмысленные данные о числе рождений, возрасте умерших, температурных изменениях, ландшафте и климате позволят человечеству возобладать над природой, то есть отрегулировать демографические процессы и воздействовать на окружающую среду.

Во многих странах сторонники его идей включились в исследовательскую работу: собирали и публиковали статистические, картографические, метеорологические, этнографические сведения, создавая единую медицинскую географию Европы⁷⁹. Видимо, тогда на её выводы политики возлагали большие надежды. «С точки зрения терапии и общественной гигиены неоспоримо, – писал, например, Ж.Ш.М. Буден, – что медицинской географии предоставлено доставить прекраснейшие практические приложения, частью чрез определение мест самых благоприятных для врачебного или предохранительного лечения известных болезней, частью чрез указание пределов, как в вертикальном, так и в горизонтальном направлении, за которыми известные болезни, считающиеся прилипчивыми, окончательно перестают существовать. Легко понять, то важное влияние, которое вследствие этого может иметь подобное изучение на взаимные отношения между

сяцев 1830 г. Казань, 1831; *Он же*. Замечания о холере, свирепствовавшей в городе Казани в течение сентября и октября месяцев 1830 г., сделанные доктором и профессором Фуксом // Казанский Вестник. 1831. Ч. XXIX, кн. III. Апрель. С. 218–255; *Лентовский А.Е.* Медико-топографическое описание г. Казани // Там же. Кн. II. С. 185–195.

⁷⁹ Так, на их основании определялись лучшие и худшие места для человеческого проживания. Так, во Франции самым здоровым городом был назван Лион. В России врачи присвоили такой статус курляндскому городу Виндаве (Здоровый город в Курляндии // Журнал МВД. 1838. Ч. 27, № 1. С. 3).

Крейсти А.И. Медико-топографическое описание Лондона по лучшим руководствам составленное. СПб., 1828; *Л.* Известие о постепенном размножении рода человеческого в Европе в начале 19 го столетия. Соч. Г-на Бекоастона дё Шатонев, произнесенное в Академии наук 23 Октября 1826 года // Московский вестник. 1828. Ч. 7. С. 37–40; О богатстве относительно к народонаселению. Отрывок из книги: Новые основания Государственного хозяйства, или о богатстве в отношении к народонаселению, соч. Сисмонди. Париж, 1827 г. 2 части // Там же. 1827. Ч. 3, № 11. С. 348–371.

народами, которые теперь, вследствие старых предрассудков, равно как и опасений за общественное здоровье, находятся в достойном сожаления разьединении»⁸⁰.

Такое регулирование могло быть достигнуто только при наличии полной картины. Между тем белые пятна в медицинской картографии мира (и в частности, из-за отсутствия данных по «странам» и «краям» огромной Российской империи) не позволяли экспертам сделать эти выводы и дать рекомендации современникам.

Судя по всему, министерские чиновники и профессора считали, что в силу знания естественнонаучных дисциплин и долголетних наблюдений за пациентами, университетские выпускники смогут доставить новое (объективное, системное и научное) знание об империи. Принуждая их к этой работе, Совет действовал не только «кнутом», но и «пряником». За качественно собранные по разосланному вопросу данные правительство обещало врачам повышение в чине.

И поскольку новое знание требовало не только от производителя, но и от потребителя профессиональной подготовки, то оценивать качество полученных текстов было поручено профессорам Совета МВД и медицинского факультета Московского университета.

Медико-топографические описания

В ответ на призывы учителей и поощрения чиновников университетские воспитанники включились в описание жизни разных социальных слоёв, болезней и способов лечения народов, наблюдали за местным климатом и температурными изменениями, интересовались причинами заболеваний и смертей, давали публичные лекции, выступали на торжественных актах, критиковали городские и губернские власти, публиковали собранные наблюдения. В разработанной в 1840 г. инструкции такого рода общественная деятельность была вписана в профессиональные обязанности «русского врача»⁸¹.

Конечно, интерес к изучению местной культурной среды медицины проявляли с момента основания врачебных факультетов в России. В провинциальных университетах приехавшие доктора медицины были первыми исследователями-этнографами. Кроме

---

⁸⁰ Буден Ж.Ш.М. Опыт медицинской географии // Военно-медицинский журнал. 1852. Т. LIX. С. 2-3.

⁸¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 31. Д. 117 «Дело об отклонении проектов инструкций для профессоров, служащих и учащихся Московской медико-хирургической академии, в связи с предполагаемым соединением академии с университетом». 5 мая - 17 июня 1840. Л. 5об.

К.Ф. Фукса, такие записи оставил харьковский профессор К.Ф. Роммель⁸². Однако, похоже, в этих текстах авторы ощущали себя скорее учеными путешественниками, чем врачами. В них мало чисто медицинских наблюдений. Во всяком случае, Фукс и Роммель писали не от лица профессиональной корпорации. Изучение народов было для них частью идентичности университетского интеллектуала. Очевидно, в 1810–1820 гг. врачи еще не выделяли себя из «ученого сословия» и так видели задачи европейского исследователя на «Востоке» вообще. Но постепенно медицинская практика и владение национальными языками сократили дистанцию между исследователем и наблюдаемым объектом.

Во врачебных текстах 1830–1840 гг. этнографический язык стал вытесняться медико-биологическими и медико-химическими терминами и теориями. Например, негативное воздействие регионального климата на организм объяснялось как цепная химическая реакция: от миазмов гнилого воздуха «происходит цепенение членов, потеря языка, отсутствие рассудка»; «от сего ослабляется пищеварение, происходит в количестве и качестве измененное выделявание питательного сока, испорченное кровотообразование, уподобление и плототообразование»⁸³. Данная интерпретация выдает адаптацию русскими врачами теории Максимилиана Штоля (Stoll M.), «отличительный характер которой, – как сообщал «Медико-физический журнал», – состоит в непрерывном отношении всего к эпидемическому состоянию атмосферы, а также к желудочным и кишечным нечистотам»⁸⁴.

Когда в 1834 г. казанский профессор медицины сообщил в журнале, что русские женщины «из мещанского сословия и низшего купечества» не носят под платьем нижнего белья и иной одежды, «закрывающей живот и ноги», его, в отличие от предшественников

---

⁸² Роммель Х.Ф. Пять лет из истории Харьковского университета. Воспоминания профессора Роммеля о своем времени, о Харькове и Харьковском университете (1785–1815). [Предисл. Я. Балясного]. Харьков, 1868; *Багалей Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам): В 2 т. Харьков, 1898. Т. 1. С. 1005.

⁸³ *Добронравов С.Ф.* Медико-топографическое описание княжеств Молдавии и Валахии, составленное бывшим главным доктором всех военновременных госпиталей в княжествах Молдавии и Валахии и крепости Силистрии, с присовокуплением статистической таблицы г. Бухареста. М., 1831. С. 74.

⁸⁴ Обзорение важнейших открытий, теорий и систем Врачебной науки от 1700 до 1790 гг., то есть до издания журнала изобретений // *Медико-физический журнал.* 1808. Ч. 1. С. 23–24.

интересовала не экзотика «нравов», а физиологические последствия этого обычая⁸⁵. Видимо, переход от этнографизма к профессиональному дискурсу осуществлялся в те моменты, когда поставленный университетским обучением взгляд превращал объекты наблюдения из культурных артефактов в страдающего пациента.

Вместе с тем, в отличие от своих немецких учителей воспитанники российских университетов ощущали себя не наблюдателями, а знатоками народной жизни. В 1830 гг. многие из них были «поповичами», то есть выходцами из духовного сословия. Выступая в роли носителей особого знания, выпускники медицинских кафедр рассказывали современникам о них самих и их соседях, объясняли социальные проблемы, пытались решить их с помощью политической власти.

Взгляд изнутри позволил врачам провести ревизию русского национального дискурса и вывести его из противоречия с западным медицинским дискурсом⁸⁶. Например, они констатировали слабость здоровья у русского простонародья. Согласно многолетним наблюдениям Н. Беттенгера в Угличе социальные низы «поклоняются Бахусу и Венере», а потому пребывают в изнеможениях и болезнях⁸⁷. Многочисленные и поступающие из разных губерний свидетельства такого рода опровергли заверения российских патриотов-романтиков начала века (П.П. Свиньин, М.И. Антоновский, В. Измайлов) о телесной крепости русских мужиков. Такая крепость объяснялась либо нравственной чистотой и западной неиспорченностью⁸⁸, либо тем, что простолюдины «предохраняет многотрудная жизнь от болезни; сего действительного и верного лекарства лишены люди праздные, погрязшие в роскоши, которая губит и телесное и душевное здоровье»⁸⁹.

Правда, университетские профессора и раньше подвергали заявления национальных романтиков сомнению и остужали по-

---

⁸⁵ Медико-топографические сведения о Казанской губернии // Журнал МВД. 1834. № 10. С. 31.

⁸⁶ Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи, или Увидеть русского дано не каждому. М., 2011. С. 117-121.

⁸⁷ Здесь Беттенгер почти дословно цитирует Пушкарева, автора медико-топографического описания Петербурга: от апоплексии, по его мнению, чаще страдают простолюдины вследствие неумеренной преданности «Бахусу, карточной игре и Венере».

⁸⁸ Подр. об этом см.: Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи... С. 130-131.

⁸⁹ Вишленкова Е.А. Визуальное народоведение империи... С. 130-131.

рывы пылких певцов русскости⁹⁰. Однако до появления медико-топографических описаний их аргументы не подкреплялись цифрами. Собранные в 1830–1840 гг. врачебные наблюдения содержали данные об условиях жизни фабричных и горнозаводских рабочих⁹¹, статистику заболеваемости и смертности среди бурлаков, столяров и извозчиков⁹². После них утверждать телесные преимущества русской нации стало затруднительно. Во врачебном дискурсе Россия предстала как типичный пример общеевропейской социальной и санитарной ситуации, объект, нуждающийся в приложении совместных усилий правительства и врачебного сословия.

Вовлеченные в описания империи и читающие наблюдения друг друга, люди разных медицинских специальностей, мест и родов службы, чина и возраста, выпускники разных университетов стали чувствовать себя единым «говорящим» сообществом экспертов. Видимо, в научных обсуждениях населения империи, обстоятельств его жизни, его отношения к здоровью произошло обострение их профессиональной идентичности. Обретенные в университете и во время службы в регионах знания предназначались врачами для улучшения жизни в империи. «Сие да послужит средством (для врачей. – Е. В.), – взывал К.И. Грум-Гржимайло, – пред лицом Монарха и Отечества представлять отчет о своих занятиях и успехах, обнаруживать свое рвение к общей пользе, и с признательностью воздавать то, чем они обязаны правительству»⁹³.

Учрежденная на волне этих настроений народно-медицинская газета «Друг здравия» (1834) активно содействовала нацио-

---

⁹⁰ Речь, говоренная при торжественном открытии Императорского Казанского Университета 5го июня 1814 г. красноречия, стихотворства и языка Российского Экстраординарным Профессором Василием Перевозчиковым. Казань, 1814. С. 5.

⁹¹ Медико-топографическое описание Саткинского завода, составленное лекарем Василием Марковым, 1843 // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 350. Д. 45; Медико-топографическое описание Нижнее-Тагильских заводов, составленное лекарем Шмониным, 1843 // Там же. Д. 150; Сочинение «Практическое наблюдение над расстройством груди мастеровых стекляннно-хрустальной фабрики с изложением способа лечения и мер предохранительных, написанное лекарем Доброславиным, 1844 // Там же. Оп. 351. Д. 94; Медико-топографическое описание Шостинского порохового завода, написанное лекарем Канчиоти, 1845 // Там же. Оп. 352. Д. 63.

⁹² [Синицын] Медико-топографические сведения о Нижнем Новгороде // Журнал МВД. 1838. Ч. 27. № 3. С. 471.

⁹³ Взгляд на состояние медицины в России // Друг здравия. 1833. № 3. С. 18.

нализации медицинской науки в России. В середине 1830 гг. ее роль виделась в освобождении русских ученых врачей от культурной гегемонии Запада. Тогда Грум призывал коллег преисполниться национальным достоинством и перестать «раболепно представлять свои труды на суд иноземной расправы и благоговейно принимать надменные отзывы неродных нам Аристархов»⁹⁴. А в 1850 гг. очевидное преимущество русской медицины виделось российским профессорам в культурной отсталости страны и порожденной ею возможности безошибочно апроприировать мировые научные открытия. «Пользуясь всеми данными уже подготовленными, [мы] сортируем и выбираем из них более положительные, действуя, следовательно, эклектико-критически и не увлекаясь ни системами, ни личностями, ни тщеславным упрямством, столь вредным по своим последствиям. Направление, которое принимает наша медицина, – заверяла профессиональная элита, – есть казуистическое, то есть основанное на оценке положительных клинических опытов и наблюдений, при посредстве всех возможных пособий, доставляемых естественными науками»⁹⁵. В этой интерпретации Запад представал в виде интеллектуального сырьевого ресурса для России. История же отечественной медицины виделась ее творцам своеобразной химической лабораторией, где «в руках дельных, образованных клиницистов всякий случай проходит сквозь фильтру этой научной ткани, оставляя на ней весь сор прежней схоластической пыли, и попадая в предварительно подготовленные пробирные сосуды, обрабатывается и испытывается всеми возможными реагентами»⁹⁶. Такая метафора позволила снять комплекс зависимости и вторичности.

Конечно, призывы и настроения столичных профессоров еще не дают оснований говорить об устоявшейся самоидентификации врача как общественного и научного деятеля или национально мыслящего эксперта. Для провинциальных университетов идеи столичных коллег были «от лукавого». Более актуальной оставалась для них проблема доступа к профессиональным знаниям и материального выживания. И потому декан медицинского факультета Харьковского университета убеждал министерство не в профессиональных преимуществах своих воспитанников, а в

---

⁹⁴ Друг здравия. 1835. № 2. С. 11.

⁹⁵ От редакции // Там же. 1852. № 1. С. 1.

⁹⁶ Там же.

необходимости их доучивания в западных университетах и приобщения к западным знаниям⁹⁷.

Итак, врачебная экспертиза империи повернула социальное изображение современников от субъективности этнографических описаний в сторону более «точного» и системного знания, полученного посредством длительных наблюдений и многолетнего сбора однопорядковых данных. И хотя в изучаемое время врачи сочетали «субъективные» наблюдения и «объективные» данные о климате, почве и заболеваемости (в зависимости от государственного заказа на знания и от представления о том, что важно для рационального дифференцированного управления империей), они предложили современникам выводы, добытые внутри профессиональной процедуры исследования и сформулированные в профессиональных терминах.

Подобно прочим таксономическим просвещенческим проектам, созданные в николаевское царствование врачебные тексты были направлены на упорядочивание и рационализацию видимой беспорядочности. Врачи отталкивались от исторического и географического экскурса, а оригинальный анализ начинался в разделах питания и болезней. Как правило, их исследования содержат лишь отдельные примеры влияния на население «язв» современной жизни, иногда в них обнаруживаются специфические социальные диагнозы. В основном же они вполне традиционны и вписывались в существующие в империи государственные и национальные модели, не предлагая собственного видения социума и его проблем. Их когнитивная новизна связана с тем, что университетски подготовленные врачи предложили современникам выводы, добытые внутри профессиональной процедуры исследования и сформулированные в профессиональных терминах. И если тексты географов и этнографов ассоциировались тогда с описательным «языком культуры» и потому не были легитимными, то универсальный язык медицинской науки – полидисциплинарной и синтезирующей – позволял описывать Российскую империю в общих для всех стран европейского мира терминах, понятиях и метафорах. В результате, российские болезни и «народные характеры» предстали в них не культурной экзотикой, а локальным вариантом нормы.

По всей видимости, медицинский дискурс в России никогда не был однородным и уж тем более он изменчив во временной пер-

---

⁹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 389 «Дело о принятии мер к улучшению учебной части на медицинском, юридическом и философском факультетах Харьковского университета. 1847. Л. 60б.

спективе. Он был произведением новой медицины, которая осмысляла себя не в качестве набора практик воздействия на человеческий организм, а в качестве универсальной мировоззренческой науки. Статистические таблицы служили в ней залогом точности предложенных выводов.

Можно предположить, что, читая из года в год медикотопографические описания фабрик, городов, уездов, губерний, округов и краев, чиновники разных ведомств усваивали медицинскую терминологию и самый взгляд на управляемое население как на нуждающийся в принудительном уходе и лечении коллективный организм. Вероятно, это порождало понимание описанных социальных проблем как российских недугов. Кроме того, усвоение медицинского дискурса должно было вызывать у людей власти восприятие университетски подготовленных врачей в качестве ключа к решению социальных и политических проблем империи.

Всплеск научной и литературной активности университетских преподавателей и выпускников медицинских факультетов в 1830–1840 гг. связан с консенсусом между правящей властью и культурными элитами относительно необходимости другого типа знаний об империи и ее населении. Судя по инициативам профессорских советов, тогда на роль поставщиков такого знания претендовали представители разных дисциплин (географы, землеведы, политэкономы, статистики, историки). Однако только врачи смогли мобилизоваться и провести комплексную экспертизу империи. Почему именно они? Потому что их специальность была синтетической и мировоззренческой. Потому что государство специально их взращивало и имело на них виды. Потому что они были встроены в систему полицейского государства, причем в отличие от прусских камералистов, видели в этом не только выгоду, но и своё призвание. Потому что в отличие от ситуации в России XVIII в., о которой писал М. Раев, их университетское образование позволило сформировать универсалистский дискурс, который совпадал с дискурсом государственным. Потому что врачи были самым многочисленным профессиональным сообществом России, создавшим благодаря помощи и заинтересованности властей плотную коммуникативную сеть. Потому что в силу специфики их государственной службы в России у них сформировалось ощущение собственной избранности и призванности («элитная солидарность»).

УДК 974.084.«19»

ПОЛОЖЕНИЕ РОССИЯН В ГЕРМАНИИ В АВГУСТЕ 1914 ГОДА (по материалам отечественной публицистики)

Э.Е. Абдрашитов

Казанский юридический институт МВД РФ
Кафедра государственно-правовых дисциплин
E-mail: b-el@rambler.ru

И.В. Крючков

Ставропольский государственный университет
Кафедра новой и новейшей истории
E-mail: igory5@yandex.ru

В статье анализируется создание образа россиян, оказавшихся в начале Первой мировой войны на территории Германии. Конструирование данного образа строится на основе воспоминаний очевидцев событий, опубликованных на страницах периодической печати России. Тема унижения русских в Германии в первые дни войны играла важную роль в формировании образа «Германского врага» в России в 1914–1917 годах.

Ключевые слова: россияне, интернированные, военнопленные, тюрьма, шпионы, нейтральные страны, аристократия, война, полиция, страх, унижение.

RUSSIAN SOCIAL AND POLITICAL JOURNALISM ABOUT THE POSITION OF RUSSIANS IN GERMANY IN AUGUST, 1914

E.E. Abdrashitov, I.V. Kryuchkov

The making of the image of Russians stayed on the territory of Germany at the beginning of the First World War is analyzed in the article. The construction of the image is based on Russian published remembrances of eye-witnesses of these events. The theme of humiliation of Russians in Germany on the first days of the war played an important role in the representation of "German Enemy" in Russia in 1914–1917.

Key words: Russians, internees, prisoners of war, prison, spies, neutral countries, aristocracy, war, police, fear, humiliation.

Начало Первой мировой войны оказалось полной неожиданностью для европейцев. К постоянным неурядицам на Балканах европейская общественность привыкла, как и к обострению взаимоотношений между великими державами, отстаивающими

свои позиции на Балканском полуострове, так было в 1878, 1908 и 1913 годах¹. Даже Сербия была обескуражена объявлением Австро-Венгрией войны Белграду. Об этом свидетельствует тот факт, что часть высшего командования сербской армией во главе с воеводой Путником на момент объявления войны отдыхала на австрийских курортах. Они были интернированы, но затем по решению высшего руководства Австро-Венгрии отпущены домой.

Россияне, находившиеся в Германии, отмечали, что еще за два дня до объявления Германией войны России в стране было абсолютно спокойно. Когда русские инженеры, командированные в Дортмунд, обратились в местное полицейское управление с вопросом о целесообразности их дальнейшего пребывания на территории Германии, то это обстоятельство вызвало недоумение у полицейских и бургомистра Дортмунда².

На момент начала войны несколько тысяч российских подданных по тем или иным причинам находилось на территории Германии и Австро-Венгрии. Часть из них являлась курортниками и туристами, ибо в России были очень популярны курорты Австрии и Германии, особенно Мариенбад, Карлсбад, Баден-Баден и другие³. Многие россияне учились в престижных учебных заведениях Австро-Венгрии и Германии. Были и те, кто оказался на территории противника по делам бизнеса. Но самым обидным было попасть в руки врага, проезжая транзитом через территорию Германии и Австро-Венгрии.

Все мужчины - российские подданные от 18 до 50 лет, - попадавшие в категорию военнообязанных, подлежали аресту, и на них распространялся статус военнопленных⁴. Причем им не разрешили проститься со своими родными, передать близким деньги и другие необходимые предметы⁵. Кстати, в России с подданными Германии и Австро-Венгрии мужского пола поступили примерно таким же образом. Что касается женщин, детей и ста-

---

¹ См.: Цвейг С. Вчерашний мир. М., 2004. С. 173.

² См.: Резанов А.С. Немецкие зверства. Книга составлена по рассказам потерпевших и очевидцев, а также официальным документам. Пг., 1914. С. 48-49.

³ См.: Крючков И.В. На отдых в Австрию: туристическая индустрия Цислайтании на службе у российских подданных // Туризм и культурное наследие: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 7. Саратов, 2010. С. 18-19.

⁴ Биржевые ведомости. 1914. 31 июля. Вечерний вып.

⁵ Правительственный вестник. 1914. 24 авг.

риков, то они подвергались временному аресту с последующей депортацией на родину в основном через нейтральные страны.

Сразу после начала боевых действий в Россию проникает информация о тяжелом положении российских подданных, оказавшихся на территории противника, особенно в Германии. Эти сведения формировали и одновременно дополняли образ жестокого и коварного германского врага. На этом фоне империя Габсбургов, несмотря на всю волну австро-венгерских публикаций, также изобилующих описаниями разных жестокостей, все же воспринималась как меньшее зло.

Россияне, сумевшие вернуться на родину, попытались осмыслить печальный и трагичный опыт своего кратковременного нахождения в германском и австро-венгерском плену. Министерство иностранных дел и ряд других российских ведомств организовали сбор информации путем опроса россиян, оказавшихся на момент объявления войны на территории Германии и Австро-Венгрии и переживших ужас плена. Периодические издания России довольно охотно публиковали эти очерки. Кроме того, при поддержке властей в течение 1914–1916 гг. было выпущено несколько сборников, посвященных положению интернированных и военнопленных в Германии и Австро-Венгрии⁶. Эти материалы нашли отражение даже в специально разработанной для солдат памятке, которая должна была стимулировать ненависть к врагу⁷. После войны историческая память о пережитом нашла отражение в целом ряде изданий. В Польше на протяжении 1925–1933 гг. издавался «Талергофский альманах», где публиковались воспоминания людей, прошедших через знаменитый австрийский концентрационный лагерь Талергоф⁸. В годы Великой Отечественной войны память о немецких зверствах во время прошлой войны вновь приобретает большой пропагандистский резонанс⁹.

Публикации воспоминаний людей, оказавшихся в годы Первой мировой войны на территории Германии и Австро-Венгрии,

---

⁶ См.: Высочайше учрежденная следственная комиссия. Русские в плену у австрийцев. Б. м., б. г.; Высочайше учрежденная следственная комиссия. Жизнь русских воинов в плену. Б. м., 1916; Зверства противника в очерках и фотодокументах. Пг., 1916; *Казем-Бек П.А.* Поездка по Германии во время войны русской сестры милосердия. Пг., 1916.

⁷ См.: *Резанов А.С.* Солдатская памятка о немецких зверствах. Пг., 1915.

⁸ Талергофский альманах. Львов, 1925–1933.

⁹ См.: Документы о немецких зверствах 1914–1918. М., 1942.

должны были продемонстрировать российской общественности варварскую сущность тевтонских агрессоров и показать, что война является не «бесшабашным пикником», а войной с лютым врагом, который в случае победы уничтожит основы русской цивилизации.

В России, начиная с петровских времен, быстрыми темпами развиваются взаимоотношения с немецкими государствами, а позже и с Германской империей. Германия становится эталоном развития экономики, образования, культуры. Слово «германский» становится синонимом высокого качества, технического совершенства. Не случайно, что российские производители сельскохозяйственной техники в начале XX в. стремились делать надписи на своей продукции, используя латинский алфавит, ибо крестьяне во многих губерниях с подозрением относились к отечественной продукции, требуя немецкого качества¹⁰. Такой маркетинговый ход был рассчитан на удовлетворение ожиданий потребителей.

Мода на все немецкое раздражала представителей националистических и патриотических организаций России. Поэтому воспоминаниям очевидцев отводилась роль «сеансов разоблачения», на которых были бы показаны вся фальшь и цинизм германской цивилизации. Повествования интернированных, военнопленных и других очевидцев заставляли читателей избавиться от довоенных иллюзий и пересмотреть свое отношение к Германии и Австро-Венгрии. О степени влияния такой пропаганды на российское общественное мнение писал известный российский искусствовед Н.Н. Врангель: «Негодую на немецкие зверства, все с пеной у рта повторяют преувеличенные слухи о жестокостях немцев по отношению к русским, попавшим им в руки»¹¹. Возмущенная общественность не стеснялась в выражениях: «Мы, русские, привыкли немцев считать культурными европейцами, а потому трудно было поверить, чтобы этот народ дошел до такой степени нравственного падения, чтобы вся страна вдруг превратилась в гнусных насильников, убийц и подлых грабителей»¹². Известный российский артист А.А. Данилов прямо отмечал, что «никогда не представлял се-

---

¹⁰ См.: К вопросу о таможенных пошлинах на земледельческие машины. М., 1910. С. 25.

¹¹ Врангель Н.Н. Дни скорби. СПб., 2001. С. 47.

¹² Резанов А.С. Немецкие зверства... С. 1.

бе, что немецкий народ может быть таким некультурным и жестоким»¹³.

Возникал вопрос, как это могло произойти? Первым объяснением стала политика правящих кругов Германии, направленная на разжигание низменных страстей толпы и создание образа врага германского мира, которого следует уничтожить во имя Великой Германии. Русские, французы и другие противники Германии наделялись качествами, выставлявшими их в неприглядном виде. Данная политика активно культивировалась и всячески поддерживалась кайзером Вильгельмом II. В России общественность даже в мирное время, мягко говоря, недолюбливала кайзера. В восприятии россиян постепенно формировался образ сумасбродного и неуравновешенного человека, обросшего комплексами. Одними из первых черт этого образа стали коварство и двуличность Вильгельма II, проявившиеся в его отношении к верному слуге престола и герою объединения Германии канцлеру О. Бисмарку. В условиях военного времени эта неприязнь к кайзеру только усилилась: все зло исходило от него.

Такая персонификация зла должна была, в какой-то мере оправдать наивное отношение россиян к Германии. Картина получалась примерно следующая. Немцы до войны были очень образованными и развитыми во всех отношениях людьми, но, как выяснилось, с низким уровнем гуманизма, чем кайзер и смог воспользоваться. Подобные рассуждения подкреплялись публичными выступлениями Вильгельма II в первые дни войны, в которых он призывал расправиться с врагом самым жестоким способом¹⁴. Граф Сиверс, посетивший одно из таких выступлений германского императора, поспешил поделиться с читателями своими впечатлениями от увиденного и услышанного¹⁵. Он был, якобы, в шоке от манеры поведения Вильгельма II и психологического типажа толпы, впитывающей энергию ненависти по отношению к русским.

Чтобы полностью убедить читателя в разжигании среди немцев ненависти к русским, приводились и конкретные случаи с российскими подданными. Ярким примером стали истории князей Юсуповых и графов Сумароковых-Эльстонов, в день объявления войны оказавшихся в Берлине. Все мужчины призывного возраста этих аристократических семейств были арестованы.

---

¹³ Биржевые ведомости. 1914. 29 июля. Вечерний вып.

¹⁴ Русские ведомости. 1914. 9 авг.

¹⁵ Биржевые ведомости. 1914. 31 июля. Вечерний вып.

Княгиня Ирина Александровна, хорошо знавшая кронпринцессу Цецилию, попросила у той о помощи. Таковая была обещана, но через некоторое время Цецилия признала свою беспомощность, так как приказ об аресте российских аристократов, как и всех наиболее значимых российских подданных, исходил лично от кайзера¹⁶. Правда позже эта история получила счастливый конец, и князя Юсуповы все же попали в уходящий из Берлина поезд императрицы Марии Федоровны¹⁷. Многие россияне, особенно представители светской знати, также пытались взывать к совести германских властей. Графиня Канакрина даже написала письмо генерал-адъютанту германского кайзера графу Дона фон Шлобитену¹⁸. Однако такого рода обращения оставались без внимания и практически никак не влияли на положение российских подданных.

В русских газетах разоблачались различные манипуляции, с помощью которых кайзер и германская пропаганда стремились одурачить своих подданных. Утверждалось, что в Германии подвергаются аресту все военнообязанные, и прежде всего казаки. С другой стороны, сообщалось, что к удивлению самих немецких солдат среди интернированных, но все же отправленных в Россию или нейтральные страны, было очень много женщин, стариков и детей¹⁹.

Большинство россиян-очевидцев, а вслед за ними и российские издания, не сомневались в том, что германские власти, зная о неизбежности войны, сознательно стремились успокоить российских подданных и отсрочить их отъезд за пределы Германии. «Голос Москвы» опубликовал в связи с этим воспоминания гласного Московской городской думы Работкина, в которых сообщалось, что его, лечившегося в санатории в Германии, местный персонал убеждал в абсолютной безопасности и беспочвенности тревог за свою дальнейшую судьбу²⁰. Прозорливый читатель должен был разглядеть в этом тайный коварный умысел и даже сговор владельцев санаториев, пансионатов и гостиниц с германской полицией. К заговору, возможно, был причастен и обслужи-

---

¹⁶ Новое время. 1914. 29 июля.

¹⁷ Резанов А.С. Немецкие зверства... С. 4.

¹⁸ Новое время. 1914. 4 авг.

¹⁹ Резанов А.С. Немецкие зверства... С. 4.

²⁰ Голос Москвы. 1914. 3 авг.

вающий персонал других учреждений, в которых проживали российские подданные.

Как писали газеты, даже гарантии высших должностных лиц оказались на поверку малозначимыми. Например, генеральный комиссар русского отдела на международной выставке в Лейпциге гофмейстер А.В. Бельгради, предчувствуя надвигающуюся грозу, решил свернуть российский павильон и срочно вместе с русским персоналом покинуть Германию. Выставочный комитет, в состав которого входил и губернатор Саксонии фон Бургедорф, призвали гофмейстера не предпринимать таких действий, всячески его успокаивали и подчеркивали, что у А.В. Бельгради имеется дипломатический паспорт. Гофмейстер получил все гарантии, в том числе в полном расположении к россиянам германских властей и местной общественности. В случае экстремального развития ситуации представителям России, Великобритании и Франции были обещаны безопасность и возможность свободного выезда из Германии. Все экспонаты должны были в присутствии российских и германских представителей опечатаны и переданы на хранение саксонским властям²¹. Однако на деле все оказалось иначе. После начала войны А.В. Бельгради был арестован, несмотря на свой дипломатический паспорт.

Прекращение выдачи россиянам денежных переводов стало еще одним способом задержки их на территории Германии и Австро-Венгрии: в условиях отсутствия необходимых средств россияне не могли приобрести билеты на выезд в Россию. За несколько дней до начала войны, даже после получения специальных уведомлений, многие российские подданные не могли получить причитающиеся им средства в банках Германии и Австро-Венгрии²². Например, в такую ситуацию попал депутат Государственной думы России Н.Л. Марков-первый, проживавший с супругой в Гамбурге. Ему еще повезло, так как после долгих препирательств сотрудники германского банка все же выдали Н.Л. Маркову некоторую сумму денег²³.

Таким образом, затормозив процесс выезда российских подданных за пределы Германии, германские власти смогли интернировать значительное количество россиян. В России не сомневались, что это им было нужно для пропагандистской разработки

---

²¹ Резанов А.С. Немецкие зверства... С. 35.

²² Новое время. 1914. 1 авг.

²³ Биржевые ведомости. 1914. 1 авг.

образа русского шпиона²⁴. Сенатор С.В. Иванов опубликовал свою историю о том, как он оказался шпионом. Состав, направлявшийся в Россию, в котором находилось примерно 600 россиян, был остановлен на самой границе. В последний момент всех пассажиров выгрузили и повели пешим порядком в сторону Кенигсберга. Конвоиры постоянно издевались над интернированными, симулируя сцены расстрела. По пути немецкие военнослужащие и гражданское население постоянно выкрикивали обвинения в шпионаже в адрес колонны, призывая к расправе над ними²⁵. По свидетельству члена Государственного совета С.В. Качалова, перед тем как группе россиян, снятой с железнодорожного состава и пешим ходом направленной в Кенигсберг, суждено было войти в город, кто-то распространил по столице Восточной Пруссии слухи о том, что русские были замечены в отравлении колодцев, шпионаже и прочих диверсиях: жители Кенигсберга встретили колонну россиян с большой враждебностью²⁶.

Любые, даже самые невинные действия русских были способны вызвать взрыв ненависти со стороны немцев и обвинения в шпионской деятельности. Так, попытка княгини Трубецкой встретиться с германским полковником тут же была расценена как попытка шпионажа. Также был воспринят и переход графини Воронцовой-Дашковой из одного вагона в другой²⁷. Когда один из подданных России, измученный долгими пешими переходами выбросил свою ручную кладь, немецкие охранники сразу натравили на него собак, приняв его действия за метание самодельной бомбы²⁸. Интернированные стали свидетелями, как в Германии разворачивается шпиономания. На улицах и площадях населенных пунктов висели листовки, призывавшие население к бдительности в условиях «разгула русских шпионов». Германские и австро-венгерские газеты пестрели сообщениями об очередных злодеяниях шпионов, об аресте шпионов-одиночек и целых шпионских групп. Время от времени германские солдаты и офицеры, сопровождавшие колонны россиян, сообщали им о начавшихся расстрелах российских шпионов. При этом количество расстре-

---

²⁴ Резанов А.С. Немецкие зверства... С. 5.

²⁵ Биржевые ведомости. 1914. 4 авг.

²⁶ Новое время. 1914. 4 авг.

²⁷ Резанов А.С. Немецкие зверства... С. 14-15.

²⁸ Биржевые ведомости. 1914. 31 июля. Вечерний вып.

ляных росло с каждым днем войны в геометрической прогрессии²⁹.

Вся компания по разжиганию шпиономании и ненависти к русским, по мнению россиян, оказавшихся в августе-сентябре 1914 г. в Германии должна была консолидировать немецкую нацию и оправдать начало войны против России. Культивирование образа врага облегчало мобилизацию немцев. Страх перед русскими шпионами и возможным вторжением русских варваров в Германию заставлял немецкого бюргера спешно вступать в ряды вооруженных сил.

В первые дни войны россияне естественно стремились найти убежище, получить помощь и необходимые консультации в посольстве России в Берлине. Оно рассматривалось как единственное безопасное место, в условиях полной беспомощности российских консульств в различных немецких землях и городах. Однако эти иллюзии быстро улетучились, в посольстве царили паника и полная неопределенность³⁰. Сотрудники посольства рекомендовали всем срочно, любыми способами покинуть территорию Германии и желательно через нейтральные страны. Кроме нескольких «добрых советов» посольство не могло реально ничем помочь, тем более, что и судьба самого посольства в первые дни войны была неясной. В некоторых случаях оно выдавало небольшие суммы денег и бесплатные билеты россиянам, которые по тем или иным причинам оказались без средств к существованию. Этих денег, как правило, хватало только на приобретение билета на выезд из Германии. Следовательно, российские подданные оказались слабо защищенными от произвола германских властей.

Очевидцы событий в Германии в августе 1914 г. отдельно описывают унижение и психологическое давление, оказываемое тогда на подданных России. У того же А.В. Бельгради сначала обыскали квартиру в Лейпциге. При этом полицейские чины небрежным и невнимательным проведением обыска демонстративно показывали гофмейстеру униженность его положения и полную незащищенность. Они в беспорядке разбросали его личные вещи, абсолютно не обратив внимания на имевшиеся у А.В. Бельгради документы и револьвер³¹. Еще одним испытанием для него стал арест в Берлине, где А.В. Бельгради поместили в

---

²⁹ Резанов А.С. Немецкие зверства... С. 84.

³⁰ Там же. С. 82.

³¹ Там же. С. 39.

камеру местной тюрьмы. Гофмейстер императорского двора России и сенатор был вынужден спать в небольшой тюремной камере на грязном белье. Это был верх унижения для такого аристократа. Не раз возникали ситуации, когда россиян после ареста по несколько часов держали в полном неведении относительно выдвинутых против них обвинений или причины задержания, после чего делались заявления об ошибочности их ареста.

Особое возмущение подданных России вызывал тот факт, что при аресте конфисковывалось их личное имущество, в том числе золотые марки и рубли, а после освобождения денежные средства возвращались только бумажными банкнотами. Так, с одной стороны, обижали россиян, а с другой – пополняли золотой запас страны. И в Германии, и в Австро-Венгрии местные жители стремились с началом войны разменивать бумажные банкноты на золотые монеты. По свидетельству Г.С. Калачова, находившегося в группе россиян с уже упоминавшимся сенатором С.В. Ивановым, графиней и графом Канкриными, бароном и баронессой Каульбарс, в течение всего передвижения этой группы по территории Германии им не разрешали менять русские рубли на германские марки. Только один германский офицер тайно поменял Г.С. Качалову рубли по очень невыгодному курсу³².

Тема притеснений, унижений, различного рода несправедливостей по отношению к гражданам России не сходит со страниц газет, приобретая все новые и новые вариации. Очень часто на железнодорожных вокзалах подданные России приобретали билеты в вагоны I и II класса, но данная процедура была абсолютно бесполезной, так как их сажали на первые попавшиеся поезда в первые попавшиеся вагоны. Нередко вагоны с интернированными прицеплялись к военным составам. В подавляющем числе случаев россиян из вагонов I и II классов пересаживали в вагоны III и IV классов³³. Разумеется, разницу в цене проезда никто не возвращал. Многие россияне «читали» злорадство на лицах германских кассиров, сознательно их обманывавших.

Пытаясь хотя бы каким-нибудь образом спасти свое имущество и получить необходимые средства для выезда из Германии, российские подданные устремились к ломбардам Берлина и других городов страны, но здесь им удавалось получить в лучшем случае 30–40% от реальной стоимости имущества. В ряде случаев,

---

³² Новое время. 1914. 4 авг.

³³ Там же.

увидев паспорта России, сотрудники ломбардов вообще отказывались принимать у россиян вещи или выдавали им мизерные суммы. Кроме того, встречались (правда, довольно редко) примеры прямого мародерства со стороны немцев. «Русское слово» писало, что, по утверждению одного анонимного очевидца, он стал свидетелем того, как германский капитан, якобы, сорвал с одной русской дамы дорогие серьги. Причем он не позволил ей отстегнуть серьги, вырвав украшение вместе с плотью³⁴.

Дорога к границам России или в нейтральные страны для россиян превращалась в настоящее испытание. Большая группа русских подданных из Баден-Бадена и других курортов южной Германии добиралась до границы с Данией семь дней. Вся дорога была наполнена различными злоключениями. Людей могли часами водить по различным районам города или из одного населенного пункта в другой, с железнодорожной станции в населенный пункт и обратно. Несколько раз германские власти обыскивали багаж россиян. В ряде случаев вагон отцепляли от состава, и он часами стоял в «чистом поле» под охраной вооруженного конвоя³⁵. Никто из русских не был гарантирован от неприятных неожиданностей, уготовленных германскими властями. На одной из станций толпа заподозрила графиню Воронцову-Дашкову в укрывательстве каких-то предметов, тут же на виду у толпы зевак ее обыскали пьяные солдаты ландвера. После того как обыск ничего не выявил, толпа успокоилась, и несчастная графиня смогла вернуться в свой вагон.

Особый страх вызывали аресты у лиц, оказавшихся на чужбине в одиночестве. Люди перед лицом беды стремились объединяться и держаться вместе. Так было легче отстаивать свои права, вести совместное хозяйство, к тому же в большом коллективе чувство страха несколько притушилось. Поэтому человек, вырванный из такого коллектива, впадал в отчаяние, его дальнейшая судьба была неизвестна, у него возникал вопрос, почему меня арестовали и отделили от остальных? Ответы в основном были выдержаны в мрачных тонах. С другой стороны, и группа, потерявшая своего члена, также подвергалась сильному психологическому удару. Все волновались за судьбу арестованного, к тому же никто не был уверен, что завтра не арестуют его. Особому воздействию в связи с этим подвергались члены семьи арестованного. Возраст, титулы и звания не являлись гарантией безопасности. В середине августа

---

³⁴ Русское слово. 1914. 10 авг.

³⁵ Резанов А.С. Немецкие зверства... С. 46.

был арестован член Государственного совета Шебеко, после чего люди, с которыми он ехал из южной Германии в сторону Дании, больше его не видели. Позже Шебеко после многочисленных мятарств удалось вернуться на родину.

Система психологического давления зачастую приобретала своеобразные формы. Россиян перевозили в грязных вагонах или в вагонах с только что покрашенными лавками, в которых было трудно не испачкать свою одежду. Часто германские солдаты загоняли людей в вагоны, используя грубую силу против детей, стариков и женщин³⁶. Кроме того, подданных России не кормили во время перевозки и запрещали посещать вагоны-рестораны, если таковые имелись. При этом германские офицеры и солдаты довольно часто устраивали публичные попойки в вагонах-ресторанах с обильным употреблением пищи на глазах у измученных россиян³⁷. По сведениям очевидцев, некоторые группы россиян не получали питание по два-три дня. По словам екатеринославского купца М.И. Эля, интернированные, с которыми он ехал, не получали продовольствия в течение двух суток, вода выдавалась только после долгих уговоров³⁸. Были случаи когда воду приобретали на вокзалах по «бешеной» цене в 20 марок за стакан. Люди, имевшие при себе продукты, стремились поделиться ими с остальными россиянами. По сложившейся практике, продукты распределялись среди женщин и детей, мужчины получали пищу в последнюю очередь, либо вообще оставались без нее. Правда, такие факты являлись скорее исключением, большинство подданных России имело возможность получить скромное питание. Наибольшее возмущение у читателей вызывал факт, изложенный известным российским театральным деятелем В.И. Немировичем-Данченко. По его свидетельству, одна из русских дам из-за нервного срыва не могла кормить ребенка грудью, она умоляла немецких охранников дать ей стакан молока. Охранники принесли молоко, но женщине его не передали, дразня ее, в результате чего несчастная женщина сошла с ума³⁹. Такого рода события приобретали большой резонанс, все ведущие издания страны и даже некоторые провинциальные перепечатывали эту информацию на своих страницах.

---

³⁶ Правительственный вестник. 1914. 24 авг.

³⁷ Биржевые ведомости. 1914. 31 июля. Вечерний вып.

³⁸ Петроградский курьер. 1914. 1 авг.

³⁹ Там же.

Ко всем бедам россиян добавилась невозможность соблюдения личной гигиены, так как все умывальники в поездах не имели воды. Еще в более сложной ситуации оказались люди, перевезшиеся в товарных вагонах, не имевших туалетов. Многие россияне, лечившиеся на курортах Германии и Австро-Венгрии, имели заболевания мочевой системы, поэтому многочасовые переезды для них были крайне мучительны. В такой же ситуации оказались девушки и женщины во время месячных. Мужчины стремились поддержать их, делая вид, что ничего не замечают. Цинизм немецкой охраны, казалось, не знал границ: так, после многочасового переезда одной партии россиян в товарных вагонах, состав остановили в открытом поле, и предложили сходить в туалет на виду у охраны, не выделив «женский» и «мужской» сектора⁴⁰.

Сильный удар по психике людей наносил срыв в последний момент их выезда из Германии. Очень часто в воспоминаниях россиян фигурируют факты, когда их под самыми надуманными предлогами ссаживали с поездов и запрещали отъезд. Люди, предвкушавшие свободу и распрощавшиеся со своим тюремным положением, вновь возвращались к суровой действительности. По воспоминаниям одного из профессоров Петроградского университета, состав с россиянами дошел до самого пограничного моста в Восточной Пруссии, и когда казалось, что родина близка, эшелон внезапно вернули назад на германскую пограничную станцию Эйдкунен, где он простоял шесть часов, после чего россияне все же попали на родину⁴¹. В ряде случаев причину задержки поезда немецкие власти объясняли тем, что русские солдаты взорвали все железнодорожные мосты, хотя в начале войны это не соответствовало действительности.

Большое оскорбление россиянам наносила процедура раздевания догола и тотальной проверки одежды, о чем с наибольшим возмущением вспоминал А.В. Бельгради⁴². Особенно чувствительно данный произвол воспринимался применительно к женщинам и девушкам. По свидетельству россиян немцы довольно часто устраивали обыски, заставляя девушек и женщин раздеваться догола на виду у немецких солдат и офицеров. В ряде случаев колонна делилась на две части мужскую и женскую, причем

---

⁴⁰ Русское слово. 1914. 10 авг.

⁴¹ Новое время. 1914. 22 июля.

⁴² Резанов А.С. Немецкие зверства... С. 41.

мужская половина не подвергалась таким процедурам. Встречались примеры издевательского обыска, проводимого германскими офицерами (в основном в обвинительных воспоминаниях фигурируют молодые лейтенанты германской армии), когда женщин и девушек не заставляли раздеваться, но это компенсировалось особой «тщательностью» обыска, выходявшего за все моральные нормы⁴³. В Кенигсберге после такого обыска госпожа Лагус была помещена в тюрьму вместе с проститутками, где россиянку заставили постоянно убирать камеру⁴⁴.

В некоторых случаях сегодня понятные и, казалось бы, естественные действия германских властей по отношению к подданным противника тогда воспринимались в России как подчеркнутое унижение. Так, российские подданные, оказавшиеся в Алленштейне, были возмущены тем, что немецкие часовые сопровождали их до двери туалета и обратно. Забывая, что германские власти, проявив в данном случае «гуманизм», распорядились соорудить два отдельных туалета (женский и мужской).

Особые переживания, если верить газетам, были связаны с утомительными процедурами построений и переключек⁴⁵. Эта процедура превращалась в своеобразный ритуал, организованный немецкими властями. Людей выводили из эшелонов на плац, привокзальные площади или на любую территорию, находившуюся недалеко от вокзала, и выстраивали в шеренги⁴⁶. Вокруг россиян выстраивались германские солдаты, к ружьям в ряде случаев присоединялись штыки, что производило угрожающее впечатление. Очень часто общение конвоя и россиян сопровождалось периодическими переводами затвора ружей в боевое положение, что имитировало подготовку расстрела интернированных. Н.Л. Марков-первый отмечал случай, когда ему и еще нескольким российским подданным в тюрьме Шпандау была устроена имитация расстрела из двух пулеметов⁴⁷. Построение могло продолжаться 5–6 часов, многие не выдерживали данной процедуры, теряли сознание и т. д.

---

⁴³ Новое время. 1914. 30 июля.

⁴⁴ Обзор действий Чрезвычайной Следственной Комиссии с 29 апреля 1915 по 1 января 1916 г. Т. I. Пг., 1916. С. 285.

⁴⁵ Биржевые ведомости. 1914. 31 июля. Вечерний вып.

⁴⁶ Новое время. 1914. 22 июля.

⁴⁷ Биржевые ведомости. 1914. 1 авг. Вечерний вып.

Свою лепту в оказание массированного давления на россиян вносила германская полиция, она постоянно проводила обыски и аресты людей. Причем действия полиции не отличались щепетильностью. Проявлением жестокости полиции стало использование специально обученных собак для охраны и конвоирования задержанных россиян. В ряде случаев полиция использовала собак, натравливая их на людей⁴⁸. Баронесса Розен стала свидетельницей сцены, когда одна русская дама, будучи не в состоянии нести свой тяжелый чемодан по железнодорожному вокзалу, бросила его, германские же полицейские, приняв этот жест за проявление неповиновения, натравили собаку на бедную женщину⁴⁹.

Как уже отмечалось, россиян в массовом порядке заключали в тюрьмы, зачастую в одиночные камеры. Этой процедуре подвергались как женщины, так и мужчины. Мужчин и женщин, как правило, разлучали, размещая в различных концах тюрем. Это вызывало большое психологическое напряжение среди арестованных. Часто женщины полагали, что мужчины расстреляны, а мужчины были уверены, что женщины подвергаются сексуальному насилию со стороны германских солдат и офицеров. Правда, примеры изнасилований в тюрьмах не встречаются, зато можно привести массу свидетельств, когда германские надсмотрщики заставляли женщин раздеваться догола с целью проведения обыска, что приводило к конфликтам⁵⁰. Печальную известность у россиян приобрела прусская крепость Торн. Небольшие одноместные камеры были снабжены только деревянными кроватями без матрасов и подушек⁵¹.

Очень тяжелым оказалось положение россиян в тюрьме города Бреслау (ныне – Вроцлав). У заключенных отнимали ножи, ножницы и другие колющие и режущие предметы. Россиян размещали в одноместных камерах. Причем детей, даже малолетних, отбирали у матерей и также размещали в одноместных камерах. Однако скоро немецкая администрация вынуждена была отказаться от такой практики. По другим свидетельствам, российские заключенные в первый день ареста получили отвратительное питание, состоящее из напитка, отдаленно напоминающего кофе, и

---

⁴⁸ Биржевые ведомости. 1914. 31 июля. Вечерний вып.

⁴⁹ Русское слово. 1914. 1 авг.

⁵⁰ Биржевые ведомости. 1914. 30 июля. Вечерний вып.

⁵¹ Резанов А.С. Немецкие зверства... С. 86.

перлового супа с салом. Изысканная русская публика отказалась принимать такое питание. На второй день администрация тюрьмы Бреслау смягчила режим содержания. Кроме возврата детей матерям, заключенным разрешили через надзирателей передавать записки родственникам и друзьям. Эти послабления во многом явились результатом смерти одного россиянина и психического расстройства у женщины, разлученной со своим сыном. Кроме того, в тюрьме Бреслау было улучшено питание заключенных. Им разрешили за собственные средства покупать хлеб, сахар, молоко и другие продукты⁵². Указанная группа россиян провела в тюрьме три дня. Но при всей тяжести положения больше всего поражал цинизм тюремных врачей, отказывавших русским в помощи⁵³. Охрана тюрем устраивала по ночам шум и дебош, чтобы не дать арестованным спокойно спать⁵⁴.

Своеобразным инструментом оказания давления на интернированных становится подача ложной информации о первых неудачах российской армии в начавшейся войне. В качестве примера можно привести выступление перед русскими подданными германского офицера в эшелоне, шедшем из Берлина в Варнемюнд. Прежде всего он рассказал о падении русской военноморской базы Либавы на Балтийском море, хотя город в это время еще находился под контролем российской армии и был сдан значительно позже. Германские солдаты и офицеры очень любили перечислять пленным захваченные в России города и селения. Эти сведения сопровождались комментариями о мощи германской армии и ее высокой боеспособности, в отличие от российской армии, которая якобы отступала на всех фронтах, демонстрируя свою полную беспомощность. В выступлении вышеотмеченного офицера примечателен еще один момент. Картина униженного положения России была дополнена новыми штрихами, претендующими на некий системный образ. Одним из таких штрихов стал захват германской армией российского золота на 90 млн. рублей⁵⁵. Разумеется, такого факта не было. Но эта небывлица была призвана продемонстрировать полный крах России: на недееспособность армии накладывался полный коллапс государственной

---

⁵² Речь. 1914. 30 июля.

⁵³ Биржевые ведомости. 1914. 30 июля.

⁵⁴ Обзор действий Чрезвычайной Следственной Комиссии с 29 апреля 1915 по 1 января 1916 г. Пг., 1916. Т. I. С. 288.

⁵⁵ Биржевые ведомости. 1914. 31 июля. Вечерний вып.

системы, которая перед угрозой врага не могла сохранить даже национальное достояние.

Интернированным часто попадались на глаза свидетельства германской экспансии в России. На проходивших поездах с германскими солдатами красовались надписи: «На Санкт-Петербург», «На Москву», «На Сибирь»⁵⁶. Следует подчеркнуть, что надписи касались не только России, упоминались столицы Франции, Великобритании, Бельгии.

Способом психологического давления стали заявления о перспективах для русских после успешного завершения войны. Немецкие офицеры говорили о начале депортации русского населения из Польши⁵⁷. Это не было единичным фактом, немцы постоянно заявляли о том, что Россия обречена и рассуждали о ее будущих границах. Так в германских вагонах в августе 1914 г. многие россияне впервые узнали о претензиях Германии на Царство Польское (Привислинский край), Прибалтику, Украину и даже Санкт-Петербург. Можно было предположить, что со всех данных территорий после войны русское население подлежало депортации в Центральную Россию и в Сибирь.

Вообще монологи подвыпивших германских солдат и офицеров стали особой темой в воспоминаниях россиян. Немцы выставляли русского царя в самом неприглядном виде, зачастую демонстрируя пленным карикатуры из германских газет и листовок, на которых правительство России рисовалось как сборище кровожадных и абсолютно неграмотных варваров и т. д. По свидетельству россиян, любимым ругательством немцев в их адрес была фраза «русские свиньи». Ругательство звучало как на русском, так и немецком языках без учета социальной принадлежности и могло быть направлено как в адрес инженера, так и аристократа.

Другой популярной темой воспоминаний, публиковавшихся в российской прессе на начальном этапе войны, стало сексуальное насилие над беззащитными женщинами со стороны немецких офицеров. Не солдат, а именно офицеров, которые в силу своего положения могли себе позволить многое. Российские газеты и агитационные сборники пестрели информацией о насилии над женщинами на оккупированных территориях Бельгии, Франции и России. Все эти истории укрепляли у российского чи-

---

⁵⁶ Новое время. 1914. 4 авг.

⁵⁷ Там же.

тателя ненависть к противнику, отождествляя его поведение со средневековой дикостью, недопустимой в цивилизованном обществе начала XX века⁵⁸.

Появлялись в прессе сведения о насилии и над гражданами России⁵⁹. По свидетельствам интернированных, насилию подвергались даже 10-летние девочки. При этом мужчины не могли помочь несчастным, ибо немцы в случае сопротивления угрожали массовыми расстрелами. Российские и зарубежные агентства сообщали о расстрелах русских мужчин⁶⁰.

На фоне сцен насилия описание случаев с избиением женщин становилось в конструировании образа германского врага чем-то обыденным. Наибольший резонанс в России вызвала история жены директора канцелярии Министерства путей сообщения Н.А. Туган-Барановской. Женщина, страдающая от заболевания кожи лица, проходила лечение в Германии. Как только началась война, ее сразу заставили покинуть германскую клинику и срочно выехать за пределы Германии. В то время как она нуждалась в постоянных перевязках и тщательном медицинском уходе, ее арестовали на железнодорожном вокзале Берлина и на три дня заключили в тюрьму, где с нее сорвали бинты и избили. В камере она не имела даже кровати, в течение трех дней Н.А. Туган-Барановскую практически не кормили. После этого ее погрузили в товарный состав, шедший к границам России. На границе интернированных выгнали из вагонов. Разъезд русской кавалерии подобрал женщину, но на пути в Петроград она умерла⁶¹. Трагическая история Н.А. Туган-Барановской приобрела широкую известность в России и за ее пределами, она стала в этом плане хрестоматийной, войдя практически во все сборники, посвященные описанию германских зверств. Избиению подвергались как представительницы аристократии (например, графиня Воронцова-Дашкова, графиня Потоцкая и др.), так и представительницы других социальных групп российского общества.

---

⁵⁸ Петроградская газета. 1914. 31 июля.

⁵⁹ «Биржевые ведомости» в соответствии со своим профилем пересказали историю одного *банкира*, дочь которого на глазах у отца была изнасилована двумя немецкими офицерами. См.: Биржевые ведомости. 1914. 3 авг. Вечерний вып.

⁶⁰ См., напр.: Новое время. 1914. 30 июля; Речь. 1914. 3 авг.

⁶¹ Правительственный вестник. 1914. 24 авг.

Немцы не делали поблажек ни больным (даже после операции), ни беременным⁶². Охрана не допускала к ним германских врачей и запрещала приобретать лекарства, когда врачи из числа россиян выписывали рецепты. Стрессовая ситуация вела к обострению хронических болезней, что усугубляло физические и моральные страдания в условиях отсутствия нормальной медицинской помощи.

Самой незащищенной категорией населения во время войны стали дети. Произвол германских властей в отношении детей российских подданных становится существенной составляющей в описании немецких зверств. Дети испытывали на себе все лишения, вместе с родителями они страдали в тюрьмах и эшелонах. Немецкие власти не делали для них никаких послаблений, заставляя вместе со взрослыми нести все тяготы плена. Часто немецкие солдаты издевались над голодными детьми, поедая пищу у них на виду, или подсовывая им некачественные продукты. В сутолоке вокзалов и портов дети терялись⁶³. Это стало серьезной проблемой, например, для российского посольства в Швеции.

В общем потоке информации о страданиях русских детей в Германии, большой резонанс в России получила история 12-летнего Курта Симона, сына рижского профессора из прибалтийских немцев. Бешенство немцев вызвал тот факт, что Курт был лютеранином и блестяще владел немецким языком. Германские полицейские, прежде чем отправить его в тюрьму, сильно избили мальчика⁶⁴. Газета «Вечернее время» в продолжение этой темы опубликовала воспоминания русского рабочего оказавшегося в одной камере с Куртом Симоном. По свидетельству этого рабочего, немцы бросили в камеру окровавленное и почти безжизненное тело мальчика⁶⁵. Впоследствии Курта Симона вывезли в Россию, где он сразу был помещен в одну из петроградских больниц; сообщалось также, что от побоев мальчик сошел с ума. Данный случай не только лишний раз продемонстрировал жестокость германских властей в отношении подданных России, в том числе и детей, но он показывал также то, что немцы не делали отличий в национальном и религиозном плане применительно к россиянам, в том числе к прибалтийским немцам.

---

⁶² Петроградский курьер. 1914. 30 июля.

⁶³ Там же.. 29 июля; Русское слово. 1914. 2 авг.

⁶⁴ Биржевые ведомости. 1914. 3 авг.

⁶⁵ Вечернее время. 1914. 2 авг.

Помимо истории с Куртом Симоном были известны случаи, когда россияне, оказавшиеся на момент объявления войны на территории Германии, затем попадали в психиатрические клиники Швеции, Дании, России. Известны и случаи самоубийств россиян. Так, двое супругов, обнявшись, выбросились из парохода, направлявшегося в Швецию, когда они поняли, что потеряли в Германии своих детей⁶⁶. По свидетельству профессора М.Я. Пергаментова, только в одной группе россиян, в которой он оказался, сошло с ума шесть женщин⁶⁷. Известный российский артист Г.Г. Ге стал свидетелем аналогичной ситуации в Ваенце⁶⁸.

На фоне бесконечных унижений и в целом отвратительного отношения к россиянам германских властей и обывателей все же встречались отдельные примеры гуманного обращения. А.В. Бельгради отмечал, как служащие Лейпцигского выставочного комитета стремились облегчить судьбу россиян, в том числе предоставляя свой транспорт для их перевозки. Инженеры С. Заблоцкий и М. Брониковский, командированные в Дортмунд по заданию Министерства путей сообщения России, пользовались покровительством руководства германского завода. Один из германских инженеров сопровождал россиян до железнодорожного вокзала, чтобы оградить их от неприятностей. Администрация завода сделала им специальные удостоверения личности на случай общения с властями⁶⁹. Заботу об интернированных проявляли бургомистры некоторых германских городов.

Отдельной темой является отношение к подданным России священнослужителей Германии. В целом отмечалось, что представители католической церкви были более лояльны и гуманны к россиянам, чем протестанты. В прусском Алленштейне под арестом оказалось около 500 российских подданных. Они не имели никакого сообщения с внешним миром, в том числе и возможности приобретения продовольствия. Бывший среди пленных протестантский пастор смог связаться с местным пастором, который оказал помощь россиянам продовольствием и выступил в качестве посредника в их переговорах с комендантом Алленштейна.

Россияне, оказавшиеся в первых числах августа в Щетине (ныне – Щецин), с большими симпатиями отзывались о местных

---

⁶⁶ Русское слово. 1914. 2 авг.

⁶⁷ Биржевые ведомости. 1914. 1 авг. Вечерний вып.

⁶⁸ Там же. 6 авг. Вечерний вып.

⁶⁹ Резанов А.С. Немецкие зверства... С. 49.

мальчишках (10–15 лет) с детской непосредственностью отнесшихся к людям, попавшим в беду. Они доброжелательно обращались с русскими, с большой охотой выполняя их мелкие просьбы и поручения, в том числе находя для них пищу. При отъезде русских из Щетина мальчишки устроили им трогательные проводы с криками «ура»⁷⁰.

В ряде случаев встречались примеры гуманного отношения к пленным и со стороны германских военнослужащих. Когда А.В. Бельгради в очередной раз попробовали арестовать в Берлине, то только заступничество за него саксонских солдат, сопровождавших сенатора из Лейпцига, спасло его от новых бед. Во время погрузки на пароходы, отправлявшиеся в Швецию, одна женщина чуть не потеряла своего сына. Ребенок был уже на пароходе, а его мать оставалась на берегу. Немецкий солдат, заметив это, буквально на своих руках занес женщину на судно⁷¹.

Судьба большой группы россиян в Щетине оказалась полностью в руках командира корпуса германской армии, расквартированного в городе. Несмотря на сложности военного времени, немецкий офицер принял делегацию россиян, при общении был очень вежлив и предусмотрителен, дамам даже было позволено присесть. Это вызвало настоящий шок среди подданных России, отвыкших от такого общения с представителями германской администрации. Только личное вмешательство этого офицера позволило русским погрузиться на суда и перебраться в Швецию. Правда, россияне поклялись командиру корпуса, что они на родине не будут в течение двух недель рассказывать о том, что увидели в Германии.

В целом в воспоминаниях россиян, которым довелось оказаться на территории Германии в первые недели войны, преобладает осуждение негуманности немцев. Им приписывались особые жестокость и цинизм, скрываемые за незначительным налетом цивилизованности. Моральные принципы отошли на второй план, уступая место варварской натуре немцев, восходящей к древним германцам. В первые же месяцы войны газеты интенсивно принялись за формирование стереотипа «ужасного германского врага». Одним из результатов стали знаменитые германские погромы, прокатившиеся по Москве, Санкт-Петербургу и другим городам России.

---

⁷⁰ Резанов А.С. Немецкие зверства... С. 54.

⁷¹ Биржевые ведомости. 1914. 31 июля. Вечерний вып.

УДК [94+327](474+470)

**«РУССКИЙ ВОПРОС»
В СТРАНАХ БАЛТИИ В 1990-х – 2000-х гг.
И РОССИЙСКО-ПРИБАЛТИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ**

В.И. Мусаев

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Отдел современной истории России
E-mail: vmusaev62@mail.ru

В статье рассматриваются история формирования русской диаспоры в Прибалтике в имперский и советской периоды, положение русского и русскоязычного населения в странах Балтии после восстановления их государственной независимости, политика России по защите прав русского меньшинства в этих странах и влияние «русского вопроса» в Прибалтике на состояние российско-прибалтийских взаимоотношений.

Ключевые слова: Россия, Прибалтика, русскоязычное население, гражданские права, международные отношения.

**THE «RUSSIAN QUESTION»
IN THE BALTIC COUNTRIES IN THE 1990S AND 2000S
AND THE RUSSIAN-BALTIC RELATIONS**

V.I. Musaev

The article deals with the history of formation of the Russian ethnic group in the Baltic in the imperial and Soviet times, position of the Russian and Russian-speaking population in the Baltic countries in the last decades after restoration of their statehood, Russian policy aimed at protection of the rights of the Russian minority in these countries and influence of the “Russian question” in the Baltic upon the state of the Russian-Baltic relations.

Key words: Russia, the Baltic, the Russian-speaking population, civil rights, international relations.

После восстановления независимости стран Балтии в начале 1990-х гг. вопрос о положении русского и русскоязычного населения в этих странах стал одной из самых острых проблем в российско-балтийских отношениях. Дискриминация русскоязычного меньшинства в Латвии и Эстонии стала одним из основных препятствий на пути нормализации отношений Российской Федерации с этими государствами.

История формирования русской диаспоры в Прибалтике восходит к XVIII в., когда эта территория вошла в состав Российской империи: Эстляндия (Северная Эстония) и Лифляндия (Южная Эстония и Северная Латвия) по Ништадскому миру 1721 г.¹, а Литва и остальная часть Латвии (Курляндия и Латгалия) – в результате третьего раздела Речи Посполитой в 1795 году. В имперский период массовых переселений из внутренних российских губерний в прибалтийские провинции не было, но количество русского населения, особенно в крупных городах, медленно, но неуклонно росло². В 1897 г. среди населения Риги удельный вес русских был равен 16,9%, а к 1913 г. русское население уже составляло 21,2% жителей города, обойдя по численности немцев³. В ставших независимыми в 1918–1919 гг. прибалтийских государствах численность русского населения еще несколько увеличилась. Согласно условиям Тартуского мирного договора между Эстонией и Советской Россией от 2 февраля 1920 г., к Эстонии отошли небольшие части Петроградской (правый берег р. Наровы) и Псковской (район Печоры – Изборск) губерний с преобладающим русским населением⁴. Кроме того, в Эстонии и Латвии осело некоторое число беженцев и эмигрантов из Советской России. Всего в 1920-х – 1930-х гг. в странах Прибалтики проживало около 350000 русских, из них около 200000 в Латвии, около 91000 (из них около 18000 эмигрантов) в Эстонии и около 55000 в Литве⁵. В Эстонии русские, помимо территорий, отошедших от России по Тартускому миру, проживали главным образом в Нарве и Таллинне. В Латвии русское население концентрирова-

---

¹ Несколько раньше, еще до начала Северной войны, в шведской Лифляндии поселилось некоторое число русских старообрядцев, бежавших от преследований в России.

² Одним из немногих примеров организованного переселения из внутренней России в Прибалтику является расселение в 1907–1912 гг. 5200 русских крестьян-колонистов в Курляндской губернии.

³ *Швец Л.* От крестьянских этносов к современным нациям: национальные движения народов Балтии // Страны Балтии и Россия: общества и государства. М., 2002. С. 41.

⁴ По данным эстонской переписи населения 1922 г., на территориях, уступленных Советской Россией Эстонии, проживали около 52500 русских.

⁵ *Apine I.* Ethnic Policy in the Baltic States // The Baltic States at Historical Crossroads. Political, economic, and legal problems and opportunities in the context of international co-operation at the beginning of the 21st century. Riga, 2001. P. 317.

лось преимущественно в Риге, Даугавпилсе и нескольких волостях восточной провинции Латгале⁶.

Наиболее значительным рост русского и вообще пришлое населения в Прибалтике был в советский период. В основном это были рабочие и инженерно-технический персонал, трудившиеся на крупных предприятиях, строительных объектах и в добывающей промышленности. Доля русских была велика и среди руководящих партийных, советских и хозяйственных кадров⁷. Наиболее активно рабочая сила и специалисты извне привлекались в прибалтийские республики в первые послевоенные годы – 1945–1953 (в этот период в Латвию переселились более 400000 человек, в Эстонию – более 200000 человек)⁸. В дальнейшем интенсивность иммиграции заметно снизилась. Некоторые из переселенцев возвращались в Россию или в другие республики, из которых они происходили. Однако на протяжении всего советского периода число прибывавших в Прибалтику неизменно превосходило число убывавших. К середине 1960-х гг. численность этнических русских в прибалтийских республиках перевалила за миллион и в дальнейшем продолжала расти⁹.

Динамика изменения этнического состава населения была различной в Эстонии и Латвии с одной стороны, и в Литве – с другой. В двух первых республиках общее число и удельный вес русского и в целом славянского (русскоговорящего) населения в послевоенный период постоянно увеличивались, к концу 1980-х гг. намного превысив показатели довоенного времени. Если в середине 1930-х гг. эстонцы в Эстонии составляли 88% населения, а

---

⁶ К середине 1930-х гг. подавляющее большинство русских в Латвии имели латвийское гражданство: по данным переписи населения 1935 г., среди более чем 200-тысячного русского населения числились 3953 обладателя «нансеновских» паспортов и 2532 гражданина других государств (См.: *Abyzov J. I. Die lettische Zweig der russischen Emigration // Der grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München, 1994. S. 15*).

⁷ Среди членов Компартии Латвии русские к концу советского периода (43%) даже преобладали над латышами (40%). Соотношение эстонцев и русских в Компартии Эстонии выглядело как 50% и 39%, литовцев и русских в Компартии Литвы – 71% и 17% (См.: *Крунавичюс А. Партии и партийные системы в балтийских государствах в период после 1990 г. // Страны Балтии и Россия... С. 342*).

⁸ *Misiunas R.J., Taagepera R. The Baltic States. Years of Dependence 1940–1990. Berkeley; Los Angeles, 1993. P. 112.*

⁹ *Ibid. P. 195.*

русские – 8,2% (вместе с другим меньшинствами – около 12%), то в 1959 г. эти цифры были равны соответственно 74,6 и 20,1%, в 1989 г. – 61,5 и 30,3%, т. е. население республики почти на треть состояло из лиц «нетитульной» нации. Такая же тенденция наблюдалась и в Латвии. В середине 1930-х гг. доля латышей и русских в населении республики составляла соответственно 76 и 10,6% (вместе с другими меньшинствами – около 24%), в 1959 г. – 62,0 и 26,6%, а в 1989 г. в республике было 52% латышей и 34% русских¹⁰. В Литве, напротив, за этот период выросли численность и удельный вес литовцев: в 1920-е гг. соотношение литовцев и национальных меньшинств в республике выглядело как 69,2 на 31,8%, а в конце 1980-х гг. – как 79,6 на 20,4%¹¹. Связано это было с тем, что в Литву, где промышленность была не так высоко развита, как в двух других республиках, и крупных предприятий насчитывалось значительно меньше, приток рабочей силы извне был гораздо менее интенсивным. С другой стороны, естественный прирост среди литовцев, в силу конфессиональной принадлежности к католической церкви более приверженных традиционным семейным ценностям, был выше, чем среди латышей и эстонцев, преимущественно лютеран. Кроме того, в довоенной Литве была велика численность еврейского населения – к 1939 г. она составляла около 200 тысяч человек. В период немецкой оккупации Прибалтики литовские евреи подверглись почти поголовному истреблению – до 170 тысяч человек были убиты или погибли в гетто и концлагерях¹². Одна из крупнейших миноритарных групп республики почти полностью исчезла, что способствовало увеличению доли титульного населения.

Большинство русского и русскоязычного населения республик Прибалтики были городские жители. В Эстонии в 1989 г. горожане составляли 87% русского населения, в Латвии – 73%, в Литве – 77%. При этом особенно велика была концентрация русских в столицах. Среди жителей Таллинна в 1989 г. было 41% русских и 49% русскоязычных, среди жителей Риги – 47% и 58%,

---

¹⁰ Совет по внешней и оборонной политике. Проект Россия и Прибалтика. Решение проблемы русского и русскоговорящего населения в странах Прибалтики // URL: http://www.svop.ru/live/materials.asp?m_id=6882&r_id=6902 (дата обращения: 10.09.2009).

¹¹ *Ziemele I. State Continuity, Human Rights, and Nationality in the Baltic States // The Baltic States at Historical Crossroads... P. 236.*

¹² *Misiunas R.J., Taagepera R. The Baltic States... P. 64.*

Вильнюса – 20% и 28%¹³. В Риге, таким образом, русскоязычные численно преобладали над латышами. Славянское население также составляло более половины жителей Даугавпилса – второго по величине города Латвии. В Эстонии русские преобладали в городах на северо-востоке республики: Нарве (где доля русских доходила до 90%), Кохтла-Ярве и Силламяэ – в районе разработок сланца и фосфоритов, где русские составляли подавляющее большинство рабочей силы. В Литве единственным населенным пунктом, в котором преобладало русское население, был город Снечкус (в 1992 г. городу было возвращено его прежнее название – Висагинас); вблизи него находилась Игналинская ГЭС, обслуживающий персонал которой был почти исключительно русский. Всего же в балтийских республиках, согласно данным последней Всесоюзной переписи населения 1989 г., насчитывалось 1724000 русских, что составляло 21,8% всего населения. Из них в Эстонии проживали 475 тысяч русских (30,3% всего населения республики), в Латвии – 906 тысяч (34% населения, вместе с другими русскоговорящими – 1122000 – 48%), в Литве – 344 тысяч (9,4% населения)¹⁴.

При официальном двуязычии в национальных республиках уровень владения русскими жителями Прибалтики «титულными» языками был относительно низок. По данным переписи населения 1989 г., в Эстонии только 14,9% русского населения республики свободно владели эстонским языком. В Латвии на латышском языке свободно говорили 22,2% местных русских, в Литве на литовском – 37,5%¹⁵. Столь низкий уровень владения эстонским языком среди русских в Эстонии объяснялся тем, что здесь значительная часть русских жителей была сконцентрирована на ограниченной территории (северо-восток), и в этих условиях не было большой необходимости изучать язык основного населения республики. Кроме того, объективно эстонский язык значительно сложнее для изучения, чем два других языка данного региона. В Литве, напротив, русские были расселены дисперсно, не составляя нигде, кроме г. Снечкус (Висагинас), сплошных массивов населения, поддерживали более тесные отношения с

---

¹³ Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г. Притяжение Балтии (балтийские русские и балтийские культуры) // Страны Балтии и Россия... С. 440.

¹⁴ URL: http://www.svop.ru/live/materials.asp?m_id=6882&r_id=6902 (дата обращения: 10.09.2009).

¹⁵ Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г. Притяжение Балтии... С. 444.

литовцами и, как результат, должны были активнее усваивать литовский язык. Уровень владения русским языком среди «титульного» населения был в целом выше: свободно по-русски говорили 34,5% эстонцев, 68,3% латышей и 38% литовцев¹⁶. Отношения между русскими и представителями «титульного» населения Прибалтики складывались неоднозначно. Элемент взаимного отчуждения, безусловно, присутствовал, возникали иногда и столкновения на этнической почве¹⁷. Однако, с другой стороны, имела место и тенденция к сближению, о чем говорят явления межнациональных браков (пусть и не слишком многочисленные), что имело следствием постепенную ассимиляцию части русских. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что при переписи некоторые жители Прибалтики, идентифицировавшие себя как русские, в качестве родного указали один из балтийских языков (литовский – около 14 тысяч человек, латышский – около 10 тысяч, эстонский – около 6 тысяч)¹⁸.

В период движения за независимость в республиках Прибалтики в 1988–1991 гг. представители русского населения занимали различные позиции. Часть русских (а также этнических поляков в Литве) выступала против выхода из состава Советского Союза. Сторонники сохранения единства с СССР основали собственные организации: объединение «Единство» (лит. «Vienibe», пол. «Jedność») в Литве, Интернациональный фронт трудящихся (Интерфронт) в Латвии, Интердвижение в Эстонии. Эти организации создавались на базах крупных промышленных предприятий, некоторую поддержку им оказывали партийная номенклатура, структуры Прибалтийского военного округа, ветеранские организации. Еще с лета 1988 г. существовало менее политизированное Балто-славянское общество культурного развития и кооперации¹⁹. Поиск неких форм самоорганизации был необходим для прибалтийских русских также в целях защиты своих прав и противостояния антирусским тенденциям, становившимся все более очевидными в национальных движениях. Для прибалтийской

---

¹⁶ Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г. Притяжение Балтии... С. 444.

¹⁷ В частности, выступления латышских студентов с антирусскими лозунгами и столкновения между латышской и русской молодежью отмечались в Риге в мае 1985 г. Схожие столкновения имели место в Тарту в сентябре того же года и в Риге в мае 1987 г. (*Misiunas R.J., Taagepera R. The Baltic States... P. 301–302, 307*).

¹⁸ Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г. Притяжение Балтии... С. 445.

¹⁹ Устинова М. Гражданское общество в странах Балтии // Страны Балтии и Россия: общества и государства... С. 324.

публицистики того времени типичным был негативный образ русских «мигрантов» и «оккупантов», в котором причудливо сочетались два плохо вяжущихся друг с другом, но одинаково неприятных аспекта: «люмпены» и господа-колонизаторы. На учредительном съезде Народного фронта Эстонии в одной из резолюций о «мигрантах» говорилось как о «громадной массе низко квалифицированных и некультурных людей»²⁰. Подобный пассаж отдавал явным шовинизмом. Часть русскоязычных деятелей культуры балтийских республик также выступала против отделения от СССР, но другая часть, в большей степени проникнутая либеральными и прозападными настроениями, поддерживала народные фронты (тем более что некоторые прибалтийские политики из тактических соображений старались до поры до времени не афишировать свою неприязнь к русским и заигрывали с русскоязычной интеллигенцией). Консолидации русскоязычного населения Прибалтики препятствовала и его идеологическая дезориентация: фактор этнического единства для него еще не имел существенного значения, а советская коммунистическая идеология все больше утрачивала свою силу и привлекательность.

Когда после январских событий 1991 г. в Вильнюсе лидеры Народного фронта Латвии призвали население выразить протест против насилия в Литве и организовать охрану стратегически важных объектов в Риге, на этот призыв откликнулись многие русские жители латвийской столицы. При проведении в Прибалтике в феврале – марте того же года республиканских референдумов о независимости немало русских жителей всех трех республик подали голоса в пользу независимости. Так, в Латвии за независимость высказались 73,3% участников референдума, т. е. 64,6% всех избирателей, хотя доля латышей в составе населения была только 52%. В Литве при опросе, проводившемся 11 марта 1991 г., независимость поддержали 38,2% русских, выразили сомнение 34,9%, резко против были только 12,9%. В Нарве, где доля эстонцев среди населения города составляла лишь 4%, за независимость высказались 25,49% голосовавших (17,87% лиц, имевших право голоса). По данным эстонских социологов (возможно, впрочем, несколько завышенным) за независимость Эстонии выступали около 30% местных русских²¹.

---

²⁰ Фурман Д.Е., Загороднюк Э.Г. Притяжение Балтии... С. 447.

²¹ См.: Там же. С. 449; *Melvin N. Russians beyond Russia (The Politics of National Identity)*. London, 1995. P. 36.

Надеждам тех русских в странах Балтии, которые поддержали борьбу балтийских народов за независимость, на то, что в новых независимых государствах им будут обеспечены равные права с «титულным» населением, однако, не суждено было сбыться. Власти не сочли возможным автоматически распространить гражданские права на тех, кто поселился в балтийских республиках в советский период, и их потомков. Присутствие «мигрантов» среди населения считалось наследием советской «оккупации». Радикальные националисты требовали даже поголовно выселить из республик всех русских²². Широкой поддержки эти взгляды не получили, однако при решении вопроса о гражданстве применялся дифференцированный подход к разным группам населения. В результате «русский вопрос» в странах Балтии, в первую очередь в Эстонии и Латвии, оставался серьезной проблемой на протяжении всего постсоветского периода, оказывая непосредственное влияние на отношения этих стран с Российской Федерацией.

Без особых трудностей решение проблемы русского населения было найдено в Литве. В силу особенностей послевоенного развития Литвы доля русских в населении республики была относительно невелика, и проблемы статуса русского населения как таковой не возникло. Уже в ноябре 1989 г., когда Литва еще оставалась в составе СССР, в республике были приняты законы, касающиеся положения национальных меньшинств. Закон от 3 ноября автоматически распространял права гражданства на всех лиц, въехавших в Литву после Второй мировой войны, и их потомков. Другой закон – от 23 ноября – гарантировал образование на языках меньшинств и предусматривал другие меры, направленные на то, чтобы облегчить иммигрантам адаптацию в литовском обществе²³. На момент подписания договора об основах межгосударственных отношений России с Литвой в этой республике, таким образом, действовал закон о гражданстве, реализующий т. н. «нулевой вариант», – гражданами республики могли

---

²² Так, лидеры Эстонского конгресса, образованного в феврале 1990 г., в своих программных заявлениях настаивали не только на скорейшем выводе советских войск, но и на отъезде «имперски настроенного русского пролетариата» (*Valk H. Two Roads to the Independence of Estonia or the Popular Front versus the Congress of Estonia // The Baltic Way to Freedom. Non-violent struggle of the Baltic States in a global context. Riga, 2005. P. 142*).

²³ *Vardys V.S., Sedaitis J.B. Lithuania: The Rebel Nation. Boulder; Oxford, 1997. P. 212.*

стать практически все ее жители, независимо от их этнического происхождения. В договоре о межгосударственных отношениях с Россией Литва брала на себя обязательства не устанавливать в отношении русских ценза оседлости, знания языка и любых других условий приобретения гражданства, отличных от тех, которые устанавливаются для всех других лиц (ст. 4)²⁴. В начале 1990-х гг. закон о гражданстве был также дополнен законами об этнических меньшинствах, об эмиграции и миграции и об образовании, которыми были конкретизированы права нелитовского населения²⁵.

В Эстонии и Латвии ситуация сложилась совсем по-другому. После восстановления независимости в законодательстве о гражданстве в Латвии и Эстонии был выбран не «нулевой вариант», а «минусовый»: признание прав на гражданство только за совокупным населением довоенным республик. Юридическим обоснованием этого послужило провозглашение в 1991 г. *восстановленной* независимости. Так, в Декларации Верховного Совета Латвийской ССР «О восстановлении независимости Латвийской республики» от 4 мая 1990 г. заявляется, что де-юре Латвия существовала как субъект международного права и после 1940 г., поскольку ее вхождение в состав СССР не было признано более чем 50 государствами. 21 августа 1991 г. Верховным Советом Латвии был принят акт о преемственности и юридической идентичности Латвийской Республики 1920–1940 гг. и современной Латвии. Соответственно по постановлению Верховного Совета от 15 октября 1991 г. гражданство республики автоматически приобретали граждане республики 1920–1940 гг. и их потомки, в число которых попало только около 280 тысяч русских. Около трети избирателей Латвии, главным образом нелатыши, оказались лишены права на автоматическое получение гражданства. Порядок приобретения гражданства этими жителями республики, согласно концепции «восстановленной независимости», должен был определяться в соответствии с Конституцией 1922 г., т. е. избранным гражданами Латвии Сеймом (а не Верховным Советом, в соответствии с Декларацией от 4 мая 1990 г. осуществляющим высшую власть в стране лишь на период до избрания Сейма)²⁶. В 1991 г. принимались некоторые новые законы: «О свободном развитии и праве на

---

²⁴ Россия и Прибалтика // Россия – Балтия: Доклады СВОП. Материалы конференций. М., 2001. С. 52.

²⁵ *Apine I. Ethnic Policy in the Baltic States...* P. 322.

²⁶ История Латвии: XX век. Рига, 2005. С. 404.

культурную автономию этнических групп Латвии» (19 марта) и конституционный закон «О правах и обязанностях народа и граждан» (10 декабря)²⁷. Эти законы, однако, не раскрывали механизм приобретения гражданских прав. Закон о гражданстве Латвии был принят лишь в 1994 году.

В Эстонии в феврале 1992 г. восстановление действия закона о гражданстве 1938 г. коснулось только около 120 тыс. русских жителей республики. Остальные, не являвшиеся гражданами довоенной Эстонии, согласно постановлению, могли подавать заявление на натурализацию лишь по истечении двухлетнего срока пребывания в республике (который было решено отсчитывать с марта 1990 г.), и один год предусматривалось оставить на рассмотрение заявления²⁸. Хотя закон 1938 г. предусматривал упрощенную натурализацию (без знания языка) лица без гражданства, прожившего в Эстонии более 10 лет, решением Верховного Совета за начало этого срока было признано опять же 30 марта 1990 года. 28 июня 1992 г. граждане Эстонии на референдуме высказались против предоставления гражданства вне установленного сложного порядка и экзамена на знание эстонского языка 5000 русским «мигрантам», которые подали заявление о гражданстве еще до достижения независимости²⁹. Специальный закон, который раскрыл требование для желающего натурализоваться «понимать эстонский язык», вступил в силу в 1993 году³⁰. 26 октября того же года был принят закон об этнических меньшинствах и культурной и национальной автономии³¹.

Таким образом, большинство русских и русскоговорящих жителей Латвии и Эстонии, прибывших в эти республики после войны, не попали в категорию лиц, которым гражданство предоставлялось автоматически, и оказались в неравном положении по сравнению с титульной нацией по целому ряду показателей. Прежде всего, не став гражданами, русские оказались исключенными из политической жизни республик. Фактически на основе довоенного избирательного корпуса в Эстонии (1992 г.) и Латвии

---

²⁷ *Apine I. Ethnic Policy in the Baltic States...* P. 124.

²⁸ *Taagepera R. Estonia: Return to Independence. Boulder; San Francisco; Oxford, 1993. P. 208.*

²⁹ *Фурман Д.Е., Задорожник Э.Г. Притяжение Балтии...* С. 451.

³⁰ Проблемы прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии / под ред. В.В. Полещук. М., 2009. С. 121.

³¹ *Apine I. Ethnic Policy in the Baltic States...* P. 323.

(1993 г.) были проведены выборы в новые парламенты, а также приняты обновленные конституции этих государств. Особенным контрастом эти выборы выглядят по сравнению с 1990 г., когда Верховные Советы Прибалтийских республик, провозгласившие затем их независимость, выбирало все население республик. В Латвии, кроме того, неграждане были лишены всех избирательных прав и при выборах в местные органы власти, в Эстонии – пассивного избирательного права (права быть избранным)³².

Дискриминация в отношении русских была допущена также при принятии законов и постановлений, определяющих правовой статус неграждан и порядок получения гражданства. Так, в Эстонии в первоначальном варианте закона об иностранцах (июнь 1993 г.), целью которого было урегулирование статуса неграждан, все неграждане, проживающие в республике на основе советской прописки, объявлялись иностранцами и в течение двух лет обязаны были получить вид на жительство и разрешение на работу, подлежащие затем обновлению каждые пять лет. Поскольку большинство русских жителей, многие из которых прожили значительную часть жизни в республике, к тому времени не получили ни эстонского гражданства, ни российского или какого-либо другого, согласно закону они приравнивались ко вновь прибывшим иностранцам. В окончательной редакции закона эти положения после протестов международных организаций и России были все же сняты³³.

В Латвии порядок натурализации и правовой статус неграждан окончательно были определены в 1994–1995 гг., с принятием законов о гражданстве и о статусе граждан бывшего СССР. До этого момента права лиц, не попавших в число граждан республики, регулировались многочисленными постановлениями и инструкциями, дававшими основания для широких злоупотреблений. В первоначальном варианте закона о гражданстве (первое чтение – 23 ноября 1993 г.) предусматривался принцип ежегодных квот натурализации, устанавливаемых исходя из конкретной экономической и демографической ситуации в республике, а также необходимости обеспечить развитие Латвии как однообщинного национального государства. Принятый во втором чтении (июнь 1994 г.), закон предусматривал квоты натурализации в

---

³² URL: http://www.svop.ru/live/materials.asp?m_id=6882&r_id=6902 (дата обращения: 10.09.2009).

³³ Россия и Прибалтика... С. 55.

0,1% от общего числа граждан, или около 2000 человек в год, при том, что более 300 тысяч неграждан могли ходатайствовать о получении гражданства не ранее 2000 года. Эти положения, откладывавшие перспективы получения гражданства для основной части русского населения на отдаленный срок, стали объектом критики международных организаций, и после возвращения закона на доработку президентом страны Гунтисом Ульманисом в окончательной редакции (от 22 июля 1994 г.) были устранены. Тем не менее, принятие закона превратило в неграждан сразу около 700 тысяч жителей страны³⁴.

В Эстонии в 1996 г. получили эстонское гражданство 29% русскоязычных, еще 12% подали заявления на получение, но еще не получили, 18% получили российское гражданство и еще 6% подали соответствующие заявления и 38% оставались без гражданства. В Латвии, по данным на 1997 г., удельный вес граждан бывшего СССР, не получивших никакого иного гражданства, составил 27,15%. По процедуре натурализации с 1994 г. (когда был принят закон о гражданстве) до 1999 г. здесь гражданство получили 13 тысяч из 640000 неграждан. Из всех русских, не имеющих латвийского гражданства, 50 тысяч получили гражданство Российской Федерации, а 400 тысяч предпочли остаться «лицами без гражданства» с перспективой получения либо фиолетового «паспорта негражданина» и вида на жительство в Латвии, либо латвийского гражданства через процесс натурализации³⁵.

Попавшие в категорию неграждан «балтийские русские» также оказались в неравном положении по сравнению с другими жителями данных республик. В Латвии, например, граждане имели преимущества в процессе приватизации, акционирования предприятий, при выплате пенсий и социальных пособий, при оплате коммунальных услуг и т. д. Негативно сказалось на положении русских жителей Балтийских государств и действие других законов и постановлений, вышедших после восстановления независимости, в частности законов о языке и об образовании. Поскольку большинство русских в Латвии и Эстонии плохо владела языками титульной нации, переход государственных учреждений и системы образования соответственно на латвийский и

---

³⁴ URL: http://www.svop.ru/live/materials.asp?m_id=6882&r_id=6902 (дата обращения: 10.09.2009).

³⁵ Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г. Притяжение Балтии... С. 452; Россия и Прибалтика II // Россия – Балтия... С. 117.

эстонский язык также имел дискриминационный эффект. Таким образом, можно со всеми основаниями говорить о дискриминации русских в Латвии и Эстонии. Резкое ухудшение экономической ситуации в балтийских странах (как и на всем постсоветском пространстве) в начале 1990-х гг. затронуло русских с особенной силой, поскольку в критическом положении оказались, прежде всего, крупные предприятия (бывшего союзного подчинения), где русские рабочие и служащие составляли большинство. Возникли болезненные трудности для многих русских, связанные с поездками в Россию к родственникам и друзьям.

Российское руководство оказалось совершенно неготовым к такому ходу событий. В договорах, заключенных Россией с Прибалтийскими республиками в январе 1991 г. (во время визита Б.Н. Ельцина в Таллинн), стороны брали на себя обязательства гарантировать лицам, проживавшим на момент подписания в республиках и являвшимся гражданами СССР, право сохранить или получить гражданство РСФСР или Балтийских республик «в соответствии с их свободным волеизъявлением» (ст. III). В ст. IV обоих договоров предусматривалось также, что конкретные вопросы, касающиеся гражданства, будут согласованы в особых двусторонних соглашениях. Российские руководители тогда полагали, что данные вопросы можно будет решить путем переговоров. Однако после поспешного признания независимости Прибалтийских республик в августе 1991 г. все эти расчеты рухнули – такие соглашения («протоколы») никогда не были выработаны³⁶.

При формальном соответствии законодательства Балтийских государств по вопросу о гражданстве соответствующим статьям договоров об основах межгосударственных отношений с Россией (право получения гражданства в соответствии со свободным волеизъявлением и внутренним законодательством) реализация концепции «восстановленной независимости» на практике оказалась удобным инструментом для лишения русского населения элементарных политических прав. Россия же даже и не пыталась оспорить эту концепцию, при том что, как очевидно, ее применение имело чисто политические, а не правовые мотивы – это видно хотя бы в сравнении с Литвой, точно так же присоединенной к СССР в 1940 г., но никогда не заявлявшей (во всяком случае, официально) о восстановлении довоенного государства. Между тем

---

³⁶ Россия и Прибалтика... С. 56.

использование концепции «восстановленной независимости» прибалтийцами, при попустительстве со стороны Запада, практически выхолостило усилия России по применению в Прибалтике международных стандартов прав человека и национальных меньшинств.

Именно в привлечении внимания международных организаций, занимающихся этими вопросами, и отдельных западных стран для оказания воздействия на Балтийские государства состояли главные усилия России, не раз заявлявшей обеспокоенность в связи с политической, экономической и социальной дискриминацией русского и русскоговорящего населения Эстонии и Латвии в результате действия их законодательства в области гражданства, государственного языка и образования. Россией, в частности, были задействованы механизмы СБСЕ. После принятия Верховным Советом Эстонии в феврале 1992 г. постановления, восстанавливающего действие закона о гражданстве 1938 г., в отношении этой страны Москвой был задействован механизм человеческого измерения СБСЕ. В соответствии с положениями итогового документа Московского совещания Конференции по человеческому измерению 1991 г., Россия запросила согласие на приглашение в Эстонию миссии экспертов СБСЕ для рассмотрения проблемы соблюдения прав человека в республике.

Россия также поддержала предложение о создании в рамках СБСЕ института Верховного Комиссара по делам национальных меньшинств, в функции которого, в соответствии с решениями Хельсинкского саммита СБСЕ 1992 г., входит наблюдение за ситуацией в соответствующих регионах с целью возможно более раннего предупреждения о возникновении конфликтов, связанных с положением национальных меньшинств. Одной из первых поездок назначенного в декабре 1992 г. Верховным Комиссаром М. ван дер Стула стала Прибалтика. Впоследствии Россия вносила предложения об укреплении института Верховного Комиссара, в частности, путем введения контроля СБСЕ за ходом выполнения его рекомендаций государствами-реципиентами. По предложению России пост комиссара по проблемам национальных меньшинств был создан в 1994 г. и в рамках Совета государств Балтийского моря³⁷.

---

³⁷ URL: http://www.svop.ru/live/materials.asp?m_id=6882&r_id=6902 (дата обращения: 10.09.2009).

К ситуации с русским населением в Латвии и Эстонии было привлечено и внимание Совета Европы. В мае 1992 г. Россия подала официальную заявку на вступление в эту организацию, при этом в выступлении на Комитете министров Совета А. Козырев заявил, что Москва надеется на помощь Совета Европы в решении проблем русского и русскоговорящего населения в странах Балтии. Тогда же был распространен «Меморандум о нарушении прав человека в странах Балтии», в котором отмечалась недопустимость лишения гражданских прав русского населения Латвии и Эстонии, приводящего к его политической и социальной дискриминации. Вопрос о положении русских в Прибалтике был поднят Россией и в ООН, в частности на заседаниях Комиссии ООН по правам человека в Женеве. По инициативе России Генеральная Ассамблея ООН в 1992 и 1993 гг. принимала резолюции, в которых отмечалось существование в Латвии и Эстонии «проблем, затрагивающих большие группы населения различного этнического происхождения»³⁸.

Применение международных стандартов в области прав человека и национальных меньшинств использовалось в надежде на поддержку России Западом в этом вопросе, поскольку ранее именно западные страны поднимали вопросы прав человека в отношениях с СССР. «Многие годы от России требовали соблюдения прав человека. Сегодня сама Россия настаивает на этом», – заявил Б.Н. Ельцин, выступая в Хельсинки на встрече глав государств и правительств стран СБСЕ в июле 1992 г. А. Козырев писал, что защита прав национальных меньшинств должна стать одним из приоритетов партнерства Запада и России. Однако эта политика России оказалась неэффективной, и прежде всего потому, что большинство западных стран никогда не признавали законность вхождения Балтийских государств в состав СССР, на этом основании признавая их право издавать законы, лишаящие гражданства русских жителей, приехавших после 1940 года. Основанные на данном подходе экспертизы СБСЕ и Совета Европы выявляли в законодательстве Эстонии и Латвии в основном нарушения, касающиеся неясностей в толковании законов, завышении отдельных норм, неоправданных отсрочек и т. д., но не ставили под сомнение саму концепцию законов.

---

³⁸ URL: http://www.svop.ru/live/materials.asp?m_id=6882&r_id=6902 (дата обращения: 10.09.2009).

Прибалтийцы же практически полностью игнорировали Россию. Так, внесенные в эстонский закон об иностранцах поправки были ответом в первую очередь на возражения европейских организаций. Министр иностранных дел республики Ю. Луйк прямо заявил, что «внесение изменений в закон об иностранцах – не следствие позиций России, а желание Эстонии, чтобы все нормы соответствовали европейскому стандарту». В ситуации с Латвией замечания со стороны европейских организаций относительно принципа квот в законе о гражданстве высказывались задолго до официального принятия закона, и, как отмечалось в российской прессе, президент Г. Ульманис обещал вернуть его на доработку в случае принятия в таком виде еще во время визита в Москву в апреле 1994 года. Таким образом, выступления России во многом были чисто демонстративными и отражали неспособность Москвы повлиять на ситуацию³⁹.

Так или иначе, в Эстонии и Латвии во второй половине 1990-х гг. законодательство в области гражданства постепенно смягчалось. В июле 1997 г. Европейская комиссия рекомендовала Латвии предоставить гражданство всем детям, родившимся после обретения независимости. В июне 1998 г. сейм проголосовал за поправки к Закону о гражданстве, которые были поддержаны референдумом 3 октября того же года («за» было подано 53% голосов). Поправки к Конституции Латвийской республики, принятые 15 октября 1998 г., содержали положения о равенстве всех перед законом и о правах национальных меньшинств⁴⁰. Под давлением ОБСЕ по итогам референдума в 1998 г. в Закон о гражданстве была включена норма, предусматривающая особый порядок принятия в гражданство детей неграждан и лиц без гражданства, родившихся на территории Латвии после 21 августа 1991 г. – не натурализация, а прием в гражданство в соответствии с Конвенцией о сокращении безгражданства. Такие дети регистрируются в качестве граждан Латвии по совместному заявлению родителей до достижения возраста 15 лет⁴¹. В Эстонии упрощенный порядок получения гражданства также действует в отношении несовершеннолетних до 15 лет, если они сами и их родители являются лицами без гражданства. Соответствующие поправки в Закон о граждан-

---

³⁹ Россия и Прибалтика... С. 58.

⁴⁰ *Apine I. Ethnic Policy in the Baltic States...* P. 331.

⁴¹ Проблемы прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии... С. 34.

стве были приняты в ответ на давление со стороны Запада⁴². Всего на начало 2000-х гг. получить гражданство балтийских государств смогли около 200 тысяч русских и русскоязычных в Эстонии и около 285 тысяч – в Латвии. В Эстонии оставались около 300 тысяч, в Латвии – около 400 тысяч русских и русскоговорящих неграждан⁴³. Даже в Литве, с ее наиболее либеральным законом о гражданстве, около трети из 750 тысяч человек нелитовского населения оставались еще без гражданства⁴⁴. Несмотря на то, что юридический статус лиц без гражданства в общем был признан международными организациями, в данной области оставались проблемы, способные осложнить российско-балтийские отношения.

Российская политика являлась вариантом стратегии «ограничения ущерба», и у нее имелись свои пределы. Наиболее уязвимой была российская позиция в отношении «прав человека» в Балтии. Попытки привлечь внимания мировой общественности к такой постановке вопроса долгое время не имели особого эффекта. Один из примеров – снятие вопроса обсуждения Генеральной Ассамблеей ООН в конце 1996 г. и снятие Советом Европы мониторинга с Эстонии, когда не была учтена ни одна из 20 предложенных российской делегацией поправок. Между тем, существуют достаточно сильные аргументы в подкрепление российской позиции о необходимости продвижения интеграции русских в странах Балтии. Это, прежде всего, заинтересованность самих стран Балтии в стабильности в данной области в связи с их интеграцией на Запад. Запад, в свою очередь, обращает внимание именно на проблемы интеграции русских, продвижение и облегчение процесса натурализации. В более долгосрочном плане, особенно если бы в России начался экономический подъем, являлись тупиковыми такие меры, как ограничение развития экономических отношений со странами Балтии. Эти меры могли обернуться против России также в случае ускорения процессов ее приема в ВТО, где предоставление режима наибольшего благоприятствования партнерам является необходимым условием.

Несмотря на все объективные и субъективные трудности, подавляющая часть русских в странах Балтии хотела бы остаться в этих странах. Некоторый отток населения, преимущественно не-

---

⁴² Проблемы прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии... С. 123.

⁴³ Россия и Прибалтика... С. 59.

⁴⁴ *Apine I. Ethnic Policy in the Baltic States...* P. 328.

коренного, имел место в начальный период балтийской независимости. Пик эмиграции из стран Балтии пришелся на 1992–1993 годы. В 1992 г. из Литвы уехали 28855 человек (из них около 16000 русских), из Латвии – 53130 человек (из них около 30000 русских), из Эстонии – 37375 человек (из них около 25000 русских). В следующем году число уехавших было уже меньшим: 15990 в Литве, 31998 в Латвии, 16169 в Эстонии⁴⁵. И в дальнейшем эмиграционный поток неуклонно сокращался, хотя и не иссякал совсем. Всего с 1989 по 1999 г. из Литвы в Россию переехали 84000 человек, из Латвии – 160000, из Эстонии – 92000. Согласно опросу конца 1995 г., 94% русских считали Эстонию своим домом и никуда не собирались уезжать. Отношения между «коренными» и «некоренными» общинами в Эстонии и Латвии пока не могут быть оценены как оптимальные, но имеют тенденцию к улучшению. Неграждане и выбравшие российское гражданство в подавляющем большинстве считают, что их дети должны учить местные языки. К примеру, с 1989 по 1995 гг. удельный вес русских, знающих латышский язык, возрос с 22,3% до 55,8%. В Литве к концу 1990-х гг. на литовском языке свободно говорило около половины всего нелитовского населения, около трети владели литовским языком ограниченно и лишь 15% не владели совсем. В Эстонии к тому же моменту среди национальных меньшинств доля лиц, говоривших по-эстонски, увеличилась до 35%⁴⁶. Данные опросов свидетельствовали, что при изменении условий действующего законодательства неграждане, например, в Эстонии гораздо охотнее выбирали бы гражданство этой республики, чем российское. Так, по данным исследования, проведенного в 1996 г. Международной организацией по миграции, лишь около 30% российских граждан и 7% лиц без гражданства «не хотели» или «скорее не хотели бы» приобрести гражданство Эстонской республики⁴⁷.

Россия заинтересована в интеграции, потому что за 1992–1995 гг. в нее из стран Балтии уже переселилось около 200 тысяч человек. Этим людям никто не ждал, и условия для приема новых переселенцев в ближайшее время к лучшему не изменятся. При

---

⁴⁵ Latvijas demogrāfijas gada grāmata 1996. Rīga, 1996. L. 147.

⁴⁶ См.: Россия и Прибалтика... С. 72; Фурман Д.Е., Задорожнюк Э.Г. Притяжение Балтии... С. 454, 456, 463; *Apine I. Ethnic Policy in the Baltic States...* P. 327.

⁴⁷ Проблемы прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии... С. 122.

этом Россия вынуждена размещать гораздо большее количество иммигрантов и беженцев из других бывших республик СССР. «Проблему русских», так или иначе, придется решать и балтийцам, потому что русские все равно не уедут. Создание сегрегированных обществ, признаки чего имеются и в Латвии, и в Эстонии, способствует внутренней нестабильности этих государств. Кроме того, балтийцы заинтересованы в решении проблем русского населения в связи со своими внешнеполитическими приоритетами – интеграцией в Европейский Союз.

Балтийские русские не склонны видеть в себе прежде всего представителей своей нации и отождествлять свою судьбу и свое будущее с судьбой и будущим своего народа, они вообще не склонны отождествлять себя с какой бы то ни было группой – национальной, социальной, религиозной и даже возрастной. Стратегия поведения, которую избрали подавляющее большинство русских в Прибалтике, – это стратегия чисто индивидуального приспособления и выживания. Это не означает, впрочем, что русские не способны на солидарные действия и массовые акции. Эти способности они продемонстрировали, в частности, во время борьбы за право школьного преподавания на русском языке в Латвии. Согласно положениям нового Закона об образовании, принятого латвийским сеймом в 1998 г., с 1 сентября 2004 г. среднее образование, даже в рамках программ для меньшинств, должно было осуществляться только на государственном языке. В мае 2003 г., по мере приближения вступления этой нормы в силу, в стране начались широкомасштабные акции протеста. В мае 2005 г. Конституционный суд рассмотрел дело о соответствии данной нормы Конституции Латвии и международным договорам и вынужден был несколько смягчить ее⁴⁸. Школьное обучение на русском языке в Латвии хотя и сократилось, но не сошло на нет. В 2007–2008 учебном году в стране действовали 141 русская и 88 смешанных (с двумя потоками: латышским и русским) школ (в 1991–1992 учебном году таких школ было соответственно 219 и 178)⁴⁹. В Эстонии

---

⁴⁸ Проблемы прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии... С. 65–66.

⁴⁹ URL: http://izm.izm.gov.lv/upload_file/Izglitiba/Vispareja_izglitiba/Statistika/2007/skolu_sk_07.xls (дата обращения: 12.03.2010). В Эстонии с 2007–2008 учебного года также началось осуществление перевода не менее 60% «всей учебной работы» в русских учебных заведениях на эстонский язык.

солидарность русского населения проявилась в ходе сопротивления решению властей о переносе памятника советским воинам («Бронзового солдата») в Таллинне с холма Тынисмяги на Военское кладбище в апреле 2007 года. Кампания протеста, организованная группой «Ночной дозор», и вызванные ею полицейские репрессии привели к массовым беспорядкам в Таллинне⁵⁰.

Несмотря на все препятствия, тенденции к преодолению сложностей в «русском вопросе» в Прибалтике все же просматриваются. Большинство русских и русскоязычных жителей балтийских стран связывают свое будущее именно с ними. Положительная динамика «русского вопроса» важна и для нормализации российско-эстонских и российско-латвийских отношений. Можно надеяться, что будет все же найден разумный компромисс в наиболее сложном на данный момент вопросе, связанном с положением русского меньшинства в Латвии и Эстонии: вопросе о школьном образовании на русском языке.

Однако с учетом латвийского опыта было решено, что реформа образования будет постепенной. Срок реформы был фактически передвинут на 2011 года.

⁵⁰ Дело «Бронзового солдата» имело широкий общественный резонанс и вызвало кризис в российско-эстонских отношениях.

ОТ ПОЛИТИКИ ЗАБВЕНИЯ К ПОЛИТИКЕ ПАМЯТИ

УДК 027.1:[016:94(47).065/066]+929Юсупов

ЛИТЕРАТУРА ПО ИСТОРИИ РОССИИ В БИБЛИОТЕКЕ Н.Б. ЮСУПОВА (1751–1831): Вторая половина XVIII века

К.Г. Боленко

Государственный музей-усадьба «Архангельское»,
отдел редких книг, рукописей и фотофондов
E-mail: kbolenko2005@yandex.ru

В библиотеке известного вельможи Н.Б. Юсупова книги по истории России занимали заметное место. Изучение тематической коллекции позволяет уточнить особенности и этапы интереса Юсупова к отечественной истории и выяснить степень его подготовленности к управлению в конце своей административной карьеры учреждениями Московского Кремля.

Ключевые слова: история частных библиотек, частная библиотека как исторический источник, Н.Б. Юсупов.

COLLECTION OF HISTORICAL LITERATURE IN THE PRIVATE LIBRARY OF N.B. YOUSOUPOFF, 1751–1831. The second half of the XVIII-th century

K.G. Bolenko

The place that Russian history issues had in the library of N.B. Youssouppoff, the famous Russian grandseigneur, was rather significant. Studying this thematical collection allows to specify the features and stages of Yousouppoff's attention to this theme and to reveal the level of his competence for administering the Moscow Kremlin at the end of his career.

Key words: the history of private libraries, private library as a historical source, N.B. Youssouppoff.

Библиотека князя Николая Борисовича Юсупова (1751–1831) в Архангельском, которая в конце XVIII – первой трети XIX в. была одним из крупнейших российских частных книжных собраний, в настоящее время остается едва ли не наиболее полно сохранившейся библиотекой первой трети XIX в., причем хранящейся в

той же самой усадьбе, где была размещена владельцем¹. Несмотря на то, что в конце XIX – начале XX в. в эту библиотеку были влиты остатки некоторых других усадебных библиотек Н.Б. Юсупова, а также, полностью или частично, те принадлежавшие ему книги, которые к началу XX в. хранились в Москве²; несмотря на то, что в

---

¹ Наиболее полную библиографию о собрании до 2003 г. см.: *Боленко К.Г.* Российская юридическая литература (литература по российскому праву и правоведению) в библиотеке Юсуповых // *Россия в XVIII столетии* / Отв. ред. Е.Е. Рычаловский. М., 2004. Вып. 2. С. 37. Другие заслуживающие внимания работы, имеющие непосредственное отношение к истории библиотеки Н.Б. Юсупова: *Дозорова Н.И.* Торквато Тассо в отделе редких книг музея-усадьбы «Архангельское» // *Красногорье: Ист.-краевед. альм.* 2004. № 8. С. 46–58; *Она же.* Итальянская драматургия в библиотеке князя Н.Б. Юсупова // *Итальянский сборник: Сб. ст. М., 2009. Вып. 5. С. 196–207; Она же.* Российские периодические издания второй половины XVIII – начала XIX веков в Отделе редких книг Государственного музея-усадьбы «Архангельское» // *Архангельское: Материалы и исследования* / Общ. ред. Л.Н. Кирюшиной. М., 2009. [Вып. 1:] 90 лет Государственному музею-усадьбе «Архангельское». С. 200–213; *Она же.* Н.Б. Юсупов и его коллекция театральной литературы в Архангельском // *Там же.* М., 2011. [Вып. 3]. Ч. 1: К 200-летию приобретения усадьбы Архангельское князем Н.Б. Юсуповым. С. 186–201; *Боленко К.Г., Кобяк Н.А., Лифшиц А.Л.* Русские рукописные книги Государственного музея-усадьбы «Архангельское»: Некоторые аспекты описания и изучения // *АЕ за 2002 год.* М., 2004. С. 338–342; *Боленко К.Г.* Издания Археографической комиссии: библиотека Юсуповых в Архангельском // *Книга в пространстве культуры* / Отв. сост. О.Р. Хромов. М., 2007. Вып. 1 (3). С. 96–98; *Никифорова И.В.* Библиотека усадьбы «Архангельское» в последней трети XIX века // *Книга и мировая цивилизация: Мат. XI междунар. науч. конф. по проблемам книговедения.* Москва, 20–21 апреля 2004 г.: В 4 т. М., 2004. Т. 2. С. 412–414; *Она же.* «Золотое число» // *Альманах библиофила.* М., 2007. Вып. 31. С. 23–40; *Дружинина Е.В.* Князь Н.Б. Юсупов и профессор Л.К. Валькенар // *Век Просвещения* / Отв. ред. С.Я. Карп. М., 2006. Вып. 1: Пространство европейской культуры в эпоху Екатерины II. С. 326–349; *Она же.* Путешествие князя Н.Б. Юсупова по Западной Европе в 1774–1778 годах и его книжные приобретения // *Библиофилы России: Альманах.* М., 2006. Т. 3. С. 94–142; «Превосходнейший князь»: К истории переписки князя Н.Б. Юсупова и профессора Л.К. Валькенара // *Публ. К.Г. Боленко, пер. А.И. Любжина и А.И. Солопова* // *Там же.* С. 473–481; Юсуповская коллекция (Собрание печатных нот из фондов Отдела нотных изданий и звукозаписей с Отдела рукописей): Каталог / Сост. каталога, указ., коммент, автор вступ. ст. и науч. ред. Н.П. Гришкун; РНБ. СПб., 2008.

² Перечень книжных собраний, составлявших в начале XX в. библиотеку в Архангельском, реконструируется по расписке историка и архивиста Н.В. Рождественского, который в 1900 – начале 1910 гг. занимался ее рекаталогизацией (ГМУА. Инв. № АГЮ-81). Рекаталогизации, в свою очередь,

советский период из этой объединенной библиотеки около 10000 томов было изъято для других книгохранилищ³, юсуповская часть фонда редкой книги Государственного музея-усадьбы «Архангельское» (около 15500 томов) в значительной степени состоит именно из книг, принадлежавших Н.Б. Юсупову. Доказательством тому служат оставшиеся на части книг ярлыки в нижней части корешка, номера на которых (в тех случаях, когда они могут быть прочитаны) соответствуют номерам в сохранившихся каталогах его «архангельской» библиотеки⁴, а также переплеты характерных для библиотеки Юсупова устойчивых «серий»⁵, немногочисленные владельческие записи Юсупова и его предков и некоторое количество книг с экслибрисом Юсупова.

предшествовала масштабная реконструкция дворцов как в самом Архангельском, так и в Москве в Огородной слободе, перемещение библиотеки в Архангельском со второго этажа дворца на первый, сопровождавшаяся заменой шкафов, изменением расстановки книг и, на самом деле, разрушением библиотеки Н.Б. Юсупова как цельного памятника книжно-библиотечной культуры. К сожалению, составленные Рождественским каталоги или хотя бы рабочие материалы к ним не обнаружены ни в фондах Юсуповых в РГАДА (ф. 1290), ОПИ ГИМ (ф. 411) и ОР РНБ (ф. 890), ни в фонде Рождественских в ЦИАМ (ф. 351).

³ На настоящий момент наиболее полную сводку данных о потерях, которые понес книжный фонд музея, см.: Дружинина Е.В. Усадебная библиотека Н.Б. Юсупова в Архангельском (Из истории книг, посвященных театру) // Книга: Исследования и материалы. М., 1994. Сб. 68. С. 321–322.

⁴ Комплект отдельных тематических тетрадей-каталогов см.: РГАДА. Ф. 181 (РОБ МГАМИД). Оп. 1. Д. 1181–1222. Сохранившийся 4-й том сплетенных вместе нескольких тематических каталогов, в целом аналогичных отдельным тетрадям, см.: Там же. Ф. 1290. Оп. 5. Д. 1254. Не обнаружены каталоги на шкафы со «штриховой» нумерацией (типа 28', 47' и т. д.; в расписке Н.В. Рождественского они названы шкафами «второй серии»).

Время наклейки ярлыков требует уточнения, не исключено, что они появились только в 1860 гг., в процессе рекаталогизации библиотеки в Архангельском, что не лишает их значения как одного из важнейших идентифицирующих признаков библиотеки Н.Б. Юсупова 1830-х годов.

⁵ К примеру, по предварительной оценке, около тысячи книг, в основном изданных в 1810-е – начале 1830-х гг., облечены в полукожаные переплеты с крышками, крытыми коричневыми тонов мраморной бумагой, с уголками и корешком коричневой кожи с мелкокапельным травлением, с красными наклейками на корешке под заглавие и номер тома, с имитирующим бинты накатанным золотым тиснением в виде меандра и годом изготовления переплета (1822–1830) и с форзацами голубоватой и, как правило, неперфорированной бумаги.

Изучение библиотеки Юсупова несколько осложняется тем уже упомянутым фактом, что библиотека в Архангельском не была единственной. Так, до переезда Юсупова в Москву в начале 1800-х гг. основной была библиотека в Петербурге, но, без сомнения, существовала библиотека и в Москве, в известном доме в Огородной слободе. Кроме того, вероятно, уже с конца XVIII в. имелась библиотека в курском имении Ракитное, возможно – в родовом подмосковном имении Спасское-Котово, не исключено – в других петербургских и московских домах и многочисленных имениях Юсупова. После покупки в 1810 г. Архангельского московская и архангельская библиотеки сосуществуют, хотя основной явно становится последняя. Таким образом, сохранившиеся каталоги юсуповских библиотек не фиксируют принадлежавшего ему книжного собрания во всей полноте даже на какой-то момент времени, и, следовательно, мы зачастую не имеем возможности даже приблизительно определить время приобретения Юсуповым той или иной книги, которая неожиданно «всплывает» в том или ином собрании. Какое-то время она могла просто находиться вне каталогизируемого основного собрания. Степень полноты тематической коллекции также остается неясной. Остается исходить из презумпции, что любое основное собрание Юсупова включало в себя как минимум большую часть, а как максимум – весь объем литературы по той или иной тематике. Так, к примеру, среди книг, перевезенных в Архангельское в конце XIX в. из Ракитного, издания и рукописи по российской истории отсутствовали⁶.

В силу энциклопедического характера основной библиотеки, она, с одной стороны, выступает своеобразным «зеркалом» структуры интересов и вкусов Н.Б. Юсупова; с другой, мы не можем не учитывать, что она имела и важную социальную функцию – демонстрировать просвещенность своего владельца⁷. Воплощение в

---

⁶ «Опись книгам, отправленным в Москву из Ракитянского имения». Конец XIX – начало XX в. Машинопись (ГМУА. Инв. № АГЮ-69).

⁷ О том, что библиотека создавалась Юсуповым как часть своего публичного образа, свидетельствуют неоднократные упоминания о ней современников, начиная с 1770 гг., причем знакомство с ней, похоже, было частью «экскурсионной программы» по дворцу: сначала петербургскому, затем московскому, позже – архангельскому (См.: *Bernoulli J. Reisen durch Brandenburg, Pommern, Prussen, Curland, Russland und Pohlen 1777 und 1778. Leipzig, 1780. Bd. 5. S. 85; Woenzel P., van. Etat présent de la Russie. SPb., 1783. P. 110; Свиньин П.П. Бал у действительного тайного советника кн. Н.Б. Юсупова // ОЗ. 1827. Ч. 32. С. 384; Барсуков Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина: В 22 кн. СПб., 1888. Кн. 1. С. 304).*

книжном репертуаре обоих «мотивов» – интеллектуальных интересов, с одной стороны, и социальных, с другой, – выступает ключевой задачей при изучении каждого из тематических собраний библиотеки, особенно тех, специфика которых не нашла прямого соответствия в деятельности князя как чиновника, дипломата, коллекционера, театрала, помещика и крупного предпринимателя.

Собрание книг по истории России (далее – Собрание) – один из таких тематических комплексов, поскольку в течение очень долгого времени ни служба, ни коллекционерские или какие-либо другие интересы Юсупова не предполагали осведомленности в отечественной истории в качестве неперемennого условия. Только в достаточно преклонном для своего времени возрасте, в 1814 г., Юсупов был назначен главноначальствующим Экспедицией Кремлевского строения (Кремлевской экспедиции) и Мастерской и Оружейной палат. Разумеется, мы вправе предположить, что при наличии квалифицированных советников Юсупова назначали (и он сам руководствовался подобным представлением о своих функциях) как чистого администратора, однако, учитывая большой объем восстановительных работ после эвакуации и пожара 1812 г., эти должности отнюдь не были синекурой. Лестная, авторитетная и уже совершенно бескорыстная посмертная характеристика Юсупова Д.Н. Бантыш-Каменским: «к чести князя Юсупова должно присовокупить, что он был весьма сведущ и в отечественных древностях»⁸, – служит аргументом в пользу того, что роль Юсупова в восстановлении Кремля и выведению Оружейной и Мастерской палат на новый уровень функционирования (к примеру, впервые на основе фондов была

В этом смысле любопытно также замечание М. Вильмот о том, что в московском доме путь в картинную галерею, «сердце» юсуповских коллекций, лежал через библиотеку (См.: Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России / Вступ. ст. Г.А. Веселой и С.С. Дмитриева; Сост., коммент. и имен. указ. Г.А. Веселой. М., 1991. С. 369). И не случайно сведения о библиотеке Юсупова уже с конца XVIII в. попадают в путеводители по Петербургу, а затем по Москве и Подмосковию (См.: *Георги И.Г.* Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей в окрестностях оного. СПб., 1794. С. 418; *Малиновский А.Ф.* Обзорение Москвы. / Сост. С.Р. Долгова. М., 1992. С. 163; *Нистрем К.* Указатель селений и жителей уездов Московской губернии. М., 1852. С. 351). С другой стороны, при большом количестве упоминаний, требует объяснений скудость сведений о ее составе.

⁸ *Бантыш-Каменский Д.Н.* Словарь достопамятных людей русской земли: В 5 ч. М., 1836. Ч. 5. С. 373.

создана полноценная музейная экспозиция, открытая для посетителей) могла выходить за рамки простого утверждения решений, предложенных специалистами. Согласно недавно проведенному исследованию, Кремль и Мастерская и Оружейная палаты действительно получили в лице Юсупова не только опытного управленца, но и неплохого знатока российской истории и материальной культуры⁹.

Это придает описанию юсуповского собрания книг по отечественной истории свою проблематическую индивидуальность и, может быть, большую актуальность, чем если бы мы работали с книжным собранием иного лица (необходимый этап в исследовании личности владельца, вклад в изучение книжного собирательства в России, интереса общества к российской истории, распространения исторических знаний и т. д.). Более глубокое осмысление деятельности Юсупова в должности главноуправляющего кремлевских учреждений и, следовательно, развитие Московского Кремля в этот период, требуют реконструкции той эрудиционной (или, если угодно – информационной) основы, которая предшествовала и сопровождала как назначение Юсупова на эту должность, так и его пребывание в ней.

Важно отметить также, что ни один из современников Юсупова не отзывался о нем как о русском или российском патриоте (о космополитизме, европеизме и татарских чертах упоминаний очень много), равно как не зафиксировано и отрицательных отзывов самого Юсупова о России и русских¹⁰. Не исключено, что интерес к отечественной истории, далеко не всем заметный и отнюдь не демонстративный, был важным проявлением у Юсупова его «русскости», которая по большей части оставалась латентной и наиболее полное выражение получила, по-видимому, именно в составлении книжной коллекции по истории России (впрочем, также не замеченной современниками) и в глубоком

---

⁹ См.: Смирнова Е.И., Богатская А.Б. Московский Кремль пушкинской поры. М., 1999. С. 72–73, 80, 89–90, 102, 105–106, 114.

¹⁰ О татарской составляющей самоидентификации у Юсупова и совмещении ее с российской и европейской частями его идентичности см.: Боленко К.Г. «Русский вельможа, европейский *grand seigneur* и татарский князь» Н.Б. Юсупов: к вопросу о самоориентализации российского дворянства в последней трети XVIII – первой трети XIX вв. // *Ab Imperio*. 2006. № 3. С. 161–216.

интересе к собственной родовой истории, которая с XVI в. была непосредственно связана со службой российским государям.

При описании такого рода собраний (коллекций) одним из ключевых становится принцип отбора. Так, мы в первую очередь исключили из рассмотрения беллетристику (исторические повести, романы, поэмы) и ту историческую литературу, в которой история России не является сколько-нибудь значительной темой (значительную часть книг по истории Европы и европейской внешней политики и торговли).

Разумеется, с позиций настоящего времени, и даже почти сразу после смерти Юсупова, в разряд исторической могла быть включена и та литература, которая таковой по большому счету не являлась, а именно, публицистика, действующее законодательство¹¹, описания современных Юсупову путешествий, например, лиц императорской фамилии, статистика, политическая литература. Таким подходом (источниковедческим, с точки зрения исторической науки, и одновременно иллюстративным, с точки зрения музейно-экспозиционной) руководствовались, к примеру, авторы действующей в настоящее время расстановки сохранившейся части юсуповской библиотеки. В шкафах № 33–34, в которых сгруппирована подавляющая часть литературы по истории России, находятся, к примеру, и издания 1725 и 1726 гг. «Правды воли монаршей» Феофана Прокоповича, и переиздание 1780 г. Соборного Уложения царя Алексея Михайловича, и «Журнал Высочайшего путешествия Ея Величества Государыни Императрицы Екатерины II..., в полуденные страны России в 1787 году» (М., 1787). Между тем очевидно, что значение исторических книг эти издания приобрели лишь с течением времени, в том числе ряд изданий и рукописей – а в состав библиотеки входили и рукописи, – конечно, мог менять свой тематический статус в процессе долгого функционирования библиотеки. Существенное значение при решении вопроса о статусе того или иного издания в библиотеке Юсупова могли бы иметь такие факторы как время приобретения книги (все вышеперечисленные издания могли быть приобретены позже именно как исторические памятники) и отнесение ее при современной Юсупову каталогизации библиотеки в соответствующий раздел, однако для большинства книг

---

¹¹ О последнем см.: *Боленко К.Г.* Российская юридическая литература (литература по российскому праву и правоведению) в библиотеке Юсуповых...

время приобретения остается невыясненным, а разделы российской истории в каталогах недостаточно четко выделенными.

Так, в наиболее раннем из сохранившихся каталогов петербургской библиотеки 1800 г.¹² соответствующий раздел отсутствует. Книги по истории России, изданные на русском языке, помещены хаотически в раздел «Российские книги» (в том случае, если описи в какой-то мере отражали особенности расстановки, то русская часть библиотеки была совершенно не систематизированной), а сочинения на иностранных языках – преимущественно в раздел «Histoire politique. Mémoires. Jurisprudence». Некоторое количество книг встречается также в разделе «Voyages».

В тематико-топографических каталогах усадебной библиотеки Архангельского, составленных во второй половине 1820-х – начале 1830-х гг., книги по российской истории на русском языке помещены в раздел «Русские книги»; книги на иностранных языках – в раздел «Histoire de Russie» и «Géographie»¹³. При этом в целом, несмотря на более детальную систематизацию и систематический же принцип расстановки, уровень концентрации книг по истории России был не слишком высоким, их поиск оставался непростой задачей и без помощи квалифицированного библиотекаря был затруднен даже для владельца, если только не предположить, что он принимал непосредственное участие в расстановке или внимательно ознакомился по ее завершении с каждым шкафом. Не исключено, что эти каталоги-описи вообще создавались не столько для удобнейшего пользования библиотекой, сколько для облегчения учетно-хранительского процесса – в частности, сверок.

В наиболее систематическом виде находившаяся в Архангельском литература по истории России, изданная на русском языке, представлена в тетради-каталоге первой половины 1860 гг.¹⁴, в кото-

---

¹² ГМУА. Инв. № РК 18965. «Catalogue de la Bibliotheque du Prince Youssouppoff. L'an 1800. St. Petersbourg» (далее – К-1800). Для русских книг название раздела опускаем. Также далее при ссылках на инвентарные номера фонда редкой книги опускаем аббревиатуру музея и спецификацию раздела (РК); после инвентарного номера приводим шифр хранения. Приводится также номер по «Сводному каталогу русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800» (Т. 1–[6]. М., 1962–1975; далее – СК) и «Описанию изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. / Сост. Т.А. Быкова и М.М. Гуревич» (М.; Л., 1955; далее – СК-1708-25).

¹³ РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 1198–1200, 1211.

¹⁴ ГМУА. Инв. № АГЮ-68 («Catalogue de la Bibliotheque du Prince Youssouppoff en son château d'Arkhanghelski: Оглавление Отделения русских книг»).

рой размещение библиографических записей уже совершенно отделено от топографии. В части 5 («Истории»), выделен § 3 – «История России», имеющий следующие подразделы: §§ 1 «Начало общей истории России»¹⁵; §§ 2 «Частные истории России»¹⁶; §§ 3 «Жизнь и царствование Петра Великого»¹⁷; §§ 4 «Жизнь русских государей»¹⁸; §§ 5 «История о российских дворянах» <sic!>¹⁹; §§ 6 «Торжества при государе»²⁰; §§ 7 «Живописание и записки русских»²¹. Всего – 230 томов и 5 отдельных аллигатов. Частично сохранившийся с того же времени систематический карточный каталог книг на иностранных языках имеет огромные лакуны, в том числе в исторической, географической и юридической частях.

Возвращаясь к вопросу о принципах включения тех или иных книг в Собрание, следует отметить, что в него была включена, независимо от времени издания, вся литература, посвященная событиям до середины 1760-х гг. (начало собственной интеллектуальной жизни и формирования личной библиотеки Юсупова), а также описания путешествий, издавна рассматриваемых в качестве источников по истории России до этого времени. В силу большого исторического значения внешнеполитических, в том числе военных событий, немалая часть литературы, посвященной войнам второй половины XVIII – первой трети XIX в., также была включена нами в Собрание. Из памятников права в Собрание попали лишь те из них, которые заведомо не имели статуса действующих законов (к примеру, Судебник Ивана IV).

В 1800 г., ко времени составления каталога, в петербургской библиотеке Юсупова находилось 60 изданий и рукописей по истории России на русском языке, общим объемом 147 томов, а так-

---

¹⁵ 21 экземпляр в 74 томах и 1 аллигат в составе неуказанного конволюта, размещавшиеся в шкафах 28, 29, 29' и 77. Ввиду смещения в одном каталоге как печатных книг, так и рукописей, а также наличия дублетов мы предпочли понятие «экземпляр», аналогичный на библиографическом уровне отдельной записи.

¹⁶ 18 экземпляров в 55 томах – в шкафах 28, 29, 37, 76 и 77.

¹⁷ 10 экземпляров в 49 томах и 1 аллигат в составе неуказанного конволюта – в шкафах 28 и 77.

¹⁸ 10 экземпляров в 12 томах и 1 аллигат в составе неуказанного конволюта – в шкафах 28, 47, 75 и 77.

¹⁹ 7 экземпляров в 9 томах – в шкафах 28, 43 и 77.

²⁰ 11 экземпляров в 11 томах и 2 аллигата в составе неуказанных конволютов – в шкафах 28, 47, 47' и 77.

²¹ 21 экземпляр в 29 томах – в шкафах 28, 29, 37, 37', 47', 76, 77, 78.

же около полусотни изданий на иностранных языках (около 100 томов).

Из русских книг, представленных в каталоге, сразу бросается в глаза большое количество летописей, из которых пять, к сожалению, не могут быть атрибутированы, поскольку, вопреки обыкновению, не указаны ни места, ни годы их издания, только формат²²; не исключено, что какая-то их часть могла быть рукописной. Совершенно точно рукописной была некая «Летопись российская. Ф° MSS»²³. Остальные одиннадцать – атрибутируемые печатные издания: «Летопись Несторова. С.П.бург 4°»²⁴, «Древний летописец. 4°»²⁵, «Шлетцер летопись. 4°»²⁶, «Библиотека российская историческая. С.П.бург 4°»²⁷, «Царственной летописец. 4°»²⁸, «Никонов летописец. С.П.бург 4°»²⁹, «Руской летопи-

---

²² К-1800. № 770 («Летописец. 8°»), № 813 («Летопись. Ф°»), № 823 («Летопись. Ф°»), № 840 («Летопись. Ф°»), № 852 («Летопись. Ф°»). После формата составитель каталога указывал также количество томов. Поскольку оно всегда совпадает с количеством порядковых номеров, эти сведения мы опускаем. Заглавие и сведения о месте и формате издания в оригинале приведены в разных графах.

²³ К-1800. № 410–411. MSS – знак, которым в русской части каталога 1800 г. обычно, хотя и не всегда, обозначены рукописи.

²⁴ К-1800. № 118. «Летопись Несторова с продолжателями по Кенигсбергскому списку до 1206 года» ([СПб., 1767]). В кн.: Библиотека российская историческая. Ч. 1. СПб., 1767. СК 569. В музее, вероятно – Инв. № 3214; 34 2/10 (1-й вариант издания). На корешке тисненая золотом надпись: «ЛЕТОПИСЬ / НЕСТОРОВА».

²⁵ К-1800. № 119–120. «Древняго летописца часть первая-[вторая]» (СПб., 1774–1775). СК 2023. В музее – Инв. № 3236–3237; 34 2/31–32.

²⁶ К-1800. № 122. Очевидно, ««Руская летопись по Никонову списку изданная под смотрением Императорской Академии наук» (Ч. 1–2. СПб., 1767–1768). СК 6208. В музее – Инв. № 3208–3209; 34 2/5. На корешке тисненая золотом надпись: «шлѣцерь / РУСКАЯ / ЛѢТОПИСЬ».

²⁷ К-1800. № 128. «Библиотека российская историческая, содержащая древняя летописи и всякия записки, способствующие к объяснению истории и географии российской древних и средних времен» (Ч. 1. СПб., 1767). СК 569. В музее (2-й вариант издания) – Инв. № РК 3215; 34 2/11.

²⁸ К-1800. № 124. СК 8081. «Царственной летописец содержащий российскую историю от 6622/1114 году... до 6980/1472 году...» (СПб., 1772). В музее – Инв. № 3210; 34 2/6.

²⁹ К-1800. № 230–237. СК 6208. «Руская летопись по Никонову списку изданная под смотрением Императорской Академии наук» (Ч. 1–8. СПб., 1767–1792). В музее – Инв. № 3110–3117; 34 1/1–8.

сец без города. 8°»³⁰, «Российская летопись 1795-го. С.П.бург 8°»³¹, «Летописец новгородский. 8°»³², Летописец архангельгородский. 8°»³³, «Летописец типографский. 8°»³⁴. К ним примыкают также печатные «Книга степенная. Москва 4°»³⁵, «Руской временник по 1681 год. Москва 4°»³⁶, «История о Казанском царстве. 4°»³⁷, «Летописец о осаде Троицк. Сергиева монастыря»³⁸. Из изданий источников допетровского периода в библиотеке находились также «Судебник царя и великаго князя Ивана Васильевича...» (СПб., 1768)³⁹ и два издания «Древней российской вивлиофики» Н.И. Новикова с одним экземпляром, очевидно, именно ее «Продолжения...»⁴⁰, обе части «Повседневных дворцовых времени го-

---

³⁰ К-1800. № 255–259. «Летописец руской от пришествия Рурика до кончины царя Иоанна Васильевича...» (СПб., 1792). СК 3670. В музее – Инв. № 2917–2921; 33 1/11–15.

³¹ К-1800. № 429. «Российская летопись по списку Софийскому Великаго Новагорода...» (Ч. 1. СПб., 1795). СК 6070. В музее отсутствует.

³² К-1800. № 666. «Летописец новгородский начинающийся от 6525/1017 году, и кончающийся 6860/1352 годом» ([М.], 1781). СК 3669. В музее – Инв. № 3169; 34 1/17.

³³ К-1800. № 667. «Летописец содержащий в себе российскую историю от 6360/852 до 7106/1598 года...» ([М.], 1781). СК 3671. В музее – Инв. № 3184; 34 1/32.

³⁴ К-1800. № 668. «Летописец содержащий российскую историю от 6714/1206 лета, до 7042/1534 лета...» ([М.], 1784). СК 3672. В музее отсутствует.

³⁵ К-1800. № 174–175. «Книга Степенная царского родословия, содержащая Историю Российскую с начала оныя до времен... царя... Иоанна Васильевича» (Ч. 1–2. СПб., 1775). СК 2963. В музее – Инв. 3238–3239; 34 2/33–34.

³⁶ К-1800. № 176–177. «Руский времянник, сиречь, Летописец, содержащий российскую историю от 6370/862 лета до 7189/1681 лета...» (Ч. 1–2. [М.], 1790). СК 6210. В музее – Инв. № 3164–3165; 34 1/12–13.

³⁷ К-1800. № 612. «История о Казанском царстве неизвестного сочинителя XVI столетия по двум старинным спискам» (СПб., 1791). СК 2704. В музее – Инв. № 3190; 34 1/36.

³⁸ К-1800. № 669. «Сказание о осаде Троицкаго Сергиева монастыря, от поляков и Литвы, и о бывших потом в России мятежах» ([М.], 1784). СК 44. В музее – Инв. № 2947; 33 1/41.

³⁹ К-1800. № 311 («Судебник царя Ивана Васильевича. 8°»). СК 6937. В музее – Инв. № 3183; 34 1/31.

⁴⁰ К-1800. № 699–710 («Древняя вивлиофика. 8°»); № 726–735 («Древняя российская вивлиофика. 12°»); № 718–725 («Продолжение древней российской истории [вивлиофики]. 12°»). Формат в 12-ю долю листа указан ошибочно. СК (Т. 4) 146–148, 216. В музее – 1 экз. (1-е изд., вариант 2 – М., 1773–1775); Инв. № 2929–2938; 33 1/23–32; 2 экз. (1-е изд., вариант 1, с переизд. ч. 1–2. М., 1782); Инв. № 2960–2969; 33 2/13–22; 3-й экз. (2-е изд. – Ч. 1–12. М., 1788–1789); Инв. № 2948–

сударей царей и великих князей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича, записок» ([М.], 1769)⁴¹, компилятивное «Описание седми старинных свадеб...» (М., 1798)⁴².

Упоминается переводное сочинение Мавро Орбини «Книга историография початия имене славы и разширения народа славянского...» (СПб., 1722)⁴³. Возможно, в библиотеке имелся второй экземпляр; другой возможности идентифицировать запись «Историография. 8°»⁴⁴ мы не видим.

Русская обобщающая историография переходного периода, от летописания к научной истории, представлена в библиотеке «Синописом» Иннокентия Гизеля⁴⁵. Хорошо представлены в библиотеке и сочинения основных российских историков, изданные во второй половине XVIII в.: «История Российская с самых древнейших времен» (Кн. 1–3. М., 1768–1774) В.Н. Татищева⁴⁶, «История российская от древнейших времен» (СПб., 1770–1792) и «Примечания на ответ господина... Болтина...» (М., 1792) М.М. Щербатова⁴⁷, «Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка»

2959; 33 2/1–12; «Продолжение»: Инв. № 2939–2946; 33 1/33–40. В петербургской библиотеке находился, кроме указанного варианта «Продолжения» и третьего экземпляра (2-е изд.), именно первый экземпляр, поскольку он полностью совпадает с «Продолжением» по виду переплета.

⁴¹ К-1800. № 138–139 («Вседневныя дворцовыя записки. С.П.бург 4°»). СК 5432. В музее – 1 экз.: Инв. № 3146–3147; 33 4/34–35; 2-й экз.: Инв. № 3240–3241; 34 2/35–36. Который из них находился в петербургской библиотеке, выяснить не удалось.

⁴² К-1800. № 322 («Описание старинных свадеб. Москва 12°»). СК 4980. В музее отсутствует.

⁴³ К-1800. № 853 («Книга историография. 8°»). СК-1708-25 699. В музее отсутствует.

⁴⁴ К-1800. № 665.

⁴⁵ Там же. № 312 («Синопис. 8°»). «Синопис или краткое описание от различных летописцев о начале славянского народа... до... государя царя и великого князя Феодора Алексеевича... седьмым тиснением изданное» (СПб., 1774). СК 2511. О том, что речь идет именно о переиздании 1774 г., свидетельствует музейный экземпляр в «серийном» переплете – Инв. № 3193; 34 1/39.

⁴⁶ К-1800. № 78–81 («Российская история Татищева. 4°»). СК 7161. В музее – Инв. № 3241–3244; 34 2/36–39. Книги 2–3 имеют одинаковые переплеты, значительно отличающиеся от переплетов обеих частей первой книги. Книги 4 (1784) и, разумеется, 5 (1848) и в каталоге, и в музее отсутствуют.

⁴⁷ К-1800. № 156–170 («Российская история князя Щербатова. 4°»). СК 8525. В музее – Инв. № 3219–3233; 34 2/14–28; К-1800. № 225 («Примечания на ответ Долчина <sic!>. Москва 4°»). СК 8534. В музее – Инв. № 3213; 34 2/9.

(Т. 1-2. [СПб.], 1788) и «Ответ... на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории» (СПб., 1789) И.Н. Болтина⁴⁸. Имеются также «Записки касательно российской истории» (Ч. 1-5. СПб., 1787-1793), составленные Екатериной II⁴⁹.

Немало изданий связаны с личностью и событиями царствования Петра Первого; в их числе имеются и переводные. Кроме «Деяний Петра Великого, мудрого преобразователя России» (М., 1788-1789) И.И. Голикова и десяти частей «Дополнения» к ним (М., 1790-1792)⁵⁰, числятся ««Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову...» (СПб., 1773) В.Г. Рубана⁵¹, «Журнал или Поденная записка... государя императора Петра Великого с 1698 г., даже до заключения Нейштатского мира» (Ч. 1-2. СПб., 1770-1772)⁵², «Житие и славные дела государя императора Петра Великого... с предположением краткой географической и политической истории о Российском царстве» (Ч. 1-2. Венеция, 1772) З. Орфелина⁵³, «Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого» Ф.В. Туманского (Ч. 1-10. СПб., 1787-1788)⁵⁴, «История императора Петра Великого, от рождения его до Полтавской баталии...» (СПб., 1773 или

---

⁴⁸ К-1800. № 152-153 («Примечания Долчина на Леклер. 4°»). СК 669. В музее - Инв. № 3234-3235; 34 2/29-30; К-1800. № 302 («Ответ Болтина. 8°»). СК 670. В музее - Инв. № 3179; 34 1/27.

⁴⁹ К-1800. № 267-271 («Записки российской истории. 8°»). СК 2137. В музее - Инв. № 2922-2926; 33 1/16-20. Обращаем внимание на наличие пяти частей вместо шести не только в фондах музея, но и в описи 1800 года.

⁵⁰ К-1800. № 35-66 («Деяния Петра Первого. Москва 8°»); № 67-76 («Дополнения к деяниям Петра Первого. Москва 8°»). СК 1487-1488. В музее соответственно - Инв. № 3066-3075; 33 3/3-12; Инв. № 3076-3086; 33 3/13-22.

⁵¹ К-1800. № 318 («Поход Шеина к Азову. Соч. Рубана. С.П.бург 18°»). СК 6165. В музее - Инв. № 12192; 23 2/34. Почти аналогичный переплет см.: Инв. № 3207; 34 2/4 - Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится... Издано 5-м тиснением. [СПб.], 1780.

⁵² К-1800. № 154-155 («Журнал Петра Первого. 4°»). СК 2282. В музее - Инв. № 3130-3132; 33 4/19-20.

⁵³ К-1800. № 172-173 («Житие Петра Первого в Венеции. Москва 4°»). СК 5027. В музее (вариант 1) - Инв. № 3064-3065; 33 3/1-2.

⁵⁴ К-1800. № 238-247 («Собрание записок к Истории Петра Первого. С.П.бург 8°»). СК 7403. В музее - Инв. № 2907 - 2916; 33 1/1-10.

М., 1788) Феофана Прокоповича⁵⁵, «Письма... Петра Великого к Степану Андреевичу Колычеву, и ответы его на оныя» (М., 1785)⁵⁶, «Дух Петра Великого императора всероссийскаго и соперника его Карла XII, короля шведскаго» (СПб., 1798) О.И. Беляева⁵⁷ и некая «Бекевичева экспедиция. 12°»⁵⁸. Преимущественно крымским походам Петра I посвящено и «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова...» (2-е изд. – СПб., 1768) Г.З. Байера⁵⁹. Имелась также посвященная полтавской победе речь архимандрита Иосифа Туробойского «Πολιτικολεπная ἀποθῆωσις достохвалныя храбрости всероссийскаго Геркулеса... На генеральной баталии в нынешнем 1709 году, в 27 и 30 день, месяца иуния... ([М.], 1709)⁶⁰.

Сочинения по современной Юсупову истории выделяются военной тематикой: «Журнал о военных действиях Российской императорской армии» в 1757–1760 гг. (Ч. 1–3. СПб., 1761–1763)⁶¹, «Журнал военных действий армий Ея Императорского Величества 1769–[1770] года» ([Ч. 1–2]. СПб., [1770–1771])⁶² и сочинение «О войне в Молдавии. 8°»⁶³. Указана также рукопись, явно носившая ретроспективный характер – «Обстоятельное описание торжественных обрядов императрицы Елисавет Петровны. MSS Ф°»⁶⁴.

---

⁵⁵ К-1800. № 310 («История Петра Перваго Прокоповичем. 8°»). СК 7734–7735. В музее отсутствует. Возможно, в библиотеке были экземпляры обоих изданий.

⁵⁶ К-1800. № 323 («Писма Петра 1-го. Колычову. 12°»). СК 5225. В музее отсутствует.

⁵⁷ К-1800. № 614 («Дух Петра Великаго. 8°»). СК 485. В музее – Инв. № 3104; 33 03/3.

⁵⁸ К-1800. № 324. Вероятно, «Редкое и достопамятное известие, о бывшей из России в Великую Татарю экспедиции, под именем Посольства...» (Ч. 1–[2]. СПб., 1777) В. Могутова, СК 4287. В музее отсутствует.

⁵⁹ К-1800. № 123 («Древняя история азовская. 8°»). СК 365. В музее – Инв. № 3192; 34 1/38.

⁶⁰ К-1800. № 186 («Апотивзис Петра Перваго. – Турабойским. 4°»). СК-1708-25 26. В музее отсутствует.

⁶¹ К-1800. № 172–173 («Журнал военных действий 1758, 59, 60-го годов. С.П.бург 4°»). СК 2284. В музее – Инв. № 12309–12310; 23 4/19–20.

⁶² К-1800. № 295 («Журнал военной 769-го и 770-го годов. С.П.бург 4°»). СК 2281. В музее – Инв. № 12331–12332; 26 1/10. Описание военных действий в 1773 г. отсутствует.

⁶³ К-1800. № 131. Вероятно, имеется в виду «Перечень из собственного своего журнала в продолжение прошедшей войны при завоевании Молдавии и Бессарабии с 1787 по 1790 год...» (СПб., 1792) фон Раана. СК 5780.

⁶⁴ К-1800. № 595.

Отдельную группу составляют издания и, возможно, рукописи по генеалогии российского дворянства: «Известие о дворянах российских...» (СПб., 1790) Г.Ф. Миллера⁶⁵, «Родословная книга князей и дворян российских и выезжих...» (Ч. 1–2. М., 1787)⁶⁶, и неясного содержания, возможно, рукописная «Родословная. Ф^о»⁶⁷.

Особняком стоит один из первых опытов региональной истории в России – «Краткая история о городе Архангельском» (СПб., 1792) В.В. Крестинина⁶⁸. Любопытно наличие сочинения протоиерея Андрея (А.И. Журавлева) «Полное историческое известия о старообрядцах, их учении, делах и разногласиях» (Ч. 1–3. СПб., 1794)⁶⁹. К настоящему моменту у Юсупова не обнаружено серьезного интереса к религиозным вопросам. Не только исторический, но и практический интерес могло представлять для Юсупова «Историческое описание российской коммерции...» (Ч. 1–7. СПб., 1781–1788)⁷⁰, составленное М.Д. Чулковым.

Неидентифицированными остаются такие записи как «Разсуждение Петра Великаго. Ф^о»⁷¹ и «Известие о патриархе Никоне»⁷².

Наличие в русской части каталога 1800 г. пустых номеров – причем иногда оказываются проставлены формат и даже место издания⁷³ – позволяет предположить наличие еще некоторого количества книг по отечественной истории.

---

⁶⁵ К-1800. № 307 («Известие о дворянах российских. 8°»). СК 4233. В музее – Инв. № 3167; 34 1/15.

⁶⁶ К-1800. № 142–143 («Родословная книга. Москва 8°»). СК 6018. В музее – Инв. № 2927–2928; 33 1/21–22.

⁶⁷ К-1800. № 412.

⁶⁸ Там же. № 613 («Краткая история о городе Архангельском. 8°»). СК 3303. В музее – Инв. № 4557; 55 3/3.

⁶⁹ К-1800. № 521 («Полное историческое известие. 8°»). СК 2277. В музее – Инв. № 11236; 61 03/5.

⁷⁰ К-1800. № 201–221 («О российской комерции Челкова. С.П.бург. 4°»). В музее – Инв. № 10421–10441; 1 3/6–26. Экземпляр, не имевший отношения к петербургской библиотеке, – Инв. № 10447–10461; 1 4/1–15.

⁷¹ К-1800. № 847. Вероятно, составленное П.П. Шафировым «Разсуждение какие законные причины его царское величество Петр Первыи... к начатию войны против короля Карола 12, шведского 1700 году имел...» (СПб., 1717. Переизд. – 1719 и 1720). СК-1708-25 259. В музее отсутствует.

⁷² К-1800. № 762. Возможно, «Житие святейшаго патриарха Никона, писанное некоторым бывшим при нем клириком» (СПб., 1784) И.К. Шушерина. СК 8517. В музее отсутствует.

⁷³ К-1800. № 553–560, 605–608, 610–611, 617–618.

Всего по каталогу 1800 г. в библиотеке Н.Б. Юсупова выявлено около 80 изданий «Россики» на французском языке и 11 – на латыни, немецком и голландском языках, не считая карт и произведений изящной словесности. Этого объема достаточно, чтобы говорить о «Россики» Юсупова как о весьма крупном собрании, правда, остается открытым вопрос о наличии или отсутствии у Юсупова стремления к пусть не исчерпывающей, но полноте коллекции⁷⁴; его состояние и связи позволяли сделать это. Однако даже в том случае, если таковое желание имело место, полную коллекцию «Россики» в самой России в это время не собирал никто, так как в качестве научно значимой и социально престижной эта задача еще не осознавалась, сколько-нибудь масштабный и целенаправленный характер собрание «Россики» приняло только в середине XIX столетия. Первое издание, сколько-нибудь полно учитывающее сочинения иностранцев о России, вышло только в 1798 г.⁷⁵ и не могло оказать значительного влияния на формирование юсуповской коллекции «Россики», даже если Юсупов к нему обращался – в каталогах 1800 и начала 1830 гг. библиотеки Юсупова это издание не зафиксировано.

Преобладание французских изданий в составе юсуповской «Россики» – английские и большая часть немецких текстов представлены в переводах на французский – не является чем-то оригинальным, то же самое можно наблюдать и в других библиотеках. Однако явная ориентация Юсупова на комфортную для себя французскую языковую среду дает основание полагать, что книги приобретались не только из социальных соображений (моды и престижа), но и для чтения. В совокупности языковой состав и объем коллекции позволяют утверждать о наличии у Юсупова личного интеллектуального интереса к сочинениям иностранцев о России.

Подавляющее число изданий «Россики» распределено по разделам 1) «История. Политика. Мемуары. Юриспруденция» и 2) «Путешествия» (во всех остальных разделах – порядка полутора десятков книг). Эти разделы библиотеки вообще весьма велики: соответственно 1728 и 771 томов. Иначе говоря, «Россика» составляет лишь ничтожную часть тех разделов, в которых находится.

---

⁷⁴ Для сравнения: только путешествий, связанных с Россией, в XVI–XVII вв. вышло более 250 отдельных изданий (многие затем переиздавались по нескольку раз) и около 40 сборников.

⁷⁵ См.: *Meiners C. Vergleichung des ältern und neuen Russlandes... L., 1798. Bd. 1–2.*

Для адекватного понимания места «Россики» в тематической структуре библиотеки необходимо обратиться к разделу «Российские книги» (то есть, книги на русском языке). И здесь картина иная: путешествий и сочинений о России насчитывается более 200 томов из 880, причем преимущественно это литература по истории России. Это много. И в этой связи резонно предположить, что «Россика» не имела для Юсупова самостоятельной ценности, а находилась на стыке нескольких интересовавших его тематических «блоков», из которых основными были: история и современное состояние России, с одной стороны, и описания путешествий, с другой. Трудов по истории России в этом массиве – более половины.

Среди первостепенных обобщающих исторических трудов можно достоверно вести речь о первом издании пятитомной «Истории древней и современной России» Н.Г. Леклерка (Париж, 1783–1784) с атласом⁷⁶. Не исключено также, что имелась и «История России» П.Ш. Левека – зафиксированная в каталоге «История народов, находящихся под владычеством России» (это сочинение составляло последние два тома «Истории России») записано в семи томах⁷⁷.

В известном смысле общий характер носят «История северных правительств» (Ивердон, 1780)⁷⁸ Дж. Уильямса и популярные «Северные анекдоты», изданные в Париже в 1770 году⁷⁹.

Допетровская эпоха представлена в коллекции весьма хорошо. Так, каталог 1800 г. фиксирует наличие в библиотеке переиздания подготовленного П. Бержероном и впервые вышедшего в

---

⁷⁶ *Le Clerc N.G. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne. Paris; Versailles, 1783* Т. 1–3; *Le Clerc N.G. Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie modern. Paris; Versailles, 1783–1785.* Т. 1–2. К-1800: Histoire. Politique. Mémoires. Jurisprudence (далее – Histoire-1). № 886–888, 889–890. В музее – Инв. № 3118–3120, 3121–3122; 33 4/9–11, 12–13. Атлас – К-1800: Histoire-1. № 891. В музее – Инв. № 2841; 32 1/1.

⁷⁷ К-1800: Histoire-1. Politique. Mémoires. Jurisprudence (далее – Histoire-1). № 1148–1154 («Histoire des différens peuples soumis à la domination des Russes, ou Suite de l'histoire de Russie. par M-r Léveque. Paris, in-12°»). В библиотеке отсутствует.

⁷⁸ *Williams J. Histoire des gouvernemens du Nord, ou De l'Origine & des Progrès du gouvernement des Provinces-Unies, du Danemark, de la Suède, de la Russie & de la Pologne, jusqu'en 1777.* Yverdon, 1780. Т. 1–6. К-1800: Histoire-1. № 560–565. В музее – Инв. № 880–885; 39 2/5–10.

⁷⁹ *Hornot A., La Croix J.-Fr., La Place P.-A. Anecdotes du Nord, comprenant la Suède, le Danemarck, la Pologne & la Russie; depuis l'origine de ces Monarchies, jusqu'à présent.* Paris, 1770. К-1800: Histoire-1. № 711. В музее – Инв. № 979; 39 03/13.

Лейдене в 1729 г. сборника «Собрание путешествий, преимущественно в Азию, в XII, XIII, XIV, XV веках...» (Гаага, 1735)⁸⁰; базельского 1556 г. (более полного, чем предыдущее) издания записок С. Герберштейна⁸¹; двух экземпляров редкого сборника «Записок разных авторов о московитских делах», включавшего записки Герберштейна и некоторые другие тексты (Франкфурт, 1600)⁸²; изданных в Мантуе в 1596 г. на итальянском языке записок А. Поссевино⁸³; описание «Северной и Восточной Татарии» Н. Витсена (Амстердам, 1692) на голландском языке⁸⁴; выпущенного в Лейдене в 1719 г. перевода на французский язык описания путешествия А. Олеария⁸⁵; третьего (второго из вышедших в Амстердаме) издания записок Г. Мьега о британском посольстве в 1663–1664 гг. в Россию, Швецию, Данию и Норвегию⁸⁶; второго (1699 г.) издания «Обозрения Московии» Фуа де Невилля⁸⁷; «*Re-publica Russiae*», 13-я часть многотомного издания, посвященно-

---

⁸⁰ *Voyages faits principalement en Asie dans les XII-XV siècles*, / Par Benjamin de Tudèle, Jean du Plan-Carpin, N. Ascelin, G. de Rubriquis, Marc Paul Venecien, Haiton, Jezn de Mandeville et Ambroise Contarini: accompagnés de l'Histoire des Sarasins et des Tartares... La Haye, 1735. Т. 1-2. К-1800: Voyages. № 637-638. В музее – ИНВ. № 4289-4290; 54 1/20-21.

⁸¹ *Herberstain S. Rerum Moscovitarum commentarii Sigismundi liberi baronis in Herberstain, Neyperg et Guettenhag...* (Basileae, 1556). К-1800: Auteurs classiques. № 373. В музее отсутствует.

⁸² *Rerum Moscovitarum auctores varii...* (Frankforti, 1600). К-1800: Auteurs classiques. № 374, 960 (2 экз.). В музее – ИНВ. № 2852; 32 1/12.

⁸³ *Possevino A. Commentarii di Moscovia, et della pace segvita fra lei, e'l regno di Polonia. Colla restitutione della Livonia...* (Mantova, 1596). К-1800: Auteurs italiens. № 392. В музее – ИНВ. № 3149; 33 4/37.

⁸⁴ *Witsen N. Noord en Oost Tartaryen...* (Amsterdam, 1692). К-1800: Voyages. № 762. В музее отсутствует.

⁸⁵ *Olearius A. Relation dv Voyage de Moscovie, Tartarie, et de Perse, fait à l'occasion d'une Ambassade, enuoyée au Grand-Duc de Moscouie...* (Т. 1-2. Leiden, 1719). К-1800: Voyages. № 478-479. В музее отсутствует.

⁸⁶ *Miège G. La Relation de trois ambassades de Mgr le Cte de Carlisle, de la part du Prince Charles II. Roy de la Grande Bretagne vers leurs M. Alexey Michailowitz Czar et Grand Duc de Moscovie, Charles Roy de Suède, et Frederic III Roy de Dannemarc et de Norvège, commencées en l'an 1663, et finies sur la fin de l'an 1664* (2 éd. Amsterdam, 1672). К-1800: Histoire-1. № 1016. В музее отсутствует.

⁸⁷ *Foy de la Neuville. Relation curieuse et nouvelle de Moscovie: Contenant l'état present de cet Empire. Les expeditions des Moscovites en Crimée, en 1689. Les causes des dernieres revolutions. Leur moeures & leur religion...* (Paris, 1698). К-1800: Histoire-1. № 1339. В музее отсутствует.

го разным странам⁸⁸. Таким образом, за исключением лакуны с описанием Смутного времени, допетровский период «представлен» очень неплохо. Заметно также, что шесть из этих изданий отчетливо коллекционные, да и остальные во второй половине XVIII в. также не должны были отличаться особенной доступностью. До того, как будет выяснено, каким способом они попали в библиотеку Юсупова, уверенно соотносить их с его библиофильством или интересом к российской истории было бы преждевременно; не исключено, что полностью или частично эта группа изданий юсуповской «Россики» вообще была собрана его предками.

Очевидно, самым Юсуповым были приобретены исторические сочинения Я. Потоцкого: «Исторические и географические отрывки о Скифии, Сарматии и Славянах» (Брауншвейг, 1796)⁸⁹ и «Записка о новом плавании по Черному морю, а также о ранней истории народов Тавриды, Кавказа и Скифии» (Вена, 1796)⁹⁰, а также первое, бернское 1790 г. издание «Записок о России, Сибири и Казанском ханстве» И.Л. Вагнера⁹¹.

Записок, публицистических и научных текстов, связанных с царствованием Петра I и его ближайших наследников, в библиотеке также немало, что вполне соответствует как значению преобразований Петра для России XVIII в., так и интересу к его личности и реформам – в Западной Европе. Это одно из переизданий «Путешествий» К. де Бруина (Гаага, 1732)⁹²; недатированное и без указания места издание французского перевода двухтомных записок О. Ла Мотрайе о путешествиях по Европе, Азии и Африке,

---

⁸⁸ *Respublica Russiae* (Leide, 1637). К-1800: Auteurs classiques. № 13. В музее отсутствует.

⁸⁹ *Potocki J. Fragments historiques et géographiques sur la Scythie, la Sarmatie et les Slaves...* (Т. 1–4. Brunswick, 1796). К-1800: Histoire-1. № 1141–1144. В музее – Инв. № 3126–3129; 33 4/15–18.

⁹⁰ *Potocki J. Mémoire sur un nouveau péryple du Pont Euxin, ainsi que sur la plus ancienne histoire des peuples du Taurus, du Caucase et de la Scythie* (Vienne, 1796). К-1800: Histoire-1. № 1140. В музее отсутствует.

⁹¹ *Wagner J.L. Mémoires sur la Russie, la Sibérie et le royaume de Casan: Traduits de l'Allemand* (Berne, 1790). К-1800: Voyages. № 329. В музее – Инв. № 3028; 33 02/30.

⁹² *Bruyn C. de. Voyages de Corneille Le Bruyn au Levant, c'est-a-dire dans les principaux endroits de l'Asie...* (Т. 1–4. La Haye, 1732). К-1800: Voyages. № 433–437. В музее отсутствует.

в котором имеется рассказ о Прутском походе⁹³; первый из четырех томов «Записок к истории России в царствование Петра Великого» (Гаага, 1725) Х.Ф. Вебера⁹⁴ и его же «Новые записки о современном состоянии Великой России или Московии» во французском переводе (Париж, 1725)⁹⁵; сочинение Ю. Леблана «Царь Петр I во Франции» (Амстердам, 1741)⁹⁶; первое издание «Точных сведений о жизни и деяниях Франца Лефорта» Н.Ж. Бассвиля (Женева, 1784)⁹⁷. Имеются также сочинения Ж. Руссе де Мисси, «Записки о царствовании Петра Великого» (Амстердам, 1725–1726) и «Записки о царствовании Екатерины, императрицы и самодержицы всероссийской» (Гаага, 1728)⁹⁸, первое издание французского перевода «Исторического описания Российской империи» Ф.И. Страленберга (Амстердам, 1757)⁹⁹.

---

⁹³ *La Mottraye A. Voyages en Europe, Asie et Afrique, où l'on trouve une grande variété de recherches sur l'Italie, la Grece, la Turquie, la Tartarie Crimée, et Nogaye, la Circassie, la Suede, la Laponii, etc.: Avec des... relations fidelles... de la guerre entre les Turcs et les Russiens, et de la paix concludë sur le Pruth, où l'auteur étoit présent* (Т. 1–3. La Haye, 1727). К-1800: Voyages. № 219–221. В музее – ИИВ. № 5197–5198; 82 1/29–30 (т. 1–2).

⁹⁴ *Weber Ch.Fr. Mémoire pour servir a l'histoire de l'Empire Russien, sous le Regne de Pierre le Grand...* (Т. 1. La Haye, 1725). К-1800: Histoire-1. № 1337. В музее – ИИВ. № 3026; 33 02/28.

⁹⁵ *Weber Ch.Fr. Nouveaux mémoires sur l'état présent de la Grande Russie ou Moscovie...* (V. 1–2. Paris, 1725). К-1800: Histoire-1. № 1251–1252. В музее – 1-й экз.: ИИВ. № 3018–3019; 33 02/20 –21; 2-й экз.: ИИВ. № 3020–3021; 33 02/22–23.

⁹⁶ *Le Blanc H. Le Czar Pierre Premier en France* (Т. 1–2. Amsterdam, 1741). К-1800: Histoire-1. № 948–949. В музее – ИИВ. № 2995 (Т. 2); 33 02/6.

⁹⁷ *Bassville N.-J. Hugou de. Précis historique sur la vie et les exploits de François Le Fort, Citoyen de Genève, Général et Grand Amiral de Russie...* (Genève, 1784). К-1800: Histoire 1. № 754. В музее – В музее – ИИВ. № 3109; 33 03/7.

⁹⁸ *B. Iwan. Nestesuranoi [Rousset de Missy J.]. Mémoires du règne de Pierre le Grand, Empereur de Russie, Pere de la Patrie &c. &c. &c.* ([Т. 1–4]. La Haye; Amsterdam, 1725–1726). К-1800: Histoire-1. № 1333–1336. В музее – ИИВ. № 3098–3101; 33 3/35–38. *B. Iwan. Nestesuranoi [Rousset de Missy J.].*

Mémoires du regne de Catherine Impératrice et Souveraine de toute la Russie (La Haye, 1728). К-1800: Histoire-1. № 1338. В музее – 1-й экз.: ИИВ. № 3013; 33 02/16; 2-й экз.: ИИВ. № 3025; 33 02/27.

⁹⁹ *Strahlenberg Ph.J., Tabbert von. Description historique de l'empire Russien* (Т. 1–2. Amsterdam, 1757). К-1800: Histoire-1. № 1383–1384. В музее – ИИВ. № 3016–3017; 33 02/18–19.

Важные сведения о царствовании Петра II содержатся в «Исторических записках» Х.Г. Манштейна (Лион, 1772)¹⁰⁰, значительная их часть посвящена событиям, связанным с царствованиями Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. О царствовании первой имеются сведения в переведенных с итальянского «Московитских письмах» Л.Ф. Локателли (Кёнигсберг, 1736)¹⁰¹ и «Истории войны русских и австрийцев против турок в 1736–1739 гг.» А.Ф. Кералио (Париж, 1780)¹⁰². Важные сведения о событиях, происходивших в правление Елизаветы Петровны, содержатся в «Досугах» шевалье д'Еона (Амстердам, 1775)¹⁰³. Представляют интерес и «Политические, забавные и сатирические мемуары» Ж.Н. Моро графа де Брасея¹⁰⁴.

Наиболее полно в библиотеке Юсупова, разумеется, был представлен период царствования Екатерины II, хотя едва ли не все мемуары и описания путешествий этого времени лишь с течением времени могли приобретать для Юсупова статус исторической литературы. Несколько сочинений посвящены российско-турецким отношениям – «Замечания о военном искусстве турок и русских» К.Э. Варнери (Бреслау, 1771)¹⁰⁵; «История войны между Россией и Турцией» (СПб., 1773)

---

¹⁰⁰ *Manstein Ch.H., von. Mémoires historiques, politiques et militaires sur la Russie, contenant les principales révolutions de cet Empire, les Guerres contre les turcs et les tartares...* (Т. 1–2. Lyon, 1772). К-1800: Histoire-1. № 1155–1156. В музее – ИНВ. № 3188–3189; 34 1/34–35.

¹⁰¹ *Locatelli L.Fr. Lettres moscovites...* (Königsberg, 1736). К-1800: Voyages. № 333. В музее отсутствует.

¹⁰² *Kéralio L.-F., Guinement, chevalier de. Histoire de la guerre des Russes et des Impériaux, contre les Turcs en 1736, 1737, 1738 et 1739 et de la paix de Belgrade...* (Т. 1–2. Paris, 1780). К-1800: Histoire-1. № 788 (?). В музее – 1 экз.: ИНВ. № 12218–12219; 23 3/11–12; 2-й экз.: ИНВ. № 12220–12221; 23 3/13.

¹⁰³ *Eon de Beaumont Ch.G.L. d'. Les Loisirs du chevalier d'Eon de Beaumont. Ancien ministre plénipotentiaire de France, sur Divers sujets importants d'Administration, &c. pendant Son Séjour en Angleterre* (Т. 1–13. Amsterdam, 1775). К-1800: Histoire-1. № 1357–1369, 1537–1549. В музее – ИНВ. № 1357–1369; 35 4/1–13.

¹⁰⁴ *Brasey (Moreau de Brasey) J.-N., comte de. Mémoires politiques, amusans et satiriques...* (Т. 1–3. Amsterdam, 1735). К-1800: Histoire-1. № 1553–1555. В музее – ИНВ. № 7032–7035; 67 1/27–29.

¹⁰⁵ *Warnery Ch.E. Remarques sur le militaire des Turcs et des Russes, sur la façon la plus convenable de combattre les premiers, sur la marine des deux empires belligérants, sur les peuples qui ont joint leurs armes à celles de Russie, tels que sont les Géorgiens, Colchidois, Mainottes, Monténégrins, Albanois...* (Breslau, 1771). К-1800: Histoire-1. № 1642. В музее – ИНВ. № 12120; 23 1/8.

Л.Ф. Кералио¹⁰⁶. Неидентифицированными остаются записи «Guerre des Turcs et des Russes par Galitzin. Amst. in 8°»¹⁰⁷ и «Journal historique des Evenemens qui ont lieu à Warsovie depuis 17 aoug. 1794 in 4°»¹⁰⁸.

Имеется также несколько историко-страноведческих трудов иностранных авторов: «Малороссийские анналы» И.Б. Шерера (Париж, 1788)¹⁰⁹ и «Исторические и географические записки о странах, расположенных между Черным и Каспийским морями» (Париж, 1797) барона Ш.А. Бэр-Дюнолана¹¹⁰. Истории российской торговли посвящены труды И.Б. Шерера¹¹¹ и Марбо¹¹². Истории российских географических открытий – Г.Ф. Миллера¹¹³.

Обозрение юсуповской «Россики» было бы неполным без перечня ряда других изданий российских же авторов, вышедших в России. Это учебник российской истории, составленный Ж.Ф. Вегелиным (Москва, 1786)¹¹⁴. Имеется также обозрение «российских древностей» М. Гутри (СПб., 1795)¹¹⁵.

---

¹⁰⁶ Kéralio L.-F., Guinement, chevalier de. Histoire de la guerre entre la Russie et la Turquie, et particulièrement de la Campagne de MDCCLXIX (St. Pétersbourg, 1773). K-1800: Histoire-1. № 1138. В музее – Инв. № 12249; 23 3/41.

¹⁰⁷ K-1800: Histoire-1. № 768.

¹⁰⁸ Там же. № 1727.

¹⁰⁹ Scherer J.B. Annales des la Petite Russie ou histoire des Cosaques-Saporogues et des Cosaques de l'Ukraine, ou de la Petite Russie, depuis leur origine jusqu'a nos jours... (Т. 1-2. Paris, 1788) K-1800: Histoire-1. № 775-776. В музее – Инв. № 2981-2982; 33 2/34-35.

¹¹⁰ Baert-Dunolant Ch.-A.-B.-Fr. de Paule, baron de. Mémoires historiques et géographiques sur les pays situés entre la mer Noire et la mer Caspienne... (Paris, 1797 (an V)). K-1800: Voyages. № 477. В музее – 2 экз.: Инв. № 4310, 4311; 54 2/6, 7.

¹¹¹ Scherer J.B. Histoire raisonnée du commerce de la Russie (Т. 1-2. Paris, 1788). K-1800: Voyages. № 248-249. В музее – Инв. № 10410-10411; 1 02/1-2.

¹¹² Marbault. Essai sur le commerce de Russie... (Amsterdam, 1777). K-1800: Histoire-1. № 924. В музее – Инв. № 3176; 34 1/24.

¹¹³ Müller G.F. Voyages et découvertes faites par les Russes le long des côtes de la Mer Glaciale et sur l'Océan Oriental, tant vers le Japon que vers l'Amérique... (Т. 1-2. Amsterdam, 1766). K-1800: Voyages. № 491-492. В музее отсутствует.

¹¹⁴ Weguelin J.Ph. Tableau de l'histoire de Russie à l'usage de la jeunesse, et particulièrement de celle de Russie (Moscou, 1786). K-1800: Voyages. № 19. В музее – Инв. № 3031; 33 02/33.

¹¹⁵ K-1800: Antiquite et Beaux Arts. № 426 («Dissertation sur les antiquités de la Russie, par Mathieu Guthrie. S. Pétersbourg, in 8° – 1795»). Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке. Л., 1984. Т. 1. № 1203. В музее отсутствует.

Принимая во внимание, что сохранившиеся за 1770 гг. документы о книжных приобретениях Юсупова, не содержат упоминаний о литературе по истории России, мы вправе предположить, что в этот период Собрание было в лучшем случае небольшим, однако уже формировалось. Аргументом в пользу такого вывода могут служить и некоторые другие факты, среди которых – почти полное отсутствие в петербургской библиотеке российских изданий по отечественной истории, вышедших до конца 1760 гг., и особенности переплетных серий, выявляемых по сохранившимся экземплярам (хотя следует отметить, что изучение переплетов в юсуповской библиотеке еще только начинается). Сразу стоит сказать, что Юсупов не стремился к роскоши переплетов. Немало книг «одеты» в скромные полукожаные переплеты со скупым золотым тиснением.

Так, пять книг (самое позднее датируется 1774 г.)¹¹⁶ образуют группу с переплетами совершенно единого типа, что позволяет предположить, что мы имеем дело с владельческим заказом¹¹⁷. На двух из них («Русская летопись» и «Царственной летописец») имеется экслибрис Юсупова, который, в свою очередь, встречается на нескольких десятках изданий, напечатанных до середины 1780 гг. (преимущественно в 1760–1770 годы)¹¹⁸. Наличие одинаковых переплетов позволяет предполагать, что книги поступили в библиотеку почти одновременно, скорее всего, уже в 1770 гг., и входили в число самых ранних приобретений Юсупова по русской истории.

---

¹¹⁶ «Русская летопись по Никонову списку» (1767–1768), «Царственной летописец» (1772), «Библиотека российская историческая» (1767), «Краткое описание всех случаев, касающихся до Азова» (1768), «Синопсис» (1774).

¹¹⁷ Полукожаный переплет с крышками, крытыми коричневой бумагой с черным мелкокапельным краплением, с корешками (без бинтов или их имитаций) и уголками коричневой кожи, красными наклейками под заглавие и темно-серыми, с орнаментальным золотым тиснением, – под номер тома, с одинаковыми штампами-флеронами, одинаковым поперечным накатанным тиснением на корешке (двойные линии) и одинаковыми форзацами белой вержированной бумаги. Обрез крашеный красный; капталы отсутствуют. К сожалению, свободные листы форзацев не имеют даже фрагментов филигранных, по которым можно был бы произвести более точную датировку.

¹¹⁸ На одном экслибрис вырезан («Библиотека российская историческая»); еще на одном (Синопсис) утрачена передняя крышка переплета; в «Кратком описании» экслибрис отсутствует. Подобные же переплеты имеют еще как минимум четыре издания на иностранных языках по естественным наукам, географии и юриспруденции, вышедшие в 1754–1772 годы.

Еще одну, менее плотную группу составляют издания Московской Синодальной типографии: «Летописец» (1781), «Сказание о осаде Троицкого Сергиева монастыря» (1784) и «Русский временник» (Ч. 1–2. 1790)¹¹⁹. Различные владельческие надписи и использование при подклейке форзацев фрагментов старопечатных изданий позволяет предположить, что мы имеем дело с издательским переплетом, а поступление их в библиотеку Юсупова явно с вторичного рынка – что книги были приобретены уже в 1790 годы.

В юсуповской части книжного фонда выделяется еще более рыхлая по составу группа книг не во владельческих, но в характерных для своего времени переплетах, крайние члены которой имеют лишь ограниченное количество общих признаков¹²⁰, но промежуточные члены образуют между ними непрерывный ряд, причем, возможно, хронологический¹²¹. В него входят, перечисляем по мере «движения» от переплетов с «наклонным» орнаментом к «меандровому», «Поход... Шеина к Азову...» (1773), «Собрание разных записок...» Ф.О. Туманского (1787–1788), «Записки

---

¹¹⁹ Они обрезаны по верхнему и нижнему краям почти до квадратного формата с синим мелким краплением по обрезу и заключены в цельнокожаные переплеты с густым мелкокапельным травлением. Корешки с бинтами или их имитациями. Для золотого тиснения характерны схожие флероны с уголками и одинаковым оформлением бинтов и пяток корешка. Форзацы белой вержированной бумаги.

В «Сказании» на форзаце 3 фрагмент филиграни с обозначением года («84») и записью орешковыми чернилами: «С=В= петръ смиРНОВЪ / пе= н= Ф=». В ч. 1 «Временника» на форзаце 3 орешковыми чернилами: «Сто <?> Сергѣй»; в ч. 2 на форзаце 2 фрагмент филиграни («1787») орешковыми чернилами той же рукой: «Сергѣй миХАИЛОВЪ». В «Летописце» на нижнем форзаце сверху вниз по фальцу орешковыми чернилами надпись: «тиФинскій»; на с. 194 в нижнем поле другой рукой в перевернутом виде: «Иванъ Семеновъ».

¹²⁰ Переплет коричневой кожи, цельнокожаный; красный обрез, отсутствие капталов. Основой для выделения группы выступает тиснение на корешке. Несколько экземпляров имеют сплошное накатанное поперечное тиснение в виде групп двойных линий, между которыми накатан орнамент в виде наклонных чередующихся сплошных и волнообразных (или пунктирных) линий. Другие экземпляры имеют сплошное накатанное поперечное тиснение в виде двойного меандра. «Между ними» находится несколько промежуточных вариантов.

¹²¹ «Записки касательно российской истории», у которого корешки первых четырех частей относятся к промежуточному типу, на корешке пятой части (1793) имеют полностью «меандровое» тиснение. У последней, третьей части седьмого тома «Российской истории» Щербатова (СПб., 1791), «наклонный» орнамент сменяется меандром.

касательно российской истории» (1787–1793), «Деяния Петра Великого» (1788–1789) и «Дополнение» к ним (1790–1792), «История о Казанском царстве» (1791) и некоторые другие¹²². Существенное единство переплетов позволяет предположить, что эти книги были приобретены уже в 1780–1790 гг., причем, скорее всего, начиная с 1789 г., после возвращения Юсупова из-за границы.

Существенным для дальнейшего изучения библиотеки может быть тот факт, что ни одна из книг в юсуповской части музейного фонда, соотносимых с записями в каталоге 1800 г., не имеет переплета XIX века. По всей видимости, Юсупов, если заказывал переплеты для своих приобретений, то делал это вскоре после покупки.

Нельзя не обратить внимание на то, что даже середина 1790-х гг., не говоря уже о второй их половине, в петербургской библиотеке почти совершенно не представлена. Так, 11–18 тома «Дополнения к деяниям Петра Великого», вышедшие в 1794–1797 гг., не попали в каталог 1800 г., имеют переплеты совершенно иного вида¹²³ и были, видимо, приобретены позднее. Обрывается на части 12 (1789) переиздание «Древней российской вивлиофики» (следующая вышла в 1790); ее «Продолжение» прервалось для библиотеки на части 8 (как и следующая 9-я, она вышла в 1793). Тот же год стал рубежным и для «Записок касательно российской истории» – шестая часть, вышедшая в 1794 году, в библиотеке так и не появилась. Имеющиеся в фонде «Критические примечания...» Болтина на первые два тома истории Щербатова (1793–1794)¹²⁴ также не попали в библиотеку к 1800 году. «Полное историческое известие о старообрядцах» (1794) и «Дух Петра Великого» (1798) и «Описание седми старинных свадеб» (1798) смотрятся на этом фоне исключениями. Стоит ли за этой паузой временное охлаждение Юсупова к отечественной истории или иные причины – к примеру, занятость с начала 1790 гг. все более многочисленными и разнообразными служебными делами и все более глубоким после смерти матери погружением в хозяйственные заботы, – в настоящее время неизвестно.

В целом, к 1800 г. Юсупов имел крупное собрание литературы по отечественной истории, состоящее как из российских изданий, так и из сочинений, изданных за границей. Говорить о полноте

---

¹²² Известно о наличии в фонде еще нескольких книг с подобными переплетами из других тематических разделов, 1789, 1790 и 1792 гг. издания.

¹²³ Инв. № 3086–3093; 33 3/23–30.

¹²⁴ Инв. № 3216–3217; 34 2/12.

репертуара даже российской исторической литературы не приходится, однако тематическая коллекция отличается немалым объемом, высоким качеством и, на наш взгляд, характеризует (или должна была характеризовать) владельца как «крепкого» дилетанта, не пытающегося соревноваться с профессионалами, но хорошо эрудированного, постоянно интересующегося текущим состоянием исторической науки, следящего за книжными новинками в этой области знания и, вероятно, за широкой (отнюдь не профессиональной) интеллектуальной модой – приобрести «вкусное» иностранное издание оказывается важнее, чем докупить недостающие тома давно приобретенного неполного отечественного комплекта; паузы в пополнении коллекции и лакуны в репертуаре воспринимаются как допустимые вольности. Не исключено, что этот образ в значительной степени совпадал с действительными интеллектуальными интересами Юсупова в российской истории, во всяком случае до 1800 года.

Запись о покупке, сделанная в 1786 г. неизвестной рукой и напоминающая почерк матери Н.Б. Юсупова, Ирины Михайловны (1718–1788), на экземпляре «Родословной книги...», позволяет поставить вопрос не только о существовании в 1760–1780 гг. принадлежавшей ей московской библиотеки, но и о пополнении московского собрания книгами по истории России при ее жизни, и о перемещении этих книг, или, во всяком случае, их части, в петербургскую библиотеку ее сына в конце 1780–1790 годов.

УДК 94(47)072

ПРОФЕССОРА И БЮРОКРАТИЧЕСКИЕ КОММУНИКАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА¹

К.А. Ильина

Государственный историко-архитектурный
и художественный музей-заповедник «Казанский Кремль»
E-mail: glukist@mail.ru

Данная статья посвящена изучению административной культуры «ученого сообщества» Российской империи первой трети XIX века. Анализ делопроизводственной документации присутственных мест университета позволяет выявить степень включенности профессоров и адъюнктов в бюрократическую иерархию империи. Статья написана на основе документов, извлеченных из архива Министерства народного просвещения (в Российском государственном историческом архиве), а также из сохранившихся архивов Казанского (в Национальном архиве Республики Татарстан) и Московского (в Центральном историческом архиве г. Москвы) университетов.

Ключевые слова: Российская империя, первая треть XIX в., система народного просвещения, профессорская культура, бюрократическая культура, делопроизводственные документы.

PROFESSORS AND BUREAUCRATIC COMMUNICATIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE FIRST THIRD OF THE XIX-TH CENTURY

К.А. Ilyina

This article focuses on the study of administrative culture of «academic community» of the Russian Empire first third of the XIX-th century. The analysis of the office work documentation public places University reveals the degree of involvement of professors and adjuncts in the bureaucratic hierarchy of the empire. This article was written based on the documents taken from the archives of the Ministry of Public Education (in the Russian State Historical Archive), as well as of the surviving archives of Kazan (in the National Archives of the Republic of Tatarstan) and Moscow (in the Central Historical Archive of Moscow) universities.

Key words: Russian Empire, the first third of the XIX-th century, system of public education, university, academic culture, bureaucratic culture, office work documents.

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Фонда Герды Хенкель «Ubi Universitas, ibi Europa» (AZ 02/SR/08).

В данной статье речь идет об административной культуре определенной социальной группы – ординарных и экстраординарных профессоров, адъюнктов, лекторов и приват-доцентов, то есть всех тех, кого правительственные чиновники относили к категории «ученое сословие». Благодаря целому ряду исследований и публикаций, сейчас стали известны социальные характеристики и количественные параметры этого «сословия», источники и условия рекрутирования в него, правительственное регулирование, обстоятельства повседневной жизни и биографии почти всех профессоров². В последние годы развитие данного направления

---

² Наиболее полный свод таких работ представлен в исторических разделах библиографических указателей: [Милкова В.И.] Высшее образование в СССР и за рубежом: Библиогр. указ. книг и журн. статей (1959–1969). М., 1979; То же. (1969–1975). М., 1978; То же. (1976–1980). М., 1985; Университетское образование в СССР и за рубежом: Библиогр. указ. рус., сов. и иностр. лит-ры: В. 3 ч. М., 1966–1981; Университетское образование в СССР и за рубежом: Указ. лит-ры на рус. яз. (1978–1985). М., 1987.

Различные аспекты социального анализа профессорского сообщества России первой половины XIX в. представлены в работах: *Шевырев С.П.* История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. М., 1855 (переизд. в 1998 г.); *Багалей Д.И.* Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам): В 2 т. Харьков, 1898–1904; *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского Университета за первые сто лет его существования. 1804–1904: В 4 т. Казань, 1902–1904; *Булич Н.Н.* Из первых лет Казанского университета (1805–1819). Рассказы по архивным документам: В 2 ч. Казань, 1887; *Сухомлинов М.И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПб., 1889. Т. 1: Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I; *Корбут М.К.* Казанский государственный университет имени В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет (1804/05–1929/30): В 2 т. Казань, 1930; *Щетинина Г.И.* Послужные списки как исторический источник о составе профессоров в пореформенной России // История СССР. 1977. № 1. С. 84–96; *Эймонтова Р.Г.* Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М., 1985; *Kassow S.* Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkley; Los Angeles, London, 1989; *Михайлова С.М.* Казанский университет в духовной культуре народов востока России (XIX век). Казань, 1991; *Иванов А.Е.* Ученые степени Российской империи XVIII в. 1917. М., 1994; Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 года / Под ред. В.Г. Кинелева. М., 1995; *Russia's Missing Middle Class: The Professionals of Russian History* / Ed. By B. Armonk. N.Y., 1996; *Сточник А.М., Затравкин С.Н.* Медицинский факультет Московского университета в XVIII веке. М., 1996; *Ляхович Е.С., Ревушкин А.С.* Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998; Профессора и доктора наук Московского университета. М., 1998; *Петров Ф.А.* Российские университеты в

социальной истории идет, в основном, по пути дополнения, уточнения и перепроверки собранных статистических и биографических данных.

Менее изученной является область «этнографии университетского сообщества» и «антропологии университетского образования». Это пространство, где внимание исследователей сфокусировано на основных смыслах, логике взаимодействия и знаках солидарности, организующих данное сообщество и его группы. Объектом изучения здесь выступает комплекс ценностей и этических норм, который создавал и удерживал единство довольно разных в возрастном, житейском, этническом и культурно-психологическом отношении людей. Такой подход уводит от распространенной в российских социальных науках исследовательской традиции, рассматривавшей университет как деперсонифицированный и довольно статичный образовательный институт или как изолированную от локальных обстоятельств корпорацию.

Желая изучать «университетское сословие» в соответствии с логикой его собственной жизни, мы старались понять, как про-

---

первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. М., 1998–2001. Кн. 1–4: Зарождение системы университетского образования в России; *Он же*. Формирование системы университетского образования в России: В 4 т. М., 2002–2003; *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* Единым вдохновением. Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX века. СПб., 2000; *Козакова В.С.* Коллективная биография профессуры – новый путь в социальной истории русских университетов // *Клио: Журнал для ученых*. 2001. № 1(13). С. 254–258.; *Аврус А.И.* История российских университетов: Очерки. М., 2001; *Петров Ф.А., Гутнов Д.А.* Российские университеты // *Очерки русской культуры XIX века: В 6 т. М., 2001. Т. 3. Культурный потенциал общества*. С. 124–199.; *Андреев А.Ю.* Лекции по истории Московского университета. 1755–1855. М., 2001; *Булгакова Л.А.* Особенности системы высшего образования в царствование Николая I // *Николаевская Россия: власть и общество: Мат. кругл. стола, посвящ. 80-летию со дня рожд. И.В. Пороха*. Саратов, 2004. С. 124–134; *Отечественные университеты в динамике золотого века русской культуры / Под ред. проф. Е.В. Олесеюка*. М., 2006; *Андреев А.Ю.* Русские студенты в немецких университетах XVIII – первой половины XIX века. М., 2005; *Он же*. Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009; «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XIX в. М., 2009; *Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст: Мат. межд. науч. конф.* СПб., 2009.

фессора, живущие вдали от министерства, узнавали мнение власти, как ощущали ее присутствие в каждодневной жизни, как контактировали с её представителями и удовлетворяли её запросы, и как в ходе этого появился некий вид анонимной единообразности («университетская система»), который навязывался всем членам сообщества? Предположив, что в условиях Российской империи это могло реализоваться посредством деловых бумаг, мы обратились к анализу университетского делопроизводства, а также специфики его языка («делового слога»).

С самого начала административных реформ правительство Александра I занималось унификацией и оптимизацией управленческих бумаг³, и упрощением их тяжелого бюрократического языка⁴ («канцелярского стиля» или «делового слога»). И почти каждый вновь вступающий в должность министр народного просвещения занимался усовершенствованием ведомственного делопроизводства. Так, назначенный министром в 1810 г. А.К. Разумовский признавал, что у П.В. Завадовского не было системы в управлении ведомством, и ознаменовал своё вступление выпуском серии «циркулярных предложений», регулирующих форму, содержание и периодичность поступления документации из университетов⁵. Аналогичным образом поступали и его преемники. Современные исследователи видят в этом коллективном творчестве один из признаков модернизации империи, сопровождавшийся усовершенствованием письменных технологий властвования⁶.

---

³ См.: Орлова Г.А. Российская бюрократическая ментальность (1801–1917 гг.): Дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д., 1999.

⁴ См.: Романенко А.П. Проблемы нормализации русского канцелярского стиля первой половины XIX в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.

⁵ См.: Циркулярное предложение о доставлении списков посторонних слушателей университетских курсов, 26 апреля 1810 // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. 1: 1802–1834. № 49. Стб. 169–170; Циркулярное предложение о представлении сведений о наградах, увольнениях и смерти училищных чиновников, 5 мая 1810 // Там же. № 50. Стб. 170–171; Циркулярное предложение о форме аттестатов, выдаваемых чиновникам, подвергающимся испытанию для производства в высшие чины, 27 мая 1810 // Там же. № 53. Стб. 172–173.

⁶ См.: Ремнев А.В. «Искусство канцелярии» и «искусство редактирования» в имперской России XIX – начала XX века // Социальная история (неопубликованная рукопись); Бикташева А.Н. Казанское губернаторство первой половины XIX века: антропология власти: Дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2011. С. 11–12.

Несмотря на декларацию университетского самоуправления, устав 1804 г. потребовал от университетов участия в документо-обороте, обеспечивающем слаженность действий российской государственной машины. Для этого нанятые на службу профессора должны были регулярно предоставлять в министерство отчеты и справки, составленные в произвольной форме или по присланному из министерства образцу. В Александровскую эпоху допускалось, чтобы иностранцы участвовали в составлении деловых бумаг на родном для них языке. Для «внешних сношений» такие тексты переводились на русский язык, для чего университетские советы имели в своем штате переводчика.

Благодаря участию в заполнении официальных бумаг, изготовлении справок и отчетов профессора независимо от подданства и происхождения включились в сеть специфических бюрократических взаимосвязей («ведомственных сношений»), встроившись в чиновные иерархии. Правда, в первое десятилетие XIX в. это было довольно слабое включение, создававшее иллюзию корпоративной исключительности. Это было возможным в условиях резкого изменения системы государственного управления в империи, в обстоятельствах разработки министерского делопроизводства. У переходящего с коллегиальной на министерскую форму управления правительства еще не было четкого представления о том, как должно осуществляться ведомственное взаимодействие и как добиться слаженных действий государственного механизма. Однако уже в 1803 г. служащий в Министерстве внутренних дел М.М. Сперанский создал формуляры для губернаторских отчетов, образцы «входящих» и «исходящих» бумаг. А в 1811 г. он обеспечил унифицированными формами отчетности все прочие министерства империи. Они существенно дополнили «формы», циркулировавшие по ведомству Сената в XVIII веке.

Поскольку в России профессора и адъюнкты являлись государственными служащими, то совет был обязан ежегодно предоставлять в канцелярию министра и в Герольдию по одному экземпляру формулярных списков всех своих чиновников и один экземпляр формулярных списков камергеров и камер-юнкеров в Его Императорского Величества контору⁷. В случае каких-либо изменений в этих списках ему предписывалось немедленно из-

---

⁷ См.: О порядке доставления формулярных списков, 1826 // НАРТ. Ф. 92. Оп.1. Ед. хр. 1961. Л. 1-1об.

вестить о них «высшее начальство», то есть попечителей и министерство.

В канцелярию министра народного просвещения, вскоре переименованного в департамент народного просвещения, советники были обязаны присылать формулярные или послужные списки на всех служащих. К их содержанию тогда предъявлялись следующие требования: наличие данных о возрасте, происхождении, полученном образовании, этапах служебной деятельности, заслугах, порицаниях, отношении к службе. Нередко преподаватели заполняли свои послужные листы на простой бумаге, самостоятельно, рассказывая о себе в третьем лице и в произвольной форме, просто вспоминая и описывая в них свой служебный опыт. Примером тому может служить «Послужной список Доктора Ивана Петрова сына Каменского (32 года). Из малороссийских чиновников, войскового товарища сын <...> окончил Полтавскую семинарию. Будучи при Московской Медицинской хирургической академии студентом и кандидатом хирургии исправлял должность прозектора по указу бывшей мед[ицинской] Коллегии, и поручил от оной благоволение за сочиненную обсервацию (латинское название неразборчиво. – К. И.). Находясь прозектором с 1799 года, по указу оной же коллегии преподавал учащимся наставления касательно вскрытия мертвых тел, исследования, причины, особенно насильственной смерти, а анатомической препарации. Также за неимением адъюнкта профессора исправлял должность одного по анатомической части, повторял профессорские лекции и делал испытания учащихся. С 1800 года января 24 по 1804 апрель 23 по собственному желанию, без всякого жалования исправлял должность врача при Московском госпитале, где и встречающиеся разные операции над больными сам производил. Рекомендован был неоднократно медицинской коллегией, за что и получал прибавку в жаловании. В 1802 году в знак Монаршей милости получил золотые часы и представлен был к награждению чином»⁸. В этих текстах явно звучит персональный голос университетского человека. В дальнейшем его сила будет ослабевать и в 1830 гг. самописание полностью исчезнет из государственного делопроизводства.

Меняющийся статус студентов наглядно проявился в изменении форм отчетности о них университетского совета. В начале

---

⁸ Дело об определении профессоров Дрейцинга, Каменского, 1805–1807 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 105. Л. 6об.

века канцелярии советов ежегодно отсылали попечителям именные списки студентов с указанием их возраста, происхождения, места гимназического или домашнего обучения, выбранной специальности и успехов в учебе. Тогда в университетской отчетности учащиеся имели индивидуальное лицо и специфические признаки. С конца 1810 гг. министерство стало требовать от профессоров изготовления из именных списков сводных (за десять лет) ведомостей, где воспитанники утратили персональные признаки и были распределены по категориям учащихся⁹.

Получившие самоуправление члены ученого сословия должны были ежемесячно отчитываться перед чиновниками министерства мемориями заседаний совета. Эта форма деловых бумаг была введена в XVIII в. для учреждений, подчиненных Сенату. И поскольку среди них числился и Московский университет, то ему предписывалось в те места «кои состоят под одной Сенатскою дирекциею, а к Коллегиям не подчинены, писать промемории, а в прочия места посылать указы»¹⁰. Разрабатывая реформу делопроизводства, М.М. Сперанский ввел эту практику в Министерстве внутренних дел. На всех присылаемых в министерство бумагах должны были быть краткие рефераты с изложением существа дела и принятого по нему решения. Очевидно, распространив эту практику на университеты, министерство народного просвещения ориентировалось на Министерство внутренних дел как лидера административных реформ.

В 1815 г. министерство требовало не только от совета, но и от всех присутственных мест университета (правления, комитетов и отделений наук) ежемесячных меморий на протоколы их заседаний. По ним чиновники судили не столько о том, что происходит в университете, сколько об эффективности работы университета в целом. А потому министерство требовало, «чтобы оныя [бумаги] были сколь возможно с большим совершенством обработаны»¹¹. При чтении меморий проверяющие обращали особое вни-

---

⁹ Загоскин Н.П. Указ. соч. Казань, 1902. Т. 1: Введение и часть первая. 1804–1814. С. 528.

¹⁰ О порядке сношений Московскаго Университета с Коллегиями, Канцеляриями, Приказами и Конторами, Губернскими, Провинциальными и воеводскими Канцеляриями и об учреждении при оном Университете типографии и книжной лавки, 5 марта 1756 // Полное собрание законов Российской империи [Собрание Первое]. СПб, 1830. Т. 14, № 10515. С. 519.

¹¹ Журнал исходящих бумаг за 1815 год // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 599. Л. 72об.

мание на бумагу (хотя освобождение от использования гербовой бумаги было привилегией университетов, подтвержденной еще раз в 1812 г.), почерк переписчика и качество бюрократического письма, то есть владение профессорами хорошим деловым слогом. Именно за это чаще всего ругали и редко хвалили советы столичные канцеляристы. «Не упоминаю, – высокомерно наставлял в 1815 году ректора министерский чиновник, – уже о четкости и правильности письма и ясности смысла, как необходимаго для сего усовершеня, чем учебныя места преимущественно должны отличаться»¹².

В источниках и исследовательской литературе университетский орган решений и постановлений именуется то как «профессорский совет», то как «университетский совет» или просто «совет». Он обладал канцелярией, которая вела журналы исходящих бумаг, предписанные всем присутственным местам империи. Так же как и в канцеляриях Министерства внутренних дел, они изготовлялись в форме таблиц, в которые заносились порядковые номера документов, даты их появления и краткое содержание отправленных текстов. В некоторых случаях секретарь делал отметку или пересказывал полученный ответ. В такой журнал канцеляристы нередко переписывали тексты писем, направленных министру, правлению, училищному комитету, совету гимназии и директорам гимназии. Благодаря этому сегодня можно представить объем и характер внешних и внутренних «сношений» университета, а также узнать объем и характер утраченных источников.

Избранный из профессоров секретарь совета вел шнуровой журнал, в который вписывал имена собравшихся на его заседание, пересказывал суть обсуждаемого дела и записывал принятое по нему решение. Протокол как форма делопроизводства появилась в России в начале XVIII в. вместе с коллегиями. Он отражал новую форму решения дел через коллегиальное обсуждение и спор. В университетах в форму протоколов отливались дебаты на заседаниях совета, правления, училищного комитета и отделений (потом факультетов), публичные защиты диссертаций. По протоколам, внесенным в шнуровые журналы, удастся восстановить меняющиеся критерии обретения «ученых градусов» и допуска в «почтеннейшее сословие профессоров». В начале века такие запи-

---

¹² Журнал исходящих бумаг за 1815 год // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 599. Л. 72об.

си еще не были закодированы канцеляризмами и передают неформальную атмосферу живого обсуждения. Приведем в качестве примера фрагмент из «искуса» (защиты) 1815 г. в Московском университете: «И как Пыпин при сем искусе оказался слабым и недостойным допущения к публичному испытанию для степени Доктора определенному; то и ОПРЕДЕЛЕНО: в прощении Его Пыпина отказать и на основании § 103 дать Ему годичный срок для приобретения больших сведений, потребных для степени Доктора Философии, буде он получить Его пожелает»¹³.

Судя по сохранившимся журналам тех лет, периодичность заседаний совета различалась в зависимости от университета. В Москве они проходили два раза в неделю. Если решение вызвало возражения отдельных членов совета, то их позиция и аргументы прилагались к журналу в виде «Особого мнения». В этом можно было бы усмотреть проявление университетской демократии, если бы аналогичная практика не существовала у коллежских асессоров. А именно на их опыт коллективного принятия решений равнялись министерские чиновники в своих взаимоотношениях с профессорами.

К этому их подталкивали строки из «Утвердительных грамот» университетов, в которых говорилось о подобии университетов коллегиям¹⁴. Эта отсылка порождала у служащего человека в России ассоциативный ряд, никак не связанный с западными корпоративными привилегиями. Поэтому прибывшие в университетские города профессора оказались в амбивалентной ситуации: имеющие опыт корпоративной жизни в западных университетах преподаватели считали, что российские университеты получили корпоративное самоуправление, а ответственные за реализацию правительственных решений чиновники интерпретировали эту статью устава как бюрократическую коллегиальность.

Такая же амбивалентность проявилась и в интерпретации коллегиальных отношений профессоров. Предоставляя университетам корпоративность, устав 1804 г. не квалифицировал кон-

---

¹³ Журналы Собрания Этико-политического отделения; сообщения Совета Московского университета; прошения студентов о допущении к экзаменам на степень, 1815 // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 496. № 1. Л. 3.

¹⁴ Утвердительныя Грамоты Императорских Московскаго, Харьковского и Казанскаго Университетов, 5 ноября 1804 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. № 44. Стб. 255.

фликти как показатель плохой работы университета. Его статьи предписывали обсуждение ссор и противоречий на заседаниях совета. И профессора этим правом пользовались, вынося на корпоративное обсуждение статусные и этические вопросы¹⁵. Между тем, чиновники видели в этом признак расстройтва управления и старались пресечь такую практику, уволив «зачинщиков» или высказав профессорам свое «неудовольствие». На чиновном языке это называлось «утешить распрю», что подразумевало – заставить молчать обиженное меньшинство и дать волю «партии» «делать всего, чего не пожелает»¹⁶.

Вероятно, в этой двойственности понимания скрываются истоки личных драм, которые пережили российские профессора Александровской эпохи; а также истоки их уверенности в том, что чиновники нарушают дарованный императором устав. Подобные свидетельства зафиксированы в архиве министерства в переписке казанских профессоров, директора университета и попечителя С.Я. Румовского за 1805–1806 годы. Тогда профессора и адъюнкты доказывали попечителю право совета распоряжаться казной и распределять полномочия в университете, а директор И.Ф. Яковкин и поддерживающий его Румовский квалифицировали их высказывания как смуту и борьбу «партий». На этом основании возмущенные профессора были уволены из университета¹⁷.

Довольно экзотичным феноменом для отечественной административной культуры были выборы «университетского начальства» самими подчиненными. Баллотировки на должность ректора и деканов осуществлялись, как правило, в мае. По их результатам изготавливались баллотировочные ведомости, которые отправляли сначала для сведения попечителя (который делал представление министру, добавляя к ним «свое мнение»). А спустя несколько лет после введения устава эти ведомости посылались на утверждение в министерство. И это порождало у чиновников искушение добиться исполнения своих желаний.

---

¹⁵ Вишленкова Е.А. Память о конфликтах: особенности архива Казанского императорского университета // Эхо веков. 2008. № 3. С. 54–71.

¹⁶ Записка, составленная Департаментом народного просвещения по делу профессора М.А. Пальмина. Приложение № III к делу о профессоре М.А. Пальмине, после 1829 // РГИА. Ф. 733. Оп. 40. Ед. хр. 116. Л. 62об.

¹⁷ Сведения об увольнении адъюнкта Г.И. Карташевского, 1806 // Там же. Оп. 39. Ед. хр. 40. Л. 1–14.

Все попечители желали иметь в своём подчинении профессоров «тихих нравом»¹⁸. Своим служебным долгом они считали избавление университетов от «беспокойных» служащих с «шумным характером»¹⁹. С точки зрения чиновников, встроженных в отношения подчинения и исполнения, это естественно. Поэтому, хотя это противоречило букве университетской демократии, они всегда стремились добиться того же в подчиненных им учреждениях. Руководствуясь собственным мнением или полученной рекомендацией, попечители добивались назначения ректором человека им лично подходящего, а не выбранного советом профессоров. С этим связаны проволочки в утверждении баллотировочных ведомостей в Петербурге или признания выборов недействительными (как это было в случае с избранием в Казани И.О. Брауна)²⁰.

В любом случае, присланные в министерство баллотировочные ведомости интерпретировались чиновниками, исходя из интересов государственного, а не корпоративного управления университетами. Исходя из этого, харьковским профессорам предписывалось предпочесть в качестве ректора А.И. Стойковича потому, что он «при известной деятельности соединяет совершенное познание русского языка»²¹. В записанных на полях ведомостей комментариях («мнении») чиновники подчеркивали неспособность профессоров действовать в государственных интересах. «Гг. Профессоры при выборе Ректора, выпускают из виду пользу места, – писал, например, попечитель А.П. Оболенский, – а увлекаются более личностью»²².

В преддверии войны и после нее в такой неспособности чиновники особенно подозревали иностранцев. Будучи попечителем Московского университета, П.И. Голенищев-Кутузов считал

---

¹⁸ Дела об избрании ректора и деканов, 1810–1814 // Там же. Ед. хр. 95. Л. 9.

¹⁹ О полном открытии университета, о создании факультетов. Списки профессоров, 1810 // НАРГ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 340. Л. 38–40.

²⁰ Дела об избрании ректора и деканов, 1810–1814 // РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Ед. хр. 95. Л. 9.

²¹ Дело об утверждении профессора И.С. Рижского ректором университета и профессоров Тимковского, Стойковича, Шумлянского, Баллю – деканами, 1808–1809 // Там же. Оп. 49. Ед. хр. 90. Л. 1об.

²² Об увольнении Ректора Императорского Московского Университета Гейма от сей должности с пенсионом и об утверждении на место его Ректором Профессора сего Университета Прокоповича-Антонского, 1819 // Там же. Оп. 28. Ед. хр. 307. Л. 3.

неудобным избирать их деканами «как по незнанию языка, так и по недостаточному понятию о наших законах», отчего в университете «происходят частыя недоразумения»²³. Ему вторил харьковский попечитель С.О. Потоцкий: «в случае утверждения Г. Рижскаго в звании Ректора, остаются токмо одни иностранные профессора деканами; <...> избание сих последних произошло от начавшейся недавно в Университете интриги <...>, посредством коей они надеются получить преимущественную пред другими власть управлять по большинству голосов Университетскими делами»; «я сам едва ли в состоянии был бы отвечать за все беспорядки и упущения, какия от незнания их российского языка, законов и порядка дел неминуемо должны произойти»²⁴. Очевидно, попечителям представлялось надежнее доверить управление университетом соотечественнику, который и подчиняться привык, и деваться ему было некуда, чем много о себе понимающему профессору-иностранцу.

Подобными же соображениями объясняются манипуляции «высшего начальства» со сроками полномочий университетских администраторов. По уставу самым коротким был срок исполнения должности ректора – один год. Советы не выражали недовольствия по данному поводу. За год профессора выясняли административные способности избранного кандидата и уже не подавали за него своих голосов во время следующих баллотировок. А избранный на эту должность кандидат мог через год избавиться от «многотрудной должности».

Чиновникам же частая сменяемость ректоров создавала массу неудобств. Во-первых, выборы были лишним поводом для беспокойств. Они сопровождались борьбой профессоров за репутации, провоцировали складывание групп по интересам («университетские партии») ²⁵. Во-вторых, за год ректор не успевал «войти в курс

---

²³ По представлению Попечителя Московского Университета Графа Разумовского об изходатайствовании утверждения на нынешний год Ректором профессора Гейма также и об утверждении Деканами факультетов им представляемых профессоров Брянцева, Прокоповича-Антонского, Рихтера и Матеи, 1808 // РГИА. Ф. 733. Оп. 28. Ед. хр. 71. Л. 18.

²⁴ Дело об утверждении профессора И.С. Рижского ректором университета и профессоров Тимковского, Стойковича, Шумлянського, Баллю – деканами, 1808–1809 // Там же. Оп. 49. Ед. хр. 90. Л. 1об.

²⁵ Так, в мае 1811 г. на втором туре выборов, набрав с профессором Геймом одинаковое количество голосов, Страхов снял свою кандидатуру и отказался от кресла ректора «по причине слабого здоровья». П.И. Голенищев-

дела (дел)», вникнуть в интересы власти и сработаться с попечителем. И вообще, поскольку постоянно сменяющиеся избранники зависели от мнения коллег, а не от желаний «высшего начальства», они не торопились «с рвением» выполнять предписания Главного правления училищ. Поэтому все попечители были единодушны в том, что срок исполнения ректорских обязанностей должен быть увеличен. Они поощряли и даже добивались переизбрания понравившегося ректора на второй, третий и более сроки. А к 1811 году члены Главного правления училищ приняли соответствующее решение и добились высочайшего согласия на внесение его в устав. Обоснованием тому служила логика бюрократической опытности: «должность сия требует неусыпного попечения, занятия множеством подробностей, строгого наблюдения и взыскания на учащих и учащихся и на всех чиновниках»²⁶, то есть долговременного опыта.

Согласно уставу ректор заседал сразу в нескольких органах университетского самоуправления. Кроме совета он председательствовал на заседаниях правления, которое отвечало за бюджет и выполняло хозяйственные дела. Параграф 138 устава гласил: Правление «делает подряды, договоры и выдачи, наблюдая порядок, общими законами предписанный, и рассматривает счета всех чиновников, коим вверяются частные расходы»²⁷. Большая часть составленных его членами бумаг касались прихода и расхода средств, то есть являлись страницами «денежных книг»²⁸. Именно они, как правило, служили основанием для вынесения приговоров университетам во время правительственных проверок, а потому их ведение требовало особых знаний и тщательности. Обо всех потраченных суммах и издержках сверх штата правление должно было доносить попечителю ежемесячно, от-

---

Кутузов в своем представлении писал о «неутомимой деятельности и полезных трудах Г. Ректора Гейма» и просил «о исходатайствовании ему ободрения». (РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 90. Л. 16об.)

²⁶ Об избрании Ректора в Московском Университете на три года, 16 сентября 1809 // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. № 115. Стб. 522–523; Об избрании Ректоров в Харьковском и Казанском Университетах чрез каждые три года, 26 мая 1811 // Там же. № 161. Стб. 634–635.

²⁷ Уставы Императорских Московского, Харьковского, Казанского университетов, 5 ноября 1804... №. 46. Стб. 291.

²⁸ См., напр.: Баланс суммы Казанского университета за 1810 год // НАРТ. Ф. 977. Оп. «Правление». Ед. хр. 1.

правляя ему «подробную и точную о приходе и расходе сумм ведомость»²⁹. А в январе оно выносило на обсуждение совета годовой отчет.

Устав, конечно, не предписывал профессорам заседать в нескольких органах одновременно. Но поскольку провинциальные университеты не набрали положенных им по штату 28 профессоров, все имеющиеся в наличии преподаватели были распределены по органам самоуправления. В результате, одни и те же лица заседали и в совете, и в правлении, и в училищном комитете и в совете у себя на факультете. Но несмотря на такую близость и прозрачность действий, министерство требовало, чтобы взаимодействие между всеми «университетскими местами» обеспечивалось письменными сообщениями. Поэтому правление общалось с советом посредством «отпусков с решенных дел», ходатайствами, выписками из заседаний («журналами») и отчетами.

Вероятно, самый большой объем делопроизводства проходил через училищный комитет. Его члены занимались созданием учебных заведений и организацией преподавания в них. Параграф 163 устава требовал от профессоров «надзирания за учением и воспитанием во всех Губерниях, Округ его составляющих», «особенного и неутомимого попечения, дабы Гимназии, уездные и приходские Училища везде, где оным быть положено, учреждены и снабжены были знающими и благонравными Учителями и учебными пособиями, и дабы порядок учения соблюдаем был везде неослабно»³⁰. Комитет состоял из шести ординарных профессоров под председательством ректора (§ 165) и секретаря из адъюнктов или магистров (§ 177). Текущие дела вели ректор и два ежемесячно меняющиеся члена комитета. В конце срока службы они должны были подготовить отчет о своей деятельности (§ 176).

Члены комитета письменно сообщали в Главное правление училищ об избранных губернских директорах училищ, ходатайствовали за «достойных Учителей», предостерегали специальными письмами «небрегущих» и «отрешали [от должности] безнадёжных» преподавателей. Специальными докладами они извещали совет и попечителя о чрезвычайных происшествиях в училищах и излагали свои доводы в случае увольнения «недостойных» учителей и служащих училищ. Избранные в комитет профессора вели пере-

---

²⁹ Уставы Императорских Московского, Харьковского, Казанского университетов, 5 ноября 1804... № 46. Стб. 292.

³⁰ Там же. Стб. 296.

писку с директорами гимназий, от которых получали «начертания» о пансионах и «училищах, посторонними особами учреждаемых», «хозяйственные отчеты» и «полугодичные ведомости о состоянии Училищ, о достоинстве и трудах Учителей и о успехах учащихся» (§ 166). Другое дело, что делали они это посредством правления³¹.

Ежегодно на основании этих данных члены комитета делали обширный отчет: «изображение испытаний, состояния, в каком учение находится, приращения способов народного просвещения и недостатков, останавливающих оное»³². Это требовало от его членов владения аналитическими процедурами обобщения, сравнения, обоснования. В итоговом варианте текст представлял собой историческое описание развития учебной системы округа. После его обсуждения совет препровождал данный документ попечителю для последующего представления министру (§ 168).

Кроме того, члены училищного комитета делали для совета, попечителя и министерства «общее систематическое извлечение» из докладов визитаторов (профессоров того же комитета или назначенных советом). Во время кратко- или долгосрочных поездок по округу ревизоры описывали учебные заведения одной или двух губерний. Собранные на основе расспросов и наблюдений сведения систематизировались в форме «записок путешественника». Они состояли из двух частей: ответов на вопросы инструкции («наставления») и собственных замечаний (§ 169). Судя по сохранившимся в архиве Казанского университета отчетам визитаторов, вторую часть данного документа профессора воспринимали как инициативную. Они вписывали в нее этнографические наблюдения, предложения по организации обучения, обоснования своих мнений. Благодаря такой делопроизводственной практике сегодня оказывается возможным реконструировать просветительские инициативы профессоров и увидеть их цивилизаторскую идентичность³³.

Параграф 52 «Устава учебных заведений, подведомых университету» обязал учителей и директоров гимназий писать еже-

---

³¹ Уставы Императорских Московского, Харьковского, Казанского университетов, 5 ноября 1804... № 46. Стб. 299.

³² Там же. Стб. 297.

³³ См.: Донесение профессора Кондырева о преобразовании главного народного училища в уездное училище и об открытии дополнительных училищ в Казанской губернии, 1818 // НАРТ Ф. 977. Оп. Совет. Ед. хр. 359а.

годные отчеты о своих учебных заведениях. Тогда они именовались «исторические записки». Правительственные реформаторы надеялись, что когда-нибудь на их основе будет создана история государства Российского, в которой в цифрах и фактах будет описана их просветительская деятельность. «Дабы История Российскаго Государства, – обосновывали они свою настойчивость, – имела со временем достоверные памятники, откуда бы можно было заимствовать доказательства происшествий, относительно к распространению наук, Учителям Гимназий, и именно старшим, при помощи Директора, надлежит общим трудом вести записку заведенным и перезаводимым училищам, как в губернском, так и в уездном городах и других окрестных местах Губернии»³⁴.

Создатели устава указали, какие сведения надо включать в «исторические записки». «В таковой записке, – внушал документ исполнителям, – означать точно год и число, когда и в чье царствование основаны сии училища, при каком Министре, Попечителе, Директоре, при каких именно Смотрителях и Учителях, бывших с самага основания училищ, показывая где сии Учителя учились, откуда они родом, также сколь велико было число учащихся, как оно умножалось или уменьшалось и куда учившиеся выбывали, по окончании всех или некоторых только наук; вообще описывать тут успехи наук в Губернии, замечая состояние или приращение книгохранилищ и собрание естественных вещей и прочих пособий при училищах, в какия времена и какими знатными особами были училища посещаемы, что при таких обстоятельствах примечания достойнаго случилось; с каким успехом производимы были открытыя испытания, сколько Учителей в Гимназии приготовлено для уездных, приходских и других училищ; когда и на какие места они определены и что в пользу училищ в Губернии Правительством или частными благодеяниями сделано»³⁵.

Собранные учителями всех училищ округа и проверенные директорами гимназий сведения предназначались для двойного использования. К 1 января один список «исторической записки» должен был поступить в училищный комитет, членам которого

---

³⁴ Устав учебных заведений, подведомых университетам, 5 ноября 1804 года // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Царствование императора Александра I. 1802–1825. № 47. Стб. 314–315.

³⁵ Там же.

поручалось следить за своевременностью исполнения этого предписания и в случае необходимости требовать записки от замешкавшейся гимназии или училища. Соединенный пакет всех «исторических записок» направлялся попечителю учебного округа, а тот сдавал тексты в Главное правление училищ. Вероятно, на основе их министерство формировало представление о состоянии и проблемах округов и империи в целом. Полностью и во фрагментах отчеты публиковались тогда в ведомственном издании «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения». Второй список с «исторической записки» оставался в школьной библиотеке для памяти³⁶.

Стремительный процесс вовлечения якобы «самоуправляющегося» ученого сословия в удовлетворение государственных запросов довольно скоро изменил деятельность училищного комитета. Министерство стало требовать от его членов не только создания новых школ и контроля над уже существующими, но и различных знаний о ресурсах империи.

Собственно, ни в уставе Московского университета 1755 г., ни в общеуниверситетском уставе 1804 г. ничего не говорилось об обязанности профессоров заниматься такого рода деятельностью. Им вменялось в обязанность быть «рассадицами наук», что подразумевало популяризацию нормативного знания и воспитание образованных элит. И.И. Шувалов уверял, что государственная польза университета состоит в том, что благодаря ему «в отдаленном простом народе суеверия, расколы и тому подобныя от невежества ереси истребятся»³⁷.

Предполагалось, что потребность правительства в первичных сведениях и научных объяснениях (особенно касающихся Российской империи) будет удовлетворять Академия наук. Однако распределение обязанностей между двумя учеными сословиями (или «состояниями») стало меняться уже в первые десятилетия XIX века. Академия не оправдывала ожиданий верховной власти с точки зрения «русского» представительства и масштабности проектов. Кроме того, ее деятельность требовала больших денежных затрат. В этом отношении университеты оказались более приспособленными.

---

³⁶ Устав учебных заведений, подведомых университетам, 5 ноября 1804 года... Стб. 314–315.

³⁷ О составлении собрания дел по Московскому Университету, 1754–1761 // РГИА. Ф. 733. Оп. 29. Ед. хр. 139. Л. 28об.

собленными к реализации таких задач и менее затратными в силу окружной структуры учебной системы Российской империи.

В ходе её создания приписанные к шести университетам учебные округа представлялись сановникам своего рода «ботаническими садами», требующими культурной обработки. Профессорам предписывалось привести их в «цветущее состояние». В момент разработки реформы это подразумевало лишь посев грамотности и прививку западного типа культуры (перевод книг, освоение наук, обучение студентов и местной публики, издание газет и журналов, создание новых учебных заведений и руководство их деятельностью). Однако почти сразу после принятия устава университеты стали получать предписания министерства народного просвещения, требовавшие изучать и описывать вверенные им части империи.

Так, с 1805 г. по инициативе попечителя Виленского учебного округа А.А. Чарторыйского российские университеты должны были собирать с училищ «информацию о физических предметах» по инструкции, разработанной профессором Юндзило. Кроме прочего она включала сведения «о секретах колдовства» (речь шла о травниках, знахарях и врачевателях); о способах «простонародного лечения»; «описание окрестностей», «каким образом происходит покраска тканей». В предписаниях учителям профессора должны были разъяснить, что «университет ожидает показания и описания таких мест, где находятся железные руды, соленые, горькие, купоросные, серные воды, где находятся не только признаки, но и простонародные повести о нахождении соли, серы, серебра, олова, меди; какия места во время зною покрываются солью или селитрою; где охотно собирается скот и землю грызет либо лижет, где солоноватые воды, где он жаднее пьет; где попадаются какие нибудь редкие камни, видом, цветом, прозрачностью отличные от обыкновенных? Где лежат слои гипса и не примечено ли близ них соленых вод или земляного уголья? Где случается находить янтарь, как часто, и как глубоко добывается? Нет ли где-нибудь древних или недавних преданий о камнях, падающих с воздуха, и не имеются ли где-либо таковые, и прочее? Если из всех сих произведений какое-нибудь найдется, описать его место, в каком уезде и в чьем имении, и довольную

часть, например, соли, воды, руды, металла, камней и проч., доставить в Университет»³⁸.

А визитаторам (ревизорам) училищ рекомендовалось во время служебных поездок вести дневники наблюдений. «При основательных исследованиях о состоянии училищ, публичных и частных, во всем округе, – говорилось в инструкции визитатору Харьковского учебного округа, – предлежит вам замечать повсюду, в какой где степени образование жителей всякаго звания, от дворянства до крестьян. Хотя во многих местах оттенки не очень могут быть значущи; но они разительны будут в наблюдениях простертых по Дону, к Кубани, на степи Нагайския и Очаковския, населенные стечением людей всяких племен»³⁹.

Поначалу, эти наблюдения предполагалось использовать для целей просвещения, для облегчения адаптации западных знаний местной культурой. «Замечание же оных разностей ради того необходимо, – наставляла совет Харьковского университета правительственная инструкция, – что от них должна зависеть разность мер, какия принять, а особливо в начале, Главному училищ правлению нужно будет. Внимательно также рассматривать следует народные в разных местах упражнения и род промышленности, дабы к усовершенствованию их можно было наклонять и приноравливать самое учение в тамошних школах»⁴⁰. Для поощрения университетских визитаторов чиновники министерства соглашались признавать собранные ими сведения за исследовательскую работу. Участвовавшие в таком сборе данных профессора и адъюнкты относили свои отчеты к статистическому, географическому или этнографическому письму (в зависимости от специальности исследователя).

Довольно простые и утилитарные заказы правительства дали плоды, которые стимулировали исследовательскую работу в университетах. В инструкции визитаторам 1807 г., выданной профессорам И.С. Рижскому и И.Ф. Тимковскому, предписывалось: «как места Харьковского округа, по которым проезжать вам следует,

---

³⁸ О собирании наблюдений и сведений по физическим предметам, 1 июня 1805 г. // Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. СПб., 1866. Т. 1 1802–1834. № 16. Стб. 51–52.

³⁹ Дела о службе профессоров Т.Ф. Осиповского и И.Ф. Тимковского и о назначении профессорами И.С. Рижского и А.Ф. Делавина, 1819 // РГИА. Ф. 733. Оп. 49. Ед. хр. 13. Л. 5об.

⁴⁰ Там же. Л. 5об.–6.

содержат в себе многие исторические памятники, как-то: камни в фигурах, камни с надписями, надписи на зданиях, развалины, монеты, медали и иные древние изделия, то, пользуясь случаем, открывать и находить их, и собирать о них сведения; можете достойнейшие из удобопереносимых приторговать или, по усмотрению, и покупать для кабинета сего университета, для чего отпускается 300 руб[лей]»⁴¹. Следствием полученного харьковчанами импульса стали: описания Днепровских порогов, коллекция древностей городища Ольвии, а также введенные в научный оборот рукописи А.М. Курбского и данные по ногайским племенам⁴².

В октябре 1812 г. министр А.К. Разумовский разослал попечителям «печатные наставления для учителей разных учебных заведений в ведении по разным частям записок, согласно § 52 Училищного устава»⁴³. В отличие от реформаторов начала царствования, он хотел получить от учителей не рассказы о создании школ, а топографические, метеорологические, этнографические и экономические сведения о местах их службы. Видимо, по замыслу министра ведомственная отчетность должна была превратиться в способ научного описания империи. Скорее всего, эта идея имеет источником Лондонское Королевское общество, которое силами краеведов-энтузиастов осуществило описание Британии.

Такая инициатива министра потребовала от членов училищных комитетов выполнения огромной аналитической работы. Когда в декабре 1815 г. министр поинтересовался у попечителей, «какой успех имели помянутые наставления, кем из учителей какие ведены записи, куда они поступили, кем рассмотрены и одобрены ли»⁴⁴, глава казанского округа сообщил, что Казанский университет был вынужден создать специальный комитет для организации таких исследований и оценки их результатов⁴⁵. И московский попечитель признался, что должен был привлечь для экспертизы специальных разделов учительских записок профессоров разных специальностей⁴⁶.

---

⁴¹ Цит. по: *Багале́й Д.И.* Опыт истории Харьковского университета... Т. 1. С. 1186.

⁴² Degurov De la civilization des tatars-nogais dans le midi de la Russie Europeenne. Charkov, 1816.

⁴³ О ведении исторических записок и о назначении некоторым чиновникам за сей труд награды, 1816 // ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 712. Л. 1.

⁴⁴ Там же. Л. 2об.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же. Л. 5.

Как показало изучение «исторических записок», взятых за длительный период, инициатива министерства нуждалась в постоянном принуждении исполнителей к ее исполнению. Ослабление ведомственного давления на провинциальные университеты каждый раз приводило к срывам поставок эмпирических данных. Поэтому, например, в сентябре 1817 г. начальник департамента народного просвещения сообщал, что исторические записки приходят в министерство только от Московского учебного округа. При обсуждении этого вопроса попечители остальных округов жаловались, что членам их училищных комитетов трудно добиваться от гимназических учителей таких исследований. Это требует от перегруженных служебными заботами и нуждающимися в деньгах профессоров большой письменной работы: подробных разъяснений, длительной переписки, постоянных напоминаний.

Действительно, учителя неохотно делали такие отчеты, затягивали сроки их предоставления, ждали напоминаний, присылали недостоверные и нерегулярно собранные сведения. В обширных округах, на большом расстоянии от исполнителей профессора не могли заставить их бесплатно выполнять трудоемкие исследования. И даже получив от них отчеты, членам комитета было трудно сделать из разнородных текстов общее описание ресурсов округа. В результате министерство не было удовлетворено качеством «исторических записок».

Из писем профессоров к попечителям, из полученных отчетов министерские чиновники уяснили для себя неспособность провинциальных профессоров наладить описание округа. В связи с этим в 1817 г. была сделана попытка перенести ответственность за поставку таких знаний на попечителей и их канцелярии. «На Г[оспод] попечителей прочих (кроме Московского. – К. И.) учебных округов, – гласит предписание 1817 г., – возложить дабы они согласно выше приведенному параграфу 51 Устава учебных заведений предписали кому следует о доставлении к ним подобных записок ежегодно для внесения оных в Главное Правление Училищ»⁴⁷. В реальности это решение ничего не изменило. Получив предписание министра, проживающий в Петербурге казанский попечитель не стал сам списываться с директорами учи-

---

⁴⁷ Дело о ведении исторических записок по учебным заведениям, 1817 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 664. Л. 2.

лиц, а приказал ректору И.О. Брауну побудить их отвечать на министерский вопросник⁴⁸.

Похоже, что в эти годы только московский комитет собирал и обрабатывал «исторические записки». В ЦИАМ они сохранились за 1816–1830 годы⁴⁹. Их проверка отнимала у столичных профессоров массу времени и сил, но дело обрело необходимые регулярность и рутинность. Это видно из донесений членов училищного комитета попечителю. Например, в 1833 г. они сообщали, что от всех учителей исторические записки уже получены, и только «от Директора Калужских училищ получены токмо ведомости о учебных заведениях и чиновниках, подведомой ему Дирекции, и хотя ему вторично предписано доставить требуемые по установленной форме сведения; но оных до сего времени от него не получено, а потому при составлении общего отчета собраны о Калужской Дирекции, сколько было возможно, справки по делам Комитета и из доставленных ведомостей»⁵⁰.

---

⁴⁸ Дело о ведении исторических записок по учебным заведениям, 1817 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 664. Л. 3.

⁴⁹ О доставлении списков формулярных и в адрес-календарь также исторических записок, 1814 // ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Ед. хр. 311; То же, 1816 // Там же. Ед. хр. 688; Об отсылке к министру исторических записок по Московскому учебному округу, 1817 // Там же. Ед. хр. 910; Об отсылке министру статистического описания Смоленской губернии, сделанного учителем Елоховским и исторических записок за 1818 год // Там же. Ед. хр. 1123; Об отсылке к министру отчета и исторических записок за 1818, 1819 // Там же. Ед. хр. 1166; Об отсылке к министру исторических записок за 1820, 1821 // Там же. Ед. хр. 1652; Об отсылке исторических записок за 1821, 1822 // Там же. Ед. хр. 1887; Об отсылке исторических записок и отчета по учебной части за 1822, 1823 // Там же. Ед. хр. 2177; Об отсылке к г. министру исторических записок и отчета по университету и его округу за 1823, 1824 // Там же. Ед. хр. 2486; Об отсылке исторических записок и отчета по учебной части за 1824, 1825 // Там же. Ед. хр. 2717; С представлением г. министру исторических записок и списков в адрес-календарь, 1827 // Там же. Ед. хр. 3350; Об отсылке списков для внесения в адрес-календарь исторических записок, 1828 // Там же. Ед. хр. 3584; Ведомость о состоянии учебных заведений за 1828 год и исторической записки об оных за тот же год, 1829 // Там же. Ед. хр. 3744; Представление г. министру: а, список для внесения в адрес-календарь, б, исторических записок дирекцией Московского округа, в, годового отчета о приходе за 1829 год, г, формулярных списков, 1830 // Там же. Ед. хр. 3945.

⁵⁰ Формы для составления ежегодного отчета по университету и московского учебного округа, 1833 // ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 2. Ед. хр. 234. Л. 38.

Что касается описаний учебной системы империи, то с 1823 года столичные чиновники стали требовать от училищных комитетов новой формы отчетности. Теперь профессора были обязаны делать на основе собираемых с училищ отчетов «ведомости о состоянии учебных заведений округа»⁵¹. Такая аналитическая процедура требовала унификации и полноты собираемых данных.

Похоже, что новое требование поставило училищные комитеты в тупик. Одни директора предоставляли им список гимназистов с указанием возраста, класса, «состояния» родителей (в частности, дирекция Саратовской гимназии и благородного пансиона при нем), другие ограничивались указанием количества учащихся и их социального происхождения (например, дирекция Первой Казанской гимназии), третьи делали таблицы цифровых данных о принадлежности учеников к тому или иному «состоянию» (например, дирекция Тобольских училищ). По этим отчетам невозможно было составить общего представления даже о распределении учеников по сословиям. Директор казанской гимназии делил воспитанников на «дворян», «разночинцев», «купеческих мещанских детей» и «кантонистов». Нижегородский директор сообщал о «господских людях», «отпущенниках», «одиндворцах», «мещанах», «иностранцах - мастеровых», «кантонистах», «уволенных из духовного звания Епархиальным начальством», «подпоручиках», «подполковниках», «капитанских детях», сыновьях «титularных советников», «надворных советников», «13 класса». А тобольский директор делил учащихся на «штаб-офицерских», «обер-офицерских детей», «купцов», «мещан», «крестьян» и «военно-служащих при почтамте и аптеке»⁵². Не способный сделать из этой россыпи разнопорядковых данных требуемые министерством сводные ведомости, в 1826 году казанский совет просил министерских чиновников разработать для всех училищ единые формы отчетности.

Приравняв органы университетского самоуправления к «присутственным местам равной степени», чиновники потребовали от профессоров подчинения соответствующим технологиче-

---

⁵¹ Новая форма ведомостей о состоянии учебных заведений за каждый год, 1823 // ЦИАМ. Ф. 459. Оп. 1. Т. 1. Ед. хр. 2256.

⁵² См.: Дела о том, сколько учащихся и учащихся по Казанскому учебному округу, 1826 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 2003. Л. 1-29.

ским процедурам сношений и делопроизводства⁵³. Это имело вполне реальные последствия. Например, училищный комитет не получил права говорить от своего имени («беспосредственного сношения») с другими государственными учреждениями. Для обращения к гимназиям, училищам, судебным расправам или полицейским участкам члены комитета пользовались посредническими услугами своих коллег из правления или совета. Туда направлялись соответствующие ходатайства, подшивки отчетов и прочей делопроизводственной документации. В результате членам совета и правления приходилось заниматься не только своими прямыми обязанностями, но и вникать в дела училищного комитета (то есть всех училищ округа), писать от его имени запросы, справки, напоминания. Установленная последовательность сношений, во-первых, ранжировала университетские органы (правление было второстепенным по отношению к совету, а училищный комитет находился в зависимости от правления); а, во-вторых, навязала органам самоуправления двойной объем делопроизводства.

В 1834 г. по инициативе секретаря правления Казанского университета и ректора Н.И. Лобачевского, попечитель убеждал С.С. Уварова изменить это положение. Еще не зная точно, какой будет структура университетского управления по готовящемуся уставу, все трое ссылались на утвержденное императором «мнение» Государственного совета 1821 года. Согласно ему, «все уездные места, как судебные, так Правительственные и Полицейские, имея нужду получать из других мест справки по производящимся в сих первых местах делам, должны впредь сноситься как с равными им уездными, так и высшими Губернскими местами, в других Губерниях, или в других ведомствах состоящими прямо и без посредства Губернского Правления»⁵⁴. Отсылка к унифицированной системе государственного управления сама по себе показательна. Видимо, к началу 1830 гг. профессора не чувствовали себя самоуправляющейся корпорацией и мечтали только об облегчении своей чиновной участи. Ссылаясь на институциональную систему государственного управления, они убеждали высшее начальство предоставить училищному комитету право

---

⁵³ По представлению Правления Казанского университета о порядке производства дел и Училищном Комитете, 1834 // НАРТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 4268. Л. 1.

⁵⁴ Там же. Л. 1об.

собственного голоса и освободить от его дел другие университетские «присутственные места».

В силу исторических обстоятельств в России она сформировалась на основе презумпции «университет – агент государственной политики». Такая установка определяла характер документооборота и тип общения профессорских советов с присутственными местами империи. Надо сказать, что огосударствление университета не является исключительной особенностью российской истории. Во многих европейских странах Нового времени производство и трансляция знания были поставлены под правительственный контроль. Специфика российской ситуации заключалась в том, что логика бюрократического делопроизводства породила в русских профессорах и студентах видение университета не в качестве партнера и союзника государства, а как функциональную деталь государственной машины. А это уже было явное снижение статуса российского университета по сравнению с его западными собратьями.

В своих архивных изысканиях мы имели дело с двумя типами делопроизводства и зафиксировали переход от одного к другому. Деловые бумаги коллегиального типа, которыми оперировал университет в коммуникациях первой четверти XIX в., были самодостаточны, но громоздки, написаны тяжелым стилем. В завершающем тексте решенного дела, как правило, заключается описание всех стадий его возникновения и прохождения. Темпоральность такого документа задана датами открытия и закрытия дела. Добраться читателю до существа обсуждаемой проблемы в таких бумагах довольно сложно.

Сменившие их делопроизводственные документы министерского типа были более лаконичны, содержат краткие аннотации, но встроены в широкую сеть бумаг. Каждое высказывание сопровождалось изготовлением копий и нуждалось в подтверждениях справками, выписками, свидетельствами. Это существенно увеличило объем делопроизводства и изменило характер образования архивных дел. При фронтальном прочтении фондов за весь исследуемый период становится видно, как в результате смены типа письма профессора лишились субъектности в говорении и писании об университете.

Растущий с начала 1820 гг. бюрократический контроль и введенные в 1830 гг. количественные оценки профессорской службы заморозили развитие репутационного сознания в российских

университетах. Возникающие и открыто (они зафиксированы в протоколах) проходившие в первой четверти XIX в. конфликты идентичностей, статусов и научных мнений имели все шансы стать основой для выработки профессиональных норм, этических правил, научных стандартов и породить систему саморегулирования. Однако негативное отношение чиновников к такого рода коммуникациям побуждало их пресекать любые споры, ссоры и обсуждения в университетском совете. С годами конфликты (в том числе публичные защиты) всё сильнее оттеснялись в зону девиантного поведения и рассматривались как покушение на ведомственные интересы, разрушение групповой общности.

УДК 94(47).073.5:725.945(477.75)

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ НЕКРОПОЛЬ: МИФ О ВОЙНЕ 1853-1856 гг. И КУЛЬТ ПОГИБШИХ ГЕРОЕВ

М.С. Федотова

Европейский Университет в Санкт-Петербурге,
Факультет истории
E-mail: Marafed1@yandex.ru

Культ погибших был основополагающим элементом севастопольского мифа. Данная статья посвящена севастопольскому братскому кладбищу как показателю отношения к памяти о войне. Формирование мифа о войне было частью процесса коммерциализации памяти. Поля сражений и места захоронений стали «местами памяти», пространством памяти и центром паломничества. Павшие солдаты и офицеры превратились в святых в национальном пантеоне героев. Братское кладбище в Севастополе стало символом святости, предметом и элементом национальной гордости и славы.

Ключевые слова: Севастополь, братское кладбище, Крымская война (1853–1856), культ погибших, культурная память о войне.

SEVASTOPOL NECROPOLIS: THE MYTH OF THE WAR (1853-1856) AND THE CULT OF THE FALLEN HEROES

M.S. Fedotova

The cult of the fallen soldiers was a basic element of the Myth of Sevastopol. Present article deals with Sevastopol's war cemetery as a marker of the treatment of the Crimean war memory (1853–1856). Formation of the Myth of the war is the process of the commercialization of the memory. The fields of action and burial place became «lieu de memoire», place of the memory and the pilgrimage center. Fallen soldiers became men of the God. War cemetery at Sevastopol was the element of the national pride and glory, the symbol of the sanctity.

Key words: Sevastopol, war cemetery, Crimean war (1853–1856), Cult of the fallen soldiers cultural memory of the war.

Тема смерти как проблема исторической антропологии впервые была разработана Филиппом Арьесом в его книге «Человек перед лицом смерти»¹ на материале средневековья. Кладбище – место уединенного покоя и молитвенно созерцания, где в таинст-

---

¹ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992.

венном общении соединяются живые и умершие² – эта формула Жоржа Нива применима и как нельзя актуальна для объяснения того почитания, которым были окружены жертвы боевых действий в Крыму в 1854–1855 годах. При этом Жорж Нива подчеркивает, что культ кладбищ в России – особенный культ, если сравнивать с такой страной, как Франция³. В данной статье в фокусе внимания находится русское севастопольское братское кладбище как показатель отношения к памяти о войне 1853–1856 гг. и как важнейшая часть севастопольского мифа, ключевые смыслы и значение его создания и особенности формирования.

Уникальность Севастополя как места захоронений была в том, что после войны он стал городом сразу нескольких национальных кладбищ. Каждое военное захоронение служило отдельной национальной святыней для французов, англичан, итальянцев и др. В культе погибших, ставшим важным элементом коллективной исторической памяти военные кладбища заняли центральное место⁴. В работах историка мировых войн, национализма и нацизма в Германии Джорджа Моссе⁵ (1918–1999), посвященных исследованию памяти о Первой мировой войне в Германии и трансформаций, которые она претерпела, одним из ключевых моментов было наблюдение над включенностью христианских традиций в конструирование героического дискурса о павших солдатах. Дж. Моссе указывал, что введение христианской символики и ритуалов для освящения жизни и смерти солдат являлось важной частью мифа о военном опыте, символизируя успешный конец военной драмы: те, кто пожертвовал своими жизнями, – воскреснут. Чтобы выполнить эту функцию миф актуализировал христианские мотивы, веру в Смерть и Воскресение Христа, а также античные сюжеты. Нечто подобное и, в то же время, уникальное можно наблюдать при трансформациях памяти о жертвах Крымской войне.

---

² Быстряков И. Севастопольское братское кладбище. Севастополь, 1902.

³ Нива Ж. Места русской и французской памяти // URL: <http://www.lfond.spb.ru/programs/likhachev/100/stenogrammi/niva.html> (дата обращения: 27.11.2010).

⁴ Mosse G.L. Fallen Soldiers. Reshaping the memory of the world wars. Oxford, 1991. P. 80.

⁵ См.: Ibid; Mosse G.L. Two World Wars and the Myth of the War Experience // Journal of Contemporary History. Vol. 21. No. 4 (Oct., 1986). P. 491–513; Mosse G.L. National Cemeteries and National Revival: The Cult of the Fallen Soldiers in Germany // Journal of Contemporary History. Vol. 14. No. 1 (Jan., 1979). P. 1–20.

Известно, что многих защитников Севастополя хоронили недалеко от тех мест, где они закончили свой земной путь, чаще всего так поступали, когда везти к месту общего погребения, в сущности, было нечего: после взрыва неприятельской бомбы находили лишь так называемые «фрагменты тела». Поэтому с началом бомбардировок Севастополя убитые зарывались часто на месте их гибели⁶; иногда они «не достаивались» и этого: «павшие под выстрелами батарей от картечь и пуль, оставались по несколько дней неубранными, до той степени разложения, при которой во время часового прекращения боя убирали их кое-как, тут же спихнув в неглубокую вырытую яму или просто в водопромойную рытвину и присыпав ее землею»⁷. В данном случае, необходимо учитывать особенности и характер осады. Севастопольская осада стала уникальным явлением, когда армии несли огромные потери на сравнительно небольшом пространстве, откуда нельзя было далеко уйти, а театр военных действий невозможно перенести. Кроме того, многими поддерживалась надежда, что город не сдадут, и умерших можно будет перезахоронить, учитывая традицию расположения погостов за городской чертой. Соответственно, говорить о культуре погибших солдат во время войны было бы преждевременно.

подавляющее большинство павших перевозили на специальных баркасах на Северную сторону, где их хоронили на трех больших кладбищах, разделенных по родам войск и по полкам. На месте гибели Корнилова был выложен крест из неразорвавшихся неприятельских гранат и бомб. По воспоминаниям, эти пустые снаряды с выгоревшими трубками при дуновении ветра производили звук, похожий на гул и вой.

Поначалу кладбища были многочисленными и небольшими, с низкими оградками, «сложенными насухо из бутового и щебневого камня, и так низко, что их перешагнуть можно»⁸. Многие могилы и обширные кладбища были вовсе не ограждены. Все окрестности Севастополя были усеяны могилами⁹ и представлялись одной моги-

---

⁶ Чернопятов В.И. Некрополь Крымского полуострова // Зап. МАИ. 1911. Т. 11. С. 3.

⁷ Закревский Н. Севастополь // Морской сборник. 1863. № 6. Современное обозрение. С. 37.

⁸ Там же.

⁹ Ливанов Ф.В. Путеводитель по Крыму. С историческим описанием достопримечательностей Крыма. Для путешественников. М., 1875. С. 118. Так же см.: Сосногорова М. Путеводитель по Крыму для путешественников. Одесса, 1871. С. 222.

лой, где «на каждом шагу, куда ни взглянете, вы видите кресты, памятники и кладбища – следы недавней ожесточенной войны»¹⁰.

...Развитие путей сообщения, рост уровня образования, повышение мобильности населения – все это способствовало развитию туризма во второй половине XIX века. Посещение местных достопримечательностей стало обычным делом даже для лиц, которые совершали деловые поездки, служебные¹¹ или «по семейным обстоятельствам». Здесь заметна связь с практиками паломничества. Богомольцы, при посещении монастырей, соборов и других объектов, связанных с церковной историей и преданиями религиозного характера, во многих, если не в большинстве случаев имели своей целью «припадание» к священным для верующих захоронениям лиц, особо отличившихся в спасении душ. Заметного развития достиг и светский туризм.

Севастополь и его места сражений стали предметом внимания туристов и любопытствующих еще во время войны 1853–1856 годов¹². Туристом себя называл флаг-офицер И.Ф. Лихачев, приехавший в Севастополь в начале 1854 года¹³. Между тем, поездки к южным берегам России, в Крым, на Кавказ традиционно мотивировались, в основном, необходимостью «поправить здоровье» с помощью водолечения, морского купания, грязелечения и особого климата. В дальнейшем, интерес к этому краю рос, чему, вероятно, в немалой степени, способствовали рассказы путешественников, путеводители и популярная литература, рассказывающие об этом «экзотическом» крае.

О том, что активный туризм был достаточно развит в послевоенное время, косвенно свидетельствует налаженное производство сувенирной продукции, рассчитанной на приезжих гостей, и в севастопольском русском магазине продавались чернильницы, шандалы и другие вещицы, составленные из пуль и утвержденных

---

¹⁰ Афанасьев Д. Путеводитель по Севастополю, его бастионам и окрестностям, изданный с целью благотворения на его развалинах. Николаев, 1857. С. 49.

¹¹ См., напр.: Фан-Дер-Флит Н.Ф. Дневник // ОР РНБ. Ф. 806. Д. 20. Тетрадь № 20. Автограф. 4 июня – 12 июля 1865.

¹² Подр. см.: Layton S. Russian military tourism: the crisis of the Crimean war period // Tourism. The Russian and East European Tourist under capitalism and socialism / Ed. A.E. Gorsuch, D.P. Koenker. Ithaca; London, 2006. P. 43–64; Figes O. Crimea: The last crusade. London, 2010.

¹³ Лихачев И. В Севастополе 50 лет назад // Русская старина. 1904. № 5. Т. 118. С. 337.

ные на балаклавском мраморе¹⁴. Вещицы эти были не слишком дешевы, однако «купить что-нибудь для напоминания себе о посещении столь замечательных мест»¹⁵ – было важной частью путешествия и свидетельствовало о становлении исторического туризма как средства привлечения дохода. Привлекательность разного рода сувениров, включающих в себя «подлинные предметы» исторического прошлого можно объяснить давней традицией сохранения паломниками частиц почитаемых святынь – земли, воды, камня, дерева и т. д.

Согласно данным на 1907 г., в сезон приезжих в Балаклаву было свыше 2500 человек¹⁶. Путеводитель 1875 г. сообщает, что англичане и американцы переезжают моря, чтобы только взглянуть на Малахов курган¹⁷, который стал особым местом памяти, символом города. Малахов курган ассоциировался с «жертвенником, на котором богу брани принесены уже три великие жертвы: Корнилов, Истомин, Нахимов!»¹⁸. Не много ни мало «быть на Малаховом кургане означало для путешественников быть на Голгофе, поскольку «кости и кровь подвижников освятили эти глиняные насыпи»¹⁹. И в 1908 г. Малахов курган считался «обязательно посещаемым всяким приезжим»²⁰. Этот пункт был ключевым пунктом при посещении города для русских туристов, приезжающих в Севастополь: «мы не могли не быть на Малаховом кургане, ознаменованном борьбою двух враждующих сторон и составлявшем продолжительное время тот узел, рассечь который выпало на долю стороны, обладавшей в данный момент большими средствами нападения, сравнительно с средствами защиты. С уважением, с молитвою, как бы в какое святилище вступили мы в глубину кургана, единственную укрывательницу от вражеских бомб, где защитники могли переводить дух и приходить в себя от окружавшего их огня и разрушения. Вся внутренность кургана черная, мрачная, усеяна надписями посетителей»²¹. Интересы к

---

¹⁴ Лихачев И. Указ. соч. С. 31.

¹⁵ Там же. С. 31.

¹⁶ Все для приезжих. Практический путеводитель по Крыму. С 6-ю видами Крыма / Ред.-изд. Л. Танский. Одесса, 1908. С. 52.

¹⁷ Ливанов Ф.В. Указ. соч. С. 115.

¹⁸ Алабин П. Четыре войны. Походные записки 1849, 1854–1856, 1877–1878 гг. М., 1892. Ч. 3: Защита Севастополя. С. 439.

¹⁹ Там же. С. 116.

²⁰ Все для приезжих. Практический путеводитель по Крыму... С. 50.

²¹ Жуков К. Заметки в пути на южный берег Крыма. СПб., 1865. С. 31.

этим местам исторических событий отрицать нельзя. Можно предположить, что Малахов курган стал символом обороны Севастополя и местом поклонения ее героям не только потому, что здесь шли самые кровопролитные бои, и эта высота была господствующей над городом. Поминование на погребальном кургане – важный исторический и символический образ.

Не оставались без внимания и иностранные военные некрополи: «Особенно много с берегов Альбиона перебивало благородных посетительниц и посетителей, чтобы взглянуть на подвиги своих соотечественников»²². Еще одним важным пунктом было русское братское кладбище. Путеводитель сообщает: «Особый интерес представляют поездки на Братское кладбище. Плата 25 копеек с человека, включая и переезд в линейках с северной стороны на кладбище и обратно. По вторникам устраиваются такие же поездки в Херсонес и на Братское кладбище за плату 50 копеек туда и обратно»²³. Коммеморация войны постепенно приобретала коммерческий характер и превращалась в туристическое предпринимательство, как город не только «купален», грязелечебниц и «мест гулянья», но и город русской славы. Современник писал, о том, что на Малаховом кургане сторож (он же местный гид) предложил ему купить на память пули «четырех национальностей», выкопанные на кургане²⁴. Из черепной кости адмирала Нахимова был сделан памятный крестик, хранившийся в музее Севастопольской обороны²⁵. Все это свидетельствует, с одной стороны, налаживании предпринимательства – исторического туризма в городе, попытках извлечения прибыли, и попутно – о сакрализации прошлого и традициях почитания мощей святых (Нахимов стал одним из «святых» городской «религии»).

С приближением 50-летия Севастопольской обороны в российской прессе развернулась обширная кампания с публикацией множества статей и материалов о предстоящем событии. Приведение в благоустроенный вид тех кладбищ под Севастополем, где покоятся останки храбрых, для которых не досталось места на

---

²² Закревский Н. Указ. соч. С. 37.

²³ Все для приезжих. Практический путеводитель по Крыму... С. 49.

²⁴ Никонов Б.П. Памятники севастопольской обороны // ИВ. 1905. Декабрь. С. 943.

²⁵ Исторический каталог музея Севастопольской обороны. Севастополь, 1904. С.63.

«стотысячном» братском кладбище²⁶, было также частью программы по увековечиванию памяти севастопольской обороны.

Культовым местом памяти, одной из целей паломничества в Севастополь братское кладбище стало во второй половине XIX века. В плане туристических маршрутов путеводителей посещение братского кладбища было неизменным пунктом. «Великая всероссийская усыпальница», как называлось братское кладбище в Севастополе, еще в 1869 г. была не до конца архитектурно оформлена: «неприглядно кладбище для любого взора: могилы пустынные, заросли диким щедушным (так в тексте. – М. Ф.) бурьяном и ничем не обсажены, – ни венка, ни цветочка!.. Мало того, по кладбищу здесь и ходить трудно: дорожек мало, да и те, или запущены, или еще не начаты; бурьян то и дело колет ноги. Иные насыпи осели и кое-где зияют отверстия; плиты потрескались на три и на четыре части; камни порасшатались, отделились; углы оббиты; имена сгладились; кресты то склонились, то упали; у иных ветер сорвал перекрестья; дожди смыли их черную краску; вместо всяких украшений паук растянул свои нити; от надписей остались едва-едва заметные следы каких-то букв»²⁷. Руинированность кладбища, по-видимому, соответствовала общему бедственному облику города, недавно пережившего осаду, что было связано с тем, что Севастополь «отстраивался очень плохо после погрома»²⁸. Картина берегов в 1865 г. представляла или развалины, или кладбища²⁹, «повсюду следы лагерей и кладбища»³⁰. Вообще, слово «развалины» и «пепелище» было наиболее часто употребляемым определением города в воспоминаниях, путеводителях. Сам город превратился в «дорогого мертвеца»³¹. В 1875 г. путеводители описывали Севастополь, в котором нет ничего, кроме взрытых мест земли, обломков железа, старых подметок, костей, обломков бомб, незамеченных туристами³². В 1880 г. путе-

---

²⁶ РГИА. Ф. 799 (Хозяйственное управление при Синоде). Оп. 5. Д. 2452. Л. 4-5.

²⁷ Пономарев С. Всероссийская усыпальница. Церковь святителя Николая и кладбище севастопольских героев. Киев, 1869. С. 31.

²⁸ Сосногорова М. Путеводитель по Крыму для путешественников. Одесса, 1871. С. 219.

²⁹ Жуков К. Указ. соч. С. 24.

³⁰ Афанасьев Д. Севастополь и его окрестности // Современник. 1857. № 3. Март. С. 143.

³¹ Ливанов Ф.В. Указ. соч. С. 111.

³² Там же. С. 113.

водители отмечали, что Севастополь, который Л. Толстой называл «страшным местом смерти»³³, был все еще «мертвый город»³⁴, и одновременно «город мертвых»³⁵. Но следует заметить, что эта «мертвость» придавала ему уникальность и даже преимущества на фоне других городов России, и именно она делала его местом славы, «жертвенником» «во славу отечества». Это означало иное отношение к смерти и жертвам. В этом погибшем, казалось бы, навсегда городе был найден источник будущего возрождения.

К концу XIX в. город «сильно оживился и обстроился»³⁶, так, что не видевшие Севастополя 10–12 лет, почти не узнали бы его³⁷. Возрождение города было связано с его растущим торговым и военным значением, которое он стал приобретать после проведения в 1877 г. Лозово-Севастопольской железной дороги³⁸, а также в связи с отменой нейтрализации Черного моря по Парижскому трактату 1871 года. Российское правительство в одностороннем порядке отказалось от выполнения «унизительных условий» Парижского договора 1856 г., что способствовало тому, что быстрыми темпами стал возрождаться флот, а вместе с ним и город.

Братское кладбище в том виде, какое оно обрело к началу XX в., оформилось далеко не сразу. Во время осады ежедневно на северную сторону Севастополя свозились тела убитых, которых опускали по 50 и более в одну яму, после чего делали насыпь и выкладывали крест из камней, а иногда ставили и деревянный³⁹. Соответственно, обозначение могил изначально было «простым»: «на некоторых могилах выложены кресты из неприятельских гранат и бомб, выброшенных на Северную сторону союзным флотом»⁴⁰. Пока это были свидетельства, в терминологии Яна

---

³³ Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 14 т. М., 1951. Т. 2. С. 191, 199, 227.

³⁴ Сосногорова М. Путеводитель по Крыму. Одесса, 1880. С. 220.

³⁵ Караулов Г., Сосногорова М. Путеводитель по Крыму. Изд. 4-е. С приложением двух карт, пяти рисунков и проч. Одесса, 1883. С. 265.

³⁶ Фейгин Л.А. Путеводитель по Крыму и справочная книжка. С 10 рисунками замечательных местностей Крыма. М., 1888. С. 62.

³⁷ Головкинский Н. Путеводитель по Крыму. Изд. 6-е. Симферополь, 1894. С. 284.

³⁸ Безчинский А. Путеводитель по Крыму. М., 1901. С. 155.

³⁹ Ливанов Ф.В. Указ. соч. С. 124.

⁴⁰ Кладбище в Севастополе // Морской сборник. 1856. № 6. С. 99–100.

Ассманна, «коммуникативной», «горячей»⁴¹, живой памяти, которая охватывала воспоминания совсем недавнего «настоящего», памяти, которая могла поддерживаться и передаваться устно. Это – память, еще не превратившаяся в миф о героической войне, не поддерживаемая символическим кодированием, не «забронзовевшая» и не упорядоченная. Пока были живы трагические воспоминания, кладбище, судя по описаниям, служило местом скорби (чаще всего личной, испытываемой семьями, родственниками, сослуживцами) и траура, т. е. типичного городского кладбища без дополнительной смысловой нагрузки.

Изначально единого кладбища как такового не существовало. Оно сформировалось из трех кладбищ на северной стороне города: одно по западную сторону, и два небольших (практически одно) – по восточную сторону северного укрепления, которые со временем «слились» в один большой некрополь. Все три кладбища имели «отделения», на которых хоронились моряки, инженеры, артиллеристы и пехотинцы, по полкам⁴². Считалось, что на братском кладбище похоронено свыше 100 тысяч человек⁴³, отчего оно называлось «стотысячным»⁴⁴. Во многих путеводителях значилась цифра 127587 павших воинов⁴⁵. Современная литература, считая эти цифры сильно преувеличенными, останавливается на 40–50 тысячах⁴⁶.

Со временем, память «охлаждалась», уступая место мифу. Война «по Толстому», то есть «в настоящем ее выражении – в крови, в страданиях, в смерти» уступила место войне «в правильном,

---

⁴¹ Ассманн Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 58–59.

⁴² Кладбища в Севастополе... С. 99.

⁴³ Галкин М.С. Оборона Севастополя 1854–1855 гг. и его военно-исторические памятники в картинах для волшебного фонаря. Одесса, 1903. С. 31.

⁴⁴ Раисов Н. Новейший иллюстрированный путеводитель по Крыму и Кавказу на 1897/1898 г. Одесса, 1897. С. 49.

⁴⁵ Москвич Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Севастополю и окрестностям с приложением алфавита, карты, плана в 4-х красках и пр. Изд. 17-е. Одесса, 1909. С. 38.

⁴⁶ Шавшин В.Г. Каменная летопись Севастополя. Севастополь; Киев, 2003. С. 157 и др. Сведения о погибших офицерах российской армии, погибших при обороне города и похороненные на воинских некрополях см.: Ляшук П.М. Мартиролог офицеров Российской армии, погибших при защите Севастополя и Крыма в 1854–1855 гг. Симферополь, 2008. Вып. 1.; Он же. Офицеры черноморского флота. Погибшие при защите Севастополя в 1854–1855 гг.: Биограф. справочник. Симферополь, 2005.

красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами»⁴⁷, именно такой, какой она освещалась на страницах «официоза». Появлялись идеи церковного освящения и канонизации памяти обороны, что свидетельствовало о значении, которое придавалось этому событию. В 1870 г., православный публицист, друг митрополита Московского Филарета (Дроздова) А.Н. Муравьев (1806–1874) предложил наследнику престола, наряду с Мамаевым побоищем, Куликовской и Полтавской битвами, войнами 1612 и 1812 гг., 29 августа⁴⁸ отмечать «церковным воспоминанием» и «особой молитвой» и «тех, которые явили себя защитниками не одного лишь родного города, но и всей русской славы»⁴⁹.

В 1857 г. открыта подписка на благоустройство «севастопольского кладбища и постройку часовни или кладбища св. Чудотворца Николая»⁵⁰. В сентябре 1857 г. на братском кладбище был заложен, а в 1870 г. на сооружен храм святого Николая Чудотворца (Мирликийского)⁵¹, выполненный в форме усеченной египетской пирамиды из порфириного камня с гранитным крестом наверху. Храм «построен на площадке, которая уставлена 7 английскими старыми орудиями»⁵² и признавался путешественниками «самым выдающимся памятником на кладбище, который стоит на площадке обставленной 7 английскими орудиями и виден издали»⁵³. Высота храма составила 27 метров, высота креста – 6,8 метров. Храм был построен как аллюзия на египетские пирамиды, как символ монументальности и вековой статичности.

Внутри храма были вмонтированы 38 мраморных плит, на которые занесены фамилии 881⁵⁴ погибших и умерших от ран ге-

---

⁴⁷ Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 116.

⁴⁸ В православном календаре 29 августа является днем усекновения главы Иоанна Крестителя.

⁴⁹ РГИА. Ф. 1339. Оп. 1. Д. 56. Л. 26.

⁵⁰ Об открытии сбора на устройство севастопольского кладбища и постройку часовни или кладбища св. Чудотворца Николая // Морской сборник. 1857. № 2.

⁵¹ В православной традиции св. Николай является, в частности, покровителем моряков.

⁵² Севастополь в кармане. Необходимая книжка каждому туристу. Практический путеводитель. Изд. Я.Б. Шинберга. Одесса, 1904. С. 22.

⁵³ Все для приезжих. Практический путеводитель по Крыму... С. 51.

⁵⁴ По другим сведениям погибло 943 человека (См.: Парский Д.П. Памятники Севастопольской обороны. Одесса, 1901. С. 33).

нералов (11), адмиралов (3), штаб- и обер-офицеров (842), нестроевых чинов: флотских (22), медицинского ведомства (3)⁵⁵. По бокам фронтона с внешних сторон пирамиды размещены черные гранитные плиты с перечислением воинских соединений, принимавших участие в обороне, временем пребывания в осажденном Севастополе и понесенных потерь. Волынский пехотный полк потерял до 3900 человек, Минский – 4100, Кольванский егерский – 4238, Тобольский пехотный – 4521 и Екатеринбургский – 4648; 5-я легкая батарея 11 артиллерийской бригады – до 130 и легкая № 9 и 12 артиллерийской бригады – свыше 1000 человек; моряки в общей сложности потеряли до 16000 человек⁵⁶.

Таким образом, стены храма представляют собою как бы открытую поминальную книгу, по которой каждый проходящий может молитвенно помянуть имена почивших⁵⁷. Вместе с тем, в списке этих имен следовало видеть символ святой жертвы, в то время как весь ряд изображений нес в себе «благодатное утешение». Иконопись храма была наполнена символикой Воскресения из мертвых: изображения Иона, выходящего из чрева китова и видение Иезекииля – поле, усеянное костями. Эти образы выбраны не случайно, поскольку они подразумевали аналогию жертв на войне со Страстями и Воскресением Христа. «Оживут кости сия, изыдут мертвые из гробов» – как бы говорят вам ветхозаветные образы – символы Воскресения Спасителя. Стоя на возвышении, пророк простер поднятые руки над полем и по его слову кости движутся, слагаются, облакаются плотью, встают. Кажется, чуешь, видишь в картине движущую силу»⁵⁸. Дополнительные смыслы придают ветхозаветные изображения как прообраз будущего, как ступень к Новому завету. «Новый завет» – это то, что должно случиться после Крымской войны, а именно возрождение новой России: «Но вот прогремела несчастная, хотя и поэтически-геройская осада Севастополя. Общественное сознание, благодаря этой войне получившее изрядный толчок, встрепенулось. Поднялись новые запросы, началась впервые на Руси общественная переоценка ценностей. Сердце народа забило сильнее»⁵⁹. Идеей Воскресения проникнуто все внутреннее убранст-

---

⁵⁵ Быстряков И. Указ. соч. С. 27.

⁵⁶ Парский Д.П. Указ. соч. С. 33.

⁵⁷ Пономарев С. Указ. соч. С. 7.

⁵⁸ Там же. С. 8.

⁵⁹ Царь-Освободитель. К 25-летию мученической кончины // Нива. 1906. № 9. С. 138.

во, так, что «вам кажется, что всего приличнее было бы назвать храм сей храмом Воскресения»⁶⁰. На восточном фронте также была мозаичная роспись с мотивами Воскресения: св. жены-мироносицы, пришедшие ко гробу Христа. Идущие на смерть во имя Отечества солдаты, «поборники чести России», олицетворяли христианский подвиг самопожертвования: «каждый участник обороны забывал все узы, связывавшие его с этим миром, и помнил только долг, которому служил и телом и душою»⁶¹. Особое место в традиции почитания уделено матери солдата – «благородной Россиянке, с таким самоотвержением обрекавшая сына на смерть ради отечества»⁶². Джордж Моссе прав, когда на материале Первой мировой войны показывал, что женщины на полях сражений в качестве сестер милосердия превозносились, но, тем не менее, образ женщины на войне был пассивен. Идеалы мужества и проявленной в бою храбрости играли важную роль в мифе о войне, и принадлежали, прежде всего, солдатам и офицерам⁶³. В нашем контексте, очевидно, прослеживаются и христианские аллюзии, связанные с Марией, матерью Христа и ее Сыном. Таким образом, образ солдата обретал мессианские черты, поскольку миссия по спасению Отечества им была выполнена. Погибшие солдаты стали символом жертвы и новой жизни после своей физической смерти.

Образ самого города Севастополя был окружен героической и христианской символиками, неотделимыми друг от друга. Еще со времен Екатерины II город, расположенный на месте древнего Херсона (Корсуня), считался святыней России сам по себе благодаря памяти о крещении Святого Владимира и аллюзиями причастности к древней, классической античной культуре. Севастопольская оборона только добавила дополнительных смыслов, сделав его еще более «драгоценным и святым», «окрестив огнем, железом и кровью»⁶⁴, сформировав впечатление сказочно-геройского места⁶⁵. В России Севастополь обозначали не иначе

---

⁶⁰ Пономарев С. Указ. соч. С. 13.

⁶¹ Кладбища в Севастополе... С. 93.

⁶² Там же... С. 95.

⁶³ Mosse G.L. Fallen Soldiers... P. 61.

⁶⁴ Никатов В. Лайкович, безногий юнкер в Севастополе. Из воспоминаний бывшего севастопольского охотника. Изд. 3-е. СПб., 1897. С. 4; Н. Г. Зритель в Севастополе и два молодца. Патриотическое стихотворение из настоящей отечественной войны. СПб., 1855.

⁶⁵ Верещагин В.В. В Севастополе. М., 1900. С. 1.

как «алтарь отечества»⁶⁶, «святое место», «жертвенник», «кровавая купель России»⁶⁷, война – это «тайнодействие», а солдаты – «свидетели таинственного крещения, совершившегося над нами»⁶⁸. Библейские образы сопутствовали везде: «Местность наша это всероссийская гробница, и если южная сторона (Малахов курган) – ея названа Голгофой, то наша должна именоваться садом Иосифа Аримафейского, ибо жертвы Голгофы погребены здесь»⁶⁹. Погибшие защитники Севастополя в дореволюционной мифе о войне – это не просто герои, а, не много не мало, святые, которым «нечего боятся страшного суда, тем, которые бесчисленным сонмом покоятся невдалеке храма»⁷⁰, поскольку «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»⁷¹. Истинная слава, достойно заслуженная, есть та вселенская похвала, то признание «церкви», которое напоминает канонизацию святых. Ведь и при канонизации нет ничего кроме утверждения во славе. Героическая слава есть нечто священное, сродни религии⁷². За идеей жертвы («Страстями») должна следовать идея воскресения («Пасха») – обновление Отечества. Братское кладбище превратилось в место паломничества, усыпальницу национального мужества, которая стала символом возрождения и жизни после смерти.

В 1870 г. братское кладбище обнесли оградой из крымбальского камня⁷³ с двумя чугунными воротами, отлитыми из металла, собранного на бастионах и окрестностях; при них построили небольшие привратные башни, повторяющие форму увенчанного каменным крестом храма-пирамиды. У ворот были установлены по два орудия времен Крымской войны (не сохранились).

Внешний вид кладбища за полвека претерпел изменения: вместо деревянных крестов и каменных надмогильных плит ста-

---

⁶⁶ *Меньшиков М.* Письма к ближним. Секрет победы // Новое время. 1904. 1(14) февр.

⁶⁷ *Алабин П.* Севастопольский музей. СПб., 1869. С. 4.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Из Севастополя // Русский инвалид. 1903. 6 сент.; Продолжение известий о сестрах крестовоздвиженской общины попечения о раненых в Крыму // Морской сборник. 1855. № 4. С. 485.

⁷⁰ *Пономарев С.* Указ. соч. С. 15.

⁷¹ Евангелие от Иоанна, 15:13.

⁷² *Меньшиков М.* Указ. соч.

⁷³ Крымбальский камень – добываемый известняк, получивший название от Крымской (Георгиевской) балки в районе Мекензиевых гор и у мыса Фиолент.

ли устанавливать памятники, надгробия, часовни. Военные кладбища и памятники можно было легко определить по огромным крестам или классическим статуям, представляющими героическую смерть. Они стали священным местом новой городской религии⁷⁴. Кресты были разнообразных форм: трилистные, греческие, круглые, резные. Это традиционный символ напоминал как об искупительной жертве Христа, так и о личной жертве каждого погибшего воина.

Средства на благоустройство кладбища складывались из двух составляющих – «казенных» денег и пожертвований офицеров и солдат частей, принимавших участие в севастопольской обороне, а также гражданского населения. В процессе мемориализации любого военного конфликта боевые товарищи чувствуют долг и ответственность перед погибшими за увековечение памяти о них, родственники погибших ощущают невосполнимость потери близкого человека. Участие в коммеморации дает им возможность хотя бы отчасти получить сопереживание общества через признание символической значимости их утраты⁷⁵. Большой вклад в процесс мемориализации вносили частные лица. В 1874 г. у центрального входа на средства севастопольского купца П.И. Губонина по проекту архитектора К.Я. Маевского построили два жилых дома с элементами готической архитектуры, предназначенные для служителей – сторожей кладбища⁷⁶, которыми являлись ветераны обороны города, и иеромонаха⁷⁷.

После Крымской войны на братском кладбище продолжали хоронить умерших, но только по «высочайшему разрешению» императора. Так в свое время незадолго до своей смерти на этом кладбище пожелал быть похоронен отставной адмирал М.П. Саблин, участник обороны⁷⁸, на что было дано высочайшее разрешение. Это было символически очень важно и означало бы приобщение покойного к общей славе «великих побед». О желании быть похороненным именно на этом кладбище писали в завещании (например, так сделали С.А. Хрулев, М.Д. Горчаков). Таким образом,

---

⁷⁴ Mosse G.L. *Fallen Soldiers...* P. 32.

⁷⁵ Данилова Н. Мемориальная версия Афганской войны (1979–1989) // Память о войне 60 лет спустя. М., 2005. С. 268.

⁷⁶ Шавшин В.Г. *Каменная летопись Севастополя...* С. 157.

⁷⁷ Пономарев С. *Указ. соч.* С. 18.

⁷⁸ РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 2. Д. 886 (О погребении участников севастопольской обороны на братском кладбище в Севастополе). Л. 1.

к примеру, в 1873 г. установили памятник, выполненный в Италии, на могиле С.А. Хрулева (1807–1870), где написаны ставшие уже хрестоматийными слова: «Хрулеву – Россия» (скульптор памятника К.К. Серве-Годебский⁷⁹). На ставшем традиционным обеде севастопольцев 20 февраля 1871 г. было предложено установить памятник на могиле Хрулева. Памятник ему находился (и находится) слева при входе на братское кладбище, и представляет собой мраморную колонну высотой около 5 метров. Стилистика памятника отсылала к античным и классическим образцам: колонна, двуглавый орел с распростертыми крыльями, лавровая ветвь, щит. Надпись на памятнике была обращена к похороненным на кладбище солдатам: «К бессмертной славе за собой он благодетелей водил и с громкой славой боевой среди благодетелей почил. Пораздайтесь холмы погребальные, потеснитесь и Вы – благодетели, вот старатель Ваш пришел доказать Вам любовь свою, дабы видели все, что и в славных боях и в могильных рядах не отстал он от Вас. Сомкните же теснее ряды свои, храбрецы безпримерные, и героя Севастопольской битвы окружите дружнее в Вашей семейной могиле». Слово «благодетели» в приведенном тексте не является случайным: его очень любил использовать сам покойный генерал, так он обращался к нижним чинам и в беседах, и в боевом приказе.

Поскольку главные представители обороны были конструирующей частью мифа, то по личному желанию императора Александра III прах Э.И. Тотлебена (1818–1884), как представителя «славной обороны», из семейного склепа в Риге был перевезен в Севастополь на братское кладбище, где занял центральное место в 1890 году. Надгробие выполнено в эклектичном стиле, с использованием греческого креста; вход в гробницу также стилизован под древнегреческое надгробие. Основание бюста было выполнено в форме античного жертвенника.

За десять лет, после открытия подписки на благоустройство кладбища, к 1867 г., на Братском кладбище было поставлено 32 мраморных памятника над могилами офицеров (индивидуаль-

---

⁷⁹ Серве-Годебский Киприан Ксавериевич (1835–1909) – польский скульптор, почетный вольный общник Академии художеств, автор памятников великим представителям польской культуры: Н. Копернику и Я. Матейке в Кракове, А. Мицкевичу и С. Монюшко в Варшаве, а также создатель бюстов Т.Г. Шевченко, И.-С. Баха, Л. Бетховена, надгробий виолончелисту М.Ю. Виельгорскому, трагику В.В. Самойлову, поэту и писателю Теофилю Готье и др.

ные захоронения) и 34 памятника на братских могилах⁸⁰. Всего за дореволюционный период на братском кладбище насчитывалось около 500 братских могил, условно делящихся по своим надгробиям на 29 типов, и около 200 индивидуальных надгробий. До настоящего времени сохранились 427 братских могил и около 120 индивидуальных⁸¹. В путеводителях, как правило, упоминались из индивидуальных могил – Хрулева, Горчакова, Тотлебена, реже – Кумани, Кисленского, Максутова, Спицина, Мольского, Ставраки, Рейтлингера, Новикова и прочих⁸².

Индивидуальные могилы могли быть оформлены надгробиями в виде классических колонн из мрамора или известняка, часовни, стелы, обелиска, креста. На рубеже XVIII–XIX вв. в период новой египтомании, обелиски-надгробия, стелы, пирамиды становятся массовым материалом. Обелиск является погребальным символом, пограничным столбом между «миром этим» и «миром иным», именно это позволяет ему выполнять функцию надгробия⁸³. Надгробия в форме усеченной пирамиды отсылали к египетским гробницам мастабам, символам величия и вечности.

Новый тип надгробия, возникший в начале XIX в. и скоро ставший весьма популярным – надгробие-часовня⁸⁴. К нему относится надгробие на могиле М.Д. Горчакова (1793–1861) (автор – А.А. Авдеев, он же архитектор храма св. Николая на этом кладбище) в виде часовни из серого гранита высотой 9,8 метров, построенной на средства семьи князя. Внутри часовни находились (не сохранились) бюст покойного и мемориальная доска с надписью: «Князь Михаил Дмитриевич Горчаков, генерал от инфантерии, главнокомандующий Крымскою армиею в 1855–1856 гг. Тело покойного, по его желанию, погребено среди воинов, не допустивших врагов Отечества перейти за рубеж того места, где находятся их могилы»⁸⁵. В Европе такие часовни воздвигались, как правило, под семейные усыпальницы. В данном случае целое строение выстроено в память об одном человеке, представляя роль и масштаб его личности в истории войны. Быть похороненным на этом культовом месте означа-

---

⁸⁰ Поляков Г., Шавшин В. За веру и отечество. М., 1999. С. 90.

⁸¹ Шавшин В.Г. Каменная летопись Севастополя... С. 158.

⁸² Москвич Г. Указ. соч. С. 40.

⁸³ К семантике обелиска // Ревзин Г. Очерки по философии архитектурной формы. М., 2002. С. 68.

⁸⁴ Арьес Ф. Указ. соч. С. 434.

⁸⁵ Севастополь в кармане... С. 21.

ло находиться в постоянной связи с признанными героями обороны, связи, соединяющей живых и умерших.

Могилы офицеров находились в центре русского кладбища, по краям в братских могилах хоронили нижних чинов, что свидетельствует об иерархичности памяти. К 1870 г. было оформлено надгробиями около 200 братских могил. В 1870 г. Симферопольской инженерной дистанцией, располагавшейся в Севастополе, под руководством полковника К.Е. Геммельмана были разработаны 19 типовых проектов памятников на братских могилах. Таким образом, было положено начало созданию мемориального комплекса такого размера⁸⁶. В основном, были использованы классические архитектурные формы кладбищенской архитектуры:obelisk, пирамида (усеченная пирамида), саркофаг, жертвенник, стела, плита, крест. Саркофаги выполнены из цельных блоков известняка. Кресты могли быть нескольких видов: горизонтальный каменный георгиевский, горизонтальный каменный греческий, греческий крест с навершием.

В декоративном оформлении надгробий на братских могилах широко использована символика, олицетворяющая воинскую славу, доблесть, бессмертие – изображение кирки и лопаты, скрещенные кости, скрещенные горящие факелы, рожок и якорь, воинские венки с лентами, лавровые ветви⁸⁷. Кости символизировали смерть и воскресение, скрещенное оружие – героическую смерть в бою. В оформлении надгробий преобладали античные (римские и греческие) модели, египетские монументальные формы (пирамида – символ вечности), символизировавшие вечность, солдатское равенство, и соединение с природой. Истоки этих образцов следует искать в древневосточной традиции, где стелы с надписями и именами подтверждали централизованный характер власти, создавали ощущение единства общества (принадлежности системе) и массово тиражировали главную идею государства – подчинение и защиту⁸⁸.

В первой половине XIX в. появляется новый тип кладбищ – это кладбище-сад, отличное от церковных погостов или городских кладбищ, формировавшее иной образ смерти. Типичный пример – кладбище Пер-Лашэз (Père Lachaise) в Париже, выстроенное в нача-

---

⁸⁶ Веникеев Е.В. Севастополь и его окрестности. М., 1986. С. 96.

⁸⁷ Поляков Г., Шавшин В. Указ. соч. С. 83.

⁸⁸ Кондратова Н., Рыльева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Память о войне 60 лет спустя. М., 2005. С. 255.

ле XIX в. и задуманное как английский парк, где прекрасные памятники утопают в зелени кустов и деревьев⁸⁹. Гармоничная жизнь, которую должны были провести люди на земле, продолжалась в смерти. Смерть уже воспринималась не как «Смерть с косой», а как мирный сон в лоне природы. Организация таких кладбищ преобразовалась в вид пантеистической церкви, которая была создана для созерцания добродетели и достоинства. Связано это было с мемориальной традицией эпохи Просвещения, когда был распространен взгляд на смерть как гармонию в противовес ужасам, которые предстоят грешникам перед лицом смерти. Здесь смерть как будто бы становилась частью очаровательного пейзажа⁹⁰. Другая модель кладбищ называлась *rural cemetery*, получившая развитие в Северной Америке и Великобритании. На таких кладбищах пейзаж начинает преобладать над искусством, а пышные скульптурные надгробия уступают место скромным каменным плитам.

Братское кладбище в Севастополе синтезировало первую модель и самобытные особенности. С 1870 г. по 1875 г. высадили большое количество деревьев: каштаны, сирень, белую и желтую акации, миндаль, туи. Поступили они в Севастополь из Императорского Никитского ботанического сада и Одесского питомника⁹¹. К 1894 г. все кладбище было «засажено деревьями, кустарниками и цветами»⁹², а в 1908 г. братское кладбище представляло собой «густо заросший сад»⁹³, который окружала выжженная солнцем земля.

Для русского кладбища был характерен разброс могил в хаотичном расположении, что не позволяет говорить о какой-либо системности в организации. Кладбище имело форму неправильного восьмиугольника (около 130 сажень в ширину, около 85 – в длину и до 450 в окружности)⁹⁴, что также можно объяснить особенностями грунта и рельефа. Бессистемностью и иерархичной организацией пространства (делением на умерших 1 ранга, офицеров и нижних чинов) русский некрополь, именуясь «братским кладбищем», существенно отличался от примеров иностранных кладбищ. О «живописном беспорядке» дорожек между могилами

---

⁸⁹ Арьес Ф. Указ. соч. С. 431.

⁹⁰ Mosse G.L. *Fallen Soldiers...* P. 80.

⁹¹ Шавшин В.Г. *Каменная летопись Севастополя...* С. 158.

⁹² Головкинский Н. Указ. соч. С. 278.

⁹³ Все для приезжих. Практический путеводитель по Крыму... С. 51.

⁹⁴ Поляков Г., Шавшин В. Указ. соч. С. 90.

на русском кладбище писали путеводители, о строгости и простоте свидетельствуют сохранившиеся описания и фотографии.

Практика посещения мест сражений и кладбищ, разумеется, не была новым ритуалом в России. Православные верующие всегда посещали кладбища, где похоронены их умершие родственники или погибшие сослуживцы. Однако такие посещения зачастую были локализованы в определенные (праздничные) дни, и тем более, без экскурсий. Таким образом, практика посещения кладбищ приобрела иной характер – она перестала быть приватной, став частью образовательного процесса (как пример – регулярно проводимые экскурсии для гимназистов) и частью отрасли развлечений и туризма с издаваемыми многочисленными путеводителями. Публичное поминовение с внятно сформулированными его причинами (героизм защитников города) стало новой практикой после Крымской войны. Культ погибших героев, начав формироваться во время войны, окончательно обрел свою форму и масштабы в послевоенное время.

Культ павших героев-севастопольцев был необходим для оправдания и легитимизации целей, хода, средств и итогов войны. Опозиция мертвые-живые постепенно стиралась, а жертвы стали олицетворять скорее источник будущего возрождения, жизнь, а не смерть. Погибшие герои не исчезли, а продолжили выполнять миссию национального служения: «Представьте Нахимова, которого не сразила бы вражья пуля. Он остался бы героем, но сколько бы он пережил горя, видя гибель Севастополя и какой бы великой трагической черты лишился бы его облик, если бы он умер, ну, просто заслуженным членом адмиралтейского совета. Смерть – вообще благодетельница жизни – чаще всего она убирает испорченное и ненужное, если же поражает раньше дряхлости, то тем самым спасает от нее. Смерть спасает героев от погружения вновь в обстановку низкую, полную компромиссов»⁹⁵. Это не просто мнение отдельного пессимиста, а концентрированное отражение текущего восприятия смерти и погибших героев в условиях текущей войны: героями становятся после смерти. Смерть на войне стала священной, сам феномен смерти получил новое измерение.

Культ погибших севастопольцев был основополагающим элементом мифа о войне 1853–1856 гг. В погибших героях обнаружива-

---

⁹⁵ *Меньшиков М.* Указ. соч.

ли оправдание и утешение. К памяти о них прибегали, когда было необходимо вспомнить о героическом прошлом. Память о погибших адмиралах, генералах, солдатах, матросах и даже затопленных кораблях служила способом легитимации политики России в прошлом и настоящем, средством оправдания целей, хода, жертв войны. Места сражений и захоронений превратились в места памяти, священность которых стала бесспорной наряду с жертвами войны.

БИОГРАФИКА

УДК 303.446.4(437.2)+929Бочек

ЯРКАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ (Антонин Бочек и его труды по истории Моравии)

А.А. Лебедева

Саратовский государственный университет,
кафедра истории Средних веков
E-mail: Lebedevaannas@mail.ru

В данной статье анализируется личность и деятельность великого патриота и главного историографа Моравии – Антонина Бочека. Прослеживается тесная связь научной деятельности Бочека с духовной атмосферой времени – эпохой Романтизма.

Ключевые слова: Антонин Бочек, Моравия, архивная деятельность, фальсификация документов.

THE OUTSTANDING CHAPTER IN HISTORY OF SLAVONIC NATIONAL REVIVAL (Antonin Bocek and his Moravia history researches)

A.A. Lebedeva

The article examines the personality and activity of Antonin Bocek, who was the great patriot and the main historiographer of Moravia. The purpose of the scientific research is to show the close connection between the Bocek's scientific work and spiritual atmosphere of the Romantic Era.

Key words: Antonin Bocek, Moravia, archival work, falsification of documents.

Антонин Бочек представляет собой яркую фигуру эпохи моравского национального возрождения – важной составной части славянского национального возрождения, которое, со своей стороны, является одним из наиболее значимых по своим историческим последствиям явлений духовной жизни Европы первой половины XIX века.

Долгое время история моравского национального возрождения оставалась за пределами внимания исследователей. Причина того в том, что моравское возрождение не увенчалось созданием

национального государства со всеми его атрибутами, включая национальные университеты и академические учреждения. В конечном счёте, более жизнеспособным оказался иной подход: Моравия - органическая часть Чехии. Подобную точку зрения разделял уроженец Моравии, основоположник чешской исторической науки Франтишек Палацкий. Так, в 1848 г. в свет выходит его труд, уже само название которого не оставляет сомнений относительно представлений автора о будущем Моравии¹.

Иного мнения придерживался современник и земляк Ф. Палацкого Антонин Бочек. Влюблённый в свою родину, надеясь в будущем на обретение Моравией государственной независимости, он сделал главным делом своей жизни изучение истории родного края. На этом пути А. Бочек добился колоссальных успехов, его имя вписано в историю исторической науки и литературы.

Поскольку творчество А. Боцека почти не известно в современной России, в данной статье предпринимается попытка проследить его жизненный путь, раскрыть многогранность его личности, описать историю создания одной из самых нашумевших в исторической науке XIX в. книг - сборника документов по истории Моравии, вокруг которого до сих пор не утихают споры.

Антонин Бочек родился 20 мая 1802 г. в Быстрице над Пернштейном в семье зажиточных ремесленников. Во многом благодаря семейному достатку он получил хорошее образование, обучаясь в гимназиях Тешина, Зноймо и Брно. По окончании гимназий пылкий юноша не остановился на достигнутом и занялся самообразованием. Его особенно привлекала философия, которую он принялся усердно изучать сначала в Литомышле, а затем снова в Брно. С 1822 по 1824 гг. он изучал право в Венском университете. В 1824 г. Антонину Боцеку представилась возможность заняться учительским трудом в Брно. Но и здесь он надолго не задерживается. С 1826 г. он становится воспитателем и домашним учителем в семье графов Митровских.

Возвращение на родину способствовало ещё большему пробуждению интереса Боцека к истории Моравии, а жизнь в замке, овеянном романтикой средневековой истории, прогулки по живописным окрестностям предоставляли широкие возможности для

---

¹ См., напр.: *Palacký F. Dějiny národy českého v Čechách a v Morave. Praha, 1848.*

чтения и размышлений. Здесь он написал свою первую книгу – историю замка Пернштейн.

Стремление глубже изучить моравское прошлое привело Бочека в архивы. Впервые доступ к архивным материалам он получил в 1828 г., поступив на службу в архив Моравско-Силезской губернии. На этом этапе работа в архиве заключалась в сборе исторического фактического материала о 59 моравских монастырях, исчезнувших во время бурных событий минувших веков. Именно этот временной промежуток жизни Бочека занимает, по нашему мнению, ключевое место в его творческой биографии. Здесь он впервые знакомится с теми источниками, которые впоследствии лягут в основу его книг.

Бочек был ярким представителем историографии эпохи романтизма, когда историческая наука тесно переплеталась с искусством. Отметим, что Бочек наряду с архивными изысканиями с увлечением занимался поэзией и достаточно преуспел на этом поприще.

Сочетание научных исследований и художественного творчества было характерной чертой чешского национального возрождения. Современник Бочека, создатель сборника документов по средневековой истории Чехии и Моравии, Карл Яромир Эрбен, также писал замечательные стихи, в том числе и о чешском национальном духе². Чешский писатель, автор многочисленных поэм и пьес, редактор газетных изданий - Йозеф Линда, считается одним из создателей Краледворской и Зеленогорской рукописей³. В исторической науке принято считать, что наряду с Й. Линдой активное участие в создании и дальнейшей судьбе рукописей принимал деятель чешского национального возрождения, филолог и поэт, автор гимна Моравии – Вацлав Ганка. В этой череде имён Антонин Бочек занимает далеко не последнее место. Его писательская деятельность получила признание в 1831 г., когда он стал профессором чешского языка и литературы в Оломоуце. Как человека многогранных взглядов и увлечений его характеризует тот факт, что он был автором либретто к

---

² Подр. см.: *Галямичев А.Н.* История и поэзия в творчестве К.Я. Эрбена // Проблемы становления гармоничной личности. Балашов, 2000. С. 142–144.

³ См.: *Лантева Л.П.* Краледворская и Зеленогорская рукописи // *Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора.* М., 2002; *Кузнецова Р.Р.* История чешской литературы. М., 1987.

популярной опере о Белой Леди, поставленной в 1832 году⁴. Сюжет истории о Белой Леди, (призраке, обитавшем в замке Пернштейна) был основан на народных преданиях, хранивших память о реальных исторических событиях. Исторический материал, по всей видимости, был собран еще в конце 20-х гг. во время работы в семье Митровских, когда одним из занятий Бочека являлось написание истории замка Пернштейн. Опера была тепло принята зрителями и с успехом прошла в театрах Брно и Оломоуца.

Однако главной заслугой Антонина Бочека остается издание собрания памятников моравской истории «*Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae*». Изданию этого сборника предшествовало несколько важных событий. Во-первых, уже в 1836 г. в Оломоуце под редакцией Бочека и при финансовой поддержке семьи Митровских вышел первый том этой работы. Во-вторых, в июне следующего года по приказу императора Фердинанда I Антонин Бочек был назначен на должность моравского государственного историографа. Это назначение сыграло очень важную роль в судьбе издания. С этого момента Бочек, как глава архива и вместе с тем государственный историограф, сочетал неограниченную возможность доступа к архивным материалам с возможностью в некоторых случаях по своему усмотрению кое-что в истории приукрасить.

Для того чтобы должным образом оценить труд Бочека по изданию моравских памятников, необходимо вспомнить о том, что поворот к разысканию и публикации источников стал одной из важнейших черт развития исторической науки первой половины XIX в., выдвинувший лозунг «*Ad fontes!*»⁵. С 1826 г. стали выходить в свет первые тома грандиозного собрания «*Monumenta Germaniae historica*», сыгравшего огромную роль не только в развитии исторической науки, но и в развитии немецкого национального самосознания⁶.

Благодаря удачному стечению обстоятельств Антонин Бочек получил возможность со всей основательностью приняться за столь важную работу. С 1836 г. по 1846 г. им были изданы пять томов письменных источников по истории Моравии. Четыре последних

---

⁴ Об этой стороне деятельности А. Бочека см.: URL: <http://dlib.lib.cas.cz/4630> (дата обращения: 06.09.2011).

⁵ См.: История исторического знания / под ред. Репиной Л.П., Зверевой В.В., Парамоновой М.Ю. М., 2004.

⁶ Подр. см.: Мэртль К. *Monumenta Germaniae historica*: взгляд изнутри // Средние века. М., 1995. Вып. 58.

тома были отпечатаны в то время, когда Бочек занимал должность земского архивариуса.

На страницах этого собрания впервые увидели свет многие памятники моравской истории. Определяя содержание томов, Бочек стремился наиболее подробно представить самые славные страницы истории Моравии. Много внимания Бочек уделял миссии Кирилла и Мефодия в Великую Моравию, а также истории этого могущественного средневекового государства. На страницах издания нашли отражение как источники доколониационного, славянского периода развития Моравии, так и времени немецкого заселения этих земель. Значительная часть источников касалась городской истории Моравии, в большей мере таких крупных городов как Брно и Оломоуц.

С выходом каждого нового тома «*Codex diplomaticus et epistolaris Moraviae*» признание читателей все возрастало, книга встречала теплый прием. Она быстро вводилась в научный оборот, широко использовалась и приобретала международную известность⁷. Таким образом, Бочек довольно быстро прославился и получил признание.

Но помимо хвалы, это издание вызвало и хулу. Вторая половина XIX в. была ознаменована торжеством методологии позитивизма в исторической науке. В это время, историки, вооружившись знаниями вспомогательных исторических дисциплин, в совокупности с методом критического анализа пришли к выводу, что немалая часть опубликованных Бочеком документов представляет собой подделки. Естественным последствием разоблачения для Бочека стало резкое падение его авторитета. С этого времени дурным тоном было ссылаться на некогда авторитетное издание. Настроения, которые имели место в Европе, коснулись и российских историков. Так, А.Н. Ясинский в 1895 г. пишет о «Кодексе Бочека»: «Это издание имело в виду только грамоты моравские, <...> кроме того, оно не отличалось научными достоинствами и вообще устарело»⁸.

Наибольшее возмущение у историков вызывала та часть источников, которая касалась времени монголо-татарского нашествия

---

⁷ Источники, содержащиеся в сборнике, издаваемом А. Бочеком, были заимствованы К.Я. Эрбеном и опубликованы в «*Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae*» (Pragae, 1855).

⁸ Ясинский А.Н. Падение земского строя в Чешском государстве (X–XIII вв.). Киев, 1865. С. 32.

вия на Моравию. В данном случае имя Антонина Бочека было поставлено в один ряд с другими фальсификаторами – В. Ганкой и Й. Линдой. Как и в Краледворской рукописи, на страницах «Кодекса Бочека» находится упоминание о битве 1241 г. при Оломоуце, в которой непобедимая монголо-татарская армия потерпела поражение от чехов. После громкого разоблачения рукописи, выполненной В. Ганкой и Й. Линдой, и признания ее подделкой, сведения, опубликованные Бочеком также стали подвергаться большому сомнению. Таким образом, исследователи пришли к выводу, что битва при Оломоуце была выдумкой, мифом.

В XX в. оценка деятельности Антонина Бочека стала постепенно меняться. Фигура Бочека стала резонно рассматриваться в контексте реалий времени, на которое приходилась его активная деятельность – он был истинным сыном своего века, породившего множество литературных фальсификаций⁹. После Второй мировой войны выяснилось, что в некоторых случаях Бочек лишь «подправлял» отдельные подлинные грамоты так, чтобы придать тем или иным фактам больший калорит или значение.

Одним из сторонников такой точки зрения является чешский историк Иржи Прохазка. Им были тщательно проанализированы источники, имеющие отношение к моравским городским центрам Брно и Оломоуц. По результатам исторического, лингвистического и топографического анализа, И. Прохазка приходит к выводу, что никаких оснований для сомнения в опубликованных Бочеком данных, по крайней мере, касающихся Брно и Оломоуца, не должно возникать. Это также отчасти подтверждается результатами археологических раскопок¹⁰.

Согласно документам, опубликованным Бочеком, в 863 г. в Оломоуце был освящен самым апостолом Кириллом храм

---

⁹ Помимо Краледворской и Зеленогорской рукописей в число литературных подделок XIX в. также можно вспомнить «Поэмы Оссиана», кельтского барда III в., опубликованные Джеймсом Макферсоном, а также сочиненный П. Мериме сборник «Гузлы», выданный за произведения сербского фольклора. 11 песен из этого сборника были переведены А.С. Пушкиным на русский язык и изданы под названием «Песни западных славян». Со спором о чешских рукописях перекликается спор о подлинности «Слова о полку Игореве».

¹⁰ *Procházka J. Kniha a interpretace (Ke 200. výročí narození moravského historioграфа Antonína Bočka) // URL: <http://www.vkol.cz/cs/aktivity/konference-a-odborna-setkani/11--rocnik-odborne-konference/clanek/kniha-a-interpretace> (дата обращения: 06.09.2011).*

св. Петра¹¹. Существование этого храма прослеживается на страницах «Кодекса Бочека» и дальше. Здесь находятся упоминания, что во времена правления Святополка (874–885) указанный храм по-прежнему оставался действующим¹². Следующей временной точкой, значение которой невозможно переоценить для дальнейшего развития города, является 1063 г. – год основания новой церковной епархии, а именно Оломоуцкого епископства.

Первый источник, относящийся к истории города Брно, опубликованный Бочеком, датируется 884 годом¹³. Из этого источника известно, что в этом году архиепископом Мефодием была освещена церковь святых Петра и Павла. Отсюда мы также узнаем, что указанная церковь существовала и в середине IX в. во время правления моравского князя Моймира¹⁴.

В достоверности этих событиях городской истории Моравии эпохи раннего средневековья нет никаких сомнений, все они нашли косвенное подтверждение среди фондов архивов и в источниках не моравского происхождения. Найдено также объяснение столь немногочисленных сведений по истории Брно, в сравнении с данными по Оломоуцу. Это было следствием Тридцатилетней войны. В результате разрушительного пожара 1643 г., во время осады города шведскими войсками было уничтожено значительное количество документов.

Сегодня, так же как и в предшествующее время, нельзя окончательно ставить точку в деле изучения деятельности Антонина Бочека. Совершенно очевидным является одно – его личность представляет собой незаурядное явление в исторической науке и художественной культуре XIX столетия. Своими стараниями он стремился способствовать увеличению самобытности моравской культуры и языка. История жизни и деятельности Антонина Бочека во многом поучительна и позволяет проследить своеобразные пути развития исторической памяти.

---

¹¹ Codex diplomaticus et epistolaris Moravia. Studio et opera Antonii Boczek. Olomucii, 1836. T. I. (396–1199). S. 32.

¹² Ibid. S. 49–50.

¹³ Ibid. S. 47.

¹⁴ Ibid. S. 136–137.

УДК 94(470.44)«18»

УЧАСТИЕ В КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОМ ОБЩЕСТВЕ И САРАТОВСКАЯ ССЫЛКА Н.И. КОСТОМАРОВА

Т.П. Малютина

Воронежский государственный аграрный университет
им. Императора Петра I,
кафедра истории Отечества и философии
E-mail: chal.04@mail.ru

В статье рассматривается проблема участия известного историка Н.И. Костомарова в тайном Кирилло-Мефодиевском обществе (1845–1847). Анализируются его политические взгляды той поры. Дается подробное описание его ареста, нахождения в заключении и в Саратовской ссылке. Саратовская ссылка была важным периодом в жизни Н.И. Костомарова. Там он знакомится с местной интеллигенцией, занимается сбором народных песен, не прекращает научные изыскания.

Ключевые слова: Н.И. Костомаров, Кирилло-Мефодиевское общество, идея славянской федерации, саратовская ссылка, Н.Г. Чернышевский, «Саратовские губернские ведомости», Саратовский статистический комитет.

N.I. KOSTOMAROV IN THE SECRET CYRIL-METHODIAN SOCIETY AND SARATOV EXILE

T.P. Malutina

The article is devoted to the problem of N.I. Kostomarov's participation in the secret Cyril-Methodian society (1845–1847) N.I. Kostomarov was a famous, prolific historian. The author gives the detail description of his arrest, imprisonment and Saratov exile. Saratov exile was the important part of Kostomarov's life. In Saratov he cultivated the friendship of the local intelligentsia, collected the folk-songs and continued his scholarly scientific work.

Key words: N.I. Kostomarov, Cyril-Methodian society, idea of Slavic federation, Saratov exile, N.G. Chernyshevsky, «Saratov Provincial News» («Saratovskie gubernskie vedomosti») Saratov Statistical Committee.

В марте 1847 г. интеллигенция Киева была ошеломлена. За участие в тайном Кирилло-Мефодиевском обществе арестовали известных в городе людей: чиновника канцелярии Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора Н.И. Гулака, ученого и педагога В.М. Белозерского, поэта и художника Т.Г. Шевченко, историка Н.И. Костомарова.

Несмотря на серьезное увлечение историей, Н.И. Костомаров никогда не был пассивным созерцателем своего времени. Он жил в гуще политических событий, стремился содействовать общественному развитию, отстаивал свои взгляды и убеждения, даже расходившиеся с официальной позицией властей. Не случайно историк оказался одним из организаторов тайного Кирилло-Мефодиевского киевского братства (1845–1847).

Члены этого общества выступали против крепостного права и за учреждение в России республики. Их целью было повсеместное распространение грамотности, потому они и назвали свою организацию в честь первоучителей славянства.

Кирилло-мефодиевцы считали, что славянам необходимо стремиться к духовному и политическому соединению. При этом соединении «каждое славянское племя должно иметь самостоятельность и народное правление при совершенном равенстве сограждан»¹. Условия участия в народном правлении – «образованность и чистая нравственность». Образ жизни во всех сферах должен основываться на христианской религии.

Свои идеи члены тайного братства планировали распространять через воспитание юношества. Они отрицали насилие, несовместимое с духом христианской морали. Подчеркивалось, что положение: «цель освящает средство» общество признает безбожным»².

Тайное братство, просуществовавшее около полутора лет, было раскрыто по доносу студента Киевского университета А.М. Петрова.

Важной уликой против Костомарова оказалась найденная у него «Книга бытия украинского народа». Ее литературная форма и схема изложения материала напрямую перекликалась с произведением Адама Мицкевича «Книга польского народа и странствования польского». Следствие признало истинной несколько туманную и расплывчатую версию историка о том, что эту рукопись он «списал за несколько лет перед сим единственно по страсти иметь редкости у находившегося в Харькове Хмельницкого, который служил в Кавказском корпусе, а потом уехал, кажется, в Петербург»³. В решении судебного дела Костомаров обвинялся не как автор, но «как давший ход преступной рукописи»⁴. Возможно, следователи ограничились подобной мягкой формули-

---

¹ Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 т. Київ, 1990. Т. 1. С. 150.

² Там же. С. 151.

³ Там же. Т. 3. С. 363.

⁴ Там же. Т. 1. С. 69.

ровкой в обвинении, не желая привлекать жестокими расправами (ведь автора крамольного документа действительно пришлось бы сурово наказать) внимание общества к делу тайного братства. Возможно также, следователи учли, что автором идей, вложенных в рукопись, являлся явно не один Костомаров. В книге четко прослеживаются мысли Т.Г. Шевченко, Н.И. Гулака. Н.И. Костомаров смог обобщить и воплотить их в литературно-художественной форме, уточнить и расширить на основе собственных представлений о ходе мировой истории.

«Книга бытия украинского народа» в доступном для широких народных масс, библейском стиле излагала взгляд автора (или авторов?) на историю от сотворения мира до современных событий. Более того, содержала в завуалированной форме призыв к «братьям-славянам» объединиться, сбросить царскую власть и ликвидировать общественное неравенство.

История Украины, изложенная рукой Костомарова, представлялась своеобразным апогеем мировой истории. Украинцы как бы перенимают от первых «исторических народов» (евреев и древних греков), через романцев, немцев и славян миссию исполнения великого замысла Божьего – организовать жизнь общества на принципах равенства и свободы, лежащих в основе христианских заповедей. Идеалом мирового общественно-политического развития в рукописи представлено украинское казачество⁵.

К рассмотрению дела о Кирилло-Мефодиевском обществе, а также связанных с ним проблемах славянофильства и украинофильства правительство Российского государства отнеслось со всей серьезностью.

Сам термин «украинофильство», созданный по образцу ставшего к середине XIX в. привычным «славянофильства», впервые появляется в официальных документах именно в связи с расследованием дела тайного киевского братства. Костомаров на допросе объяснил это понятие так: «Украинофильство есть привязанность весьма малого числа малороссиян к своей народности, происшедшая от того, что эта народность гаснет, народ меняет свой язык на русский, а известно, когда исчезает народность, всегда является в пользу ее агоническое движение»⁶.

---

⁵ Костомаров М.И. Закон Божий (книга буття українського народу). Київ, 1991. С. 24.

⁶ Кирило-Мефодіївське товариство... Т. 1. С. 298.

Несмотря на то, что славянофильство, как общественно-политическое течение, стояло в оппозиции правительственной идеологии, рассматривая дело о Кирилло-Мефодиевском обществе, в проекте доклада Николаю I шеф жандармов, граф А.Ф. Орлов писал: «Славянофилы, занимающиеся утверждением в отечестве нашем языка, нравов и образа мыслей собственно русских, очищением нашей народности от излишних примесей иноземного в высшей степени полезны: они суть двигатели в государстве, орудия самостоятельности и могущества его, так что правительство должно пользоваться ими и поощрять тех, которые действуют в истинно русском духе»⁷.

В секретном докладе Николаю I от 26 мая 1847 г. он замечал, что «В Киеве и Малороссии славянофильство превращается в украинофильство. Там молодые люди с идеею соединения славян соединяют мысли о восстановлении языка, литературы и нравов Малороссии <...>. Все они не заговорщики, не злоумышленники, и увлекаются только <...> пылкой любовью к своей родине <...>. Но даже от чувств хороших могут впоследствии возникать важные государственные преступления». А.Ф. Орлов подчеркивал, что для империи украинофильство опаснее славянофильства.

Реакцией правительства на появление украинофильских идей стало дальнейшее уточнение и развитие теории «официальной народности». Активно распространяется и пропагандируется идея «большой русской нации».

В циркуляре министра народного просвещения графа С.С. Уварова попечителю Московского учебного округа говорилось: «Искомое начало народное и не славяно-русское, а чисто русское, непоколебимое в своем основании – собственно наша народность»⁸. «Не славнее ли для нас, – риторически вопрошал министр в циркуляре Харьковскому университету, – всякого частного и дробного наименования имя русского»⁹.

Правительство Николая I делало упор на расширение понятия «русские». Русским становилось все славянское население империи за исключением поляков. Полякам, по мнению С.С. Уварова, над-

---

⁷ Кирило-Мефодіївське товариство... Т. 3. С. 307.

⁸ Там же. С. 312.

⁹ Там же. С. 314.

лежало «внушить сознание первенства России между славянскими народами»¹⁰.

Официально за участие и идейную близость к Кирилло-Мефодиевскому братству понесли наказание в административном порядке десять человек. Наиболее суровая кара постигла Н.И. Гулака (трехгодичное заключение в Шлиссельбургской крепости и последующая ссылка в «отдаленную губернию под строжайший надзор»), Т.Г. Шевченко (определение рядовым в Отдельный оренбургский корпус «с правом выслуги под строжайший надзор, с запрещением писать и рисовать») и Н.И. Костомарова¹¹.

В отличие от обществ декабристов, среди членов братства не было представителей крупных аристократических родов. В него входили ученые, литераторы, дети средних и мелких землевладельцев. Казалось бы, это могло повлиять на определение более суровой меры наказания, однако этого не произошло.

Причин тому на основе следственных материалов видится несколько: во-первых, отсутствие реально ощутимого вреда, нанесенного тайным братством внутренней и внешней политике империи, а также глубокое убеждение членов общества в недопустимости революции и кровопролития. В делах следствия отмечено: учредители общества «по самому положению ученых людей в свете, конечно, были бы не в состоянии ни вовлечь в свое общество военных или народ, ни сделаться скорою причиною восстания. Но вред от них, мог произойти медленный и тем более опасный. Быв при воспитании юношества, они имели случай посеять в возрастающем поколении испорченность и готовить будущие неурядицы <...>. Но цель украино-славянистов при таких средствах была бы достигнута не прежде, как через сотни или тысячи лет (это их собственные слова) <...>. К счастью, зло еще не созрело, частью уничтожилось само собою, а остальное предотвращено распоряжениями правительства»¹².

Могло сыграть свою роль и искреннее раскаяние членов братства, их возраст и немногочисленный состав. Горячностью и увлеченностью молодости пытается оправдать себя на допросах В.М. Белозерский. (В 1847 г. ему исполнилось 22 года, Н.И. Гулаку –

---

¹⁰ Цит. по: *Горизонтов Л.Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // *Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности.* М., 2001. № 3. С. 138.

¹¹ Кирило-Мефодіївське товариство... Т. 3. С. 378.

¹² Там же. Т. 1. С. 65, 68.

26 лет, Н.И. Костомарову – 30). Раскаиваясь в своих заблуждениях, Белозерский в показаниях запишет: «Мы несчастливы тем, что сделались известны как преступники...»¹³.

Кроме того, власти не хотели лишней раз привлечь общественное внимание к проблемам, затронутым братчиками. Поэтому «было бы удобнее подвергнуть их наказанию без суда, но не сохраняя в тайне решения дела, дабы всем известно было, какую участь приготовили себе те, которые занимались славянством в духе, противном правительству»¹⁴.

К аресту и последующим допросам Н.И. Костомаров оказался не готов. «Я едва успел подойти к матери, поцеловать ее оледеневшую от страха руку и сказал: «прощайте», – вспоминает историк¹⁵. Удар, обрушившийся на него, прервал предсвадебные хлопоты: уже были заплачены деньги за освещение церкви во время венчания, велся поиск подходящей усадьбы для летнего отдыха и трудов. Историк даже не подозревал о том, что свадьба с любимой отложится на 28 лет.

В своих первых показаниях он часто путался и ошибался, что не прошло незамеченным для следователей¹⁶. Арест оказался настолько большим потрясением для историка, что состоящий при штабе корпуса жандармов лекарь Шпис даже отметил у него «признаки помешательства ума»¹⁷.

Почувствовав себя лучше, Костомаров пишет признание, в котором настаивает на том, что общество не несло в себе угрозы «для потрясения или нарушения существующего порядка»¹⁸.

Первое свидание Т.П. Костомаровой с арестованным сыном в своих воспоминаниях описывает сестра В.М. Белозерского и жена П.А. Кулиша Александра Михайловна Кулиш: «Мы явились вместе <...> для свидания с теми, кто был для нас всего дороже на свете. В первый раз мы пришли трепетные с просьбой дозволить нам повидаться <...>. Слабым и дрожащим голосом первая доложила о своем желании мать Костомарова <...>. Вскоре появился Николай Иванович Костомаров, бледный, совершенно расстроен-

---

¹³ Кирило-Мефодіївське товариство... Т. 3. С. 358.

¹⁴ Там же. Т. 1. С. 68.

¹⁵ *Костомаров Н.И.* Автобиография // Автобиография. Бунт Стеньки Разина. Киев, 1992. С. 139.

¹⁶ Кирило-Мефодіївське товариство... Т. 3. С. 354.

¹⁷ Там же. С. 361.

¹⁸ Там же. Т. 1. С. 297.

ный. Одежда его и все остальное сжало мое сердце. Пришел, поцеловал руку матери. Разговору не было слышно <...>. Всего одну четверть часа свиданья дозволили Татьяне Петровне с сыном»¹⁹.

Приговор был вынесен Н.И. Костомарову 30 мая 1847 г. В нем говорилось: «Высочайше утвержденным решением определено Костомарова, хотя впоследствии откровенно сознавшегося, но тем более виновного, что он был старше всех по летам, а по званию профессора обязан был отвращать молодых людей от дурного направления, заключить в Алексеевский равелин на один год и потом отправить на службу в Вятку, но никак не по ученой части, с учреждением за ним строжайшего надзора; изданные же им под псевдонимом Иеремии Галки сочинения «Украинские баллады» и «Вітка» воспретить и изъять из продажи»²⁰.

В то же время Николаем I было определено «выплачивать жалование Костомарова его матери во время его заключения в крепости. Невесте Костомарова дать 300 рублей серебром на обратный путь в Киев»²¹.

Когда Н.И. Костомарову объявили это высочайшее решение, он, согласно записям канцелярии III Отделения, «залился слезами и, упав на колена, воссылал мольбы о его императорском величестве, выражая неограниченную благодарность. Между прочим он сказал, что в иностранных государствах за столь важное преступление поступили бы по точной букве закона, а ему милосердием государя дарована еще возможность загладить свое преступление будущею усердною службою»²².

Если запись в журнале следствия соответствовала действительности, то возникает вопрос: насколько искренен был Костомаров, ведя себя подобным образом? Действительно ли он раскаивался в неосторожности своих историко-политических суждений, чувствовал за собой вину? Вопрос этот тем более интересен, что позже в письме к издателю «Колокола» Н.И. Костомаров категорически отрицает существование тайного братства, замечая, что «с мыслью об обществе не соединялось намерение основать так называемое тайное общество <...>. Можно ли было за это обвинить и карать, да еще как и как долго?! Но что невозможно для простых людей,

---

¹⁹ Кулиш А. Несколько встреч с Н.И. Костомаровым // Киевская старина. 1885. № 6. С. 260.

²⁰ Кирило-Мефодіївське товариство... Т. 1. С. 295.

²¹ Там же. С. 74.

²² Там же. С. 308–309.

для Дуббеля было возможно. Он тотчас увидел, что тут есть готовый материал, чтоб представить дело так, будто бы открыто существующее тайное политическое общество именем Украино Славянского!.. Николай Павлович, человек формы, давал больше значения противным ему идеям, когда они были облечены в формальность, поэтому уничтожить общество в его глазах представлялось великой заслугой; следовательно, Дуббельт мог надеяться высочайшей награды и благоволения»²³. Таким образом, даже если в 1847 г. Костомаров искренно «выражает неограниченную благодарность» государю за проявленное милосердие, то уже в 1860 г. высказывает сомнение в справедливости назначения столь суровой меры наказания.

Историк оказывается в Алексеевском рavelине Петропавловской крепости. Годом позже там суждено отбыть наказание и студенту А.М. Петрову, по доносу которого были арестованы члены Кирилло-Мефодиевского братства. В мае 1847 г. его берут на службу в III Отделение, а в марте 1849-го за кражу документов он попадает в рavelин²⁴.

В своих воспоминаниях Петров запишет: «И вот живой человек в гробу!.. Квадратная комната аршин восемь во все стороны, наполовину в земле, никогда не просыхающая; в самые жаркие дни петербургского лета ее стены покрыты мохом и какими-то слизистыми отложениями, зимою же она украшается блестками инея; вечная угарная печь, кровать, стол и стул деревянные, все же остальное камень, толстый, массивный, несокрушимый камень». Судьба наказала Петрова строже, чем Костомарова – он даже не знал точного срока своего тюремного заключения²⁵.

Для Н.И. Костомарова режим в крепости был сравнительно щадящим: историка еженедельно посещала мать. Татьяна Петровна прожила в Петербурге целый год, «не пропуская ни одного дозволенного свидания с ним в крепости и в III-м отделении, доставляла ему требуемые им книги, что, по ее словам, стоило ей подчас не малого труда, потому что книги были, большею частью,

---

²³ Костомаров Н.И. Письмо к издателю «Колокола» // Костомаров Н.И. Казаки. М., 1995. С. 408–409.

²⁴ Кирилло-Мефодіївське товариство... Т. 1. С. 468.

²⁵ Петров А.М. Из далекого прошлого. Поправка к рассказу Н.И. Костомарова // Звенья. Сб. материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIX века. М.; Л., 1935. С. 321.

на иностранных, совершенно неизвестных для нее языках», – вспоминает Н.А. Белозерская²⁶.

Костомарову было разрешено писать, но только карандашом. До болезни в феврале 1848 г. он изучал греческий и итальянский языки. Головная боль и слуховые галлюцинации заставили его отказаться от занятий. Пытаясь вылечить, он предпринял «гидропатическое лечение холодной водой», во время прогулок раздевался и становился под водосточный желоб.

К весне ему стало лучше. Кроме того, приближался срок окончания годичного заключения – 30 мая 1848 года.

Стараниями Татьяны Петровны местом ссылки стал Саратов. Все усилия она прилагала для того, чтобы облегчить участь единственному сыну, арест которого стал для нее настоящей трагедией.

Когда Н.И. Костомаров еще находился в заключении, его мать 18 октября 1847 г. возбудила ходатайство о том, чтобы его досрочно освободили и разрешили ехать в Крым для лечения. 23 октября начальник штаба Отдельного жандармского корпуса Л.В. Дубельт отвечает ей, что шеф жандармов А.Ф. Орлов не считает возможным удовлетворить ее просьбу. 2 декабря 1847 г. и 14 января 1848 г. Татьяна Петровна снова обращается с просьбами о досрочном освобождении сына. Но резолюция Дубельта кратка и не оставляет надежд: «нет». 25 мая она снова направляет письмо Орлову с просьбой заменить Вятку (место ссылки Костомарова, определенное лично Николаем I) Симферополем. 28 мая Дубельт предлагает Орлову отправить Костомарова, «если невозможно в Крым, то в Саратов. Последний город тем удобнее для его местожительства, что туда переезжает с родителями своими невеста его девица Крагельская»²⁷. Но ни Алина Крагельская, ни ее родители в Саратов ехать не собирались. Алина – так как от нее «тщательно скрывалось, что место ссылки для Николая Ивановича было изменено»²⁸, родители – из-за того, что не хотели видеть зятем политического ссыльного.

Резолюция Орлова на запрос Дубельта была такова: «Согласен, тем более что ты сам увидишь, что государь император при

---

²⁶ Белозерская Н.А. Николай Иванович Костомаров в 1857–1875 гг. // Русская старина. 1886. № 6. С. 626.

²⁷ Кирило-Мефодіївське товариство... Т. 1. С. 316–321.

²⁸ Костомарова А.Л. Н.И. Костомаров // Костомаров Н.И. Автобиография. М., 1922. С. 65.

моем докладе о желании его, Костомарова, быть в теплом климате изволил сам назвать Саратов»²⁹.

11 июня 1848 г. А.Ф. Орлов на отношении к саратовскому гражданскому губернатору об отправке Костомарова «на службу» в Саратов и установлении «за ним строжайшего надзора» приписал: «Прошу быть к нему милостиву, человек с достоинствами, заблуждался и искренне раскаивается»³⁰.

24 июля 1848 г. сопровождавший бывшего узника офицер «сдал» его саратовскому губернатору и, как заметил Николай Иванович, «получил от него квитанцию в передаче такой казенной вещи, какою я тогда сделался»³¹.

Саратов того времени имел вид большого уездного города, насчитывающего 25 тысяч жителей. А.С. Грибоедов в комедии «Горе от ума» называет этот город «глушью». Саратовский литератор П.Л. Юдин отмечает, что «в городе не было ни одного общественного садика, не говоря уже о какой-либо растительности вокруг зданий и домов горожан. О мостовых тогда не имели понятия. На улицах и дворах сплошь и рядом встречались кучи мусора и навоза <...>. Саратов издавна славится своим нездоровым климатом, где чаще всего свирепствуют переметающая лихорадка, тифозная горячка и катаральная болезнь легких»³².

В 1848 г. в городе свирепствовала холера. «Когда я выходил гулять и заходил в церковь, – позже опишет свои впечатления Костомаров, – то глаза мои неприятно поражались видом приносимых гробов, <...> умирает человек до ста в день»³³.

В письме к В.М. Белозерскому из Саратова от 16 июля 1848 г. историк пишет: «Не в добрый час выехал я из С.-Пб. Вообразите, что маменьки до сих пор нет, и известия никакого <...>. Если б я знал, что делается на Руси, то ни за что бы не отпустил бы ее. Но проехавши 1500 верст пространства, там и сям зачумленного холерою, да в добавок проживя три недели в городе, также не лишенном этой проклятой гостьи, я в отчаянии <...> грозит мне потеря матери, потеря, которую я едва ли вынесу...». Однако, несмотря на семейные трудности, Костомаров продолжает инте-

---

²⁹ Кирило-Мефодіївське товариство... Т. 1. С. 322.

³⁰ Там же. С. 326.

³¹ Костомаров Н.И. Автобиография // Автобиография. Бунт... С. 148.

³² Юдин П.Л. Н.И. Костомаров в ссылке // Исторический вестник. 1905. Апрель. С. 138.

³³ Костомаров Н.И. Автобиография // Автобиография. Бунт... С. 149.

ресоваться общественно-политическими проблемами, в частности революционными событиями 1848 г., развернувшимися в странах Западной Европы. В том же письме он просит Белозерского выписать для него журнал «Allgemeine Zeitung», так как ему очень хотелось «систематически изучить перевороты 1848 года»³⁴. Дальнейшая переписка свидетельствует о том, что его просьба была удовлетворена.

Костомаров получил должность переводчика при Губернском правлении. Переводить было особенно нечего, и губернатор поручил ему ведать уголовным, а затем и секретным столом канцелярии, где, кстати, хранилось и дело самого историка. Костомаров заинтересовался делами раскольников, попытался понять постулаты их веры.

Однако очень скоро освободилось место редактора «Саратовских губернских ведомостей». В начале 1849 г. Николаю Ивановичу была поручена вакантная редакторская должность. Предшественник его на этом посту исполнял одновременно еще и должность начальника газетного стола, и Костомарову в «наследство» досталась эта обязанность.

Работа начальника газетного стола предполагала публикацию и рассылку в большом количестве сыскных статей. Натуре, не лишенной творческих порывов, ведение переписки, изобилующей унылыми канцеляризмами наподобие: «От такого-то числа...», «за таким-то номером...», эта должность вряд ли приносила удовлетворение. Поэтому не удивительно, что ссыльный историк по возможности уклонялся от возложенной на него рутины. Он часто, «отзываясь болезнью», просто игнорировал свои обязанности, отчего делопроизводство газетного стола «отправлялось не с надлежащей быстротой».

Непонятным остается, как вольнодумца могли взять на службу редактором газеты, ведь над ним довлел запрет на печатание своих произведений. Но зато вполне объяснимо несколько прохладное отношение Костомарова к редакторским обязанностям: он и сам писал мало, и, по мнению современников, не особо старался привлекать к сотрудничеству местные таланты, имеющие способности к литературному труду³⁵.

---

³⁴ Письма Н.И. Костомарова к В.М. и Н.М. Белозерским // Киевская старина. 1897. № 10. С. 132–133.

³⁵ Самохвалова Н. Отставлен от должности за неспособность // Саратовские вести. 2003. 29 апр.

Вскоре в Саратов вернулся А.Ф. Леопольдов, когда-то работавший редактором «Саратовских губернских ведомостей» и оставивший о себе очень хорошую память. Костомаров уступает свое кресло более успешному предшественнику. Но Леопольдов переводится во вновь учрежденную в начале 1851 г. Самарскую губернию на должность чиновника особых поручений при губернаторе. Костомарова снова возвращают в газету. В этот раз, его карьера на поприще журналистики была совсем короткой: не прошло и двух месяцев, как историка отстранили от должности. Все дело было в курьезном случае, который произошел с ним.

Сам он, не без иронии, вспоминает об этом забавном эпизоде в автобиографии. Костомаров не знал значения слова «подчалки» (подчалок – на диалекте многих поволжских губерний – судно, которое привязывается на буксир к другому судну). За долги продавались подчалки какого-то саратовского купца. Историк, не предвидя конфуза, дал объявление, что «торг будет производиться в губернском правлении, и там можно видеть подчалки во всякое время» <...>. В результате его «отставили от должности редактора за неспособность»³⁶.

Жизнь в Саратове для Костомарова и приехавшей к нему матери не была легкой и безоблачной. Свидетельство тому – письмо Татьяны Петровны к В.М. Белозерскому от 25 апреля 1851 г.: «Добрейший Виктор Михайлович. Покорнейше вас прошу, пришлите мне денег, не откажите в моей просьбе. Я больна целую зиму: ревматизм в обеих руках, нарыв на правой руке, на ладони два раза резали, теперь едва пальцы перо держат; свело пальцы, никуда не гожусь. Николай <...> теперь без жалованья, больной, постарел, поседел...»³⁷.

В воспоминаниях Н.И. Костомарова жизнь в провинциальной глуши рисуется не столь мрачно: «Моя квартира вся была заставлена превосходными тепличными растениями: бананами, спарманиями, пальмами и другими; все это я купил в прекрасной оранжерее <...> и довольно дешево, как и вообще жизнь в Саратове отличалась чрезвычайною дешевизною. Ассигнуя какой-нибудь рубль, можно было иметь отличный обед с ухой из свежих

---

³⁶ Костомаров Н.И. Автобиография // Русская мысль. 1885. № 6. С. 21.

³⁷ Письма Т.П. Костомаровой к В.М. Белозерскому // Киевская старина. 1897. № 10. С. 139-140.

стерлядей, с холодной осетриной, жареными цыплятами и фруктами для десерта. Стерляди и осетры продавались живыми»³⁸.

Постепенно Костомаров знакомится с интеллигенцией города. Он сходится с кружком сосланных поляков, один из которых – Мелянтович становится «задушевым приятелем» историка. «В нем одном польский патриотизм уступал место идее славянской взаимности и не доходил до той враждебности ко всему русскому, какую вообще отличались поляки», – объясняет Костомаров свое дружеское расположение к ссыльному поляку³⁹.

В 1851 г. в доме писательницы М. Жуковой Костомаров познакомился с Н.Г. Чернышевским, который явился к нему с поклоном от профессора-слависта И.И. Срезневского, работающего уже в Санкт-Петербургском университете. «Я нашел в нем человека, к которому не мог не привязаться»⁴⁰, – сообщал Чернышевский профессору в ноябре 1851 года. Между ними установились довольно дружеские отношения, продолжавшиеся всю жизнь, хотя и не переросшие в идейную близость.

«Видя свою карьеру расстроенною, видя себя оторванным от своих любимых занятий, лишившись на время, по крайней мере, цели в жизни, – писал в том же письме Чернышевский, – Николай Иванович скучает, тоскует; он пробует заниматься; но невозможность видеть свои труды напечатанными отнимает охоту трудиться»⁴¹. Чернышевский пытается помочь ссыльному историку: ищет для него нужные журналы, уговаривает посещать музыкальные концерты, побуждает бывать в обществе, а главное – горячо уверяет в необходимости, во что бы то ни стало продолжать научные исследования.

Костомаров в беседах с Н.Г. Чернышевским касался идеи славянской федерации. Чернышевский не разделял взглядов историка, считая, что воплощение подобной идеи на практике даст результаты, «вредные для русских, вредные и для других славян». Однако в пропагандируемых Костомаровым мыслях о славянском государственном единстве не было, писал Чернышевский, «племенных эгоистических мотивов». Костомаров не выговаривал для малороссов каких-либо особых привилегий и стоял за безуслов-

---

³⁸ Костомаров Н.И. Автобиография // Автобиография. Бунт ... С. 153.

³⁹ Там же. С. 149–150.

⁴⁰ Цит. по: Богословский Н. Николай Гаврилович Чернышевский. М., 1957. С. 128.

⁴¹ Там же.

ное равенство больших и малых наций в будущей федерации. Видя в этом «честный образ мыслей», Чернышевский, несмотря на жаркие споры по поводу «ненавистной» ему мысли о славянском единстве, не разрывал отношения с Костомаровым⁴².

Историк не разделял многое из идей и убеждений Чернышевского. Его религиозное чувство было оскорблено нигилистическим отношением к религии как к «слабости суеверия, – передает Костомаров суждения Чернышевского, – и источнику всякого зла и несчастья для человека». Заявления, что «бессмертие души есть вредная мечта, удерживающая человека от прямого пути главной цели жизни – улучшения собственного быта на земле», Костомаров решительно отвергал⁴³. Зная об отношении Чернышевского к религии, Костомаров, тем не менее, 9 апреля 1857 г. поздравляет его с «Воскресением Христовым и праздником Светлой Пасхи», в письме называя «почтеннейшим, драгоценнейшим, благочестием зело привлекательным»⁴⁴.

Костомаров резко возражал против утверждений Чернышевского, что «весь общественный порядок, удерживающийся до сих пор, есть великое зло, которое разрушится при дальнейшем развитии человеческой мысли», будто «никакое из правительств, существовавших в различных формах, не может назваться хорошим» и «нам нужен радикальный переворот». Этих революционных тезисов Костомаров не принимал ни в Саратове, ни позднее когда они с Чернышевским часто встречались в Петербурге⁴⁵.

Н.Г. Чернышевский довольно трезво оценивал политические взгляды Костомарова. На вопрос своей невесты О.С. Васильевой: будет ли Костомаров участвовать в революционном перевороте, Чернышевский убежденно ответил: «Он слишком благороден, поэтичен; его испугает грязь, резня»⁴⁶.

Летом 1852 г. историк по ходатайству саратовского губернатора милостью наследника цесаревича Александра (который в отсутствие Николая I управлял делами государства) был отпущен в Крым на лечение. Он объехал почти весь полуостров, с одесским профессором Н.Н. Мурзакевичем побывал на раскопе древнего

---

⁴² Демченко А.А. Молодые годы Николая Чернышевского. Саратов, 1989. С. 211.

⁴³ Костомаров Н.И. Автобиография // Автобиография. Бунт... С. 242.

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 452. Л. 1.

⁴⁵ Костомаров Н.И. Автобиография // Автобиография. Бунт... С. 243–244.

⁴⁶ Демченко А.А. Указ соч. С. 223–224.

кургана в Керчи, увидел Севастополь перед его разрушением в Крымской войне (1853–1856).

По возвращению в Саратов Костомаров увлекается этнографией. Привлекает к этому делу свою знакомую А.Н. Пасхалову, впоследствии вышедшую замуж за Д.Л. Мордовцева. Совместно они организуют в Саратове сбор и обработку народных песен, сказок, легенд, благодаря чему Костомаров «познакомился с народной великорусскою поэзией, которую до того времени знал только по книгам»⁴⁷.

Историк понемногу публикует собранный материал в местной прессе. В 1854 г. на одну из публикаций пришел отзыв цензора из Петербурга, где указывалось, что «Саратовские губернские ведомости» печатают песни непристойного содержания. Относительно строк:

*«Чужемужни жены – лебедушки белы,
А моя шельма жена – полынь горькая трава»*

отмечалось: «мерзость, гадость; если такие песни существуют, то дело губернского начальства искоренять их, а не распространять посредством печати». Но директор саратовской гимназии, допустивший песни в печать, сумел «отписаться и оправдаться». Костомарова к делу привлекать не стали⁴⁸.

В 1854 г. историк становится делопроизводителем Саратовского статистического комитета. Он увлекается изучением и обобщением статистических данных. В Саратовских губернских ведомостях публикуются его исследования: «Взгляд на состояние саратовской вывозной торговли в отношении предполагаемой железной дороги между Москвой и Саратовом», «О промышленной, ремесленной и торговой деятельности в уездных городах Саратовской губернии в 1853 году». В них ученый предстает, как мастер философско-аналитических выводов, сделанных на основе скрупулезного изучения источников, а также, что не менее важно – как талантливый литератор, умеющий преподнести эти выводы в доступной читателям художественной форме.

Н. Борисов считает, что Костомаров «находил особую прелесть в причудливой смене занятий, в увлечении предметами, бесконечно далекими от его «специализации»: потому в годы са-

---

⁴⁷ Костомаров Н.И. Автобиография // Автобиография. Бунт... С. 153.

⁴⁸ Там же. С. 155.

ратовской ссылки он изучал физику и запускал воздушный шар, наблюдал в трубу звездное небо и посещал сеансы спиритизма»⁴⁹. Но любимым делом ученого продолжает оставаться история.

Он усиленно занимается разработкой местных архивов, на основе которых воссоздает историю этого края. Увлеченно пишет «Богдана Хмельницкого». Снабжал его необходимой литературой поляк граф Свидзинский. Исследователь А.И. Миллер считает, что на распространение интереса к истории и фольклору Малороссии в Российской империи большое влияние оказало польское посредничество. По его мнению, в первой половине XIX в. «вполне можно было быть польским националистом и украинофилом одновременно. Украинофильство в этом случае выступало как любовь к краю, являющемуся частью Речи Посполитой, а украинская специфика трактовалась либо просто как региональная, либо как этническая, но не исключаящая Украину из польского мира»⁵⁰. Видимо, примерно так и рассуждал «скупой библиоман» Константин Свидзинский. Его помощь Костомарову П.А. Кулиш объясняет «польским антагонизмом к русскому правительству и надеждой, что автор «Богдана Хмельницкого» перенесет наследственную неприязнь к Польше на Москву». Тут же П.А. Кулиш замечает, что «граф Свидзинский очень хорошо знал, что мы, украинцы, не способны ни в каком случае радеть Польше во вред России <...> и продолжал снабжать нас рукописями и старопечатными книгами с доверчивостью непостижимой»⁵¹. Над монографией «Богдан Хмельницкий» историк продолжал работать до последних дней. При жизни автора с исправлениями и дополнениями она публиковалась четыре раза: первый – в «Отечественных записках» (1857, № 1-8), последний – в 1884 году.

В этой фундаментальной работе ученого наряду с историческими описаниями, анализом и детальным разбором событий прошлого, встречаются и политологические размышления автора о власти, государственном устройстве. Так, по мнению Костомарова, «монархическое правление, при всех случайных проявлениях рабства, бесправия, произвола и невежества, имеет то важное достоинство, что если верховная власть попадет в руки

---

⁴⁹ Борисов Н. Влюбленный в свободу // Родина. 1989. № 10. С. 59.

⁵⁰ Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 53.

⁵¹ Кулиш П. Воспоминания о Николае Ивановиче Костомарове // Новь. 1885. Т. 4. № 13. С. 68-69.

благомыслящих лиц, то появляется возможность полезных изменений и преобразований. Дурной республике нет никакого спасения. Республиканское правление, бесспорно, есть наилучший, желаннейший строй человеческого общества, но оно совместно только с тем, что есть наилучшего в человечестве – с равноправием, общественной энергией, честностью и стремлением к просвещению. Если этого нет – республиканское правление ведет государство к гибели, и рано ли поздно – это государство или перестанет быть республикою, или достанется другим»⁵².

В статьях и исторических работах написанных в Саратове Н.И. Костомаров оставляет в стороне проблемы взаимоотношения славянских народов (единственное исключение – «Богдан Хмельницкий»). Возможно, это было связано не только с расплатой за участие в Кирилло-Мефодиевском братстве, но и с положением дел в империи и событиями на международной арене. Явный интерес к славянскому вопросу Костомаров снова проявляет только в начале 1860-х годов.

По образному выражению неизвестного автора, публиковавшего свои произведения под псевдонимом А. Царинный (предположительно потомка древнего казачьего рода А.В. Стороженко), «1850-ые годы были самым глухим временем в истории украинского движения. Разрозненные кирилло-мефодиевские братчики сидели по своим углам в провинциальных городах, и каждый был занят своим делом. Война с Турцией, а потом Севастопольская кампания отвлекли умы в область международных политических вопросов»⁵³.

В феврале 1855 г. умер Николай I. Костомарову дали четырехмесячный отпуск для поездки в Санкт-Петербург. В автобиографии историк делится дорожными впечатлениями: «Это было время всеобщих надежд на обновление России, <...> у всех слышалась вера в доброжелательство и ум нового Государя, и уже тогда наперерыв говорили, как о первой необходимости, об освобождении народа из крепостной зависимости. В одном месте на дороге, с нами встретился помещик Нижегородской губернии, который сознавался, что если последует освобождение, то оно принесет дворянству сильный удар и подорвет его материальные выгоды; но «нечего делать», говорил он, «надобно принести в

---

⁵² Костомаров Н.И. Богдан Хмельницкий. М., 1994. С. 144.

⁵³ Царинный А. Украинское движение. Краткий исторический очерк, преимущественно по личным воспоминаниям // Украинский сепаратизм в России. Идеология раскола. М., 1998. С. 151.

жертву все для пользы народа; ведь жертвовали же и достоянием, и самую жизнь в минуты угрожавшей отечеству опасности, тем более обязаны послужить ему в таком важном деле, которое обновит его на многие поколения»⁵⁴.

В Петербурге большую часть времени Костомаров использовал для работы в Публичной библиотеке, где он проводил по 10–12 часов в сутки, изучая печатные источники и рукописи. На основании летописей и памятников песенного народного творчества, вернувшись в Саратов, пишет исторический очерк «Иван Свирговский, украинский козацкий гетман XVI века». 19 сентября 1855 г. высылает работу редактору журнала «Москвитянин» М.П. Погодину с просьбой «удостоить вниманием» и напечатать, «если найдете достойной»⁵⁵. В том же году очерк был опубликован в «Москвитянине».

В связи с коронацией Александра II в августе 1856 г. Костомаров был амнистирован. С него сняли полицейский надзор, но запрещение служить «по ученой части» оставалось в силе. Историк остался служить в Саратове и параллельно готовил к печати свои работы.

В это время серьезно ухудшается его зрение. На болезнь глаз, от которой «не знает куда деваться» Костомаров жалуется в письме к А.Н. Пыпину⁵⁶. По рекомендации окулистов, в начале мая 1857 г. Костомаров едет на лечение в Германию. Поездка затянулась: Николай Иванович (помимо Германии) посетил Швецию, Италию, Францию, Швейцарию, Австрию. Сделал остановку в Праге, которая показалась ему «совершенно немецким городом», где «по-славянски никто не отваживался говорить, и большинство считало это признаком невоспитанности». В Праге он был тепло принят «патриархом чешского славянства» В.В. Ганкой, который подарил ему свои произведения.

По возвращении «первой и отрадной вестью, приятно поразившею» его в отечестве, «был слух о том, что готовили освобождение крестьян от крепостной зависимости, и что на днях должен выйти манифест об учреждении по этому предмету комитетов во всех губерниях»⁵⁷.

По приглашению саратовского губернского предводителя дворянства князя В.А. Щербатова Н.И. Костомаров с сентября 1858 г. семь месяцев работает делопроизводителем в Саратовском губерн-

---

⁵⁴ Костомаров Н.И. Автобиография // Автобиография. Бунт... С. 160.

⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 231/II. К. 16. Д. 77. Л. 1.

⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 395. Оп. 1. Д. 300. Л. 2.

⁵⁷ Костомаров Н.И. Автобиография // Автобиография. Бунт... С. 178.

ском дворянском комитете по улучшению быта крестьян. В своих воспоминаниях Костомаров делит членов комитета, согласно их убеждениям, на три группы: строгие защитники дворянских интересов, умеренные либералы, заботящиеся как о выгоде дворянства, так и о крестьянстве, и готовое на жертвы в пользу крестьянства меньшинство. Однако подобное деление достаточно условно. Историк отмечает, что некоторые помещики, на заседаниях комитета радеющие за интересы крестьянства, не дожидаясь решения правительства, поспешили предложить крестьянам свободу на условиях, «каких сами крестьяне, спустя несколько месяцев <...>, не согласились бы принять этой свободы». С другой стороны были крайние крепостники, «которые впоследствии рассчитались со своими крестьянами самым гуманным образом и даже безденежно подарили им земельный надел». Наблюдая все это, историк приходит к выводу, что «русский человек способен действовать по сердцу так человеколюбиво, как неспособен по своим убеждениям». Итог работы умеренного, действующего в интересах помещиков степной полосы России, комитета сводился, по словам Костомарова, к постановлению: «отпустить безвозмездно всех дворовых людей и не удерживать крестьянского имущества в пользу дворянства»⁵⁸. Решение вопроса о земле историк не приводит и не комментирует.

Сам Костомаров был против положения о выкупе крестьянами земли, так как, по его мнению, дворяне установят отношения так, «чтобы как можно было выгоднее для дворян и невыгоднее для крестьян». В письме В.И. Ламанскому от 21 января 1858 г. по вопросу отмены крепостного права он пишет: «Знаете ли, что говорят крестьяне? Это, батюшка, такая воля – что хуже неволи...»⁵⁹.

В перлюстрированном III Отделением письме Н.И. Костомарова Н.В. Калачову (известному ученому-юристу) в Петербург от 19 сентября 1959 г. автор дает резкую оценку Саратовскому комитету: «Когда мы с вами говорили об этом предмете в Петербурге, я лучше думал о расположении дворян; теперь я не только согласен с вашим мнением о них, но начинаю питать к ним неприязнь; я вижу один эгоизм, эгоизм, прикрытый фальшивым блеском схваченных на лету, не переваренных, даже не пережеванных гуманных идей, и

---

⁵⁸ Костомаров Н.И. Автобиография // Автобиография. Бунт... С. 186.

⁵⁹ Цит. по: Пинчук Ю.А. Исторические взгляды Н.И. Костомарова. Киев, 1984. С. 51.

вместе с эгоизмом какой-то макивеализм». Александр II пометил на полях перлюстрации: «К сожалению много правды!»⁶⁰.

За работу в Саратовском комитете по улучшению быта крестьян Костомаров получает первую в своей жизни государственную награду – серебряную медаль на Александровской ленте⁶¹.

В статье «Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права?», опубликованной в 1859 г., Костомаров так характеризует свое отношение к готовящейся реформе: «после уничтожения крепостного права на бумаге, оно долго еще будет на деле, если останется что-нибудь из его атрибутов, если по-прежнему будут процветать понятия и условия общественного порядка, совместные с ним»⁶².

В течение 1857–1858 гг. публикуются три крупных, написанных в Саратове труда историка: «Богдан Хмельницкий и возвращение Южной Руси к России», «Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях» и «Бунт Стеньки Разина». Министр народного просвещения Е.П. Ковалевский, лично ознакомившись с работой Костомарова «Бунт Стеньки Разина» 5 октября 1858 г. разрешил «допустить его к печати»⁶³. Описывая события гражданской войны 1670–1671 гг. по архивным источникам, этнографическому, фольклорному материалу Поволжья, Костомаров создал ценный научный труд, аналога которому не было ни тогда, ни десятилетиями позже. Сочувствуя Разину и его сторонникам, историк не принимает их методов борьбы, выступает против жестокости и кровопролития. Свою работу он заканчивает словами старожилы: «Не дай, Господи, всякому доброму крещеному человеку дожить до той поры, как опять придет Стенька!»⁶⁴.

Советские историки упрекали Костомарова за то, что «он обходился экономическую первооснову развития общества, считая главным для историка исследование быта и «духа народа», «народной психологии», и за то, что для него «грандиозное движение народных масс, нашедших своего вождя в Разине» было лишь «бунтом»⁶⁵.

---

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 3. Д. 2027. Л. 2–2об.

⁶¹ Пинчук Ю.А. Микола Іванович Костомаров. Київ, 1992. С. 93.

⁶² Костомаров Н.И. Должно ли считать Бориса Годунова основателем крепостного права // Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина. М., 1994. С. 265.

⁶³ Бутнич І. М.І. Костомаров і царська цензура // Архіви України. 1967. № 6. С. 69.

⁶⁴ Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина... С. 440.

⁶⁵ Конюшая Р.П. Карл Маркс и революционная Россия. М., 1985. С. 106.

Современные исследователи заслугой Костомарова определяют введение в источниковую базу работы не только официальных документов, но и народных песен о Степане Разине, которые «помогли воссоздать реальные условия народной жизни и народные устремления»⁶⁶.

Александр II был извещен, что работа Костомарова о Стеньке Разине отличалась «дурным направлением». Когда Е.П. Ковалевский позволил себе не согласиться с подобным утверждением, император решил сам прочесть эту книгу. Его отзыв о ней оказался одобрительным, и в октябре 1859 г. Александр II разрешил Н.И. Костомарову служение по ученой части⁶⁷.

Решение императора определило судьбу Костомарова. В апреле 1859 г. вышел в отставку профессор русской истории Петербургского университета академик Н.Г. Устрялов. Костомаров получил приглашение занять его кафедру. Он в тот же день написал о своем согласии. С позволения императора Костомаров был утвержден в звании экстраординарного профессора при Санкт-Петербургском университете.

К этому времени завершилась деятельность губернского комитета, и ничто не удерживало Костомарова в Саратове. «Жизнь и служба его там, – считает П.Л. Юдин, – не дали ему ничего, кроме огорчений. Как прибыл он туда в чине коллежского асессора, так и уехал оттуда, по прослужении десяти лет, с тем же чином»⁶⁸. Но за годы, проведенные в ссылке, у историка появилось в Саратове много друзей и знакомых. Узнав о переводе Костомарова в столичный Петербург, «члены саратовской комиссии по крестьянским делам приехали с поздравлениями и устроили мне обед, а архимандрит Никанор – прощальный вечер в своем монастыре с отличным ужином. В день отъезда столько собралось провожатых, что в моей квартире оказалось тесно. Меня проводили за город, <...> просили не поминать лихом Саратова», – вспоминает историк⁶⁹.

В Саратов Костомаров вернется еще раз – летом 1866 г. для продажи дома, стечением обстоятельств ставшего его собственностью. Пользуясь случаем, историк «несмотря на нестерпимый

---

⁶⁶ Пинчук Ю.А. Николай Иванович Костомаров как историк // Н.И. Костомаров Автобиография. Бунт ... С. 74.

⁶⁷ Костомаров Н.И. Автобиография // Автобиография. Бунт... С. 187, 189.

⁶⁸ Юдин П.Л. Указ. соч. С. 149.

⁶⁹ Костомаров Н.И. Автобиография // Русская мысль. 1885. № 6. С. 32.

зной», объехал город, посетил любимую им монастырскую рощу, «куда так часто ездил пить чай», повидался с Мордовцевыми и старым слугой Фомою. Задерживаться в городе не стал – оформил купчую крепость и на следующее же утро уехал⁷⁰.

О Саратове он не забывал, а в момент душевного расстройства даже хотел вновь поселиться там. В письме Д.Л. Мордовцеву в Саратов от 1872 г. Костомаров просит узнать «в чьих руках сад Сосновцевых, и не продадут ли его? Я бы купил, приехал и поселился там, сотворив себе единую келейцу малу». Все это письмо проникнуто глубоким трагизмом. «Прошли годы – он вспомнил о прежнем изгнании – и его потянуло опять туда, в изгнание <...>. Устал, все надоело – тоска – в лес, в келейцу малу», – комментирует письмо Д.Л. Мордовцев⁷¹.

Расплата за участие в Кирилло-Мефодиевском обществе – заключение в рavelин и последующая ссылка в Саратов повлияли на дальнейшее развитие общественно-политических взглядов Н.И. Костомарова. Но говорить о том, что эти годы были потерянными для него в научном плане, вряд ли уместно. Сбор и обработка этнографического и архивного материала, работа над монографическими исследованиями занимали большую часть времени опального историка. И то, что саратовская интеллигенция отнеслась к нему с сочувствием, приняла в свой круг, помогала и опекала – во многом способствовало развитию его творческого гения.

---

⁷⁰ Костомаров Н.И. Автобиография // Автобиография. Бунт... С. 281.

⁷¹ Мордовцев Д.Л. Исторические поминки по Н.И. Костомарове // Русская старина. 1885. № 6. С. 637.

УДК 929 53(092)

БРАТЬЯ С.И. и Н.И. ВАВИЛОВЫ, С.Л. и М.Л. ФРАНКИ – САРАТОВСКИЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ СУДЕБ

Д.А. Усанов

Саратовский государственный университет,
кафедра физики твердого тела
E-mail: usanov@sgu.ru

В статье изложены факты из биографий С.И. Вавилова и Н.И. Вавилова и С.Л. Франка и М.Л. Франка, связанные с Саратовским университетом. Приведены данные о сотрудничестве высоко оцененных научным сообществом И.М. Франка и С.И. Вавилова.

Ключевые слова: С.И. Вавилов, Н.И. Вавилов, С.Л. Франк, М.Л. Франк, Саратов, пересечение судеб.

BROTHERS S.I. VAVILOV AND N.I. VAVILOV, S.L. FRANK AND M.L. FRANK – SARATOV INTERSECTION OF FATES

D.A. Usanov

The article discussed the facts from the biographies of S.I. Vavilov and N.I. Vavilov and S.L. Frank and M.L. Frank, associated with the Saratov University. It presents data on cooperation, highly regarded by the I.M. Frank and S.I. Vavilov scientific community.

Key words: S.I. Vavilov, N.I. Vavilov, S.L. Frank, M.L. Frank, Saratov, the intersection of fates.

Одним из наиболее значимых событий, связанных с празднованием столетнего юбилея Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, стала посвященная этому юбилею публикация дневника Семена Людвиговича Франка – первого декана открытого в университете в 1917/18 учебном году историко-филологического факультета¹. Работа С.Л. Франка в Саратовском университете пришлась на время, когда, по воспоминаниям его жены Т.С. Франк (урожденной Барцевой), Саратов из города «...фруктов, арбузов, дынь, бесконечных всяческих сладостей <...> превратился в голодный, несчастный

---

¹ См.: Франк С.Л. Саратовский текст / Сост.: А.А. Гапоненков, Е.П. Никитина. Саратов, 2006.

<...> город»². Саратов был родным городом Т.С. Франк, где жили ее родители.

В сборнике «Саратовский университет. 1909–1959» было сказано: «...небезызвестный представитель “ВЕХ” проф[ессор] С.Л. Франк еще в 1921 году в своих лекциях по истории мировоззрений, логике и методологии выступал с откровенной проповедью идеализма»³.

Осенью 1922 г. С.Л. Франк был арестован и вместе с большой группой ученых и писателей из Москвы, Петербурга и других университетских городов выслан за границу. Все три сына С.Л. Франка в качестве добровольцев участвовали в войне с фашистской Германией. Во время войны, а также в период с 1967 по 1972 г. старший сын работал сначала на Би-Би-Си, а потом на радио «Свобода». Младший сын Василий тоже был журналистом и работал на станции «Свобода».

Из дневника С.Л. Франка можно узнать, что у него был младший брат – Михаил Людвигович, который получил образование в Мюнхене в Политехническом институте. Т.С. Франк писала о нем: «...мы с ним подружились и особенно сошлись, когда он приезжал после революции к нам два или три раза за границу, всегда больной»⁴. По ее словам «он принадлежал к тому типу неверующих людей, которые, не помянуя все и имени Господа, собственно (хотя и не активно) жили заповедями Его»⁵. По сравнению со своим старшим братом Михаил «был чужд всякой метафизики и философии»⁶. Старший сын М.Л. Франка – Глеб «стал известным специалистом по биофизике, академиком АН СССР, основателем и до конца жизни директором Института биофизики АН СССР в Пущино»⁷, – так написал о нем в своей автобиографии младший сын М.Л. Франка – Илья.

И.М. Франк окончил Московский государственный университет в 1930 году. Обучаясь в университете, примерно со второго курса, как он писал в своей автобиографии, И.М. Франк начал работать в

---

² Из устных воспоминаний Т.С. Франк // Франк С.Л. Саратовский текст... С. 182–184.

³ Саратовский университет 1909–1959. Саратов, 1959. С. 30.

⁴ Франк Т.С. Наша любовь // Франк С.Л. Саратовский текст... С. 207.

⁵ Там же. С. 207.

⁶ Там же.

⁷ Франк Илья Михайлович. Автобиография // Физики о себе. Л., 1990. С. 424.

лаборатории С.И. Вавилова, где под его руководством выполнил научную работу по люминесценции, опубликованную в 1931 году. В 1934 г. С.И. Вавилов предложил группе молодых сотрудников, в том числе И.М. Франку заняться ядерной физикой⁸. Примерно в это же время, как написано в научной биографии И.М. Франка, опубликованной в журнале «Успехи физических наук»⁹ к его восьмидесятилетию, П.А. Черенков, также работавший под руководством С.И. Вавилова, обнаружил свечение жидкостей под действием γ -излучения, С.И. Вавилов показал, что этот эффект вызывается электронами, образовавшимися под действием γ -излучения и не является люминесценцией. В 1937 г. И.Е. Тамм и И.М. Франк дали этому эффекту, названному «эффектом Вавилова-Черенкова», теоретическое объяснение. Для этого они использовали тот факт, что скорость света в среде может быть меньше, чем электрона, но, конечно же, скорость света в вакууме больше чем скорость электрона.

Для того времени предложенное объяснение выглядело парадоксальным. За это открытие С.И. Вавилову, И.Е. Тамму, И.М. Франку и П.А. Черенкову в 1946 г. была присуждена Государственная премия СССР первой степени. Уже после смерти С.И. Вавилова, в 1958 г., И.Е. Тамм, И.М. Франк и П.А. Черенков получили Нобелевскую премию по физике за открытие и объяснение эффекта Вавилова-Черенкова.

В конце Великой Отечественной войны и в послевоенные годы И.М. Франк стал работать в области физики реакторов и ядерных реакций в тесном контакте с И.В. Курчатовым, как писал И.М. Франк, «по специальным заданиям правительства»¹⁰. В своем выступлении на научной сессии отделения физических наук РАН в 2008 г. академик Г.А. Месяц отметил, что И.М. Франк на всю жизнь сохранил уважение к своему любимому учителю –

---

⁸ См.: Барит И.Я., Лазарева Л.Е., Фейнберг Е.Л., Шапиро Ф.Л. Илья Михайлович Франк: (К шестидесятилетию со дня рождения) // УФН. 1968. Т. 96, вып. 2. С. 383–385; Барит И.Я., Болотовский Б.М., Лазарева Л.Е., Луциков В.И., Попов Ю.П., Фейнберг Е.Л. Илья Михайлович Франк: (К семидесятилетию со дня рождения) // Там же. 1978. Т. 126, вып. 2. С. 343–347.

⁹ См.: Абов Ю.Г., Барит И.Я., Гуревич Н.И., Луцилов В.И., Марков М.А., Останевич Ю.М., Пикельнер Л.Б., Попов Ю.П., Шапиро И.С. Илья Михайлович Франк: (К восьмидесятилетию со дня рождения) // Там же. 1988. Т. 156, вып. 2. С. 373–374.

¹⁰ Франк Илья Михайлович. Автобиография... С. 426.

С.И. Вавилову¹¹. Он подготовил сборник воспоминаний о нем, который был дважды переиздан. Работу над третьим изданием он закончил за несколько дней до своей кончины, сказав родным, что «теперь можно и помереть». Г.А. Месяц отмечал, что до конца жизни И.М. Франк «не утратил ни творческого, ни жизненного оптимизма, основанного прежде всего на том, что судьба подарила ему возможность всю жизнь заниматься любимым делом»¹².

В большинстве научных источников, относящихся к биографии И.М. Франка, в том числе в его автобиографии, нет упоминания о его родстве с дядей – философом. Как отмечал главный научный сотрудник Физического института им. П.Н. Лебедева РАН, доктор физико-математических наук Б.М. Болотовский в своем докладе на научной сессии Академии наук в 2008 г., «с изгнанным своим дядей Ильей Михайлович не мог общаться – в те годы это было опасно для жизни. Не общался он и с его потомством, своими двоюродными братьями и сестрами»¹³. По его мнению, и зарубежные родственники понимали это. Можно предположить, что именно за возможность заниматься любимым делом И.М. Франк заплатил отсутствием общения с зарубежными родственниками¹⁴.

Старший брат С.И. Вавилова Николай Иванович Вавилов принял решение о работе на высших сельскохозяйственных курсах в Саратове летом 1917 г., то есть, как мы видим, практически одновременно с началом работы в Саратовском университете С.Л. Франка¹⁵. 10 мая 1918 г. Высшие сельскохозяйственные курсы были реорганизованы в Саратовский сельскохозяйственный институт, в котором Н.И. Вавилов сначала числился профессором, а с 1 июля – заведующим кафедрой частного земледелия. 1 октября 1918 г. Сельскохозяйственный институт вошел в состав Саратовского университета, в котором был открыт агрономический факультет.

---

¹¹ См.: *Месяц Г.А. Илья Михайлович Франк (вступительное слово)* // УФН. 2009. Т. 179, № 4. С. 403–405.

¹² Там же. С. 405.

¹³ *Болотовский Б.М. Работы И.М. Франка по излучению движущихся источников в преломляющихся средах («оптика движущихся источников»)* // Там же. С. 413.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: *Короткова Т.И. Н.И. Вавилов в Саратове. (1917–1921): Документальные очерки.* Саратов, 1978.

Н.И. Вавилов стал профессором этого факультета. Первой аспиранткой была Е.И. Барулина, с 1926 г. – жена Н.И. Вавилова.

4 июня 1920 г. на первом заседании III-го Всероссийского селекционного съезда Н.И. Вавилов сделал свой, ставший знаменитым, доклад «Закон гомологических рядов в наследственной изменчивости» в аудитории, которая сегодня носит название большой физической в 3-м корпусе Саратовского государственного университета. «Уже его современники, присутствовавшие на селекционном съезде в Саратове, поняли необозримые перспективы научного познания и предвидения, которые раскрывал открытый закон. Это крупнейшее обобщение в естествознании, своеобразный “компас” в поисках культур с ценными признаками, необходимыми для определённой хозяйственной зоны»¹⁶. Теория изменчивости, изложенная Н.И. Вавиловым, была оценена как крупнейшее событие в мировой биологической науке. С марта 1921 г. Н.И. Вавилов переехал на работу в Петроград. В 1940 г. Н.И. Вавилов был арестован по ложному обвинению во вредительстве¹⁷.

В изданных в 1952 г. к годовщине смерти С.И. Вавилова посвященных ему изданиях АН СССР не сказано, что он брат репрессированного академика Н.И. Вавилова¹⁸. С.И. Вавилов получил извещение о смерти брата в Саратове 26 октября 1943 года. Со слов М.Н. Шашкиной, Сергей Иванович скоропостижно скончался «вскоре после посещения саратовского Воскресенского кладбища, где его брат, умерший в тюрьме 26 января 1943 года от болезней, голода и предельного истощения, был похоронен в общей могиле»¹⁹.

Заключая, можно сказать, что за недолгий срок своего практически одновременного пребывания в Саратове С.Л. Франк и Н.И. Вавилов нашли в нем спутниц жизни. Оба были впоследствии репрессированы. Брат Н.И. Вавилова – С.И. Вавилов и племянник С.Л. Франка – И.М. Франк стали авторами открытий, высоко оцененных научным сообществом. При жизни Вавиловых и Франков их родственные связи с вошедшими в

---

¹⁶ Шашкина М.Н. Во главе двух академий. Братья Вавиловы // Изв. вузов. Прикладная нелинейная динамика. 2011. Т. 19, № 2. С. 179.

¹⁷ См.: Короткова З. В долгом поиске // Наука и жизнь. 2005. № 8. С. 63.

¹⁸ См.: Памяти Сергея Ивановича Вавилова. М., 1952; Кравец Т.П. Сергей Иванович Вавилов: Очерк жизни и деятельности // УФН. 1952. Т. 46, вып. 1. С. 1-22.

¹⁹ Шашкина М.Н. Во главе двух академий. Братья Вавиловы... С. 176.

историю мировой науки родственниками Н.И. Вавиловым и И.М. Франком в литературе не отражались.

Узнать об этом сейчас из различных литературных источников вполне возможно, чем воспользовался автор этого текста и решил поделиться этими знаниями с интересующимися историей Саратовского государственного университета читателями.

ПУБЛИКАЦИИ

УДК 94(470) | 1901/1904 | +343.812(470.44-25)+929Корнилов

«...Я РЕШИТЕЛЬНО НЕ ЗНАЮ, ЗА ЧТО ПОПАЛ В ТЮРЬМУ» (саратовский автограф А.А. Корнилова)

З.Е. Гусакова

Государственный архив Саратовской области
E-mail: regarc_saratov@mail.ru

Александр Александрович Корнилов (18.11.1862 – 26.04.1925) находился в Саратове в ссылке в 1901–1904 гг. В ноябре 1902 г. он был подвергнут обыску и заключению в саратовскую тюрьму. К этому периоду относится сохранившийся среди жандармских документов автограф А.А. Корнилова – заявление на имя губернатора, в котором будущий известный историк излагает свой взгляд на происшедшие события. Читателю предлагается познакомиться с этим впервые публикуемым документом и узнать об обстоятельствах, вызвавших его появление.

Ключевые слова: историк А.А. Корнилов, студенческая демонстрация, протест, ссылка, надзор полиции, арест, тюрьма, Саратов, автограф.

«...I REALLY DO NOT KNOW WHY I GOT INTO PRISON» (Saratov autograph by A.A. Kornilov)

Z.E. Gusakova

Alexander Kornilov (18.11.1862 – 26.04.1925) spent 1901–1904 in exile in Saratov. In November 1902 he was submitted to search and confinement in Saratov prison. A.A. Kornilov's autograph found among the gendarme documents – an application to the governor in which the future well-known historian presents his views on recent events – belongs to this period. This document is published for the first time, and the reader is invited to read it and to learn about the circumstances that caused its appearance.

Key words: the historian A.A. Kornilov, a student demonstration, protest, exile, police surveillance, arrest, imprisonment, Saratov, autograph.

Саратов до открытия в нем университета служил одним из мест ссылки многих из тех людей, кому по политическим соображениям воспрещалось проживание в столицах и университетских городах. Так, именно в качестве ссыльных некоторое время находились здесь два историка – Н.И. Костомаров и А.А. Корнилов. О

саратовском периоде биографии Костомарова написано немало¹. Гораздо меньше известно о Корнилове.

20 июня 1901 г. департамент полиции разослал господам губернаторам, градоначальникам, обер-полицмейстерам и начальникам губернских жандармских управлений совершенно секретный циркуляр о том, что в Петербурге выявлена группа лиц, преимущественно интеллигентных профессий, которые «поставили себе задачей путем устройства вечеринок, чтения речей и рефератов на соответствующие темы, а также издательства систематически подобранной тенденциозной литературы, подготавливать в среде молодежи и рабочих противоправительственных деятелей и агитаторов. Лица означенной группы не упускали ни единого случая для возбуждения в обществе недовольствия по поводу разных мероприятий правительства и приготовления всевозможных манифестаций и протестов, причем особенно вредно влияли в том направлении на молодежь»².

В список этих «зловредных» лиц попали, в частности, поэт Константин Дмитриевич Бальмонт, член Вольно-экономического общества, книговед и библиофил Николай Александрович Рубакин и его жена Надежда Ивановна, врач Викентий Викентьевич Смидович, более известный как писатель Вересаев. Значился в списке и Александр Александрович Корнилов. Он был подвергнут обыску и арестован за протест против разгона полицией многотысячной демонстрации студентов и курсисток 4 марта 1901 г. на площади у Казанского собора в Петербурге. И вот теперь последовало наказание: воспрещение проживания в столицах, столичных губерниях и университетских городах сроком на два года³.

Александр Александрович решил жить в Саратове. Сюда он прибыл в мае 1901 г. с женой Натальей Антиповной и девятилетним сыном Владимиром⁴. Остановились вначале в гостинице «Европа», а

---

¹ См.: Юдин П.Л. Н.И. Костомаров в ссылке // ИВ. 1905. Апрель. С. 136–151; Майорова А.С. Саратов середины XIX века в автобиографических записках Н.И. Костомарова и А.Н. Минха // Туризм и культурное наследие: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2004. Вып. 2. С. 100–109; Она же. История Нижнего Поволжья в трудах саратовских историков с середины XVIII века до 80-х годов XIX века // ОИ. 2007. № 3. С. 97–107; Чалая Т.П. Славянский мир Н.И. Костомарова. Воронеж, 2007. С. 86–97; Малютина Т.П. [Чалая Т.П.] Участие в Кирилло-Мефодиевском обществе и саратовская ссылка Н.И. Костомарова (наст. изд. С. 186–207).

² ГАСО. Ф. 53. Оп. 1/1901. Д. 17. Л. 95–95об.

³ Там же. Л. 96об.

⁴ Там же. Оп. 1/1903. Д. 157. Л. 34.

затем сняли квартиру в доме Пшеничного на Гимназической (ныне имени Некрасова) улице. Место службы Корнилов, по определению саратовского полицмейстера, выбрал неблагонадежное – редакцию газеты «Саратовский дневник». Четыре сотрудника газеты во главе с редактором В.С. Самсоновым уже состояли под негласным надзором полиции. Теперь добавился пятый поднадзорный⁵.

Ко времени работы Корнилова в «Саратовском дневнике» относятся статьи: «Некоторые черты из жизни В.А. Жуковского (к пятидесятилетию со дня его смерти)», «К вопросу о мелкой земской единице», «Судьба одной школы» (о ткацкой школе производства сарпинок и холстинок, открытой новоузенским земством), «На балашовской выставке», подписанные инициалами А. К.⁶ Можно сделать предположение, что статьи эти подготовлены Александром Корниловым. Во всяком случае, статей с такой подписью в газете не встречается ни в предыдущем, ни в следующем году. К сожалению, документы редакции «Саратовского дневника» не сохранились, что не позволяет провести необходимый поиск.

В ночь на 1 ноября 1902 г. местные власти решили начать активные действия против всех, взятых на учет, неблагонадежных лиц. Среди подвергшихся обыску и аресту оказался и Корнилов. У него были изъяты три номера издававшегося в Штутгарте и Париже П.В. Струве журнала «Освобождение», проект программы Российской социал-демократической партии, революционные песни и стихи, «Былое и думы» А.И. Герцена, «Так что же нам делать?» Л.Н. Толстого, три фотографии, запечатлевшие избиение студентов казаками. Результаты обысков и сведения, накопленные в ходе предварительного негласного наблюдения, послужили основанием для привлечения Корнилова к дознанию «О социал-революционном кружке в Саратове». Всего по этому дознанию проходило 18 человек, в том числе Алексей Иванович Рыков и его сестра Фаина⁷.

Среди жандармских документов сохранился автограф А.А. Корнилова – его заявление саратовскому губернатору, которое публикуется ниже. Дошло ли заявление до губернатора, не известно, сведений об этом не обнаружено. В автографе обращают на себя внимание строки о том, что Корнилов посвятил все свое время литературной и научной работе. Получив степень кандидата прав в Петербургском университете, Александр Алек-

---

⁵ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1/1902. Д. 8. Л. 15, 17, 20об.

⁶ Саратовский дневник. 1902. 18 апр., 9 мая, 9 окт., 25 сент.

⁷ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1/1902. Д. 114. Т. 1. Л. 124, 240, 347–349, 360об.

сандрович постоянно стремился к литературной деятельности. А в саратовской ссылке, как отмечают биографы Корнилова, он очень серьезно занялся изучением истории России. Указанные строки подтверждают это мнение биографов. Подтверждением тому служит и тот факт, что свои занятия Корнилов старался не прерывать даже в тюрьме. По его просьбе жена передала ему труд А.И. Скребицкого «Крестьянское дело в царствование императора Александра II», исследования по отмене крепостного права, материалы по земской реформе и др.⁸ Таким образом, саратовские годы явились для Корнилова в какой-то мере переломным моментом, прелюдией к становлению его в качестве историка.

Заключение оказалось недолгим. Уже 8 ноября 1902 г. Корнилов был выпущен под особый надзор полиции, хотя дознание, к которому он был привлечен, тянулось до 2 января 1904 года⁹. Но следствием ареста стало увеличение на целый год времени ссылки. Последний документ о пребывании Александра Александровича в Саратове датирован 27 мая 1904 г. Это сообщение департамента полиции губернскому жандармскому управлению о том, что против выезда А.А. Корнилова на дачу к матери в селение Галахи Варшавской губернии возражений не имеется¹⁰. Саратовский период его биографии завершился.

Вскоре А.А. Корнилов стал сотрудником редакции журнала П.Б. Струве «Освобождение», заметным членом конституционно-демократической партии, являясь в 1905–1908 гг. секретарем ее Центрального Комитета.

С 1909 г. А.А. Корнилов занимал должность профессора Петербургского политехнического института Петра Великого, студентам которого читал «Курс истории России XIX века». Изданный в 1918 г., этот его труд многими специалистами оценивался как своеобразное продолжение лекций крупнейшего русского историка Василия Осиповича Ключевского, в которых изложены сведения до конца XVIII века. А.А. Корнилову принадлежат также труды: «Судьба крестьянской реформы в царстве Польском» (1894), «Крестьяне в России и крестьянский вопрос в XIX веке» (1905), «Общественные движения при Александре II» (1909), «Молодые годы Михаила Бакунина» (1915), «Годы странствий Михаила Бакунина» (1925) и др. Активная деятельность в рядах кадетов

---

⁸ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1/1902. Д. 114. Т. 1. Л. 132; Д. 215. Т. 4. Л. 26.

⁹ Там же. Т. 1. Л. 201–202об., 437, 419–419об.; Т. 3. Л. 183.

¹⁰ Там же. Т. 3. Л. 293.

стала причиной того, что труды историка не переиздавались до 1991 года¹¹.

Вступительная статья, публикация и комментарии
З.Е. Гусаковой

* * *

Его превосходительству саратовскому губернатору¹
коллежского советника
Александра Александровича Корнилова

заявление².

Сегодня ночью явился ко мне на квартиру жандармский ротмистр Козлов³ и по поручению, как он заявил, начальника Саратовского жандармского управления⁴, произвёл у меня обыск, длившийся, благодаря большому числу книг и бумаг в моей квартире, всю ночь; а затем, ссылаясь опять-таки на данное ему предписание, арестовал меня и препроводил в тюрьму⁵, в виду того, как сказано в протоколе, что в жандармском управлении имеются будто бы какие-то данные о моей противозаконной политической деятельности и что при обыске у меня найдено 3 номера газеты «Освобождение»⁶ (издания хотя и заграничного, но не революционного) и печатная программа, изданная парижским журналом «Жизнь»⁷ (равным образом неревolutionным). Вместе с тем, ротмистр Козлов взял всю имевшуюся у меня переписку с моими родными и другими лицами (начиная с детского возраста, всего лет за 25), составившую большую корзину, один разбор которой может занять довольно долгое время. Это последнее обстоятельство может грозить мне довольно долговременным задержанием. Между тем, я считаю свой арест полнейшим недоразумением.

Я очень хорошо знаю, что начальник жандармского управления, в силу данных ему полномочий по положению об усиленной охране⁸, имеет формальное право меня арестовать. Но едва ли такая сильная мера пресечения возможности уклоняться от следствия и суда может серьёзно оправдываться нахождением у меня

---

¹¹ См.: Большая советская энциклопедия: В 66 т. М., 1934. Т. 34. С. 323–324; Родина. 1991. № 8. С. 68.

выше поименованных предметов; что же касается до моей якобы преступной политической деятельности, то я совершенно уверен, что первый же допрос докажет всю неосновательность подобных подозрений. В апреле минувшего года я также был арестован в Петербурге за подпись мною вместе с другими вполне благонамеренными лицами двух совершенно лояльных заявлений, адресованных к правительству по поводу событий, имевших место 4 марта на Казанской площади⁹. И хотя я не перестаю считать принятые против меня вслед за тем меры преследования полнейшею несправедливостью, тем не менее, я, по крайней мере, знал тогда, за что эти меры на меня обрушились. Теперь же я решительно не знаю, за что попал в тюрьму, так как с тех пор и до настоящего времени я не принимал никакого участия ни в какой противозаконной политической деятельности, посвятив всё своё время научной и литературной работе, что легко может быть доказано даже и найденной у меня при обыске перепиской и составленными мною журнальными статьями.

Если я имею образ мыслей, несогласный с нынешним правительством, если я даже позволяю себе иногда читать брошюры не революционного, а лишь оппозиционного содержания, но не принимаю никакого участия ни в какой противозаконной политической деятельности¹⁰, то ведь едва ли можно признать справедливым заключение меня за одно только это в тюрьму без следствия и суда.

Ввиду всего выше изложенного, позволяю себе обратиться к Вашему превосходительству с просьбой, сделать распоряжение об освобождении меня из-под стражи и о скорейшем допросе меня подлежащею властью. Вместе с тем прошу не отказать моей жене¹¹ в разрешении видаться со мной или, по крайней мере, доставлять мне необходимые для меня предметы¹². Скорейшее окончание столь неожиданно начатого против меня преследования мне важно ещё и в том отношении, что в числе взятых у меня бумаг взяты и начатые мною литературные работы, до возвращения которых я буду лишён возможности, своевременно иметь, необходимый мне и моей семье, заработок.

Коллежский советник А. Корнилов.

Саратовская тюрьма. 1 ноября 1902 года.

ГАСО. Ф. 53. Оп. 1/1902. Д. 215. Т. 1. Л. 113–114. Автограф.

Комментарии

¹ Энгельгардт Александр Платонович (1845–1903), камергер двора его императорского величества, с 1901 г. по 1903 г. саратовский губернатор.

² На документе имеется пометка без подписи: «Прошение это принял начальник Саратовской тюрьмы».

В 1902 г. указанную должность занимал надворный советник (1900), кавалер ордена Св. Анны 3 ст. (1895) Владимир Семенович Орлов.

³ Козлов Николай Наумович, жандармский ротмистр, помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления в Вольском, Кузнецком и Хвалынском уездах.

⁴ Померанцев Дмитрий Семенович (1853 – после 1916), генерал-майор (1909), с 1902 г. по 1907 г. начальник Саратовского губернского жандармского управления.

⁵ Саратовская губернская тюрьма и второе арестантское отделение располагались на улице Московской, между ул. Камышинской и Царевской (ныне ул. Рахова и Пугачевская). В настоящее время в этих корпусах располагаются Кировское отделение милиции и Учреждение ИЗ-61/1 МВД РФ.

⁶ «Освобождение» – либеральная газета, издавалась в 1902–1905 гг. за границей, сначала в Штуттгарте, затем в Париже.

⁷ «Жизнь» – литературно-политический журнал, выходил с 1897 г. в С.-Петербурге, а с 1901 г. по 1902 г. в Лондоне и Женеве.

⁸ Положение усиленной (чрезвычайной) охраны – особый правовой статус местности в государственном праве Российской империи, объявляемый при чрезвычайных ситуациях и гражданских волнениях.

⁹ 4 марта 1901 г. в Петербурге на площади у Казанского собора произошла грандиозная студенческая демонстрация, закончившаяся жестоким побоищем. «Полиция расправилась с демонстрантами, как с бунтарями. Избивали всех, даже случайных прохожих и зевак. “Искра” на основании корреспонденции называла число убитых – 6–8 человек, арестованных – примерно 1050 человек. Решением правительственного “особого совещания” студенты-руководители демонстрации были высланы в Сибирь» (Олесич Н. Господин студент Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1999. С. 142).

¹⁰ Подчеркнуто А.А. Корниловым.

¹¹ Корнилова (урожд. Фёдорова) Наталья Антиповна (1866–1906), первая жена А.А. Корнилова.

¹² Подчеркнуто синим карандашом не установленным лицом.

УДК 94(470.44) | 1912–1929 | 929[Любомиров+Платонов]

**«ЧУВСТВУЮ СЕБЯ ОЧЕНЬ НЕОПЫТНЫМ
В ДЕЛАХ ЛИТЕРАТУРНЫХ...»
(Письма П.Г. Любомирова С.Ф. Платонову 1912–1929 гг.)**

В.А. Соломонов

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: solomonovva@mail.ru

Впервые публикуемые письма П.Г. Любомирова к С.Ф. Платонову отображают начальный этап научной биографии историка, связанный с его работой над «Очерком истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг.», а также весьма напряженный период становления гуманитарной науки и образования в Томском и Саратовском университетах в годы постреволюционной смуты. В письмах приводятся ценные сведения о научно-исследовательской и педагогической деятельности П.Г. Любомирова, его коллегам и ученикам.

Ключевые слова: П.Г. Любомиров, С.Ф. Платонов, Петербург, Томск, Саратов, университет, библиотека, Смутное время, «Очерк истории Нижегородского ополчения», репрессии.

**«I FEEL MYSELF VERY INEXPERIENCED
IN MATTERS OF LITERATURE...»
(Letters P.G. Lyubomirov to S.F. Platonov, 1912–1929)**

V.A. Solomonov

The letters of P.G. Lyubomirov to S.F. Platonov are publishing for the first time. They represent the initial stage of the research biography of the historian, associated with his work on «Essay on the history of the Nizhny Novgorod militia 1611–1613». They also describe the intense period of formation of the humanities and education in Tomsk and Saratov universities during the post-revolutionary turmoil. The letters contain the valuable information about research and teaching activities of P.G. Lyubomirov, his colleagues and students.

Key words: P.G. Liubomirov, S.F. Platonov, St.-Petersburg, Tomsk, Saratov University, Library, The Time of Troubles, «Essay on the History of Nizhny Novgorod militia», repressions.

Имя Павла Григорьевича Любомирова (10 (22).08.1885 – 07.12.1935), одного из видных представителей последнего дореволюционного поколения историков навечно вписано в анналы

отечественной исторической науки. Его исследования по социально-экономической истории России эпохи феодализма, в особенности истории русского народа, промышленности и торговли XVII–XVIII вв.¹, давно сделались классическими образцами живой научной мысли.

Жизнь и творчество П.Г. Любомирова пришлись на трагически переломные для страны и российской науки годы – эпоху трех революций, Первой мировой и Гражданской войн.

После окончания исторического отделения историко-филологического факультета С.-Петербургского университета (1910) Любомиров был оставлен при кафедре русской истории для «приготовления к профессорскому званию», а 1 июля 1915 г. избран приват-доцентом этого университета и одновременно (с октября того же года) – преподавателем Высших курсов имени П.Ф. Ласгафта.

До своего переезда в Саратов П.Г. Любомиров в течение трех лет (с сентября 1917 г. по 2 июля 1920 г.) состоял профессором русской истории в Томском университете. Возможность перехода на новое место службы, вплоть до окончательного выяснения этого вопроса в высших инстанциях, для самого ученого представлялась делом, хотя и желательным, но практически неосуществимым.

В борьбу за возвращение П.Г. Любомирова в Саратов и привлечение его к преподавательской работе активно включился его университетский товарищ С.Н. Чернов². В надежде на поддержку и академические возможности С.Ф. Платонова, С.В. Рождественского, А.Е. Преснякова и А.А. Спицына в решении этого вопроса, он неоднократно обращался к ним с просьбой поддержать кандидатуру Павла Григорьевича и прислать необходимые рекомендации в Саратовский университет³.

Войдя в университетский коллектив молодым, но уже сложившимся ученым, виртуозно владевшим техникой исторического исследования и опубликовавшим к тому времени немало интересных работ⁴, П.Г. Любомиров очень скоро стал одной из

---

¹ См.: Список печатных работ П.Г. Любомирова / Сост. Е.П. Подъяпольская // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 252–255.

² Подр. см.: Соломонов В.А. «Отношение П.Г. [Любомирова] к университету было чрезвычайно бережным и любовным»: С.Н. Чернов о саратовском периоде жизни П.Г. Любомирова // СКС. Саратов, 2002. С. 172–188.

³ Письма С.Н. Чернова С.Ф. Платонову от 21 марта 1919 г., 22 февр., 11 апр. и 9 мая 1920 г. // Деятели русской науки XIX–XX веков. Вып. 4. СПб. 2008. С. 539–540, 550–552.

⁴ См.: Список печатных работ П.Г. Любомирова...

самых крупных и авторитетных фигур не только на своей кафедре, но и на всем факультете. Являясь ученым и педагогом от Бога, он, по свидетельству М.Е. Сергеенко, «душу вкладывал в научную работу, потому что любил ее, как любит хороший мастер свое дело; он был блестящим лектором и превосходным учителем, потому что любил студентов и преподавание...»⁵.

В личности П.Г. Любомирова современников в не меньшей степени восхищало еще одно весьма редкое качество – его бережное и любовное отношение к университету, который он всегда ставил очень высоко и с которым непременно связывал многие свои планы и надежды. «Не жалея времени и сил, – замечал по этому поводу С.Н. Чернов, – он охотно, без сожаления и жалоб, отдавал ему свой труд и нервы и вошел во все стороны его жизни и работы. Он умел и других заставить беречь и любить университет, дорожить им и приносить ему в дар свое время и свои силы»⁶.

С 1920 г. по 1931 г. П.Г. Любомиров плодотворно занимался изучением проблем социально-экономического развития России XVIII – начала XIX века. Результатом этой научной работы в конце 1920-х гг. стали монография самого Павла Григорьевича⁷, а также ценные публикации его учениц – Е.Н. Кушевой, Е.П. Подъяпольской, Ю.А. Кузнецовой⁸.

Отстраненный в марте 1931 г. от заведывания кафедрой⁹, продолжать трудиться в стенах учреждения, не следующего не только духу, но и букве Университетского устава, историк больше

---

⁵ Сергеенко М.Е. Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете / Вступ. статья, публ. и коммент. Т.В. Андреевой // Деятели русской науки XIX–XX веков. СПб., 2000. Вып. 2. С. 297–298.

⁶ Андреева Т.В., Смирнова Т.Г. П.Г. Любомиров и С.Н. Чернов // Русская наука в биографических очерках. СПб., 2003. С. 478.

⁷ См.: Любомиров П.Г. Хозяйство Нижнего Поволжья в начале XIX в. Саратов, 1928.

⁸ См.: Кушева Е.Н. Из истории публицистики Смутного времени XVII в. // Учен. зап. Сарат. ун-та: Пед. фак-т. Саратов, 1926. Т. 5, вып. 2. С. 21–97; Подъяпольская Е.П. О поместном землевладении и колонизации в районе Аткарского уезда // Изв. Краевед. ин-та изучения Ю.-В. обл. при Сарат. ун-те. Саратов, 1927. Т. 2. С. 145–213; Кузнецова Ю.А. К истории колонизации Сердобского уезда: Материалы для историко-географического словаря // Тр. НВОНОК. Саратов, 1928. Вып. 35, ч. 2. С. 62–82.

⁹ Справка о расчете, произведенном дирекцией Саратовского университета с П.Г. Любомировым от 20 августа 1931 г. Машинопись // ОПИ ГИМ. Ф. 470 (П.Г. Любомиров). Оп. 1. Д. 225. Л. 194.

не мог. И подав заявление об отставке, Павел Григорьевич с 1 июня 1931 г. был отчислен из состава Саратовского университета.

Последним местом жизни и деятельности для П.Г. Любомирова стала Москва. Здесь он участвовал в составлении библиографического словаря деятелей русского революционного движения и разработке крупномасштабной научно-исследовательской программы «Каторга и ссылка в России»; занимался систематизацией и изучением архивных материалов в Государственном историческом музее; руководил работой аспирантов и активно сотрудничал с тремя вузами: Орехово-Зуевским педагогическим институтом (1932–1934), Историко-архивным институтом и Институтом философии, литературы и истории (1934–1935).

* * *

Несмотря на признание выдающихся заслуг П.Г. Любомирова перед исторической наукой, о жизненном и творческом пути этого незаурядного ученого мы до сих пор почти ничего не знаем. Специальной литературы на эту тему не много¹⁰. Целью настоящей публикации является стремление, опираясь на архивные материалы, восполнить образовавшуюся в историографии лакуну.

Из множества документальных свидетельств минувшей эпохи, имеющих большую историческую ценность, особую значимость

---

¹⁰ См.: *Казарин А.* П.Г. Любомиров как историк русской промышленности. М., 1948; *Погребинский А.* Исторические взгляды П.Г. Любомирова // *ВИ.* 1949. № 3; *Подъяпольская Е.П.* О судьбе одной книги П.Г. Любомирова // *АЕ* за 1975 год. М., 1976; *Кушева Е.Н.* П.Г. Любомиров в Саратовском университете: Страницы воспоминаний // *Историогр. сб.* Саратов, 1991. Вып. 15; *Куреньшев А.А.* «Разоблачение» профессора П.Г. Любомирова // *Годы и люди.* Саратов, 1992. Вып. 7; *Он же Судьба историка: П.Г. Любомиров. 1885–1935* // *Историогр. сб.* Саратов, 2001. Вып. 19; *Сергеенко М.Е.* Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете...; *Соломонов В.А.* «Отношение П.Г. [Любомирова] к университету было чрезвычайно бережным и любовным»...; *Андреева Т.В., Смирнова Т.Г.* П.Г. Любомиров и С.Н. Чернов...; *Митрофанов В.В.* П.Г. Любомиров в Томском университете // *Западная Сибирь: история и современность: краевед. зап.* Тюмень, 2005. Вып. 7; *Соломонов В.А.* Историк – страдающий: П.Г. Любомиров // *Историк и власть: советские историки сталинской эпохи.* Саратов, 2006. (Серия “Монографии”, вып. 11); Доклад Е.П. Подъяпольской на траурном заседании ученого совета ГИМ’а, посвященном памяти профессора П.Г. Любомирова / Публ., вступ. статья и коммент. В.А. Соломонова // *Новейшая история Отечества XX–XXI вв.: Сб. науч. тр.* Саратов, 2009. Вып. 3, и др.

для исследователей представляет рассредоточенный по разным архивохранилищам эпистолярный архив ученого.

В настоящем издании вниманию читателей предлагается лишь малая толика этого бесценного сокровища – 22 дружеских послания П.Г. Любомирова к своему университетскому наставнику профессору С.Ф. Платонову, отправленных из Саратова, Петербурга и Томска в период с 1912 по 1929 год.

Впервые вводимый в научный оборот в полном объеме¹¹, указанный комплекс источников не только характеризует личность талантливого и самобытного ученого-историка, но и иллюстрирует научные события общероссийского масштаба, в том числе историю развития отечественной гуманитарной науки в целом и ее конкретные научно-исследовательские направления в частности. Письма позволяют более объективно судить о типичных качествах, присущих ярким представителям российской научной мысли – высоком профессионализме и трудолюбию, чувстве ответственности за судьбы Отечества, высоких нравственных принципах и культурном уровне, разносторонности интересов и чистоте помыслов. Кроме этого эпистолярное наследие П.Г. Любомирова содержит в себе малоизвестные сведения о событиях, связанных с переломными и драматичными моментами в истории целого государства, являясь ценным источником для научных исследований этих проблем.

Текст писем печатается по рукописным оригиналам, отложившихся в личном фонде С.Ф. Платонова в Отделе рукописей Государственной Национальной библиотеки (С.-Петербург)¹², с сохранением всех стилистических особенностей. При публика-

---

¹¹ Проблема изучения взаимоотношений С.Ф. Платонова и П.Г. Любомирова, их личной переписки интересовала исследователей и ранее (см.: Митрофанов В.В. Об «одной из самых любимейших исторических тем» С.Ф. Платонова (С.Ф. Платонов и П.Г. Любомиров о Нижегородском ополчении времени Смуты) // Клио. СПб., 2006. № 1. С. 219–226; Кузнецова Н.П., Соломонов В.А. Из переписки П.Г. Любомирова и С.Ф. Платонова: (К истории взаимоотношений ученика и учителя) // СКС. Саратов, 2007. Вып. 3. С. 208–212; Соломонов В.А., Шишкина Т.А. С.Ф. Платонов и саратовское научное сообщество: (Из эпистолярного наследия ученого) // Историогр. сб. Саратов, 2008. Вып. 23. С. 54–71). Более того, в печати появлялись и пространственные цитирования (часто в искаженном виде) отдельных писем историка (см.: Митрофанов В.В. Об «одной из самых любимейших исторических тем» С.Ф. Платонова... С. 225–226).

¹² ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 15–41об.

ции данного источника, снабженного необходимыми в подобных случаях комментариями, учтены как авторские редакторские вкрапления, так и карандашные пометки, уточнения, выделения (подчеркивания) отдельных слов и фрагментов текста, сделанные рукой С.Ф. Платонова. Встречающиеся в документе авторские сокращения, равно как и неподдающиеся расшифровке слова и словосочетания, раскрываются квадратными скобками.

Считаю приятным долгом выразить искреннюю благодарность петербургским коллегам – Татьяне Васильевне Андреевой, доктору исторических наук, ведущему научному сотруднику СПб ИИ РАН и Наталье Борисовне Роговой, сотруднику ОР РНБ, откликнувшимся на мою просьбу провести дополнительное сличение текста публикуемых писем с архивным оригиналом.

Вступительная статья, публикация и комментарии
В.А. Соломонова

Письма П.Г. Любомирова к С.Ф. Платонову
(Саратов, Петербург, Томск, 1912-1929 гг.)

1

[Саратов, 6 июля 1912 г.]

Многоуважаемый Сергей Фёдорович!

Благодарю Вас за Ваше любезное письмо и спешу ответить на Ваши замечания и совет. Я вполне согласен с тем, что вероятных домыслов немало в моей заметке¹, но мне казалось, что они имеют кое-какие основания в документах и это роль их вспомогательная. Очень возможно, что увлекаемый желанием подробнее, с разных сторон аргументировать свое построение и возможно конкретнее представить картину истории ополчения² я незаметно для самого себя дополнял и дорисовывал уже не столько на основании материала, сколько на основании создававшегося во мне понимания его, старавшегося зацепиться за все, что можно. Очень просил бы Вас указать определенно, какие места кажутся Вам «просто вероятными “домыслами”», насколько велика их вероятность и нужны ли [нам]. За все указания буду глубоко благодарен.

Что же касается перемены формы, то должен я объяснить, почему заметка моя приняла именно такую.

Я начал писать историю ополчения (и думал бы, что теперь на основании отчасти новых материалов, а отчасти и при помощи старого можно кое в чем иначе изложить ее). Работа затянулась. Думал кончить к осени, но, к сожалению, лишен возможности летом работать так, как предполагал, да и москвичи задержались с изданием обещанных томов материалов³, а мне хотелось бы их посмотреть. Но и в том, что я успел сделать, датировка грамоты на Вологду⁴ отнимала слишком много места, разрывала изложение. И я решил попробовать выделить это в особую заметку. Но и для самого обоснования датировки пришлось забраться в историю ополчения, и тем более для выяснения, почему необходимо датировать декабрем, чем это лучше. Некоторые несоответствия заглавия содержанию чувствовалось мне самому. И я изменил заглавие (сначала было о датировке грамоты), прибавил подзаголовок и утешал себя тем, что ведь речь идет и о содержании грамоты, значит, до некоторой степени мои рассуждения – ответ на заглавие. Конечно, в целой истории ополчения, если бы она оказалась пригодной к тому, чтобы увидеть свет, пришлось бы снова, но [неразборчиво] в другой связи, говорить о том же, о чем и в

этой заметке, но и тут я утешал себя тем, что-де заимствования у самого себя позволительны. Вот Вам полная исповедь. Признаюсь еще, что в виду того, что надежда закончить, может быть хоть к январю, историю ополчения целиком и, – надеюсь, и прошу разрешить мне сделать это, – представить ее на Ваш суд, меня еще не покинула, я вовсе затрудняюсь, по крайней мере сейчас, переделать эту заметку так, чтобы она лишь помогла, а не помешала мне в дальнейшем. Но возможно, конечно, что история ополчения и не будет стоить опубликованья. У меня пока нет оснований верить в то, что она будет напечатана⁵. Может быть, если отдельные места будут этого стоить, лучше будет сделать из них также отдельные заметки.

Чувствую себя очень неопытным в делах литературных, и был бы Вам очень благодарен за всякие указания, что можно было бы сделать в этом случае.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас за Вашу постоянную отзывчивость на мои просьбы.

Уважающий Вас П. Любомиров.

Саратов. 6/VII.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 15–17об. Автограф.

¹ См.: Любомиров П.Г. Одна из грамот князя Пожарского (Этюд из начальной истории Нижегородского ополчения) // ЖМНП. 1912. Нов. сер. Ч. XLII, № 12, отд. 2. С. 225–256.

² Второе народное (нижегородское) ополчение, второе земское ополчение – ополчение, возглавляемое К. Мининым и князем Д.М. Пожарским, возникшее в сентябре 1611 г. в Нижнем Новгороде для борьбы с польскими интервентами.

³ Возможно, речь идет об издании: Смутное время Московского государства 1604–1613 гг. Материалы, изданные Обществом истории и древностей российских. М., 1910–1918. Вып. 1–9.

⁴ См.: Грамота из Нижнего на Вологду // ААЭ: В 4 т. СПб., 1836. Т. 2. № 201.

⁵ Речь идет о магистерской диссертации П.Г. Любомирова «Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг.», по мере написания которой, частями публиковавшейся в «Журнале Министерства народного просвещения» (1913. № 2, отд. 2. С. 301–340; № 3. С. 137–160; № 10. С. 274–322; 1914. № 3, отд. 2. С. 1–62; № 9. С. 1–94).

2

[Саратов, начало декабря 1912 г.]

Многоуважаемый Сергей Фёдорович!

К сожалению, моя статья не может быть выслана Вам к обещанному сроку. Дом, где я поселился, в начале декабря посетила скарлатина. Пока больную отвезли в больницу, пока сделали дезинфекцию, мне пришлось на несколько дней прервать свою работу. Разрешите выслать Вам обещанную первую часть к Рождеству, хотя бы это и сопряжено было с риском опоздать к февральской книжке журнала¹.

С искренним почтением к Вам П. Любомиров.
Мой адрес: Саратов, Крапивная ул., дом № 59.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 2-2об. Автограф.

¹ См.: Письмо № 1, коммент. 5.

3

[Саратов, середина декабря 1912 г.]

Многоуважаемый Сергей Фёдорович!

Глубоко благодарен Вам за Вашу телеграмму. Мне очень неловко. Я совсем не думал своим письмом доставить Вам лишнее беспокойство, а имел в виду только предупредить Вас в невольном запозданье. За Ваше всегдашнее внимание ко мне я Вам очень благодарен. Данная мне отсрочка позволяет внести кое-какие поправки и в ту часть статьи, которую я уже готов был послать Вам. Статья, видимо, будет больше того, что я предполагал. Одно введение – о состоянии Нижнего¹ и его уезда до 1606 г. и о роли Нижнего в последующих событиях до осени 1611 г. – займет около двух листов. Для истории ополчения такое введение мне кажется необходимым. По отношению же к журналу, если Вы признаете нужным это введение, меня успокаивают Ваши слова, что размерами можно не особенно стесняться. Постараюсь выслать Вам первую часть статьи на третий день Рождества².

Уважающий Вас П. Любомиров.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 1-1об. Автограф.

¹ *Нижний Новгород* – город, основанный в 1221 г. Великим князем Георгием Всеволодовичем. В XIV в. – столица великого княжества, в XV–XVII вв. – уездный, с 1714 г. – губернский город.

² *Рождество Христово* – один из главных Христианских праздников, установленный в честь рождения по плоти Иисуса Христа от Девы Марии.

Отмечается 7 января (25 декабря). В третий день Рождества – 28 декабря (по ст. ст.) – празднуется память Невинных Младенцев Вифлеемских.

4

[Саратов, конец декабря 1912 г.]

Многоуважаемый Сергей Фёдорович!

Мне очень неприятно, что я снова, и на этот раз еще больше запаздываю с высылкой рукописи. Шлю при этом даже незаконченную часть, чтобы дать возможность начать набор, если это нужно. На днях вышлю дальнейшее. Дело в том, что все мои надежды пошли прахом. Ехал я в Саратов с надеждой отдохнуть и, вместе с тем, вдали от возможности соблазниться какой-нибудь другой работой, отдаться одному ополчению. Однако обстоятельства сложились очень неблагоприятно и для отдыха, и для работы. Я, видимо, сильно устал. Переписываю уже сделанное, раз по десять перерабатываю отдельные места, иногда так и не добиваясь вполне желательного результата. Впрочем, последние несколько дней работа идет лучше. Это и позволяет мне надеяться, что еще до отъезда из Саратова (числа 4–5 я еду обратно в Петербург) вышлю Вам еще часть рукописи.

Очень извиняюсь, что так бессовестно задерживаю.

Уважающий Вас П. Любомиров.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 3–3об. Автограф.

5

[Саратов, январь 1913 г.]

Многоуважаемый Сергей Фёдорович!

Сегодня, наконец, отправил Вам первую часть статьи. Пришлось ограничиться одним введением. Сначала я было думал прибавить еще первую главу из истории самого ополчения (из-за этого и задержал отсылку), но потом решил этого не делать. Меня остановили размеры: введение, кажется, будет занимать больше 2 печатных листов; если бы прибавить еще главу, – перешло бы за три, а этого не много ли оказалось бы для одной книжки журнала. Но гораздо важнее было для меня другое соображение. Я не уверен в том, что мое введение Вы и редактор «Журнала»¹ сочтете необходимым. Начало истории ополчения в случаях помещения или не помещения введения будет, конечно, далеко не одинаковым. Я очень просил бы Вас уведомить о решении этого вопроса.

С глубокою благодарностью я принял бы все Ваши указания на недостатки первых двух глав моего очерка и постарался бы внести нужные поправки при чтении корректуры. Теперь мне особенно ценны были бы Ваши указания, так как пришлось иметь дело с материалами, с которыми раньше я был мало знаком. Теперь я вижу, что в своей заметке о грамоте Пожарского², доверившись Садовскому³ и неумело воспользовавшись писцовой книгой⁴, я наделал несколько досадных промахов (к счастью, не имеющих особенного значения для главных выводов). Боюсь, что подобные промахи могут оказаться и в этом очерке. Очень жалею, что не могу теперь приехать в Петербург и побеседовать с Вами об этой моей работе. Позвольте же еще раз просить Вас не отказать в указании недостатков работы. Буду Вам очень благодарен.

По размерам введения я уже думаю, что предположенных мною 5 листов будет мало для моего очерка. Может быть, придется печатать его не в двух, а в трех книжках «Журнала». Удобно ли это для редактора? Я не только не был бы недоволен таким разделением статьи, но прямо был бы рад в виду удлинения срока работы. Впрочем, все это только на тот случай, если Вы найдете статью годной для печати.

Мой адрес редакции известен. В Саратове буду, вероятно, до конца января. Об оттисках я напишу в редакцию при посылке корректуры (когда уже буду знать, что статья идет).

Крапивн[ая ул.,] 59.

Уважающий Вас П. Любомиров.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 11–12об. Автограф.

¹ Радлов Эрнест Леопольдович (1854–1928), историк философии, филолог и переводчик; в 1899–1916 гг. – редактор «Журнала Министерства народного просвещения».

² См.: Письмо № 1, коммент. 1.

³ Садовский Александр Яковлевич (1850–1926), историк, краевед, член-корреспондент АН (1916). С 1891 г. – член, в 1909–1918 гг. – председатель Нижегородской ГУАК.

В данном случае речь идет о публикации: *Садовский А.Я.* К материалам по исследованию Нижегородского уезда в «Смутноевремя» и вскоре после него (1613–1629 гг.). М., 1902.

⁴ См.: Писцовая и переписная книги XVII века по Нижнему Новгороду, изданные Археографической комиссией: I. Писцовая книга 1621–1629 гг. [СПб., 1896] // РИБ. СПб., 1898. Т. 17 (Сборный). Стб. 1–354.

[Саратов, 1913 г.]

Многоуважаемый Сергей Фёдорович!

Одновременно с этим письмом посылаю Вам данные мне Вами речь проф[ессора] Козловского¹ и Вашу статью², а также и свою работу. Очень извиняюсь, что так долго задержал речь проф[ессора] Козловского. В объяснение (но не в оправдание) могу сказать только, что я очень поздно (в конце июня) попал в Саратов, где мог, наконец, использовать эту речь для своей работы, но вышло затруднение с книгами, которые мне понадобились для справок, и работа несколько задержалась. Теперь все кончено, и я спешу выслать Вам книги. Очень благодарен за них.

Не знаю, пригодится ли моя работа для печати. Она, как увидите, очень громоздка, вероятно, листа 1½ – 2 печатных. Кроме столь присущей мне многословности виною тому и поставленная (может быть неправильно) цель – дать подробный разбор всех этих фантастических настроений. Для этого потребовалось сделать довольно много справок, отчего и дело замедлилось. Но пригодится или нет для печатания моя работа, я очень хотел бы иметь Ваш отзыв о ней. Очень просил бы Вас указать мне все недостатки моего первого опыта, касающиеся и построения, и изложения, и способов опровержения, и способов доказательства. Конечно, лишь при том условии, что это не затруднит Вас. Если окажется возможным напечатать, не откажитесь сообщить, какие потребуются поправки, годится ли.

P. S., вероятно ли мое предположение, что в [неразборчиво] двор[янской] книгах нет данных о поместьях XVI–XVII вв. (я никогда, признаться, не видел этих книг).

Еще раз извиняюсь за задержание речи проф[ессора] Козловского.

Уважающий Вас П. Любомиров.

Мой саратовский адрес: М[алая] Сергиевская ул., дом 53, В.И. Соколову³ для меня.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 13–14об. Автограф.

¹ Возможно, имеется в виду речь профессора И.П. Козловского во время его публичной защиты докторской диссертации «Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Т. 1: Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII в.» (Варшава, 1913).

Козловский Иван Павлович (1869–1942), историк, источниковед и краевед. С 1908 г. – профессор, заведующий кафедрой русской истории Варшавского университета, в 1920-е гг. жил и работал в Ростове-на-Дону, возглавлял Правление Краевого Общества археологии, истории и этнографии.

² Речь, вероятно, идет о статье: *Платонов С.Ф.* Вопрос об избрании Михаила Федоровича Романова в исторической литературе // ЖМНП. 1913. № 2. С. 177–190; отд. отт., 16 с.

³ Соколов Владимир Иванович, дядя П.Г. Любомирова по материнской линии.

7

[С.-Петербург, 1913 г.]

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович!

Пишу Вам, только что вернувшись от Вас домой, пишу потому, что очень хочется выяснить эту – по истине таинственную – историю с цифрой 2323.

Всю дорогу я был под впечатлением происшедшего у Вас в кабинете и все старался уяснить себе, как это я не заметил этой цифры. Дело в том, что прежде, чем обратиться к Вам с этим вопросом, я раза три пересмотрел все грамоты, напечатанные в приложениях к Дворцовым Разрядам¹; столбцы, Вами цитированные, я внимательно пересмотрел раз пять-шесть, все в поисках этой цифры. И не нашел ее. Тогда я и решился спросить Вас, не взяли ли Вы ее откуда-нибудь из другого источника. И когда Вы мне ее показали воочию, я ничего не понимал, как это могло произойти. Дома первым делом бросился к Дворцовым Разрядам. И – представьте себе – какая удивительная вещь! В моем экземпляре Дворцовых Разрядов цифры этой так и не оказалось. Страницы, точнее столбцы – идут правильно, пропуска нет; правильно идут и номера грамот. Всего у меня 67 номеров, напечатанных на 1045–1216 столбцах. Но грамоты с упоминанием отряда казаков в 2323 человека нет. Что это за история? Кажется, Дворцовые Разряды не переиздавались. Экземпляр, по которому я работаю (из библиотеки Исторического Семинария), датирован 1850 [г.], место печати – Петербург. Я не понимаю, что все это значит. Мне пришлось много пользоваться этим экземпляром, что же, все мои ссылки могут оказаться неверными? Может быть, здесь отсутствует не только одна эта грамота, а и другая? Как я жалею теперь, что не попросил у Вас Вашего экземпляра. Впрочем, я не мог предполагать такой невероятной вещи.

Напишите, пожалуйста, когда я могу прийти к Вам и взять Ваш экземпляр (если только он не нужен Вам); или даже я могу произвести проверку у Вас. Не скрою, что мне хотелось бы показать Вам экземпляр, по которому я работал, и очень хотелось бы узнать от Вас, в чем здесь дела. Я как-то ошеломлен этим открытием.

С совершенным почтением к Вам П. Любомиров.

P. S. Мне не удалось отправить письма вчера. Сегодня, несколько оправившись от вчерашнего впечатления, думаю, что могу затруднить Вас своей просьбой. Постараюсь сегодня же в Университете произвести сличение. Конечно, о результатах сообщу Вам немедленно.

П. Л[юбомиров]. 1913.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 6–7об. Автограф.

¹ См.: Дворцовые Разряды. 1612–1628. СПб. 1850. Т. 1.

8

[С.-Петербург, 10 октября 1913 г.]

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович!

Обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой, не признаете ли Вы возможным возбудить ходатайство о продлении моего оставления при Университете еще на год? Мне было бы крайне важно сохранить право входа в Университет и получение книг из Университетской библиотеки для моих занятий.

Признаюсь, мне несколько стыдно просить Вас о продлении моего оставления. Это будет четвертый год, а я еще не приступил к магистрантским экзаменам. Я уже представил Вам в прошлом году отчет о том, что мною сделано за первые два года по окончании Университета. К сожалению, третий прибавил очень мало. Вследствие стечения особых обстоятельств мне даже пришлось большую часть времени провести вне Петербурга. Тяжелые события отразились и на моем здоровье, не говоря уже о том, что они помешали моим занятиям. Работа над еще не законченным «Очерком истории Нижегородского ополчения» и один реферат на тему о начальной истории Саратова (в нем я пытался установить иные, чем принято думать, цели построения этого города и дать его историю за первые 25 лет)¹ в Саратовской Архивной Комиссии² – это и все, что удалось сделать в третий год. Надеюсь,

если обстоятельства не изменятся в худшую сторону, с весны 1914 [г.] начать свои экзамены.

С искренним почтением к Вам П. Любомиров.

10 октября 1913³.

Васильевский Остров, Малый пр., 32, [д.] 49.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 4–5. Автограф.

¹ Возможно, речь идет о статье П.Г. Любомирова «Саратовское наместничество в 1782 г.», неопубликованная рукопись которой ныне хранится в личном фонде ученого

² *Саратовская ученая архивная комиссия (СУАК)* – общественная научная организация, созданная в 1886 г. Подр. об этом см.: *Захаров В.М., Захарова Т.А. Саратовская ученая архивная комиссия (1886–1920)*. Волгоград, 2005; *Земли родной минувшая судьба (Саратовская ученая архивная комиссия и документальное наследие края)*. Саратов, 2007.

³ Здесь и далее в публикуемых письмах курсивом выделены пометки, сделанные рукой С.Ф. Платонова.

9

[С.-Петербург, весна 1914 г.]

Многоуважаемый Сергей Фёдорович!

Будьте добры назначить мне день и час, когда я мог бы возвратить Вам взятые мною у Вас книги и вместе переговорить о вопросах по русской истории для экзамена. С Сергеем Васильевичем¹ я уже договорился и теперь хотел бы выслушать Ваши мнения и указания по поводу намеченных мной вопросов.

С совершенным почтением П. Любомиров.

В[асильевский] О[стров,] 4 линия, 53, кв. 4.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 9. Автограф.

¹ Рождественский Сергей Васильевич (1868–1934), историк и архивист, член-корреспондент РАН (1920), зам. директора БАН (1925–1929). О нем см.: *Груздева Е.Н. Историк-археограф-архивист: С.В. Рождественский // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах Санкт-Петербургского университета*. СПб., 2002. Т. 1. С. 199–210.

10

[С.-Петербург, 1914/1915 г.]

Многоуважаемый Сергей Фёдорович!

Простите, что я снова беспокою Вас своими просьбами и все по поводу своего «Очерка истории Нижегородского ополчения».

Имея желание издать его отдельной книгой¹, но, совсем не имея средств для этого, я прошу Вас оказать мне содействие путем возбуждения перед факультетом ходатайства о напечатании моей работы в «Записках» факультета. Для отдельного издания мне хотелось бы исправить дефекты «Очерка», несколько переработать его и, сколько можно, дополнить. В этих видах мне было бы важно получить возможность съездить в Москву, чтобы в тамошних архивах навести некоторые необходимые справки и по возможности воспользоваться неизданными еще материалами. В связи с этими желаниями и намерениями стоит моя вторая просьба к Вам и через Вас к факультету, устроить мне командировку в Москву для работы в архивах с выдачей пособия на эту поездку, ибо – должен сказать откровенно – командировка без пособия мною едва ли может быть использована в настоящее время за отсутствием средств.

Еще раз прошу извинить меня за беспокойство.

Уважающий Вас П. Любомиров.

В[асильевский] О[стров,] 4 л[иния,] 53, кв. 4.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 8–8об. Автограф.

¹ См.: Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. Пг., 1917; Платонов С.Ф. [Рец.:] П.Г. Любомиров. Очерк истории Нижегородского ополчения. Пг., 1917 // РИЖ. 1918. Кн. 5. С. 290–294.

11

[С.-Петербург, не позднее 27 декабря 1916 г.]

Многоуважаемый Сергей Фёдорович!

Получил Вашу открытку вчера и не ответил сейчас же только потому, что еще раньше предполагал просить Вас принять меня как раз во вторник или среду. Но вот сегодня выяснилось, что эти вечера у меня заняты, и я спешу выслать Вам одновременно с письмом 5 листов «Очерка». Это пока все, что у меня есть. Может быть, напечатан уже и шестой лист (корректуры я прочел уже давно), но я его еще не видел. Попрошу типографию высылать Вам листы по мере печатания. Надеюсь за святки¹ кончить переработку текста; часть приложений уже готова.

Мне хотелось бы побеседовать с Вами и просить Вашего совета по некоторым вопросам в связи с печатанием «Очерка». Будьте

добры сообщить мне, когда я мог бы прийти к Вам после четверга. Может быть, Вы разрешили бы мне зайти в среду, 28-го, несколько ранее обычного часа? Утром то до 12, то до 1 часу я занят и на Святках почти все дни, так как некоторые из моих уроков продолжаются и на каникулах.

Уважающий Вас П. Любомиров.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 10–10об. Автограф.

¹ *Святки* (святые дни, святые вечера) – двенадцать дней после праздника Рождества Христова, до праздника Богоявления (с 25 декабря по 6 января).

12

Томск, 4 февр[аля] 1920[г.]

Многоуважаемый Сергей Фёдорович!

Пишу Вам, пользуясь случаем. Почта все еще не налажена. Письмо доставят в Москву, а потом, говорят, с Петроградом сношения в хорошем состоянии.

За прошедшие два года так много раз хотелось, и нужно было написать Вам по разным поводам, что теперь испытываю какое-то смущенье. О чем писать? О прошлом говорить подробно уже не стоит; многие вопросы – научные и педагогические – как-то отошли, утратили первоначальную остроту. Больше всего сейчас хотелось бы спрашивать Вас, как пережили Вы эти годы, как живете и над чем работаете, как вообще живет Петроград и дорогая мне университетская группа, особенно русские историки. Только изредка прорывался кто-нибудь через фронты, и мы получали кое-какие сведения о Петрограде, в частности о Вас. Последние вести у нас от весны 1919 г.

Весь наш первоначальный состав продолжает благополучно пребывать в Томске. В пополнение мы получили с осени прошлого года прекрасного лингвиста, ученика Розвадовского¹ из Кракова, А.И. Смешека², и с этой осени специалиста по искусству Б.П. Денике³ (бывший казанский прив[ат]-доц[ент]). Кроме того весьма много [помог] нам попавший к нам с осени 1919 г. казанец профессор Мих[аил] Мих[айлович] Хвостов⁴; недавно он согласился даже на наши просьбы стать томским проф[ессором] и выбран⁵. С осени этого года к нам приехали пермяки – 9 человек, и этот год в отношении преподавателей у нас довольно богат⁶. Но мне не везет;

я все один представляю здесь русскую историю. В первом году я только читал, ибо приехал очень поздно – в конце марта. В прошлом и в этом году у меня кроме 4 час[ов] лекций еще по 3 группы занятий. Тяжело; тем более что кроме Университета зимою и летом мне же приходится вести и другую работу: лекции для учителей, выработка программ и пр[очее]. Прямо не представляю себе, что буду делать на будущий год, если еще никто не приедет. Впрочем, если бы представился случай, я уехал бы из Томска. Но это, кажется, беспочвенные мечтанья⁷. Впрочем, есть нечто и связующее с Томском. У нас здесь очень недурной факультет, дружная работа; заметны и результаты нашего здесь пребывания. Но трудно работать для себя; неважно пока с книгами. У меня лично и еще большие «но»: семья моя⁸ до сих пор в Саратове, и я в Томске один, даже вестей не имею больше полгода. Живу надеждами⁹.

Был бы очень благодарен, если бы Вы написали мне. Адрес – Университет.

Уважающий Вас П. Любомиров.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 18–19об. Автограф.

¹ Розвадовский [Rozwadowski] Ян Мiхал (1867–1935), польский лингвист-славист, профессор Краковского университета.

² Смешек [Smieszek] Антони Иосиф (Józef; 1881–1943), польский лингвист и египтолог, профессор кафедры сравнительного языкознания Томского (с 1919), кафедры египтологии Познаньского (1921–1923) и Варшавского (1934–1939) университетов.

³ Денике Борис Петрович (1885–1941), историк и искусствовед, профессор Казанского (до 1918), Томского (1919–1920) и Московского (с 1921) университетов, директор Музея Востока (1925–1929).

⁴ Хвостов Михаил Михайлович (1872–1920), историк и антиковед, профессор Казанского (1915–1919) и Томского (1919–1920) университетов.

⁵ «М.М. Хвостов был прикомандирован к Томскому университету 3 октября 1918 г. Работал он там немногим меньше полутора лет. 4 декабря 1919 г. Совет историко-филологического факультета Томского университета поставил вопрос об избрании М.М. Хвостова профессором по кафедре всеобщей истории. Были заслушаны отзывы комиссии по оценке трудов профессора Хвостова в составе С.И. Протасовой, П.Г. Любомирова, С.И. Гессена. Баллотировка была единогласная. 13 декабря 1919 г. это решение факультетского Совета было утверждено Ученым Советом университета» (Шофман А.С. Михаил Михайлович Хвостов. Казань, 1979. С. 15).

⁶ «В годы Гражданской войны в Томск была эвакуирована часть преподавателей и студентов Казанского и Пермского университетов (в течение 1918–1919 гг.). В университет влилось большое количество профессоров и

преподавателей этих учебных заведений. Приехавшие в Томск сотрудники университетов искали возможность работать в стенах Томского университета, поэтому деканы историко-филологических факультетов эвакуированных вузов ходатайствовали перед деканом историко-филологического факультета о возможности вести здесь курсы и практические занятия.

В Томском университете стали преподавать профессора Б.Л. Богаевский, Ю.Н. Верховский, С.П. Обнорский, А.И. Сырцов, Л.А. Булаховский, А.П. Дьяконов, Н.Н. Фиолетов, Б.П. Деннике, а вместе с ними и некоторые другие приват-доценты и преподаватели.

Благодаря пермским и казанским профессорам, а также преподавателям из числа военнопленных, захваченных на фронтах Первой мировой войны, спектр исторических, филологических и философских дисциплин, преподаваемых на историко-филологическом факультете, значительно расширился. Стали изучать санскрит, историю искусства, историю церкви и т.п.

<...> После окончания Гражданской войны и установления в стране советской власти все преподаватели были откомандированы обратно в свои университеты, лишь немногие из них остались в Томске» (Историческому образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах / Сост. Д.В. Хаминов, С.А. Некрылов. Томск, 2008. С. 13–14).

⁷ При активном содействии С.Н. Чернова и поддержке петроградских историков (С.Ф. Платонова, С.В. Рождественского, А.Е. Преснякова, А.А. Спицына), «беспочвенные мечтанья» П.Г. Любомирова в том же году обрели вполне явственные очертания. 2 июля 1920 г., взамен переехавшего в Харьков В.И. Веретенникова, он был избран профессором и заведующим кафедрой русской истории Саратовского университета.

⁸ На данный момент семья П.Г. Любомирова состояла из жены Екатерины Фёдоровны, урожд. Берёзовой (1887–1955) и сына Игоря (1915 – после 1978).

⁹ О трудностях общения ученого с семьей свидетельствует и письмо С.Н. Чернова С.Ф. Платонову от 22 февраля 1920 г.: «Жена Павла Григорьевича получила от него телеграмму без ясной даты (видимо, от 23 дек[абря]); в ней пишет, что здоров. Один из родичей жены П[авла] Г[ригорьевича] попал в Томск, виделся с П[авлом] Г[ригорьевичем] и сумел уведомить ее об этом телеграммой же. Ждем новых вестей. Сынишка П[авла] Г[ригорьевича] – прелесть» (Письма С.Н. Чернова С.Ф. Платонову. 1915–1922 гг. ...С. 548).

13

[Саратов, 27 апреля 1921 г.]

Многоуважаемый Сергей Фёдорович!

Давно бы надо было и неоднократно хотелось написать Вам, но то было очень тяжелое настроение, то вопросы, о которых думал побеседовать с Вами, становились неопределенно. Как будто теперь – не знаю, прочно ли – стало яснее и вот пишу.

В нашей саратовской группе историков заметен интерес к вопросам о постановке преподавания истории в высшей школе. У

нас были и будут беседы на эту тему. Но хотелось бы послушать людей более опытных и более авторитетных. Хотелось бы обменяться мнениями и о программах, и о постановке курсов, и о практических занятиях. Нельзя ли было бы устроить съезд¹ или хотя бы совещание по этим вопросам? Не могла ли бы Академия взять на себя организацию этого?

Рядом с этим у меня давно уже мысль о всероссийском съезде всех исследователей родного прошлого. Давно не было таких съездов. Не время ли их возобновить? Физики уже провели съезд². Впрочем, мне хотелось бы видеть не просто восстановление археологических съездов³. Хорошо послушать о новых исследованиях. Но нельзя ли поставить на обсуждение вопросы о систематизации работ, об общих работах, распределенных среди специалистов? Здесь уж, кажется мне, был бы прямо необходим почин высшего и наиболее авторитетного органа – Академии наук. Я делился своими мыслями с Сергеем Николаевичем⁴. Он разделяет их⁵; и с его согласия пишу я Вам. Но, конечно, мы можем, и ошибаться. Может, и невозможно в настоящее время созывать такие съезды? Это судить не нам и особенно не мне, который очень плохо осведомлен обо всем и в частности об условиях жизни и работах в столицах. Очень хотелось бы поехать туда, поработать, посмотреть, в Петрограде – главное – побеседовать с Вами, с Александром Евг[еньевичем]⁶, с Сергеем Васильевичем⁷ и др. Но не знаю, удастся ли. Прошое лето не мог ехать. Относительно наступающего – все еще так неопределенно. Да и застану ли я Вас? Я мог бы – в лучшем случае – быть в Петрограде не ранее июня. Нужно еще кончить курс и занятия в Университете. Им я удовлетворен. Группа ближайших сотоварищей историков дает многое во взаимном постоянном общении. Довольно много слушателей и главным образом слушательниц. Среди них есть люди, с которыми очень приятно заниматься⁸. Идет научная работа и в Университете, и в Об[щест]ве (бывш[ей] Архивн[ой] Ком[иссии])⁹; много заседаний и докладов. Но у меня-то времени для работы своей маловато, хотя и читаю, и мечтаю о новых статьях. Между прочим, мне хотелось бы здесь наладить некоторые работы по Смутному времени с группой, у меня работающей, и хотелось бы с Вами посоветоваться, стоит ли это делать, нужно ли тратить силы свои и молодых сотрудников. Вот что, думается мне, в первую очередь можно бы предпринять: справочные пособия – списки воевод за Смуту, состав центральных учреждений, состав Думы Государевой с указанием отсутствующих, списки тушинцев; кажется, мне очень

полезно..., дать и свободный документально проверенный текст Разрядных за Смуту. Далее уже в виде возможных рисуются отдельные заметки о памятниках, явлениях и событиях. Если эту программу стоит осуществлять, то можно ли надеяться напеча[та]ть, напр[имер], в Летописи занятий Археогр[афической] Ком[иссии]¹⁰ или в каком-нибудь академическом издании, или как-нибудь иначе? Здесь, в Саратове, по части печатания много затруднений и очень туго на счет бумаги. Надеюсь, что в Петрограде, особенно с началом привоза из-за границы, бумага есть.

Есть у меня и личные работы кое-какие. Много сделано уже (и скоро я мог бы кончить совсем) на тему о торговых связях древней Руси с Востоком, главным образом покладам дирхемов¹¹. Тут и вопросы о путях сообщения древней Руси и еще кое-что попутно. Если получу к лету библиотеку и рукописи из Томска, то к осени закончил бы маленький этюд о Софье Алексеевне¹².

Очень хотел бы знать, как Вы живете. По доходящим до Саратова изданиям знаю кое-что о Ваших новых работах. Испытывая большое удовольствие, прочитал «Русы»¹³; видел, но еще не дошла моя очередь в чтении, Вашего «Бориса Годунова»¹⁴. Очень признателен Вам за отзыв о моей работе¹⁵; я познакомился с ним [только] в Саратове.

Письмо получите Вы, вероятно, на Пасхе, позвольте поздравить Вас с праздником, а также и Вашу супругу¹⁶, которой прошу передать мой привет.

Искренне уважающий Вас П. Любомиров.

27 апреля.

Саратов, Крапивная [ул.], 59.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 20–23об. Автограф.

¹ Здесь и далее подчеркнуто синим карандашом С.Ф. Платоновым.

² Имеется в виду I съезд Российской ассоциации физиков, состоявшийся в Москве в сентябре 1920 г.

³ *Археологические съезды* – съезды археологов, проводившиеся в Российской империи. За период с 1869 по 1911 г. было проведено 15 съездов. 16-й Археологический съезд, намеченный на 1914 г. в Пскове, не состоялся в связи с начавшейся Первой мировой войной. В СССР их роль играли ежегодные сессии Отделения истории АН СССР, пленумы Института археологии АН СССР, посвященные итогам полевых исследований. Традиция проведения Археологических съездов в России возродилась лишь в 2006 г.

⁴ Чернов Сергей Николаевич (1887–1941), историк, краевед, ученик А.Е. Преснякова и С.Ф. Платонова, близкий друг П.Г. Любомирова. С 1917 г. –

приват-доцент, в 1918–1928 гг. – профессор Саратовского университета. О нем см.: *Андреева, Т.В., Соломонов, В.А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 / Отв. ред. А.Н. Цамутали. Саратов, 2006.

⁵ См.: Письма С.Н. Чернова С.Ф. Платонову. 1915–1922 гг. ... С. 568.

⁶ Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929), историк, источниковед и археограф, чл.-корр. РАН (1920), проф. Петерб. – Петрогр. ун-та (с 1914). О нем см.: *Чирков С.В.* Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929) // *Историки России. Биографии* / Сост., отв. ред. А.А. Чернобаев. М., 2001. С. 485–491.

⁷ С.В. Рождественский.

⁸ Аналогичным впечатлением от общения с саратовским студенчеством делился с С.Ф. Платоновым и С.Н. Чернов, писавший ему в мае 1920 г.: «В добавление к тому большому письму хочется сказать, какая у нас хорошая студенческая молодежь. Вы, Сергей Фёдорович, видели много хорошей молодежи, много ее учили, но, думается, и Вам она показалась бы отменно хорошей, необычайно удачного состава. Сколько желания работать, и какие хорошие работы! Жалко порою даже уходить из аудитории, и просиживаешь в ней с охотою лишние часы. Работать же ей приходится при отчаянно тяжелых условиях общего и личного порядка» (Письма С.Н. Чернова С.Ф. Платонову. 1915–1922 гг. ... С. 558).

⁹ Саратовское общество истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ), созданное на базе существовавшей с 12 декабря 1886 г. Саратовской Ученой Архивной Комиссии, действовало с 21 июня 1920 по 29 сентября 1923 г. Первым и единственным председателем его был С. Н. Чернов (см.: *Данилов В.Н.* «Золотое десятилетие» саратовского исторического краеведения (1920-е годы) // *Поволжский край*. Саратов, 2000. Вып. 11. С. 171–174).

¹⁰ *Летопись занятий Археографической комиссии* (ЛЗАК) – неперIODическое издание Археографической комиссии, выходившее с 1862 по 1929 г.

¹¹ См.: *Любомиров П.Г.* Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII–IX вв. (преимущественно по данным о кладах восточных монет) // *Учен. зап. СГУ*. Саратов, 1923. Т. 1, вып. 3. С. 5–38.

«Названная статья дает новое и очень убедительно предлагаемое построение древнейшей русской истории; она основана на огромном монетном материале, сведения о котором собраны с исчерпывающей полнотой, обстоятельно и точно выверены; вся изобилует меткими наблюдениями, острыми соображениями методологического порядка. Она по справедливости должна быть сочтена одной из самых лучших работ П[авла] Г[ригорьевича]» (*Андреева Т.В., Смирнова Т.Г.* П.Г. Любомиров и С.Н. Чернов... С. 474).

¹² Спустя два года работа над этюдом, «...в котором П[авел] Г[ригорьевич] развернул на широком фоне острой социальной борьбы в Москве конца XVII века яркую и красочную картину завоевания власти царевной и показал, как эта борьба обусловила собой и временные успехи и конечные неудачи Софьи» (Там же), была завершена, тем не менее он так и остался ненапечатанным (*Любомиров П.Г.* Доклад о Софье Алексеевне. 18.XI.1923 г. Рукопись // ОПИ ГИМ. Ф. 470 [П.Г. Любомиров]. Д. 189. Л. 270–278).

Софья Алексеевна (1657–1704), царевна, дочь царя Алексея Михайловича, в 1682–1689 гг. регент при младших братьях Петре и Иване.

¹³ См.: *Платонов С.Ф.* Руса // *Дела и дни*. Пг., 1920. Кн. 1. С. 1–5.

¹⁴ См.: Платонов С.Ф. Борис Годунов, Пг., 1921.

¹⁵ Имеется в виду официальный отзыв С.Ф. Платонова о научной деятельности П.Г. Любомирова, необходимый для избрания последнего на вакантную профессорскую должность в Саратовском университете. После ряда обращений по этому поводу к Платонову (11 апреля и 9 мая 1920 г.), С.Н. Чернов в своем письме к нему от 14 мая того же года с радостью констатировал: «Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Фёдорович! Спасибо вам за такую хорошую рекомендацию Павла Григорьевича. Думаю, что его нельзя будет при ее наличии не избрать. То-то будет хорошо, когда он здесь появится!» (Письма С.Н. Чернова С.Ф. Платонову. 1915–1922 гг. ... С. 550–553).

¹⁶ Платонова (урожд. Шамонина) Надежда Николаевна (1861–1928), жена С.Ф. Платонова.

14

[Москва, 5 октября 1921 г.]

Многоуважаемый Сергей Фёдорович!

Очень рад был услышать, что Вы оправились от своей болезни, что вновь и по-прежнему работаете. Еще более был бы рад увидаться с Вами, но вот все не удается. Летом дела по Университету задержали меня в Саратове, и только в августе мог я вырваться на две недели¹. Я уехал с намерением быть и в Петрограде, имел и командировку туда; но, увы, мои документы оказались неудовлетворительными с точки зрения железной дороги. На хлопоты в Москве должно было уйти три дня, а у меня истекал срок командировки, кончались деньги... Узнав о конференции², поехал вновь в Москву в надежде увидеть и Вас на этом съезде. Но приходится ограничиваться вновь только письмом.

Хотелось бы поговорить с Вами о многом и, между прочим, о том издании, о котором я уже писал Вам³. Теперь мне оно рисуется в более или менее определенных чертах «Сборник по Смутному времени». Три отдела могли бы быть в этом сборнике. Первый – неизданные документы по Смуте. В моих руках одна грамота в Сибирь царя Бориса с любопытной черточкой⁴, грамота Шуйского во Псков 1606 г.⁵ с извещением о событиях майских (ее в случае отсутствия или недостатка места можно было бы печатать не целиком; в ней важны данные о Псковских воеводах: там был Вас. П. Морозов⁶, вот почему его не заметно в Москве при Димитрии⁷) и 3) новая редакция – как будто совершенно самостоятельная о Псковском пожаре 7117 г.⁸ с интересным указанием, что владыка Псковский⁹ этого времени был прислан из Тушина.

Во второй отдел я хотел бы дать три статейки, большую часть по неиспользованным материалам: 1) о смерти Минина¹⁰ с

попыткой несколько уточнить наши сведения, 2) «Выдвиганье Пожарского в Хронографе ред. 1617 г.»¹¹ – мне удалось найти в параллель знаменитой защите Гермогена¹² нечто аналогичное о Пожарском – и 3) о литературной истории Сказания Палицина¹³ – мною найден список Сказания, близкий к I редакции, но и существенно от нее отличающийся; по-видимому, это более ранний, чем в I ред[акции] текст; тут же я попытался бы установить и дату этой работы. В третий отдел Сборника вошли бы те указатели и списки, о которых я Вам уже писал: городских воевод, членов Думы, дьяков в приказах, тушинцев. Если бы такой порядок был принят, я мог бы в ближайшие месяцы доставить материалы первого и второго отделов, были готовы, надеюсь, и материалы для третьего. Буду Вам чрезвычайно признателен, если Вы сообщите мне Ваши замечания о моих предположениях. Очень просил бы Вас указать, что нужно предпринять, чтобы напечатать такой Сборник, если он того заслуживает¹⁴.

Другое дело, о котором хотелось бы побеседовать с Вами, это исторический съезд, о котором я уже писал Вам. Ряд съездов этого года – в том числе и такие, как ботанический¹⁵ или конференция архивников – еще сильнее возбуждает надежды и зависть историков. Можно было бы придать и известный практический уклон ему. Потребность работы и создания исторических исследовательских институтов особенно побуждают к тому. Можно было бы поговорить о больших коллективных работах по составлению словарей – истории языка, терминов, биографического, атласа¹⁶ исторического; об установлении единых приемов издания материалов... Да разве мало можно поставить таких вопросов! Впечатления от архивной конференции еще более убедили меня, что главную роль может и должен считать тут Петроград, конечно, при участии Москвы и провинции и в подготовке съезда. Я говорил кое с кем на конференции о съезде: все, кроме Александра Евгеньевича¹⁷, выражали желание и говорили о возможности собрать его. Александр Евгеньевич пессимист в отношении возможности. Но я знаю, что в Москве начинают говорить и принимаются за поддержку археологических съездов. По-видимому, надеются...

Уже до личного свиданья, которое – все еще надеюсь, – состоится в недалеком будущем; придется отложить другие темы: легче беседовать на них, чем писать.

Пока позвольте пожелать Вам всего-всего лучшего.

Уважающий Вас П. Любомиров.

Москва. 5 окт[ября] 1921.

Мой саратовский адрес – Крапивная [ул.], 59.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 24–27об. Автограф.

¹ П.Г. Любомиров был командирован для научных занятий на 2 недели в Москву с 15 августа по 1 сентября 1921 г. (Архив СГУ. Д. 42 [П.Г. Любомиров]. Л. 4).

² I Всероссийская конференция архивных деятелей, проходившая в Москве 29–30 сентября 1921 г.

³ См.: Письмо 13.

⁴ См.: Грамота царя Бориса в Тарской с разрешением постричься казаку Константину Пантелееву от [4] февраля 1604 г. // Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. Прил. 4. С. 302.

⁵ Так в тексте; правильно – 1610 г. (см.: Грамота (в списке) царя Василья во Псков с извещением о совершившемся в Москве государственном перевороте и об открытии мощей царевича Димитрия, с приложением документов, изобличающих расстригу в измене вере и Отечеству, от 10 июня 1610 г. // Там же. С. 302–304).

⁶ Морозов Василий Петрович (?–1630), боярин, с весны 1608 г. первый воевода в Казани.

⁷ Лжедмитрий II, Тушинский (Калужский) вор (начало 1580-х гг.– 1610), самозванец, выдававший себя за сына Ивана Грозного, царевича Димитрия.

⁸ См.: Описание псковского пожара 15 мая 1609 г. // Там же. С. 304–305.

⁹ Иосиф, епископ Псковский и Изборский (1610).

¹⁰ Минин Кузьма (полное имя – Кузьма Минин Сухорук; конец XVI в. – 1616), русский национальный герой, организатор и один из руководителей Земского ополчения 1611–1612 гг. в период борьбы русского народа против польской и шведской интервенции. Умер 21 мая 1616 г. и был погребен в Спасо-Преображенском соборе на территории Нижегородского кремля.

¹¹ См.: Любомиров П. Изображение Пожарского в новом списке «Хронографа 1617 г.» // Культура. Научное приложение. Саратов, 1922. № 2–3. С. 17–21.

Пожарский Дмитрий Михайлович, кн. (1578–1642), русский национальный герой, один из руководителей освободительной борьбы русского народа против польских и шведских интервентов в начале XVII в.

¹² Имеется в виду статья П.Г. Васенко «Новые данные для характеристики патриарха Гермогена» (ЖМНП. 1901. № 7. С. 138–145).

Гермоген (Ермоген, в миру – Ермолай; ок. 1530–1612), церковный и общественный деятель эпохи Смутного времени. Патриарх Московский и всея Руси (1606–1612).

¹³ См.: Любомиров П.Г. Новая редакция «Сказания» Авраамия Палицына (К литературной истории «Сказания») // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 226–248.

Палицын Авраамий (в миру – Аверкий Иванович; ок. 1550–1626), русский церковно-политический деятель и писатель XVII в.

¹⁴ Осуществить задуманный издательский проект в полном объеме ученому не удалось. Из намеченных П.Г. Любомировым для включения в состав «Сборника» материалов свет увидели лишь некоторые его работы (см.: Коммент. 11, 13, а также: Любомиров П.Г. Новые материалы для истории Смутного времени // Учен. зап. СГУ. Саратов, 1926. Т. 5, вып. 2, педфак. С. 99–106; перизд.: Он же. Очерки истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. М., 1939. Прил. 4. С. 299–313).

¹⁵ Первый Всероссийский съезд ботаников, проходивший в Петрограде 25 сентября – 5 октября 1921 г.

¹⁶ Подчеркнуто синим карандашом С.Ф. Платоновым.

¹⁷ А.Е. Пресняков.

15

[Саратов, 11 января 1922 г.]

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович!

Простите за долгое молчанье. Хотел вместе с ответом послать Вам часть проектируемого сборника в надежде, что где-нибудь в Петербургских изданиях он найдет себе приют. Но в последние две недели дело несколько изменилось. Факультет обещал в первую очередь напечатать (точнее дать средства для напечатания) моей статьи о новой редакции Истории Палицына. Я закончил работу над ней и теперь, уже не в виде предположения, сказал бы, что это более первоначальный, чем «I редакция», текст и текст более исправный. Кроме Палицына кончил работу над Пожарским в новом списке статей о Смуте из Хронографа и сдал в печать. Тут задуман и уже осуществляется журнал¹, где дадут приют и чисто научным работам – в виде особого приложения. Обещают в январе выпустить первый номер; там и обещано поместить Пожарского. Конечно, по получении оттисков немедленно вышлю Вам, и буду ждать Вашего отзыва. Приготовил было послать Вам новые материалы по Смуте, но раздумал. Оторванные от статей о Пожарском и Палицыне они показались бы малозначительными, и еще труднее было бы их устроить. Впрочем, судите сами. Вот что в моих руках: 1) грамота Бориса 1604 г. в Тарский² город с разрешением постричься одному казаку, в ней фраза, из-за которой главным образом, и хотелось бы опубликовать грамоту: «а сослан будет он в Сибирь не в нашей опале...»³; 2) грамота Шуйского во Псков от 10 июня 1610 [г.], аналогичная той, что в А.А.Э., II, № 48; в ней интересные данные о Псковских воеводах (В.П. Морозов, кн[язь] Ф[ёдор] Ал[ексан]др[ович] Звенигородский⁴ и Ив[ан] Грамотин⁵) и продолжение о чудесах от мощей царевича⁶ (по 8 июня); я не предполагал в случае экономии – печатать весь этот гро-

мадный (с приложениями) и уже известный текст, а только начало и конец грамоты и два-три места из середины с отличной от известных редакцией или с дополнениями (об исцелениях); 3) описание Псковского пожара [7]117 года, более подробное, чем известное, и – главное – с интереснейшим указанием, что владыка Псковский Иосиф был «нареченный Тушинским Вором⁷»; это описание можно бы напечатать целиком. К этому я дал бы маленькое предисловие с указанием, откуда взяты эти материалы. В общей сложности это было бы не свыше 1 листа, вероятно, даже около ½ листа. Если Вы найдете, что и сами по себе в отдельности материалы эти заслуживают быть напечатанными, я могу выслать Вам рукопись или – в крайнем случае – буду стараться устроить их здесь⁸.

С Софьей Алексеевной дело приостановилось: с одной стороны некогда очень, с другой – хочется в первую очередь напечатать работы, имеющие отношение к Смуте, о Ключевском⁹ и две статьи о восточной торговле в Руси Киевской и в XVI веке¹⁰. Но с Софьей дальнейшая работа обнаружила еще некоторые интересные детали. Бросать ее окончательно не хочу.

Но в Саратове есть и другие соблазнительные для работы вещи. Сейчас в Университете богатое рукописное собрание. Кроме Шляпкинского¹¹, – весной 1921 г. поступило громадное собрание, принадлежавшее ранее балаковскому миллионеру-старообрядцу П.М. Мальцеву¹². В хронографе его собрания нашел я любопытные строки о Пожарском; в сборнике его собрания и грамота Шуйского и описание Псковского пожара; есть в нем и еще кое-что, заслуживающее сверки с печатным материалом. А ведь это почти случайно выхваченные рукописи. Необходимо было бы систематически пересмотреть все это собрание, изучить особенно важные рукописи; а они, по словам нашего палеографа и хранителя рукописей – А.А. Гераклитова¹³, от XIV века. И так, приходится жалеть, что мало здесь нас – русских историков, что некому передать часть преподавательской работы, чтобы больше заняться ученой. С особым настроением жду решения вопроса об историческом исследовательском институте в Саратове¹⁴. Надеюсь, что с помощью научных сотрудников (а у нас есть хорошие люди среди университетской молодежи) можно было бы наладить кое-что.

Так и живешь в значительной мере надеждой, лишь немного делая в настоящем...

Всего-всего доброго Вам, дорогой Сергей Фёдорович, в наступившем новом году. Мы ждем от Вас еще много работ, ждем в частности Вами обработанного до конца курса.

Привет всем Вашим.

Сергей Николаевич¹⁵ просит передать Вам его сердечный привет.

Уважающий Вас

П. Любомиров

11.1.22 г.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 28–31об. Автограф.

¹ «Культура. Научное приложение» – журнал, орган Саратовского губернского отдела Союза работников просвещения и искусства. Издавался в Саратове в 1922 г.

² Подчеркнуто синим карандашом С.Ф. Платоновым.

³ «Эта оговорка позволила видному историку высказать предположение о широком размахе ссылки за Урал в царствование Годунова» (Солодкин Я.Г. О начальном этапе сибирской ссылки (конец XVI – начало XVII в.) // «Мира не узнаешь, не зная края своего». Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Нижневартовск, 1998. Вып. 1. С. 24).

⁴ Звенигородский Фёдор Андреевич, князь, в 1605 г., когда Лжедмитрий пошел из-под Кром на Тулу был вторым воеводой в сторожевом полку.

⁵ Грамотин Иван Тарасьевич (?–1638), подьячий, позже думный дьяк, видный деятель Смутного времени, трижды, при разных государях, возглавлял Посольский приказ.

⁶ Дмитрий Иванович (1582–1591), царевич, князь углицкий, младший сын Ивана Грозного. Канонизирован в 1606 г. как благоверный царевич Дмитрий Углицкий.

⁷ См.: Письмо 14, коммент. 7.

⁸ См.: Там же, коммент. 14.

⁹ Имеются в виду неопубликованные рукописи П.Г. Любомирова «Первые работы В.О. Ключевского» (1915) и «Заметки о Ключевском», находящиеся в личном фонде ученого (ОПИ ГИМ. Ф. 470 [П.Г. Любомиров]. Д. 184).

Ключевский Василий Осипович (1841–1911), историк, академик (1900), почетный академик (1908) Петербургской АН, профессор Московского университета (с 1882).

¹⁰ Речь идет о работах П.Г. Любомирова: «Торговые связи Древней Руси с Востоком в VIII–IX вв.» (см.: Письмо № 13, коммент. 11) и «Развитие восточной торговли во 2-й половине XVI в. и основание нижеволжских городов» (осталась неопубликованной).

¹¹ Речь идет об уникальном библиотечном собрании, завещанном И.А. Шляпкиным Саратовскому университету. Подр. об этом см.: Бурьян Л.К. И.А. Шляпкин и библиотека Саратовского университета // Тр. НБ СГУ. Саратов, 1959. Вып. 2. С. 130–131; Перетц В.Н. Описание собрания рукописей

профессора И.А. Шляпкина, принесенного в дар владельцем Саратовскому государственному университету // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 363–466; *Попкова Н.А.* Илья Александрович Шляпкин // Библиотека вуза: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр., посвященный памяти В.А. Артисевич. Саратов, 2002. Вып. 2. С. 6–17); *Соломонов В.А.* Письма Н.К. Пиксанова С.Ф. Платонову 1908–1927 годов // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2010. Вып. 2. С. 235–260.

Шляпкин Илья Александрович (1858–1918), литературовед, археограф, палеограф, член-корреспондент Петербургской АН (1907).

¹² Мальцев Паисий Михайлович (1856–1919), купец 1-й гильдии, старообрядец, библиофил. Его богатейшая коллекция рукописей XV–XVIII вв., рукописные и старопечатные книги пополнила впоследствии книжное собрание Российской государственной библиотеки в Москве, и легли в основание формирования фонда Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Саратовского университета. Подр. об этом см.: *Попкова Н.А.* Книжное собрание П.М. Мальцева в Научной библиотеке Саратовского университета // История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2011. Вып. 3. С. 133–153.

¹³ Гераклитов Александр Александрович (1867–1933), историк, палеограф и архивовед, профессор Саратовского университета (1928–1930), член СУАК (с 1908). О нем см.: *Попкова Н.А.* Александр Александрович Гераклитов // Гераклитов А.А. Воспоминания / Подгот. текста, публ., коммент. и вступ. статья Н.А. Попковой. Саратов, 2004. С. 5–25; *Соломонов В.А.* «В изучении источника он выступает мастером большого калибра» (С.Н. Чернов о научной деятельности А.А. Гераклитова) // АВЕС. Саратов, 2007. Вып. 5. С. 262–279.

¹⁴ Речь идет о Краеведческом институте по изучению Южно-Волжской области, реорганизованном в 1924 г. из Научно-исследовательского археологического института при Саратовском университете, возникшем в сентябре 1922 г. по инициативе и непосредственном участии С.Н. Чернова. С 1929 г. – Нижне-Волжский Институт Краеведения им. М. Горького, с 20 ноября 1939 г. – в составе областного музея краеведения.

¹⁵ С.Н. Чернов.

16

[Ст. Кудиново (с 1963 г. – Электроугли) МНЖД,
близ д. Полушкино Московской обл.,
11 августа 1925 г.]

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович!

Ваше письмо от 9/VII получил только сегодня, 11/VIII. Дело в том, что в Университете я был последний раз 10 июля, а на другой день выехал под Москву, где и живу по сей час и еще проживу недели 2–3. Живу, решительно ничем не занимаясь; отдыхаю, брожу по сосновым лесам; даже в Москве почти не бываю.

Ваше письмо [переслала] мне Ек[атерина] Ник[олаевна] Кушева¹, вероятно, случайно заглянувшая в наш почтовый ящик. Оттого отвечаю так поздно.

Удовлеть желание «почитателя» сейчас, понятно, не могу. К сожалению и в Саратове сейчас нет никого, кому можно было бы поручить это сделать. В конце августа или в начале сентября я буду дома и поспею исполнить Вашу просьбу.

Но так как этот «читатель отцов поморских» готов даже деньги затратить, то на всякий случай скажу ему, что в одном из магазинов на Литейном (как говорили мне) продаются издания Яксанова², который издал и «В[ыговское] общежительство»³. Поэтому если книжка нужна спешно, может быть, он захочет поискать ее там.

Я собирался на сентябрь в Ленинград поработать в архивах, но, кажется, едва ли придется⁴. По-видимому, академич[еские] хранилища будут недоступны по случаю юбилея, а архивы Бор. Ал. и Петра Ал.⁵ – по письму Лаврова⁶ – кажется, будут перевозиться. Но если попаду, конечно, буду у Вас.

Желаю Вам всего хорошего.

Уважающий Вас П. Любомиров.

Ст[анция] Кудиново. [Московско-]Нижегород[ской] жел[езной] дороги, Песчано-картоф[ельное] поле при дер[евне] Полушкиной.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 32–33об. Автограф.

¹ Кушева Екатерина Николаевна (1899–1990), историк, источниковед и краевед, преподаватель Саратовского университета (1922–1929), с.н.с. ИИ АН СССР (1936–1969). О ней см.: Порох И.В., Максимов Е.К. Жизнь, отданная науке // Четыре века: Сб. статей, посвященный 400-летию Саратова. Саратов, 1991. С. 141–154.

² Яксанов Василий Захарович (1868–1935), видный духовный деятель старообрядчества, издатель старообрядческих журналов «Щит веры» (1912–1917) и «Старообрядчество и кооперация» (1917), член СУАК (с 1913). После ликвидации частного предпринимательства работал экономистом.

³ См.: Любомиров П.Г. Выговское общежительство (Старообрядцы Поморского согласия). Исторический очерк. М.; Саратов, 1924.

⁴ См.: Он же. Отчет о четырехмесячной командировке в Ленинград для научных занятий // Учен. зап. СГУ. Саратов, 1925. Т. 3, вып. 3. Пед. фак-т. Общ.-эконом. и лингвист. отд. С. 102–105).

⁵ Идентифицировать владельцев указанных архивов и определить настоящее их местонахождение не удалось.

⁶ Лавров Николай Фёдорович (1891–1942), историк, источниковед и архивист, сотрудник ЛО ЦИА (1925–1935), научный сотрудник ЛОИИ (с 1936).

Отв[етил]. 20/XII.

[Саратов, 6 декабря 1925 г.]

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Фёдорович!

Получил – с запозданием Вашу открытку, а Университет получил ответ Академии с уведомлением, что рукописи будут высланы вскоре. Я подождал несколько дней, чтобы сразу и поблагодарить Вас за все хлопоты для меня и сообщить о получении материалов. Однако посылки до сих пор нет, и я боюсь, не моя ли здесь в чем-нибудь вина. Вспоминаю, что в прошлом году рукопись из библиотеки Академии была выслана мне без каких-либо добавочных заявлений и ассигнований со стороны Университета и моей. Может быть, теперь, в виду того, что прошу я 4 больших тома, нужно переслать деньги на упаковку?

Простите, что затрудняю Вас своими вопросами, но я испытываю некоторое беспокойство в виду неполучения материалов и не умею объяснить себе его. А хотелось бы, конечно, иметь их под рукою поскорее; я рассчитывал за декабрь и январь, самое большее еще февраль, закончить использование этих данных.

Помнится, я уже писал Вам, что собирался быть в сентябре в Ленинграде, но пришлось от этого отказаться. Теперь вновь мечтаю попасть к Вам на Рождестве, но не уверен, удастся ли. Эта поездка, однако, если она и состоится, не разрешит вопроса о просимых мною в Саратов материалах. В Ленинграде много есть и другого, над чем надо будет поработать.

Заметны ли благоприятные для Академии следствия ее торжественного юбилея?

Возродилось ли издательское дело Археографической Комиссии?

Еще раз прошу Вас принять мою искреннюю благодарность за все Ваши по моим просьбам хлопоты и извинить меня за новые просьбы.

С глубоким почтением к Вам П. Любомиров.
6.XII.25.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 34–35об. Автограф.

[Саратов, 18 октября 1926 г.]

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Фёдорович!

Очень был я рад, получив Вашу открытку. В ней чувствуется бодрое хорошее настроение. А за Ваш коротенький отклик на мои работы большое Вам спасибо. Очень приятно, что статейка о заселении Астраханского края¹ показалась Вам «интересной». По Астрахани должны последовать и продолжения, теперь уже и торговые², которые по напечатании не премину выслать Вам. Печататься они будут в том же астраханском журнале³. Материал из архива Астраханской таможни, над которым я работал, к сожалению, всего 2 недели, в августе; извлек пока данные только о 1750-х годах.

На съезд в Керчь⁴ собирался ехать и я. Но те же причины, что и у Сергея Никол[аевича]⁵, не позволили быть там. Первая – не было денег, ибо ехать можно было только на свои; вторая – съезд был назначен в учебное время и у нас в Университете решено было отпусков в это время не давать. Впрочем, у Серг[ея] Ник[олаевича] было и то, что он заболел⁶.

Учебный год начали этой осенью рано и дружно. В прошлом году, в начале октября только начали раскачиваться; в этом – к 20-му сентября занятия шли полным ходом.

У меня по-прежнему перегруженность: в этом полугодии 16⁷ обязательных часов, не считая частных. И курс нужно читать трудный – конец XIX – начало XX века, то, чего я еще ни разу в таком, как сейчас нужно, масштабе не читал.

Настроение студенчества рабочее, хорошее. Радуют последние поступившие, отобранные по конкурсу. Мне приходится иметь дело со II курсом; аудитория внимательная, интересующаяся. Я поднял тон изложения, вернувшись от элементарности последних лет к более серьезному чтению. Рискнул даже объявить, что зачет буду принимать по собственной программе. Не знаю, что выйдет!

Центр по-прежнему душит нас программой и нелепыми строгостями. Когда этому конец будет?

Прощайте пока, Сергей Фёдорович! Всего хорошего!

Был бы очень рад, если бы мог подробнее узнать о Ваших занятиях и жизни.

Вас уважающий П. Любомиров.

18/X 26.

Саратов, Крапивная [ул.], 61.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 36–37об. Автограф.

¹ См.: Любомиров П.Г. Заселение Астраханского края в XVIII в. // Наш край. Астрахань, 1926. № 4. С. 54–77; отд. изд.: О заселении Астраханской губернии в XVIII в. Астрахань, 1926. – 24 с.

² См.: Он же. Ткацкая промышленность Астрахани в XVIII и в первой половине XIX в. // Там же. № 2. С. 50–69; отд. отт., 20 с.; Он же. Проект таможенного тарифа для Астрахани 1757 года (Этюд из истории восточной торговли) // Там же. 1927. № 2. С. 61–77; отд. отт., 16 с.

³ «Наш край» – журнал, орган Астраханской губернской плановой комиссии. Издавался в Астрахани с 1922 по 1928 г.

⁴ Первая Всесоюзная археологическая конференция, проходившая в Керчи 5–15 сентября 1926 г.

⁵ С.Н. Чернов.

⁶ Объясняя свое отсутствие на археологической конференции в Керчи, С.Н. Чернов 9/22 мая (Весенний Никола) 1927 г. писал С.Ф. Платонову: «Давно я хотел и в разных смыслах был должен Вам писать. Сейчас расскажу, почему и как я до сих пор не написал Вам. Сначала я надеялся видеть Вас в Керчи, но неожиданно для себя резко заболел своей обычной московской болезнью цекубичного происхождения. Эта болезнь – мой частый московский удел, когда я в Москве бываю один, без жены и столуюсь, как придется, главным образом, “ориентируясь” на обеды с Пречистенки, 16. Но среди сборов в Керчь я не ждал приступа болезни: она подкралась неожиданно и поразила меня крепко. Вместо Керчи, пришлось мне ехать в Саратов» (Письма С.Н. Чернова академику С.Ф. Платонову. 1923–1929 гг. // Чернов С.Н. Павел Пестель: Избр. статьи по истории декабризма / Сост., вступ. статья и коммен. Т.В. Андреевой, В.С. Парсамова. Отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб., 2004. С. 272).

⁷ Вставлено после зачеркнутой цифры «18».

19

[Саратов, весна 1929 г.]

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович!

Обращаюсь к Вам с просьбой.

Профессор Winkler¹ из Кёнигсберга – при свидании в Ленинграде – просил меня прислать ему мое «Выговское общежительство». По опыту прошлого я совсем не уверен, что при посылке из Саратова книжка дойдет по назначению. Поэтому решаюсь просить Вашего содействия в пересылке книжки через Академию. Несколько лет назад, таким образом, была переслана моя статья о восточной торговле Фёдору Александровичу Брауну².

Буду очень благодарен Вам за исполнение моей просьбы. Адрес проф[ессора] М. Винклера – Кёнигсберг, Университет.

Вернулся я в Саратов к исполнению своих обязанностей и не могу сказать, чтобы исполнение долга доставляло мне удовольствие. В Университете и особенно на нашем факультете какая-то

тяжелая атмосфера, удушье. Чувствуешь, что за каждым твоим шагом следят с подозрением, каждое слово встречают с недоверием. И даже не столько студенты, сколько начальство. Не чувствую, чтобы мне удалось дойти до ума студентов, добиться принятия того, что я говорю, чему учу. В некоторых группах есть необходимое доверие. Другие насторожены, легкомысленно-безразличны. Но тяжелы насупленные взоры из подлобья, выводят из себя записки с целью уловить тебя в каких-нибудь противоречиях догме. И трудно побороть это, когда воздействие против идет за твоею спиной, или когда власть имущие открыто стараются уличить тебя в неблагонадежности³.

Но довольно об этом. Невольно вырываются эти жалобы. Стараюсь философски относиться к действительности и отдыхать дома, за книгой, за работой.

Надеюсь, что Вы уже выздоровели и вернулись к работе.

Всего Вам лучшего!

Вас уважающий П. Любомиров.

Весна 1929.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 38–39об. Автограф.

¹ Винклер [Winkler] Мартин (1893–1982), профессор Кенигсбергского и Венского университетов, знаток русской истории и культуры.

² Браун [Braun] Фёдор [Фридрих] Александрович (1862–1942), немецкий историк и филолог-романист, иностранный член-корреспондент АН СССР (1927).

³ Аналогичная тревога за будущность университетской науки в Саратове присутствует и в письме С.Н. Чернова к С.Ф. Платонову от 12 декабря 1927 г.: «...о, если бы Вы знали, как безумно тяжело в Университете! Там с новою силою назревает какой-то огромный катаклизм, и я не знаю, какое и как разрешение приобретет ход наших дел и отношений, – но сильно опасаясь безмерных бед: то есть окончательного изгнания научного духа из Университета. Это совершенно верно, что мы его хранили и до настоящего времени донесли контрабандно. Теперь оборотистые руки властно протягиваются к нему, чтобы его с корнем вырвать. Крайняя по своим выводам и целям группа (ее же пророк Меерсон!) требует ведения практических занятий не по источникам, а по литературе – с привлечением источников лишь для иллюстраций... Должны и делать нечего. Если это осуществится, пойдет насмарку вся долгая предыдущая работа, все контрабандное сохранение в Университете духа научности! И параллельно с ростом “методических” требований растет и жесткость постановки отношений и вопросов. Беда придет не в лайковых, а в железных перчатках...» (Письма С.Н. Чернова академику С.Ф. Платонову. 1923–1929 гг. ... С. 283).

[Саратов, 8 апреля 1929 г.]

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Фёдорович!

Получил Ваше письмо и вслед за ним ранее, чем я мог ответить Вам, и официальное извещение из Археологической Комиссии. Мне чувствуется, что инициатива о моем избрании принадлежала Вам. И потому я Вам особенно благодарен. Меня только сильно смущает то, как и в чем я могу быть полезен Арх[еографической] Комиссии. И потому я решаюсь обратиться к Вам с покорнейшей просьбой не отказать сообщить мне, что, по Вашему мнению, я мог бы делать для Комиссии, по крайней мере, в то время, пока мне придется жить в Саратове. Буду очень рад, если дело для меня найдется. И наоборот, буду чувствовать себя очень неловко, если мне нечем будет оправдать высокое и почетное звание, которого Вы и Комиссия меня удостоили¹.

Вторая часть Вашего письма меня очень встревожила. Я понимаю, что обстоятельства, очевидно, сложились так, что Вам нельзя было отклонить избрание. По малой осведомленности в академических делах я не очень хорошо представляю себе обязанности секретаря². Боюсь, что они действительно потребуют от Вас немало времени и большого напряжения. Но в тоне Вашего письма мне сильнее сказалась ссылка не на объективные трудности, а на Ваши личные настроение и состояние. Хочу надеяться, что это явление временное, что после трудного года Вы получите возможность хорошо отдохнуть летом и вернетесь к осени с полными силами для продолжения Ваших работ.

Мои дела продолжают быть в прежнем положении. Большая загруженность в преподавании – 22 недельных часа в Университете, два кружка и занятия с «выдвиженкой»³ – оставляет мало времени для личных занятий. А меж тем необходимо писать и писать. Жду 15-го мая, когда большая часть унив[ерситетских] дел кончится.

Всего Вам хорошего! И прежде всего здоровья и сил!

Вас уважающий П. Любомиров.

ОР РНБ. Ф. 585 (С. . Платонов). Д. 3440. Л. 44–46об. Автограф.

¹ 5 апреля 1929 г. П.Г. Любомиров по представлению С.Ф. Платонова был избран членом Археологической комиссии.

² В 1929 году на мартовской сессии АН СССР С.Ф. Платонов был избран академиком-секретарём Отделения гуманитарных наук и членом Президиума АН.

³ *Выдвиженка* – студентка, выдвинутая учебными организациями для подготовки к научной деятельности. В данном случае речь идет о занятиях с Е.Н. Кушевой.

Вспоминая о том времени, Екатерина Николаевна писала: «Занимаясь в семинаре по наказам и ревизским сказкам, я проходила школу П.Г. Любомирова в условиях его руководства коллективом. Но в те же годы я выполняла и индивидуальную программу. Когда в 1922 г. я была зачислена сотрудницей при кафедре русской истории, Павел Григорьевич пригласил меня к себе, в свой домашний кабинет для длительной беседы. Аспирантура тогда еще не была учреждена. Павел Григорьевич говорил о том, что историку-исследователю необходим широкий кругозор, и предложил составить программу занятий, в какой-то степени по образцу дореволюционных программ магистерских экзаменов. Тогда же были намечены ее вопросы, затем уточненные. Павел Григорьевич внимательно отнесся к моим пожеланиям. Программа состояла из 12 вопросов: десяти – по истории России с древнейших времен по XIX в. включительно и двух – по всеобщей истории. <...> Отчеты о занятиях проходили не в форме экзаменов, а как научные доклады в заседаниях деканата» (*Кушева Е.Н.* П.Г. Любомиров в Саратовском университете... С. 122–123).

21

[Саратов, 9 июля 1929 г.]

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Фёдорович!

Хочу поделиться с Вами своей радостью. После долгих переговоров и переписки Госиздат взял к изданию мою работу по промышленности XVIII в., над которой я сидел этой зимой в Ленинграде. Правда, взял не в том объеме, как я написал. У меня, хотя две отрасли промышленности пришлось оставить без характеристики, вышло около 15½ – 16 листов. Госиздат поставил рамки жесткие – 10! Делать нечего, пришлось согласиться. Лучше 10 листов, чем ничего. Надеюсь осенью переслать Вам эту работу уже в виде книги. А пока позвольте представить Вам недавно появившуюся тяжелую промышленность¹. Тоже многострадальная! Но в другом стиле. Лежала 4 года. Понятно, что стала стареть, и пришлось ее несколько подштопать. Вы, как тонкий стилист и зоркий критик, конечно, сразу увидите эти новые швы на старом одеянии. Но и тут иного выхода не было.

Теперь сижу над Радищевыми². Обещает и их принять одно издательство.

И вот составляя биографию Аф[анасия] Прок[офьевича] Радищева³ почувствовал необходимость обратиться к Вам за помощью. Есть предание, что он был в потешных⁴, а потом в денщиках Петра⁵. Я пересмотрел разные доступные мне здесь материалы и

подтверждений не нашел. Против потешных, однако, говорит молодость Аф[анасия] Прок[офьевича]: ко времени документирования потешных ему было максимально лет 10. С денщиками мне справиться труднее. Будьте добры, напишите мне, нет ли где списков денщиков Петра. А если таковых нет, не приходилось ли Вам при просмотре громадного количества материалов о Петре встречать в числе его окружавших Аф[анасия] Прок[офьевича] Радищева?

За всякие указания буду Вам очень благодарен.

Живу сейчас в городе. Отдыхать собираюсь во второй половине августа. Устал я за этот год порядком, но сейчас нужно кончить о Радищевых и провести корректуры промышленности.

Отдыхаете ли Вы этим летом? Кого выдвигают на места Успенского⁶ и Богословского⁷?

Всего Вам доброго!

Вас уважающий П. Любомиров.

9.VII.29

Саратов, Крапивная [ул.], 67.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 42–43об. Автограф.

¹ Возможно, речь идет о статье П.Г. Любомирова «Шелкоткацкая промышленность в России в середине XVIII века» (Учен. зап. пед. ф-та СГУ. Саратов, 1929. Т. VIII, вып. 3. С. 117–148).

² Радищевы, дворянский род, известный с XVI в., владели землями в Московской, Саратовской, Владимирской, Нижегородской, Калужской, Ярославской, Смоленской губерниях и Пензенском наместничестве.

³ Радищев Афанасий Прокофьевич (1684–1764), московский дворянин из рода Радищевых, стародубский полковник, бригадир. Дед А.Н. Радищева.

⁴ «Потешные» – военные отряды, созданные в нач. 80-х гг. XVII в. в России для «потех» царевича Петра Алексеевича. В «потешные» набирались дети и молодые люди из дворовых, конюхов, спальников и добровольцев-дворян.

⁵ Денщики Петра I – офицеры его свиты, выполнявшие особые поручения.

Петр I Великий (1672–1724), царь (с 1682), российский император (с 1721).

⁶ Успенский Фёдор Иванович (1845–1928), историк-византист, академик АН СССР (1900).

⁷ Богословский Михаил Михайлович (1867–1929), историк, академик АН СССР (1926). О нем см.: Халина Т.И. Богословский Михаил Михайлович (1867–1929) // Историки России. Биографии... С. 485–491.

Большое спасибо Вам за справки о Радищеве². Простите, что я побеспокоил Вас и еще, как оказалось, совсем в неудачное время.

Надеюсь, что теперь Вы оправились совсем. Но неужели у Вас нет летом, и не будет никакого отдыха? Если так, то это нехорошо. Вам нужно беречь свои силы. Отдых, но отдых полный, – по себе знаю, – здесь действует весьма живоительно.

В занятиях своих Аф[анасием] Радищевым я именно и шел от «Сборника биографий кавалергардов»³. Именно подробный за 1703–1712 годы послужной список Аф[анасия] Прок[офьевича] заставил меня усомниться в том, что он был денщиком Петра. И я очень рад, что Вы также отрицаете его такую службу.

Что же касается Афанасия – жильца 1701 г., то я не знаю, тот ли это, который мне нужен. У Прокопья Конст[антиновича] Радищева⁴ было два сына Афанасия; Александр Николаевич Радищев⁵ был внуком младшего, который и был кавалергардом. Вот если в документе прямо указано «младший», тогда уж, конечно, он.

Искать справки о таких маленьких людях – чистая мука, особенно у нас здесь, где один том данной серии есть, другой отсутствует; а иной серии изданий и совсем нет. Вот это и заставило меня прибегнуть к Вашей помощи. Надеюсь, что Вы разрешите мне сослаться на Вас в подтверждение моих отрицаний службы Аф[анасия] Пр[окофьевича] денщиком.

Работа моя идет вперед. Четыре очерка, посвященных роду Р[адищевых], Аф[анасию] Прок[офьевичу] и Ник[олаю] Аф[анасьевичу]⁶, и один литературный, закончены. Думал, что осталось два. Но вчитыванье в тексты Радищева позволило мне ухватить, как я думаю, автобиографические данные. Придется им посвятить особый этюд. Да намечается еще тема о философии истории Радищева. Но я уж и не знаю, буду ли все включать в подготовляемую книгу⁷.

От Госиздата получил договор на книгу о промышленности⁹. Теперь жду корректур, ибо рукопись давно у них.

Вот и все мои новости.

Прощайте пока, Сергей Фёдорович! Еще раз большое Вам спасибо за правки. Всего доброго и прежде всего хорошего здоровья.

Ваш П. Любомиров.

ОР РНБ. Ф. 585 (С.Ф. Платонов). Д. 3440. Л. 40–41об. Автограф.

¹ Сохранился конверт с адресами получателя письма – «Ленинград, улица Красных Зорь, 73. Академику Сергею Фёдоровичу Платонову», его отправителя – «П. Любомиров. Саратов, Крапивная, 67 и двумя почтовыми штемпелями – «Саратов 26.7.29» и «Ленинград 29.7.29».

² См.: Письмо № 21, коммент. 3.

³ См.: Сборник биографий кавалергардов: В 4 т. / Под ред. С.А. Панчулидзева. СПб., 1901–1908.

⁴ Радищев Прокофий Константинович, прадед А.Н. Радищева.

⁵ Радищев Александр Николаевич (1749–1802), русский мыслитель и писатель.

⁶ Радищев Николай Афанасьевич (1728–1806), саратовский помещик, отец А.Н. Радищева.

⁷ К значительным научным изысканиям П.Г. Любомирова по публицистике екатерининского времени, по мнению С.Н. Чернова, следует прежде всего отнести его «большую работу <...> об А.Н. Радищеве, частью, начатую еще в Саратове и оконченную в Москве. Это прекрасные этюды о роде Радищевых, о самом А[лександр]е Н[иколаевиче], его литературно-общественной деятельности по теории и практике помещичьего хозяйства» (Андреева Т.В., Смирнова Т.Г. П.Г. Любомиров и С.Н. Чернов... С. 481).

При жизни П.Г. Любомирова свет увидели два подобных исследования: «Благонамеренное “Путешествие из Петербурга в Москву” (Глушков и Радищев)» (Учен. зап. СГУ. Саратов, 1927. Т. VI, вып. 3. С. 317–330) и «Автобиографическая повесть А.Н. Радищева» (Звенья. М., 1934. Вып. III–IV. С. 4–20). Еще две работы – «Описание моего владения» и «Род Радищевых», были опубликованы после смерти историка (см.: А.Н. Радищев. Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 5. С. 193–209, 291–351. «Несколько других статей об А.Н. Радищеве: “Центральная идея «Путешествия из Петербурга в Москву»” и “Мелкие заметки о Радищеве” [1. “К вопросу о том, что читал Радищев по-русски” и 2. “Радищев в курсе литературы 1830 г.”] в 1938 г. были сданы в печать для публикации в мемориальном сборнике избранных трудов П.Г. Любомирова “Статьи по истории России XVII–XVIII вв.”, но издание сборника так и не состоялось» (См.: Список печатных работ П.Г. Любомирова... С. 255; Андреева Т.В., Смирнова Т.Г. П.Г. Любомиров и С.Н. Чернов... С. 486).

⁷ См.: Любомиров П.Г. Очерки по истории русской промышленности в XVIII и начале XIX в. I. Организационная структура промышленных предприятий. [Л]., 1930.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

УДК [378:930](470) | 19 |

МЕЖДУ ЖЕЛАНИЕМ И РЕЗУЛЬТАТОМ - ОГРОМНАЯ ДИСТАНЦИЯ (о книге К.А. Ушмаевой об историческом образовании)¹

А.И. Аврус

Саратовский государственный университет,
кафедра отечественной истории в новейшее время
E-mail: a.avrus@mail.ru

Монография К.А. Ушмаевой посвящена актуальной проблеме – развитию исторического образования в России в XX столетии. Но при этом исследовательский уровень работы крайне низок. Книга переполнена фактическими ошибками, стилистическими погрешностями, неточными или некорректными цитатами, названия глав и параграфов не совпадают с их содержанием. Сама концепция книги не дает возможности читателю представить, как же все-таки развивалось историческое образование в исследуемый период, каковы его результаты и проблемы, какой опыт можно извлечь для современного этапа реформирования высшей школы. Публикация К.А. Ушмаевой – пример поверхностного дилетантского подхода к изучению истории.

Ключевые слова: Историческое образование в России, исторические факультеты, профессорско-преподавательский состав, студенчество, учебная и научная деятельность, повседневная жизнь вузовских коллективов, К.А. Ушмаева.

BETWEEN DESIRE AND OUTCOME - GREAT DISTANCE (about the book of K.A. Ushmaeva about the historical education)

A.I. Avrus

The Ushmaeva's monograph is devoted to relevant and little researched problem. This is almost entirely confined to its positive assessment. The book suffers from many serious shortcomings, ranging from the discrepancy between the names of chapters and sections of their content, many factual mistakes and stylistic errors, and ending with the very concept of the book, which does not allow the reader to imagine, how does history education has developed in Russia during the study period, what are the results and problems. The Ushmaeva's book it's a sample surface amateurish approach to the study of history.

---

¹ См.: Ушмаева К.А. Высшее историческое образование в России (20–90-е годы XX века). Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. – 499 с. (2-е изд., испр. и доп. – 2009. – 344 с.)

Key words: Key words: History education in Russia, the historical departments of universities and educational institutions, teaching staff, students, educational and scientific activities, the daily lives of college and university teams, K.A. Ushmaeva.

В последние годы вышло немало литературы, посвященной истории российских университетов, постановке в них преподавания естественных и гуманитарных наук, подготовке кадров на отдельных факультетах. Нас, историков, особенно интересует, как в вузах России готовили специалистов по историческим дисциплинам, какие были трудности и успехи на этом пути, какой опыт можно извлечь для современного этапа реформирования высшей школы. Но опубликованные по данной проблематике исследования не дают полного ответа на эти вопросы.

Поэтому с понятным интересом открываешь монографию доцента Ставропольского государственного университета К.А. Ушмаевой «Высшее историческое образование в России (20–90-е годы XX века)», но по мере углубления в текст испытываешь все большее разочарование: заявленная тема слабо раскрыта; задачи, поставленные автором, решены в незначительной степени; количество фактических ошибок, многие из которых свидетельствуют о плохом знании исторического материала, исчисляются сотнями; хронологическая и логическая последовательности во многих случаях не соблюдаются; отдельные стилистические «шедевры» достойны помещения в юмористических сборниках. При ссылках на литературу автор монографии допускает неточности в цитатах, что меняет смысл написанного, не всегда их закавычивает.

Конечно, это не значит, что в монографии нет ничего положительного. Сама постановка проблемы и актуальность задач очень своевременны. Неплохо написаны отдельные параграфы, особенно те, в которых автор анализирует состояние исторической науки на разных этапах развития нашей страны в XX в., рассматривает структурные изменения в системе исторического образования. К сожалению, эти параграфы составляют меньшую часть монографии.

Перейдем к конкретному анализу содержания и структуры монографии. В целом можно согласиться с разделением монографии на 5 глав, но, наверное, лучше было бы выделить годы Великой Отечественной войны и перестройки в отдельные главы, так как историческое образование в них существенно отличалось от предыдущего и последующего периодов.

В то же время название отдельных параграфов вызывает недоумение. Например, параграф 4-й в главе 4-й озаглавлен «Повседневность (?) студентов и преподавателей», а параграф первый во 2-й главе – «Реформация (?) исторических факультетов и кафедр». Заключительный параграф носит название «Современные проблемы подготовки и качества жизни историка», но об историках в нем очень мало. Его скорее следовало бы сделать заключением, ибо имеющееся мало связано с темой монографии.

Если автору монографии удалось в какой-то степени показать, как в СССР и РФ изменялась методология исторических исследований, особенно в 1917–1934 гг. и после 1991 г., то, каким образом это сказывалось на подготовке кадров историков, совершенно упущено.

Не затрудняя себя анализом состояния именно исторического образования, К.А. Ушмаева в ряде параграфов пишет о постановке учебной работы в университетах и педагогических институтах в целом, не выделяя исторические факультеты. Хотя в монографии приводится статистический материал, но и он в большинстве случаев касается всех вузов или вуза в целом, а не исторических факультетов. Поэтому по таким данным трудно судить о количественных показателях и результатах подготовки кадров историков. Прочитав такой параграф, остаешься в недоумении: что же происходило в рассматриваемый период непосредственно на исторических факультетах. В результате подобного авторского подхода многие страницы заполнены общими рассуждениями на темы, часто далекие от предмета исследования.

После ознакомления со всей монографией не удастся составить представление о количественных показателях подготовки историков в вузах страны в целом и по отдельным периодам, о том, куда распределялись выпускники и как они работали, о ходе учебного процесса на исторических факультетах и отделениях и его изменениях, о качественных показателях работы отдельных исторических факультетов.

К.А. Ушмаева не предприняла ни одной попытки провести глубокий и всесторонний анализ деятельности хотя бы одного исторического факультета за весь исследуемый период. Вся работа этих факультетов представлена или в виде перечислений фамилий, названий научных трудов, или отдельными примерами за отдельные годы, т. е. применяется устаревший метод выдергивания единичных фактов.

Значительную часть монографии занимают параграфы, в которых об историческом образовании нет ни слова. Так, параграф 2-й главы 1-й называется «Преобразования в структуре высшего образования», но в нем ничего не сообщается об исторических факультетах. Параграф 4-й главы 1-й посвящен интересной и малоизученной проблеме культуры и быта преподавателей и студентов, но в нем не приведено ни одного факта, связанного с историками. Значительная часть параграфа 1-го главы 2-й описывает создание школьных и вузовских учебников по истории во второй половине 1930-х гг., а называется «Реформация (?) исторических факультетов и кафедр». В третьем параграфе этой главы содержится материал о преподавателях и студентах новой формации, но историков и в нем не видно.

Неоднократно в монографии, согласно названиям глав, речь должна идти об определенном хронологическом периоде, а факты приводятся совсем из другого времени, особенно это часто встречается при перечислении исторических трудов отдельных авторов. Например, в главе о периоде после Великой Отечественной войны сообщается о трудах академика Косминского, вышедших еще в 1930-е годы. В параграфе 1-м главы 3-й речь должна идти о послевоенном периоде, но большинство фактов приводится из времен Великой Отечественной войны. В 5-й главе значительная часть фактического материала относится к началу XXI в., хотя это выходит за хронологические рамки монографии.

В начале каждого параграфа монографии автор несколько абзацев посвящает теоретико-методологическим проблемам, но сделано это на примитивном уровне: общие, трафаретные фразы, часто даже не связанные с проблематикой работы. Создается впечатление, что автор сам мало в этом разбирается.

Автор нигде не анализировал национальный состав преподавателей, и вдруг на с. 236 появляется национальный состав преподавателей Якутского университета. Больше нигде об этом не говорится и не ясно, для чего приведен этот пример.

В 5-й главе К.А. Урмаева пытается убедить читателя в позитивном значении введения бакалавриата по истории (актуализация!), но делает это, по моему мнению, крайне не убедительно.

Анализируя справочный материал и научный аппарат монографии, можно сделать вывод, что автор не знаком с рядом книг и статей, вышедших в начале XXI в. и связанных с проблематикой рассматриваемого исследования.

Из огромного числа фактических ошибок и неточностей, которыми изобилует монография, остановимся лишь на некоторых. Так, на с. 6 автор пишет, что в 1936 г. была ликвидирована Коммунистическая академия, а на ее основе сформирована (??) АН СССР. На с. 99 сообщается, что в Саратовском университете в середине 1930-х гг. работали такие историки, как С.Н. Чернов, П.Г. Любомиров, С.В. Юшков, Н.Л. Рубинштейн, В.И. Невский. Но Чернов, Любомиров, Юшков к тому времени уже давно не работали в СГУ, Рубинштейн приехал в Саратов только в начале Великой Отечественной войны, а Невский никогда здесь не преподавал. На с. 182 К.А. Ушмаева сообщает, что г. Ростов находился в оккупации в ноябре 1941 г. и июле 1942 года. На с. 214 в Саратовском университете появляется какой-то мифический историк Ардабацкин, представивший к защите диссертацию. Очевидно, речь должна идти об А.М. Ардабацкой, которая, впрочем, к защите диссертацию не представляла. На с. 235 сообщается, что Иркутский университет основан в 1931 г., но это произошло в 1918 году. На этой же странице написано, что кафедра марксизма-ленинизма обеспечивала чтение курса лекций «Диалектика исторического материализма». Такого курса не было, а имелся курс «Диалектический и исторический материализм». На с. 145 говорится о трансконтинентальных перелетах В.П. Чкалова (во множественном числе), но такой перелет был один. Здесь же автор сообщает, что в 1937 г. в библиотеки были возвращены произведения Пушкина, но они не изымались из библиотек. На с. 158 у К.А. Ушмаевой российский флот с 1719 г. действовал в Архипелаге, но он появился там только в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 годов. На с. 255 автор утверждает, что два десятилетия после Великой Отечественной войны были временем нормированного потребления продовольственных и промышленных товаров, временем карточек, ордеров, талонов. Конечно, в эти годы были трудности со снабжением населения, но карточки все-таки были отменены в конце 1947 года. На с. 156 читатель узнает о существовании какого-то Кадепского (?) университета.

Много ошибок в фамилиях, инициалах, должностях. Н.И. Кареев был все-таки не методистом, а методологом (с. 18), П.С. Нахимов – флотоводцем, а не полководцем (с. 159), Лазуркин – не ректор, а директор ЛГУ (с. 149), Я.Я. Затис, а не Затус (с. 203), не Буткевич, а В.А. Бутенко (с. 82), не Мекотин, а В.А. Мякотин (с. 16), С.В. Кафтанов, а не Кофтанов (с. 169), не Черчель, а У. Черчилль

(с. 461). Инициалы Бунина не А. И., а И. А. (с. 247), Ильинского Г.А., а не Т. А. (с. 49) и т. д. Изданная в 1938 г. книга называлась «История ВКП(б). Краткий курс», а не «Краткий курс ВКП(б)» (с. 117).

Небрежно обращается К.А. Ушмаева с цифрами. Например, у нее в СССР в 1967 г. было 800 тысяч аспирантов (с. 275). Такого количества аспирантов в нашей стране никогда не было. На с. 252 указывается, что доцент в 1975 г. получал 350 рублей. Поскольку я сам был тогда доцентом, то знаю, что зарплата доцента с 10-летним стажем составляла 320 рублей. На с. 115 автор путает понятия «контингент» и «прием» и пишет, что в 1938 г. в ЛГУ было всего 615 студентов, из них 125 на историческом факультете. Но это цифры приема. На с. 250 приводятся некоторые цены на продукты в 1955 г., в частности утверждается, что 0,5 кг сыра стоил 60 рублей. На самом деле цена была в несколько раз ниже, в советское время сыр никогда не стоил дороже копченой колбасы, как получается у К.А. Ушмаевой. На с. 285 автор приводит лучший показатель, называя его абсолютным, очевидно не зная, что абсолютный показатель – 100%.

В монографии присутствует значительное количество стилистических ошибок. Порой создается впечатление, что когда автор переписывает чужие труды дословно или близко к тексту, то со стилем все относительно благополучно, но как только идет авторский текст, то сразу получается какой-то волапюк. Приведем некоторые примеры собственного стиля автора монографии. С. 25: «...в результате преподавательской работы М.В. Нечкина постигала марксизм». С. 46: «новым было также, что президиумы факультетов отныне стали называться факультетами». С. 49: «университеты <...> были мерой цивилизованности народа, уровня его государственности». С. 89: «...при недостойном стипендиальном обеспечении». С. 256: «со второй половины 60-х гг. история все более становится проводником “воли партии”». С. 259: «...свобода и независимость, возможность самовыражения, заложенные эпохой в поколение историков-“шестидесятников”, порой превышали остальные ценности». С. 319: «но реальная история пронизана человеческой сущностью, образом жизни, поведением людей». С. 326: в годы застоя «основной массе приходилось довольствоваться домами-кораблями, где окна находились, как в каютах, на высоте полутора метров». С. 362: «после распада СССР в стране произошла не только социальная, но и научная революция». С. 105: «по проблемам внешней политики и

внешней истории успешно работал Е.В. Тарле». С. 148: «среди «врагов народа» и их покровителей оказались самые разные люди...». Трудно понять такое заявление автора: «В ходе кампании против историков их критики не утруждали себя подбором аргументов, логикой мышления, а часто навязывали ученым отвергнутые уже советской историографией выводы» (с. 188). Подобные примеры можно приводить бесконечно.

Может возникнуть впечатление, что рецензент ищет «блох» в монографии, придирается не по существу. Конечно, эти замечания выглядели бы по иному, если бы автор раскрыл тему, выполнил поставленные задачи, внес посильный вклад в историографию высшего исторического образования в России. Но поскольку она этого сделать не сумела, а показала свою профессиональную малограмотность, то указанные многочисленные замечания только подчеркивают низкий уровень рассматриваемой работы. На с. 482–483 К.А. Ушмаева в ссылке критически оценивает книгу М. Тарковского «Историософия: мировая история как эксперимент или загадка». Прочитав этот текст, хочется посоветовать его автору: «Чем кумушек считать трудиться, не лучше ль на себя, кума, оборотиться».

ЮБИЛЕИ

УДК 94(470)(047.53)+929Троицкий

80 ЛЕТ ПРОФЕССОРУ Н.А. ТРОИЦКОМУ

Накануне своего 80-летнего юбилея известный отечественный историк Н.А. Троицкий дал интервью своему ученику Ю.Г. Степанову. Историк вспоминает о годах детства и юности, о своем пути в науку. Участник множества острых дискуссий, Н.А. Троицкий рассказывает о сущности этих споров, о своем понимании исторической науки, профессионализме и ответственности историка, истинном и ложном понимании патриотизма, современном положении исторической науки.

Ключевые слова: Н.А. Троицкий, история, Саратовский университет, исторические факты, война 1812 года, революционное движение, XIX в., Е.В. Тарле, художественная литература, писатели, архивы, творчество, историческая память.

80-th ANNIVERSARY OF PROFESSOR N.A. TROITSKY

The historian looks back on his childhood and youth, on his way to a science in this interview. The participant of many heated discussions, N. Troitsky explains the essence of this debates, his understanding of historical scholarship, professionalism and responsibility of the historian, true and false sense of patriotism, of the provisions of the present historical science.

Key words: history, university, historical facts, debates, the war of 1812, the revolutionary movement, XIX century, E.V. Tarle, writers, archives, art, historical memory.

Ю. Степанов: Николай Алексеевич, в Ваших воспоминаниях подробно рассказывается о годах детства и юности, о поступлении в Саратовской университет. Что самого главного, ценного сохранилось в вашей памяти от тех лет?

Н. Троицкий: Ну, прежде всего, это, конечно, отец. Мне не было и десяти, когда он ушел на фронт и там погиб. Но оставил такой след... Сам он был малограмотным (четыре класса школы), но мечтал, чтобы я стал «грамотеем»: он мне книги покупал, сказки рассказывал, читал, когда я еще совсем маленьким был, устраивал мне своего рода диктанты, то есть трудные слова подбирали, проверяя, смогу ли я их написать, и понимаю ли смысл слов. Помню, назвал он мне фамилию Орджоникидзе, я знал, кто это еще до школы, но «сел» на «главнокомандующем», не смог пра-

вильно написать. Потом уже из армии отец успел прислать нам три письма, и все время справлялся, как я в третий класс перешел. Я в третий класс перешел, когда он погиб.

Ю. С.: Вы знаете точное место его захоронения?

Н. Т.: Нам написали, что похоронен он в братской могиле в районе станции Ищерская, это в Чечне. И мы с мамой потом узнали где эта станция, запрос туда посылали, но нам ответили, что могила была где-то, откуда наши войска уходили, там весь пейзаж изменился. Я думаю, нам дали понять, что братская могила в 1942 г. – понятие неопределенное, потому что после туда немцы пришли.

Это все – из раннего детства. В юности, если школу взять, то здесь главное – книги и книги... Отец во мне это сохранил. За время школы, наверное, не позже, чем в четвертом классе, я уже прочитал «Нашествие Наполеона на Россию» Е.В. Тарле, а потом и его «Наполеона». Одновременно я читал «Отверженные» В. Гюго с описанием битвы при Ватерлоо. Так я проникся историей, во-первых, и наполеоновской темой, во-вторых. Тогда во мне этот интерес зародился, Когда в СГУ подошло время специализироваться, я выбрал кафедру Новой истории, чтобы заниматься Наполеоном, но мне сказали, что о мире надо писать, а не о войне, и что у нас вообще никто Наполеоном не занимается. И если говорить об университете, то важнее всех учебных дел была для меня первая любовь, первая и единственная на всю жизнь.

Ю. С.: С чего начался ваш интерес к истории?

Н. Т.: Я бы так сказал: с чтения Тарле и Гюго. Потом читал, конечно, много, но это запомнилось больше всего. Причем, «Отверженных» я взял в своей сельской библиотеке, где не хватало последних страниц. И я не знал, чем же все в романе кончилось. Когда я в Саратов приехал, то чуть ли не первым делом побежал в библиотеку, чтобы взять «Отверженных» и дочитать роман до конца.

Ю. С.: В научную библиотеку, в университетскую?

Н. Т.: Да, разумеется.

Ю. С.: Николай Алексеевич, хотел бы спросить о Научной библиотеке СГУ, которая сейчас полупустая. А в ваши годы как обстояло дело?

Н. Т.: Не скажу, что она была «переполнена», но в читальном зале часто еще надо было поискать свободное место, чтобы было куда присесть.

Ю. С.: Кого вы считаете своими наставниками в жизни и науке?

Н. Т.: В жизни, это, конечно, отец. Он, хотя и рано ушел из жизни, но оставил след бóльший, чем мама, которая 80 с лишним лет прожила. В науке, – наверное, только Тарле, он меня направил не просто в науку, а даже и в проблематику историческую. Вообще я в словаре назвал своим учителем П.И. Кабанова, но это чисто формальный признак, поскольку он был руководителем моей кандидатской диссертации. Руководство же его выразалось в том, что я напишу главу, принесу ему, он возвращает со словами: «пиши дальше». Напишу следующую главу, на полях спрашиваю: «Вы согласны?». Он: «Да, да».

Я не могу назвать Тарле своим учителем, ибо учитель, по моему, тот, с кем ты лично общаешься, Поэтому Тарле для меня – идейный наставник и пример для подражания, мой кумир.

Ю. С.: *Я знаю, что вы хотели писать о нем книгу. Это не получилось потому, что вас опередили?*

Н. Т.: Вышли книги малозначащие в сравнении с тем, чего он достоин. Я задумывал большую монографию о жизни, творчестве, личности, все хотел перекопать его личный архив, в котором я работал для статьи. Но не сложилось: отвлекся на двенадцатый год, потом на двухтомник о Наполеоне. Сейчас, посчитав, что у меня вышло 37 книг, я загорелся идеей сделать 40. И вот начал «Сказания о правде и кривде в исторической науке» на 15 печатных листов, быстро их закончу. В планах у меня даже историческая беллетристика – цикл из почти рассказов «Варвар» (надо написать еще один рассказ), а потом сесть за «Софью Перовскую». Это будет сороковая книга, научная биография. У меня о Перовской сохранилась переписка с ее внучатой племянницей (сколько там сведений!), мои архивные, но не использованные публикации, много чего, что я хотел бы использовать.

Ю. С.: *Почему сферой научных интересов вы выбрали именно XIX век?*

Н. Т.: Так и началось с Гюго и продолжилось в разные стороны, но в рамках XIX века. Не потянуло меня куда-то еще на что-то равное. Но в рамках XIX века я писал о войне 1812 года, народниках, политических процессах, об историографии, истории культуры.

Ю. С.: *Кто из ваших коллег-историков произвел на вас наиболее яркое впечатление?*

Н. Т.: Из тех, с кем я общался и работал, – прежде всего, Леонард Адамович Дербов.

Ю. С.: *Ваше становление как профессионального историка совпало по времени с быстрым развитием исторического факультета СГУ.*

Благодаря чему саратовские историки в короткое время стали всесоюзно известными?

Н. Т.: Так получилось, что очень удачно подобрались кадры, причем не одного поколения.

Ю. С.: *Вы неоднократно были участником крупных и шумных дискуссий. В частности, по вопросам периодизации революционного движения в России, проблемам войны 1812 года. В чем состояли главные пункты ваших расхождений с оппонентами?*

Н. Т.: Дело в том, что я не считался с политической конъюнктурой, а все время опираясь на источники, на документальные данные, шел в ту сторону, куда они направляли. Мои оппоненты, не все конечно, но большинство, оказывались в плену именно политической конъюнктуры.

Ю. С.: *А в полемике о событиях войны 1812 года, как вы считаете, ваши оппоненты ошибались или, быть может, намеренно искажали историческую реальность.*

Н. Т.: Намеренно, конечно, из «ура-патриотических соображений». Что касается соотношения сил противников, их потерь, делали все, чтобы вся цифирь была в нашу пользу. Как в царской России были официозы, вроде А.И. Михайловского-Данилевского, так и в советские времена подвизались такие: П.А. Жилин, Н.Ф. Гарнич и К°. Ведь до смешного дело доходило, если французы где-то чуть отступили – все: бегут! А если русские бегут – значит отошли! Все это было подделка под требования политической конъюнктуры, а подавалось как патриотизм. Вот, например, доказывалось, что первый партизанский отряд создан М.И. Кутузовым под руководством Дениса Давыдова, но ведь на месяц раньше М.Б. Барклай де Толли создал партизанский отряд под руководством Ф.Ф. Винценгероде. «Патриоты» не могли допустить этого: Кутузов и Давыдов гораздо патриотичнее звучит, чем Барклай де Толли и Винценгероде. До сих пор твердят это, хотя и документально доказано обратное, и опубликованы воспоминания участников отряда Винценгероде. И каких участников! С.Г. Волконского и А.Х. Бенкендорфа! Братья по оружию! А потом Бенкендорф судил Волконского за участие в движении декабристов.

Ю. С.: *Каково значение тех дискуссий для развития исторической мысли в России?*

Н. Т.: Все-таки проталкивалась правда сквозь кривду, всегда находились люди, которые вступали в дискуссию и уличали оппонентов, доказывали их низкий профессиональный уровень, при-

способленчество, дилетантизм. Как, например, А.Г. Тартаковский или В.М. Холодковский. Как Холодковскому разрешили опубликовать статью «Наполеон ли поджег Москву?» в «Вопросах истории», просто удивляюсь! Напечатали в 1966 году эту статью, но продолжали гнуть свою линию, делая вид, что этой статьи вообще не было!

Ю. С.: *Вы уличили в плагиате некоего Н.М. Лебедева, автора книги о П.И. Пестеле. Напомните об этой истории.*

Н. Т.: О Лебедеве у меня одно из «сказаний» в книге, о которой я говорил. Он списал в монографии о Пестеле, которую защитил как докторскую диссертацию, целыми параграфами большую часть своего текста, дословно, с работы М.В. Нечкиной, причем ссылки на архивы тоже позаимствовал из Нечкиной, даже не упоминая ее. Хвалебную рецензию об этом плагиате опубликовал А.Ф. Смирнов, тот самый, которого я уличал в плагиате как автора статьи в журнале ЦК КПСС «Коммунист». Теперь выяснилось, что он был оппонентом на защите диссертации Лебедева в Военно-политической академии. Я по этому поводу написал Разоблачительное письмо, отправив его в ЦК КПСС и разные СМИ. Дело это замяли, но Лебедев все же пострадал. Он мне прислал письмо преисполненное обиды: де, из-за вас я потерял работу, а между тем я был штурманом у знаменитого полярного летчика М.В. Водопьянова. Смирнов тоже пострадал. Мне сообщили, что он был наказан по партийной линии. Как именно, мои друзья выяснить не смогли, наверное, это секрет. Во всяком случае, его из Института истории РАН (тогда Академии наук СССР) с понижением перевели в Институт балканистики. Но главное, был шум, и многие коллеги Смирнова поняли, чего стоит его статья в «Коммунисте». В.А. Твардовская, Б.С. Итенберг, П.А. Зайончковский присылали мне тогда письма с поддержкой. Зайончковский даже написал мне так: «прочитал статью известного подонка Смирнова, где он обляял и Вас».

Ю. С.: *Не секрет, что сегодня порой защищаются откровенно слабые диссертации, выходят не менее слабые статьи и монографии. Как вы считаете, с чем это связано и каковы последствия этой «эпидемии»?*

Н. Т.: Уровень студенчества стал ниже. Меньше стало интереса к науке, к добросовестному труду, преобладает погоня за деньгами, поэтом и интереса нет к специальности исторической, стремятся быть поближе или к чиновникам или к денежной должности. Думаю, что в этом причина упадка. Если ничего не изменится, то уровень будет все ниже и ниже.

Ю. С.: Вы были знакомы и переписывались с известными советскими писателями, писавшими на исторические темы. Какова, по вашему мнению, роль исторической прозы в воспитании интереса к истории?

Н. Т.: К сожалению, роль художественной литературы даже бóльшая, чем роль литературы научной, потому что раньше начинают читать ее, писатели более известны среди молодежи. Но писатели историческую правду зачастую не слишком ценят, а порой просто извращают, опять-таки конъюнктурно приспособившись, вслед за некоторыми историками. Да, писатели читают какие-то исторические труды, но выбирают то, что более соответствует конъюнктуре.

Ю. С.: Где та грань исторической правды, которую писатель, свободный в своем праве интерпретации событий, не должен переходить?

Н. Т.: Об этом я как раз пишу в своей новой книге. Там где фактов нет, нет документальных свидетельств, писатель вправе додумывать, домысливать, но в том направлении, что уже продиктовано фактами известными, а у нас часто писатели пишут вопреки фактам, выдумывают, навязывают читателю то, что конъюнктурно и патриотично с их точки зрения. Особенно, – Олег Михайлов, и о народниках, и о войне 1812 года. То, что он сочиняет – просто кошмар. Ну, я прошелся по его опусам в своих «Сказаниях...».

Ю. С.: В последние годы Отечественная история подвергалась кардинальному «пересмотру». В отрицательную сторону изменилось отношение к декабристам, народникам. С другой стороны, реабилитируются, даже прославляются Аракчеев, Столыпин. Как вы считаете, с чем это связано и как вы к этому относитесь?

Н. Т.: Да, все советское сейчас оплевывается, как и революционное, ведь, все революционеры – «прародители большевиков» и советской власти. Следуя этой логике – оплевывая их, надо поднимать тех, кто им противостоял: царей, их сатрапов.

Ю. С.: Имеет ли, на ваш взгляд, перспективы изучение истории освободительного движения в России?

Н. Т.: Надо «толкаться». Тему эту никто не закрывает, пусть это тема сейчас и не «престижная», но если есть интерес и желание сражаться, придется ведь не только трудиться, но и сражаться, я думаю что это надо делать.

Ю. С.: Сейчас многие говорят о необходимости воспитания патриотизма. В связи с этим некоторые «специалисты» полагают ваши оценки некоторых сторон личности Кутузова «антипатриотичны»

ми». *Чтобы вы могли ответить по этому поводу? Что в вашем понимании – истинный патриотизм?*

Н. Т.: Я уже говорил о ложном понимании патриотизма, а что касается патриотизма истинного, то тут я процитирую П.Я. Чаадаева: «Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное – это любовь к истине». А В.Г. Белинский писал, что истинный патриотизм «обнаруживается не в одном восторге от хорошего, но и в болезненной враждебности к дурному, неизбежно бывающему <...> во всяком отечестве». Поэтому не в том смысл патриотизма, чтобы возлюбить царизм или Кутузова, а в том, чтобы следовать правде.

Ю. С.: *Как вы думаете, с чем связан сегодняшний упадок интереса к истории, к историческому образованию?*

Н. Т.: Я уже говорил, что ныне навязывается стремление к обогащению, истинной науке трудно существовать, когда господствует мысль, что богатство – прежде всего. Сейчас ведь и многим молодым, только что защитившимся историкам трудно найти работу, везде повальные сокращения. Тем самым отваживают от занятий историей. Кому-то приходится заниматься историей как своего рода хобби, занимаясь иными делами.

Ю. С.: *Что есть в вашем понимании историческая память?*

Н. Т.: Историческая память для историка – знание, учет и использование прошлого. Надо знать, учитывать как и что было, почему так и произошло. Надо знать и использовать или избегать, того, что было в прошлом. Чтобы извлекать уроки из прошлого, для того и нужна историческая память. Надо стремиться к тому, чтобы не забывать ничего: использовать хорошее и избегать плохого.

Ю. С.: *Какой главный совет вы могли бы дать вашим молодым коллегам, исходя из своего житейского и профессионального опыта?*

Н. Т.: Следовать своему призванию, тяготению, интересам, стремиться к тому, чтобы делать то, что тебе по душе, а не к тому, чтобы купить диплом кандидата или доктора.

Интервью у Н.А. Троицкого брал
доцент кафедры истории, культурологии и политологии
Саратовского аграрного госуниверситета им. Н.И. Вавилова
Ю.Г. Степанов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абдрашитов Элик Евгеньевич, кандидат исторических наук, ст. преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского юридического института МВД РФ.

Аврус Анатолий Ихильевич, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории в новейшее время ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Боленко Константин Григорьевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом редких книг, рукописей, фотофондов Государственного музея-усадьбы «Архангельское».

Вишленкова Елена Анатольевна, доктор исторических наук, заместитель директора Института гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Полетаева НИУ-ВШЭ.

Гошко Татьяна Дмитриевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры классических, византийских и средневековых студий Украинского католического университета, г. Львов.

Гусакова Зоя Емельяновна, историк-архивист, заслуженный работник культуры РФ.

Ильина Кира Андреевна, специалист I категории Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Казанский Кремль».

Крючков Игорь Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой и новейшей истории исторического факультета Ставропольского государственного университета.

Лебедева Анна Алексеевна, аспирант кафедры истории Средних веков ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Малютина Татьяна Петровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества и философии гуманитарно-правового факультета Воронежского государственного аграрного университета им. Императора Петра I.

Мусаев Вадим Ибрагимович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела современной истории СПб ИИ РАН.

Соломонов Владимир Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Степанов Юрий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, культурологии и политологии Саратовского аграрного госуниверситета им. Н.И. Вавилова.

Троицкий Николай Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ИИиМО Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой физики твердого тела физического факультета, проректор по научно-исследовательской работе Саратовского госуниверситета им. Н.Г. Чернышевского.

Федотова Марина Сергеевна, аспирант Факультета истории Европейского Университета в С.-Петербурге.

СПИСОК АББРЕВИАТУР И СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии наук. СПб., 1836. Т. II.; СПб., 1838. Т. III.

АГЮ — Архив Голицыных-Юсуповых.

АЕ — Археографический ежегодник.

АЗР — Акты Западной России

Акты ЮЗР — Акты Юго-Западной России.

АМГ — Акты Московского государства, изданные Академией наук / под ред. Н.А. Попова.

АН СССР — Академия наук СССР.

АО — Археологические открытия (Москва).

Архив ЮЗР — Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов, документы по истории Украины в XIII–XVIII вв., в 35 тт. (ч. 1–8, 1859–1914).

АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа.

ВЕ — Вестник Европы (Москва).

ВИ — Вопросы истории (Москва).

ВКЛ — Великое Княжество Литовское.

ВС — Вестник статистики (Москва).

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры.

ГАКО — Государственный архив Курской области.

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

ГАСО — Государственный архив Саратовской области.

ГММОБЛ РДФ — Государственный Мемориальный Музей Оборона и Блокады Ленинграда. Рукописный Документальный Фонд (С.-Петербург).

ГМУА — Государственный музей-усадьба «Архангельское»

д. — деревня

ГУАК — Губернская ученая архивная комиссия.

Дворцовые разряды — Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии.

ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения.

Зап. МАИ — Записки Московского Археологического института.

ЗНБ СГУ — Зональная научная библиотека им. В.А. Артисевич СГУ.

ИВ — Исторический вестник.

ИИ ПАН – Институт истории Польской академии наук.
ИИиМО – Институт истории и международных отношений СГУ.
ИМАО – Императорское Московское Археологическое общество.
Ист.-краевед. альм. – Историко-краеведческий альманах
ЛГУ – Ленинградский государственный университет.
МАМЮ – Московский архив Министерства юстиции.
МВД РФ – Министерство внутренних дел РФ.
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.
МИД – Министерство иностранных дел.
МНЖД – Московско-Нижегородская железная дорога.
ОА – Отечественные архивы (Москва).
ОБСЕ – Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе.
ОЗ – Отечественные записки (С.-Петербург).
ОИ – Отечественная история.
ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея (Москва).
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (С.-Петербург).
ОРКиР ЗНБ СГУ – Отдел редких книг и рукописей ЗНБ СГУ.
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи.
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.
РА – Российская археология (Москва).
РАН – Российская академия наук.
РБ – Русское богатство (Москва).
РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота (С.-Петербург).
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).
РГИА – Российский государственный исторический архив (С.-Петербург).
РИБ – Русская историческая библиотека (С.-Петербург).
РИО – Сборник Императорского Русского исторического общества (С.-Петербург).
РМ – Русская мысль (Москва).
РОБ МГАМИД – Рукописный отдел библиотеки Московского государственного архива Министерства иностранных дел
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика.

РФ – Российская Федерация.
РЦХИДНИ – Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (Москва).
СА – Советская археология (Москва).
СГГД – Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел.
СГУ – Саратовский Государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.
СК – Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: 1725 – 1800. Т. 1–[6]. М., 1962–1975.
СМИ – Средства массовой информации.
Собрание – Собрание книг по истории России.
СПб ИИ РАН – Санкт-Петербургский Институт истории РАН.
СССР – Союз Советских Социалистических Республик.
ст. – станция
США – Соединенные Штаты Америки.
Тр. БАСМ – Труды Большого Археологического съезда в Москве.
Тр. ВО ИРАО – Труды Восточного отделения Императорского Русского археологического общества (С.-Петербург).
Тр. СУАК – Труды Саратовской ученой архивной комиссии.
УФН – Успехи физических наук.
Учен. зап. СГУ – Ученые записки СГУ.
ЦГАИПД СПб – Центральный государственный архив историко-политических документов С.-Петербурга.
ЦИАМ – Центральный исторический архив г. Москвы
ЧИОНЛ – Чтения в историческом обществе Нестора-летописца.
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Императорском Московском университете.

AGZ – Akta grodzkie i ziemskie / Гродские и земские акты (Львов, Украина).

Зап. АГН – Записки аддзелу гуманітарных навук / Записки отдела гуманитарных наук Белорусской академии наук (Минск, Беларусь).

СРН – Czasopismo Prawno-Historyczne / Историко-правовой журнал (Познань, Польша).

Histoire-1 – Histoire. Politique. Mémoires. Jurisprudence / История. Политика. Воспоминания. Юриспруденция.

КНKM – Kwartalnik Historii Kultury Materialnej / Квартальник истории материальной культуры (Варшава, Польша).

РН – Przegląd Historyczny / Исторический обзор (Варшава, Польша).

АЛНУФ – Архів Львівського національного університету ім. І. Франка / Архив Львовского национального университета им. И. Франко.

АУ – Архіви України / Архивы Украины (Київ, Україна).

Вісн. Львів. ун-ту. Сер. юридична – Вісник Львівського університету. Серія юридична / Вестник Львовского университета. Серия юридическая.

ВР ЛННБ – Відділ рукописів Львівської національної наукової бібліотеки України ім. В. Стефаника / Отдел рукописей Львовской национальной научной библиотеки Украины им. В. Стефаника.

K-1800 – «Catalogue de la Bibliotheque du Prince Youssouppoff. L'an 1800. St. Petersbourg» / «Каталог библиотеки князя Юсупова. С.-Петербург, 1800».

КС – Київська старовина / Киевская старина (Київ, Україна).

НЗЛНУФ – Наукові зошити Львівського національного університету ім. І. Франка / Научные тетради Львовского национального университета им. И. Франко.

УАЩ – Український археографічний щорічник / Украинский археографический ежегодник (Київ, Україна).

УРСР – Українська Радянська Соціалістична Республіка / Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР).

ЦДІАУ, м. Київ – Центральний державний історичний архів України, м. Київ / Центральный государственный исторический архив Украины, г. Киев.

ЦДІАУЛ – Центральний державний історичний архів України, м. Львів / Центральный государственный исторический архив Украины, г. Львов.

Научное издание

ИСТОРИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 4

Под редакцией *А.В. Гладышева*

Ответственный за выпуск *Д.Е. Луконин*

Оригинал-макет и обложку подготовил *А.И. Жемков*

Подписано в печать 16.12.2011. Формат 60x84^{1/16}. Бумага офсетная.

Гарнитура Book Antiqua. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 16,27(17,5) Уч.-изд. л. 13,88. Тираж 300 экз.

Типография СГУ

410012, г. Саратов, ул. Б. Казачья, 112А

(8452) 27-33-85